

ПЕРЕПИСКА БЕЛИНСКОГО С РОДНЫМИ

СОРОК ОДНО ПИСЬМО БЕЛИНСКОГО (1829—1835 гг.)
И СТО ДВАДЦАТЬ СЕМЬ ПИСЕМ К БЕЛИНСКОМУ (1829—1848 гг.)

Публикация А. Аскарянц, Л. Ланского и Н. Мордовченко

Предисловие и примечания Н. Мордовченко

Публикуемая переписка Белинского с родными представляет собой органический цикл, характеризующий с большой яркостью общественную среду, в которой вырос великий русский мыслитель и просветитель-революционер.

...О, верьте мне: не весела
Картина — русская семья...
Семья для нас всегда была
Лихая мачеха, не мать...

Этими стихами А. Григорьева начал Белинский свою статью «О жизни и сочинениях Кольцова» (1845). «Всем известно, — писал он, — какова вообще наша семейственная жизнь и какова она в особенности в среднем классе, где мужицкая грубость лишена добродушной простоты, а соединена с мещанскою спесью, ломаньем и кривляньем. По счастью, к благодатной натуре Кольцова не приставала грязь, среди которой он родился и на лоне которой он был воспитан. С детства он жил в своем особенном мире — и ясное небо, леса, поля, степь, цветы производили на него гораздо сильнее впечатление, нежели грубая и удушливая атмосфера его домашней жизни» (X, 251).

Эта характеристика среды, окружавшей Кольцова, применима и к среде, из которой вышел сам Белинский. В родительском доме он тоже наблюдал «мещанскую спесь, ломанье и кривлянье», был окружен «грубой и удушливой атмосферой».

Публикуемые письма во многом уточняют и дополняют недостаточно изученную биографию критика и дают исключительно ясное представление о моральном и духовном облике людей, с которыми Белинский был так тесно связан. Особенный интерес представляет группа писем, относящихся к 1835—1848 гг. Письма Белинского к родным за этот период почти не сохранились, и поэтому чрезвычайную важность приобретают встречающиеся в переписке родных многочисленные отклики, а временами и детальное изложение не дошедших до нас писем Белинского. Все это придает публикации значение первостепенного биографического источника, относящегося как ко времени юности, так и к периоду полной зрелости критика.

Наиболее богата содержанием переписка Белинского с Ивановыми. Семья Ивановых была в родстве с Белинским: Федосья Степановна, жена Петра Петровича Иванова, секретаря Чембарского уездного суда (позднее он служил в Керенске), доводилась родной племянницей Григорию Никифоровичу Белинскому. У Федосьи Степановны и Петра Петровича Ивановых было шестеро детей: Екатерина, Алексей, Николай, Дмитрий (с последними двумя Белинский учился в уездном училище) и младшие — Петр и Вера. С Екатериной Петровной Ивановой (впоследствии она была замужем за А. П. Лопатиным и переехала на жительство в Сибирь) в течение 1829—1835 гг. Белинский поддерживал дружескую переписку. В квартире Алексея Петровича Иванова, когда тот

переселился в Москву, Белинский одно время жил (после исключения из университета) и принимал участие в воспитании его младшего брата, Петра. Особенно же близкая дружба, продолжавшаяся всю жизнь, связывала Белинского с Дмитрием Петровичем Ивановым, его сверстником и товарищем по Чембарскому училищу и Пензенской гимназии. Окончив гимназию, Д. П. Иванов поступил в Московский университет, а впоследствии был преподавателем русского языка и словесности в Московском межевом и Дворянском институтах и в Практической академии коммерческих наук. В 1870-х годах Д. П. Иванов, по просьбе А. Н. Пыпина, подготовлявшего свою книгу о великом критике, составил две биографические записки о Белинском (1873 и 1875 гг.), которые были отдельно опубликованы в приложениях к третьему тому «Писем Белинского» под редакцией Е. А. Ляцкого (П., 1914).

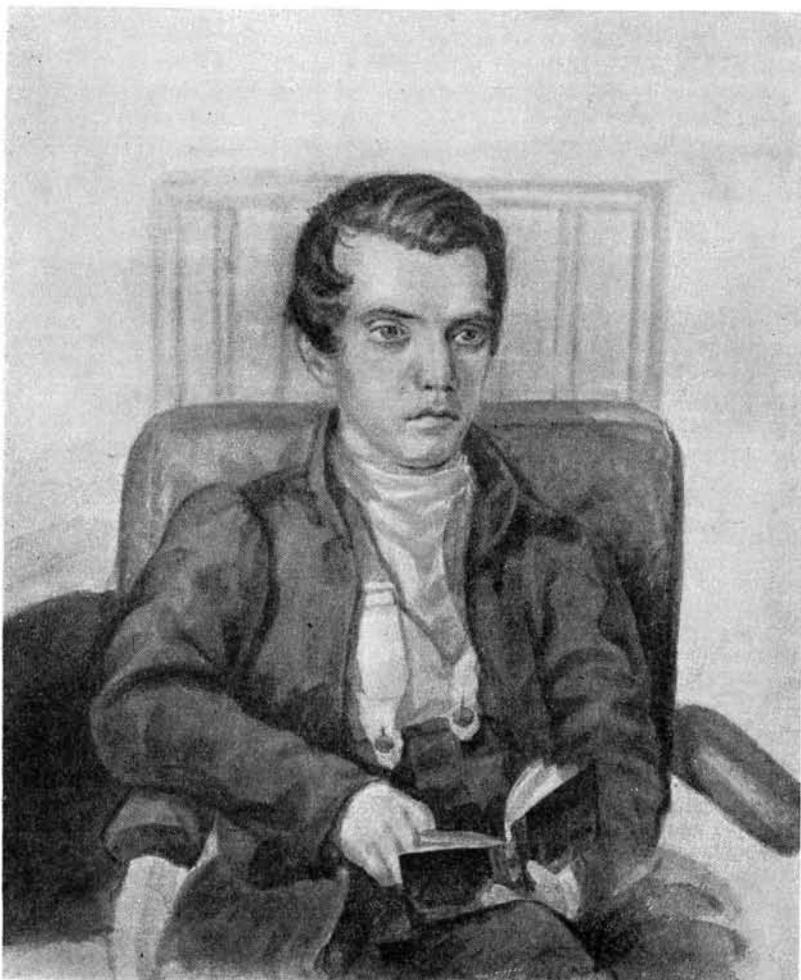
Из всех писем Белинского к родным за 1829—1835 гг. до сих пор мы знали полностью только пять (к А. П. и Е. П. Ивановым от 20 декабря 1829 г.; к П. П. и Ф. С. Ивановым от 13 января 1831 г.; им же от 10 сентября 1832 г.; к К. Г. Белинскому от 21 мая 1833 г. и к П. П. и Ф. С. Ивановым от 5 февраля 1835 г. — см. «Письма», I, 6—10, 24—28, 41—43, 51—53, 60—61). К указанным пяти письмам присоединяется теперь еще 41 письмо, печатающееся полностью по подлинникам, хранящимся в Рукописном отделении Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР (архив «Русской старины»). До настоящего времени эти письма были известны лишь в выдержках и извлечениях, вошедших в статью «Виссарион Григорьевич Белинский. Новые данные для его биографии», опубликованную в «Русской старине» 1876 г., №№ 1 и 2.

При включении в названную статью тексты писем беспощадно сокращались, выдержки из разных писем произвольно контаминировались, причем на датировку писем не обращалось никакого внимания. Так, например, в тексте писем были отброшены многие подробности быта Белинского в Москве; опущен список профессоров, на лекциях которых записался Белинский, поступив в университет (письмо № 6); устранено сочувственное упоминание о знаменитой Маловской истории, свидетелем которой, как оказывается, был Белинский (письмо № 29); опущены наиболее резкие места и выражения, в которых сообщалось о запрещении «Дмитрия Калинина» (письмо № 25); опущены упоминания о книгах, которые Белинский посылал брату, и отзывы о «Деннице» М. А. Максимовича и повести Н. Полевого «Сохатый» (письмо № 39); устранены подробности пребывания Белинского в больнице и описание его болезни (письма №№ 48 и 52 были вовсе не напечатаны); опущено сообщение о пребывании в Москве С. С. Уварова (письмо № 61); опущены резкие места и разные подробности в письме, где Белинский сообщает о исключении его из университета (письмо № 73) и многое другое.

В 1914 г., когда Е. А. Ляцкий подготавливал свое трехтомное издание «Писем Белинского, подлинники писем, напечатанных в выдержках и извлечениях на страницах «Русской старины», считались утраченными. Поэтому Е. А. Ляцкий вынужден был публиковать в своем издании эти письма в тех отрывках и выдержках, которые известны были по тексту «Русской старины». Свыше шестидесяти лет подлинники писем Белинского к родным были погребены в громадном архиве «Русской старины», поступившем после революции в Рукописное отделение Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР, и были обнаружены только в 1943 г., при разборке архива. Само собой разумеется, что летопись жизни Белинского, после появления настоящей публикации, должна быть заново пересмотрена и уточнена.

Кроме 41 письма самого Белинского, в состав настоящей публикации входит еще 127 писем к нему: 10 писем отца (№№ 1, 5, 9, 18, 19, 24, 26, 34, 63, 109); 6 писем сестры — А. Г. Белинской, в замужестве Кузьминой (№№ 123, 124, 126, 136, 163, 168); 8 писем матери (№№ 37, 41, 60, 65, 71, 76, 87, 94); 46 писем брата — Константина Григорьевича (№№ 30, 31, 35, 40, 44, 47, 49, 50, 51, 53, 55, 58, 59, 66, 67, 68, 72, 75, 82, 84, 86, 89, 90, 92, 94а, 95, 99, 102, 105, 107, 108, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 125, 127, 128, 129, 142); 16 писем брата — Никанора Григорьевича (№№ 100, 132, 138, 141, 144, 145, 147, 149, 154, 155, 156, 157, 158, 160, 162, 164); 3 письма А. П. Иванова (№№ 130, 135, 140); 7 писем П. П. Иванова (№№ 12, 13, 62, 64, 137, 152, 166); 2 письма Ф. С. Ивановой (№№ 78, 93); 10 писем Е. П. Ивановой (№№ 11, 21, 22, 28, 36,

45, 81, 85, 110, 111); 20 писем Д. П. Иванова (№№ 14, 32, 97, 103, 106, 122, 131, 133, 134, 139, 143, 146, 148, 150, 151, 153, 159, 161, 165, 167). Указанные письма к Белинскому, известные до сих пор в печати лишь по немногим цитатам, приведенным в работах А. Н. Пыпина, Е. А. Ляцкого, М. Я. Полякова и В. С. Нецаевой, публикуются по подлинникам, хранящимся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве.

БЕЛИНСКИЙ

Акварель Н. Мартынова, 1838 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

В отличие от писем самого Белинского, публикуемых полностью, адресованные ему письма его родных приводятся в несколько сокращенном виде. Опущены те места текста, которые заполнены бытовыми подробностями, не имеющими прямого отношения к Белинскому и не представляющими интереса для его биографии. Содержание исключенных мест кратко излагается в аннотациях, вслед за публикацией текста письма. Там же дается перечень собственных имен, встречающихся в опускаемых местах.

При переводе текста писем на новую орфографию характерные для писем Белинского фонетические и этимологические особенности начертания тех или иных слов

всюду сохранены. Тексты писем родных, особенно тексты писем М. И. Белинской, отличающиеся полным нарушением законов орфографии и пунктуации, пришлось привести в соответствие с элементарными нормами современного правописания.

Начертание фамилии родителей, братьев и сестры Белинского — Б е л ы н с к и е, сохранено лишь в текстах их писем; в заголовках и примечаниях всюду дается транскрипция Б е л и н с к и е.

* * *

Тексты писем Белинского подготовлены к печати Н. И. Мордовченко, тексты писем к Белинскому — А. В. Аскарянц (за 1829—1834 гг.) и Л. Р. Ланским (за 1835—1848 гг.).

В примечаниях использованы некоторые материалы, сообщенные редакцией В. С. Нечаевой.

1. Г. Н. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

<Чембар, 30 августа 1829 г.>¹

Виссарион Григорьевич!

Не ленись подробно описать затруднения на определение в университет, с своей стороны старайся [как] преодолеть к тому препятствия, в случае остановки в каких-нибудь документах, чтобы не потерять тебе года, ходи на лекции тех предметов, по какой части ты желаешь учиться. Впрочем, пожелав тебе всякого благополучия, остаюсь твой доброжелательный отец

Григорий Б е л ы н с к и й

При сем посылается тебе от дворян свидетельство.

Августа 30 дня
1829 года

¹ Публикуемое письмо написано на обороте следующего письма Г. Н. Белинского, адресованного И. Н. Владыкину:

Милостивый государь,
Иван Николаевич!

30 августа 1829 г.

Присланное свидетельство на ваше имя для Виссариона прошу вас доставить ему, скажите чтобы он о последующем не умедлил уведомить. Постарайтесь с помощью ваших родственников об определении его в университет похлопотать, чем много обяжете нас стариков.

С почтением остаюсь,
милостивый государь,
покорный слуга Б е л ы н с к и й

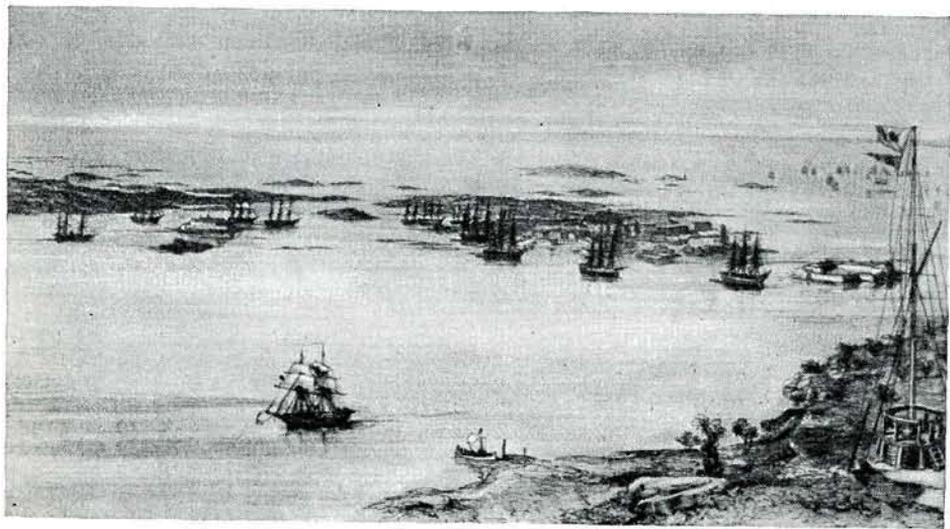
2. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

<Москва, 1 сентября 1829 г.>

Милостивые Государи
Папилька Григорий Никифорович
и Маминька Марья Ивановна!

Что Вы со мною сделали? По какой причине Вы по сию пору не прислали мне свидетельства о рождении, от дворянства взтого? Послушайте: приехал я в Москву 22 числа, экзамены уже начались, я жду исполнения Вашего обещания прислать свидетельство, наконец приходит 30 число, и я теряю терпение. Пензенской гимназии учитель М. М. Попов ¹ дал мне рекомендательное письмо к бывшему директору П(ензенской) гимназии и в сем письме просил его, чтобы он обо мне постарался. Лукерья Савельев-

на дала мне письмо к генералу Дурасову; он очень ласково меня принял и обещался покровительствовать. 31 Августа иду в Правление Императорского Московского Университета. В этот день в числе экзаменующих профессоров были Победоносцев и Снегирев², которых обо мне просил г-н Лажечников³. Пищу просьбу, подаю ректору Двигубскому. Он прочел и спрашивает свидетельство о рождении; я говорю, что оно, по такой-то причине, не имею; он, не говоря ни слова, отдает мою просьбу назад и говорит, что без свидетельства никаким образом не возможно никого принять. Я спрашиваю его, когда еще можно будет подать просьбу; он говорит, что 2 число будет последний день, в который будут приниматься просьбы. Теперь я не знаю, что мне и делать. Завтра опять хочу просить

СВЕАБОРГ — МЕСТО РОЖДЕНИЯ БЕЛИНСКОГО (ОБЩИЙ ВИД)

Литография из «Панорамы Гельсингфорса», 1850-е гг.

Военно-морской музей, Ленинград

Его превосходительство Андрея Зиновьяча Дурасова; если он откажется помочь, то я лишусь всякой надежды поступить нынешним годом в М(осковский) Унив(ерситет) и всему этому причиною Вы. Без свидетельства, которое мне так нужно, как мужику пачпорт, и самое мое пребывание в Москве опасно. Еслиб на заставе я не сказался лакеем Ивана Николаевича, меня бы остановили. Остановился я сперва с Иван(ом) Ник(олаевичем) у Владимира Федоровича и Надежды Матвеевны Анисимовых⁴. От них перешел к Ольге Матвеевне Осинской. Как та, так и другая суть сестрицы Парасковьи Матвеевны Маматовой. Я очень доволен ласками и неоставлением Надежды Матвеевны и ее мужа: это предобрейшие люди. С Капитолиною Степановною⁵ я виделся. Бога самого ради прошу Вас: пришлите как наивозможно поскорее свидетельство. Я без него погиб. Кланяйтесь от меня всем нашим родным и знакомым. Когда получу от Вас свидетельство, то уведомя обо всем подробнейшим образом. Прощайте, будьте здоровы и счастливы.

Остаюсь сын Ваш

Виссарион Белинский

На обороте листа: Извините, что я так гнусно писал. Сперва хотел без

конверта, но изгадил. Торопился ужасно. Иван Николаевич сие письмо с своими взялся отправить.

Рукою матери: Получено письмо сентября 22 числа 1829 года людьми Лукерьи Савельевны.

Рукою Белинского: Его Высокоблагородию
Милостивому Государю Григорию Никифоровичу
Чембарскому Штаб-Лекарю
Г-ну Белинскому
В г. Чембаре
Москва 1829 года, сентября 1 дня.

¹ Михаил Максимович П о п о в (1801—1871) — преподаватель естественной истории в Пензенской гимназии. См. о нем в кн. В. С. Нечаевой «В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности», М. 1949, стр. 173—177, 217—219 и др., а также данные о Попове в т. 56 «Лит. наследства», стр. 229—230 и 249.

² Подробные сведения о перечисленных здесь профессорах Московского университета см. в т. 56 «Лит. наследства», в статье М. Полякова «Белинский в Московском университете».

³ В 1829 г., перед отъездом в Москву для поступления в университет, Белинский получил от Попова рекомендательное письмо к известному писателю Ивану Ивановичу Лажечникову (1792—1869). В письме к М. М. Попову от 30 апреля 1830 г. Белинский сообщал о своей встрече с Лажечниковым в Москве: «Он принял меня очень ласково и, исполняя ваше желание, просил обо мне некоторых из гг. профессоров, но просьбы его и намерение оказать мне одолжение не имели успеха, ибо я по стечению некоторых неблагоприятных для меня обстоятельств не мог ими пользоваться» («Письма», I, 22—23).

От Лукерьи Савельевны Владыкиной Белинский имел рекомендательное письмо к генерал-майору Андрею Зиновьевичу Дурасову (1755—1837).

⁴ Владимир Федорович и Надежда Матвеевна А н и с и м о в ы — вероятно, знакомые Владыкиных. В. Ф. Анисимов умер в 1845 г. в Москве, будучи титулярным советником и занимая должность частного пристава. Н. М. Анисимова была из рода кн. Маматовых, дворян Чембарского уезда. О знакомстве с Анисимовыми Белинский рассказал в «журнале» своей поездки в Москву. На первое время Белинский поселился в Москве у родной сестры Н. М. Анисимовой — Ольги Матвеевны Осинской, в «маленькой светелке» ее дома («Письма», I, 16—17).

⁵ Капитолина Степановна М о с о л о в а — знакомая Белинских, жена чембарского судьи П. А. Мосолова.

3. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

⟨Москва, начало сентября 1829 г.⟩

Милостивые Государи
Папилька Григорий Никифорович
и Мамилька Марья Ивановна!

Мои обстоятельства в самом худом положении. Я подавал просьбу о принятии меня в Университет, но как я не имею свидетельства о рождении ни от Консистории, ни от дворянства, то ее и возвратили назад. Вы хотели мое свидетельство послать вслед за мною и вместо того и теперь посылаете. Я, с моей стороны, ничем не виноват, и совесть моя чиста. Прием просьб и экзамены кончились и уже выдали табели. Надежда потеряна совершенно. Но я в Чембар не поеду по следующим причинам: меня, яко не имеющего никакого вида и свидетельства, задержат на заставе. Во-вторых, я не хочу быть предметом посмеяния и насмешек всего города и посему лучше соглашусь умереть с холода и голода среди московских улиц или просить милостыню под окнами, нежели ехать к Вам в Чембар. Опять, если я приеду в Чембар, то не буду иметь случая вторично ехать в Москву, ибо и сей раз с большим грехом удалось мне съехать. Я могу приискать квартиру рублей по пятнадцати в месяц на хозяйском содержании у какого-нибудь дьячка или пономаря, которые в Москве живут не хуже наших

попов. Буду заниматься языками, науками. Постараюсь найти кондиции и другие средства к содержанию буду испытывать. Между тем надеюсь, что и Вы меня не совсем оставите. На будущий год я всех прежде подам просьбу и наверно буду принят. Бога ради, пришлите мне, как наивозможно поскорее свидетельство о рождении: мне все-таки без него невозможно обойтись. Да еще возьмите от полиции свидетельство, что я поехал в Москву для определения себя в Императорский Московский Университет. Хотя я и не определился, однако с сим свидетельством мне год и более жить безопасно. Без сего свидетельства меня никто и на квартиру не пустит, ибо надобно заявить в части. Теперь я все равно, как беглый, и нахожусь в великой опасности, ибо Москва не Чембар. Если можно, то шейте мне байковую шинель, с стоячим воротником и длинным капишоном; более касательно одежды во весь год ничем Вас не буду беспокоить. Еще раз повторяю пришлите поскорее помянутые два свидетельства: без них я погиб. Теперь я за квартиру плачу 25^{ть} в месяц. На первой случай дешевле невозможно было и найти. В ожидании от Вас обоих свидетельств желаю Вам всех благ и остаюсь Ваш покорный сын

Виссарион Белинский

Р. S. Пишите на имя Ивана Николаевича Владыкина в Университетский Пансион.

Рукою матери: Получено письмо 1829 года сентября 14 числа.

4. БЕЛИНСКИЙ—Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

Москва 1829 года, сентября <около 10> дня

Милостивые Государи

Папилька Григорий Никифорович
и Маминька Марья Ивановна!

Свидетельствую Вам мое всенижайшее почтение и уведомляю Вас, что я здоров. Вам известно по какой причине я не принят в Императорский Московский Университет. Мне соврали, что я не могу быть, по прошествии экзамена, вольным слушателем. Вольным слушателем можно быть не только в начале, середине, но и в конце года. Вольными слушателями по большей части определяются те, которые не выдержали экзамена; или которые не надеются выдержать оного; или которые не успели ко времени экзамена. Вольному слушателю дается, как и студенту, печатный табель и вол(ьный) сл(ушатель) числится в списках профессоров, которых слушает. Он не числится, как студент, в 14 классе и по сему не имеет права носить шпагу. По окончании академического года, ежели он желает быть студентом, то должен подавать просьбу и держать экзамен. Если экзаминирующие профессора положат ему 18 баллов, то он должен слушать предуготовительные лекции и быть в Университете еще три года; если же ему положат 24 бала, то он будет иметь право слушать обычные лекции, и он должен пробыть в Университете только 2 года, ибо в таком случае зачитается и тот год, в котором был вольным слушателем. Присылайте поскорее мне свидетельство о рождении: без оного и вольным слушателем нельзя определиться, и я должен безо всяких обязанностей сидеть дома. Бездействие мне крайне наскучило. Так же для всякого случая и от полиции возьмите свидетельство, что я точно Ваш сын и что я поехал для определения себя в Императорский Московский Университет: это мне будет служить пачпортом, без которого меня никто и на квартире держать не будет.

Я уже Вам писал, что я квартиру нанял по 25^{тв} в месяц. На первый случай дешевле найти было невозможно. Впрочем, пища очень хорошая. Ольга Матвеевна меня спрашивала, буду ли я у ней стоять и в будущие месяцы. Я ей сказал, что стоять по 25^{тв} мне никак не возможно и что я надеюсь найти по 15^{тв}. Она согласилась на сию цену с тем, чтобы я прискал себе еще двух или трех товарищей. Только уже пища будет не та. По будням будут щи с говядиною, каша с маслом, а в праздники пироги. Свечи ес. Это по-московски ч р е з в ы ч а й н о дешево, и дешевле этого найти невозможно. Ольга Матвеевна — предобрейшая женщина и так как я себя очень хорошо веду, тих, ласков, вежлив и услужлив, то ей и не хочется, чтобы я сошел. Мне самому так же не хочется сойти: ибо она со мною крайне хорошо обходится. Мужа ее дома нет: он в Б е с с а р а б и и, и я его не видал. Я так же очень доволен ласками Надежды Матвеевны и ее супруга Владимира Федоровича. Это предобрейшие люди.

Я очень истратился деньгами. По приезде тотчас купил чемодан, заплатил 10 р. ас.; купил тюфяк и одеяло, заплатил 10 р. ас.; хозяйке отдал за месяц вперед 25 р. ас. Сапоги, которые мне сшил Осип, от московских мостовых в два дня разорвались, и я должен был сапоги заказать. Сапоги в Москве очень дороги: хорошие опойковые стоят не менее 12 р. ас. Мне сапожника привел Ефим, человек Ивана Николаевича, и я за сапоги заплатил 12 р. ас. Сшил себе демикотоновые панталоны: они мне стали в 8 р. ас. Купил себе бритвенный ларчик с зеркалом, с жестяною мыльницею, чернилицею, песочницею, ящичками для денег, бумаг. За сей ларчик я заплатил 4 р. ас. Купил бритву, заплатил 4 р. ас.; купил ножичик, заплатил 2 р. ас.; купил картуз, заплатил 3 р. ас.

Вы не можете себе представить, что вышло на разные мелочи; например: я купил пару ваксенных щеток, ваксы, помады, гребень, гребенку, рейс-федер, бумаги, перьев, чернил и прочих необходимых мелочей, на которые довольно вышло денег. Притом же, приехавши в Москву, надобно было панимать ямщиков до тех пор, пока не узнал хорошо улиц. Бывало когда пойду пешком, то плутаю до тех пор, что зайду от цели версты за три. Притом же я купил себе довольно необходимых книг, например, Арифметику Войтяховского, за которую заплатил 2 р. ас., и несколько других учебных и французских нужных книг. За Никанорочкину книгу я заплатил 4 р. ас. Рублей с пять издержал дорогой. Притом же вы знаете, что Москва — не Чембар, а я не монах, отчужденный от мира. По всем сим причинам у меня очень немного осталось денег, и я прошу Вас всепокорнейше, сколько будет можно, прислать мне. По необходимости мне должно целой год жить на своем коште. Что ж делать: не я в этом виноват, а Вы. Ежели по 15 р. ас. в месяц, то это в год составит 180 р. ас. да рублей 20 на сапоги. Меньше никак не возможно по московской дороговизне. Впрочем, я буду изыскивать все средства доставать деньги: буду искать кондицию, что по великому множеству студентов не весьма легко. Пожалуста, пришлите поскорее помянутые мною два свидетельства: без них мне хоть умирать. Прощайте. Будьте здоровы и счастливы.

Остаюсь погорный сын Ваш

Виссарион Б е л и н с к и й

Любезный Братец

Константин Григорьевич!

При всяком случае пиши ко мне, как можно больше: описывай все чембарские новости, свои занятия и словом все. Скажи Никанорочке, чтобы он учился и не шалил, а то я возьму его в Москву и отдам в школьники, где его будет больно сечь. Если будет хорошо учиться, то буду посылать

книги и другие гостинцы. Кланяйся от меня всем нашим. Смотри пиши же, да больше: ты мне этим много доставишь удовольствия. Прощай! Любящий тебя брат твой

В. Белинский

Надпись о получении: Получено октября 5 дня <1829 г.>

Виссарион Григорьевич!
 Письмо твое получено. В котором много
 оглядок находится и неосторож-
 ностей на первый твой случай. После
 сего письма получишь удовлетвори-
 ние в твоих нуждах и вместе и наставление
 о издержках денег. Билет
 получи от Ивана Николаевича. — В прочем
 семейство наше, слава богу! здорово.
 Остаюсь доброжелательный твой отец
 Григорий Белинский

20 Сентя.
1829.

АВТОГРАФ ПИСЬМА КЪ БЕЛИНСКОМУ ЕГО ОТЦА,
 Г. Н. БЕЛИНСКОГО, ОТ 20 СЕНТЯБРЯ 1829 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

5. Г. Н. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

<Чембар, 20 сентября 1829 г.>¹

Виссарион Григорьевич!

Письмо твое получено, в котором много оглядок находится и неосторожностей на первый твой случай. После сего письма получишь удовлетворение в твоих нуждах и вместе и наставление о издержках денег. Билет получи от Ивана Николаевича. — В прочем семейство наше, слава богу! здорово. Остаюсь доброжелательный твой отец

Григорий Белинский

20 сентября
1829

¹ Письмо написано на обороте следующего письма Г. Н. Белинского И. Н. Владыкину:

«Милостивый государь Иван Николаевич! Потрудитесь доставить Виссариону билет на свободный проезд в Москву из Чембарского городнического правления.

В прочем, пожелав вам всякого благополучия и большого здоровья, остаюсь, милостивый государь, вашим покорным слугою Григорий Белинский. Сентября 20 дня 1829 года).

«Билет на свободный проезд в Москву», посланный Белинскому, до нас не дошел.

6. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

⟨Москва, не ранее 26 сентября 1829 г.⟩

Любезные родители:

Папилька Григорий Никифорович!
и Мамилька Марья Ивановна!

С живейшею радостью и нетерпением спешу уведомить Вас, что я принят в число студентов императорского Московского Университета¹. Меня не столько радует то, что я студент, сколько то, что сим могу доставить Вам удовольствие. Я, с своей стороны, сделал все, что только мог сделать: я перед Вами оправдался. Тем более меня радует и восхищает принятие в Университет, что я оному обязан не покровительству и стараниям кого-нибудь, но собственно самому себе. Хотя Л а ж е ч и к о в и просил обо мне двух Профессоров, но его просьба потому осталась недействительна, что в то время, когда я держал экзамен, вместо их другие были назначены экзаминаторами. Генерал Д у р а с о в тоже в сем случае мне нимало не помог. Впрочем, он тем сделал мне большую пользу, что собственноручною распискою поручился в том, что я буду всегда ходить в форменной одежде и поведением своим не нанесу никакого начальству беспокойства. По уставу, каждый студент должен найти себе поручителя; поручаться же может отец, родственник и всякой чиновный человек. Я получил от Вас свидетельство о рождении 11 числа, в Середу; просьбу подал 12 числа, экзамен держал 19, табель получил 21. И так я теперь студент и состоюсь в 14 классе, имею право носить шагу и треугольную шляпу. 25 числа подал я просьбу в Совет императорского Московского Университета о принятии меня на казенный кошт. Решение на мою просьбу выйдет около Р. Х., а не прежде, а до тех пор я должен жить на своем коште. Мне необходимо нужно сшить студенческий виц-мундир с форменными панталонами и черным жилетом. Когда Капитолина Степановна поедет в Чембар, то с ее людьми пришлю Вам фрак с панталонами, обе жилетки, тюфяк, одеяло, тулуп, картуз и проч. Так как меня определяют на казенный кошт не ближе трех месяцев, а в партикулярной одежде ходить на лекции невозможно, то сделайте одолжение пришлите мне денег на виц-мундир, панталоны, форменную черную жилетку и форменную шинель. На виц-мундир я куплю такого сукна по 5 руб. аршин, какова у Вас в Чембаре или Пензе за 10 нельзя купить. На шинель я куплю серого сукна рубля по 4 за аршин. Сверх того надобно не менее полуаршина купить малинового сукна на воротник и отвороты к виц-мундиру, на воротник к шинели, на выпушку и на околош картуза и на выпушку на панталоны. Сверх того надобно купить желтых пуговиц и проч. Это письмо заключает в себе последние просьбы, которыми я Вас беспокоиваю. Скоро уже я перестану быть Вам в тягость. Если к сему удастся найти хорошую кондицию, то я не только ничего от Вас не буду требовать, но еще стану помогать братьям. Я сошел от Ольги Матвеевны и теперь стою вместе с Максимовым и Слепцовым, братом того Слепцова, который был у Вас помощником, на своих хлебах, в доме Колесникова, у портнова Козакова, в двух шагах от Университета². Мы платим за комнату по 20 р. ас., и у нас на содержание в день выходит у всех троих не более рубля. Сверх то⟨го⟩ с нами живет Слепцова мальчик для услуг. Я начал ходить на лекции и

записался на первой Академический год у следующих профессоров Словесного отделения: у

К а ч е н о в с к о г о , который читает историю Русскую и Статистику.
 П о б е д о н о с ц е в а , кот. чит. Словесность
 Т е р н о в с к о г о , — — Богословию
 У л ь р и х с а , — — Всеобщую Историю
 К у б а р е в а , — — Латинскую Словесность
 Е н н е к е н я , — — Франц<узскую> Словесность
 К и с т е р а — — Немец<кую>—
 О б о л е н с к о г о — — Греческую—

Больше писать некогда, ибо тороплюсь на лекции. В следующем письме буду писать пространнее. Пожалуста, не оставьте меня присылкой денег на вышеописанную форменную одежду и на содержание. Без форменной одежды мне запретят ходить на лекции. Прощайте. Остаю<сь> любящий и почитающий Вас сын Ваш студент И. М. У.

Виссарион Б е л и н с к и й

Вот мой адрес: Его благородию М<илостивому> Г<осударю> В<иссариону> Г<ригорьевичу Белинскому> Своёкоштному Студенту императорского Московского Университета, живущему в 4^м квартале Тверской части, на Тверской улице, в доме купца Колесникова, у портнова Козакова.

¹ Об обстоятельствах поступления Белинского в университет см. в «Лит. наследстве», т. 56, стр. 308 и след.

² После кратковременного пребывания в доме О. М. Осинской Белинский поселился вместе со своими земляками — А. Ф. Максимовым и А. Л. Слепцовым, одноклассниками по Пензенской гимназии. См. о них в «Лит. наследстве», т. 56, стр. 430 и 434.

7. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

(Москва, 2 октября 1829 г.)

Любезные родители:

Папилька Григорий Никифорович
 и Маминька Марья Ивановна!

Папилька, я получил Ваше письмо 30 сентября. Сделанные Вами мимоходом в сем кратком письме упреки, сколько для меня горестны, столько к несчастью и справедливы. Так, запыраться не для чего. Я во всем признаюсь: признание есть исправление половины вины. Я издержал все деньги до копейки. Впрочем, сие мотовство произошло не от беспорядочного поведения или чего-нибудь подобного, но единственно от ветрености и неосторожности, от незнания цен и бесстыдства московских продавцов. Например, еще дорогою наслышался я от Ивана Николаевича и его ч е с т н ы х служителей, что сапоги в Москве чрезвычайно дороги. По приезде в оную, чрез два дня, сапоги, шитые Осипом, отказались мне служить, и нашелся принужденным заказать новые. Прошу Евфима, чтобы он привел ко мне сапожника и с ним при мне сладился о цене. Он говорит, что у него есть знакомый сапожник, которой целый год шил сапоги на Ивана Николаевича и на него и что он берет к р а й н е д е ш е в о . На другой день приводит ко мне д е ш е в о г о сапожника. Спрашиваю, что стоят хорошие опойковые полусапожки?— «Не дорого, сударь, только 18 руб.». Я изумился, смешался и не знал, что и подать. Честный Евфим с сапожником взапуски уверяют меня, что дешевле невозможно нигде заказать; и я, уверенный или лучше сказать, обманутый сими плутами, согласился за 14 р. ас. Правда, он сшил по наружности прекрасные полусапожки, но они не более двух дней были крепки. Шельма, взявши с меня такую цену,

не постыдился употребить на мои сапоги товару с изъяном. Искусно затертые, замазанные и зачищенные дыры скоро открылись. Я после узнал, что в Москве за очень хорошие опойковые полусапожки не более 6 или 8 р. ас. берут. Теперь человек моего товарища Слещова мне обсоюзил обе пары, и я в рассуждении обуви обеспечен, только за работу остался ему должен. Таким же образом, по рекомендации Евфима, я купил прекрасной желтый, опойковый чемодан, за который заплатил 10 р. ас. Правда, в Пензе за него не менее бы взяли 20 р. ас., но в Москве он стоит не более 6 р. ас. Вот видите ли, по неопытности и незнанию я за две покупки передал 10 руб. Таким образом я промахивался и в других покупках. Впрочем, много истратил денег на книги и, что всего самому досадней, на разные пустяки. Приехавши в такой город, где все роды обольщений как бы стараются выманывать деньги у неопытных провинциалов. Иногда случались издержки непредвиденные: например, у меня еще в Чембаре болел ужасно зуб, и я принужден был выдернуть оный, за что заплатил 2 руб. Впрочем, я все почти мелочные нужды удовлетворил. Прошу Вас на первый случай с родительским великодушьем простить мои проступки, от неопытности и неосторожности происшедшие.

Я уже писал к Вам, что я принят в имп(ераторский) М(осковский) У(ниверситет) студентом и что подал прошение о включении меня в число казеннокоштных студентов. Решение на сию просьбу последует не ближе, как около праздника Р. Х. У нас настрожайшим образом студентам запрещается ходить на лекции в партикулярной одежде. Однажды пришел в нашу аудиторию профессор Математ(ического) отд(еления), инспектор своекоштных студентов Чумаков¹. Самым грубым образом погнал всех ф р а ч и к о в и с ю р т у ч и к о в на задние лавки и сказал: «Ежели кто-нибудь через неделю не будет иметь форменной одежды, то я выключу из Университета». Конечно, он выключить не может, ибо в сем случае один не имеет никакой силы; однако может запретить ходить на лекции, а чрез опущение очень много можно потерять. Притом не имеющий форменной одежды может быть замечен и павлечь негодование начальства. Посему мне непременно должно иметь на первый случай хотя виц-мундир, панталоны, форменную жилетку и картуз. На виц-мундир и на панталоны я куплю по 5 р. ас. аршин, всего пойдет 4¹/₂ аршина. На воротник, отвороты, канты виц-мундира, на канты панталон, на окошол и канты картуза нужно будет машинного сукна ¹/₄ аршина, что будет стоить 5 р. ас. 18 пуговиц — 3 р. ас. Что касается до жилета, то или сами купите черного пике или пришлите на оный 5 р. ас. Только ежели сами купите, то не шейте. Форменные жилеты совсем другим манером шьются: с простым воротником, застегивающимися крючками, без пуговиц и назад с завязками. Для подкладки на спинку виц-мунд(ира) аршина нанки, под рукава и панталоны холста 8 аршин — 250 коп. Портному — 16 р. ас. Всего — 54. А из сей суммы выгадаю на картуз. Конечно, 54 р. ас. сумма для Вас немаловажная, но делать нечего: нужда не знает законов.

Когда Капитол(ина) Степ(ановна) Мосолова поедет в Чембар, пришлю Вам тюфяк, одеяло, тулуп, сибирку, сертук, фрак, две жилеты, картуз, 4 манишки, подушку.

Сделайте милость, не оставьте меня в сей нужде, может быть, в последний раз. Кроме вышеупомянутой одежды, мне нужно на содержание. Мы стоим трое, платим за комнату по 20 р. ас. в месяц. На содержание себя в месяц выйдет с человека не менее 8 р. ас. в месяц. Я и так уже должен немного своему товарищу Максиму.

Папинька, сделайте одолжение, давайте Конст(антину) Гр(игорьевичу) денег на пересылку по почте его писем. Для меня весьма приятно и утешительно будет получать от него письма. Когда я жил в Пензе, то и тогда дорожил всякою строкою, полученною из дома, то кольми паче в Москве.

Отдайте Никанора Даниилу Осиповичу² учиться. Свидетельствую мое всенижайшее почтение всем Вам, бабушке Дарье Евсеевне³, всему дому Петра Петровича⁴, Даниилу Осиповичу и всем, которые меня знают. Остаюсь любящий и почитающий Вас сын Ваш

Виссарион Белинский

Рукою матери: Получено письмо 1829 года октября 12 числа.

На обороте листа: Его Высокоблагородию
Милостивому Государю Григорию Никифоровичу
Чембарскому Штаб-Лекарю Г-ну Белинскому
В город Чембар
Москва, 1829 года октября 2 дня

Почт. штемп.: 4 окт. 1829, Москва

¹ Федор Иванович Чумаков (1782—1837) — профессор прикладной математики в Московском университете; с 1826 г. — инспектор казенных, а с 1827 г. и своекоштных студентов.

² Даниил Осипович Каменский — чембарский священник; брат И. О. Каменского, лекаря в Зубриловке Чембарского уезда. И. О. Каменский был женат на Варваре Савельевне, племяннице Г. Н. Белинского, сестре Л. С. Владыкиной.

³ Дарья Евсеевна (ум. 31 января 1838 г.), рожденная Дорофеева, по мужу Иванова — мать М. И. Белинской.

⁴ Петр Петрович Иванов. См. о нем во вступлении к настоящей публикации.

8. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

<Москва, 1829 года, октября 9 дня>

Любезные родители:

Папилька Григорий Никифорович
и Маминька Мария Ивановна!

Вот уже третье письмо сряду пишу я к Вам и ни на одно из них не получил ответа. В первом я уведомлял Вас о принятии меня в императорской Московской Университет студентом; во втором описывал Вам мои издержки и ошибки в употреблении денег и просил у Вас прощения в рассуждении оных ошибок; писал о необходимости иметь хотя часть форменной одежды; вычислил самую крайнюю, самую необходимую и самую умеренную сумму денег на шитие оной. Теперь уведомляю Вас, что я подал просьбу о принятии меня на казенный кошт. Вследствие сего прошения был свидетелем университетским доктором П. А. Страховым и включен в список поступающих на казенный кошт. Разрешение на сию просьбу последует не прежде, как около праздника рожд(ества) христ(ова). Одежду казенную выдадут месяца через два после принятия. Теперь Вы сами видите, что виц-мундир, форменные панталоны, жилетку и картуз мне непременно надобно иметь: без того запретят ходить на лекции, а это разве безделка. Сверх того я терплю крайнюю нужду в деньгах: когда я вошел с своими товарищами к Козакову, то у меня не было ни копейки денег. Мой товарищ, студент Максимов, заплатил за меня хозяину за месяц 6 р. ас. с лишком и вкладывал за меня свои деньги в общую сумму, определенную для издержек на ежедневное содержание. Еще я должен за обсоуживание и подкладку подметок под две пары сапогов. Сверх того нужно еще и на содержание вперед. Сделайте милость, не оставьте меня в сих нуждах, удовлетворение которых есть, может быть, последнее. Вы прислали мне билет от чембарской Полиции: но он уже почти не нужен; ибо я взял от Университетского Правления Билет, за подписью Ректора, с приложением Университетской печати, для проживания в Москве на целый год. Впрочем и Ваш билет не бесполезен и в случае очень может при-

годиться. В письме своем Вы обещали прислать мне на следующей почте денег; но сладостная надежда сия, к живейшему огорчению моему, не исполнилась. Не знаю чему приписать сие неисполнение Вашего обещания, которое я почитал священным и непременно потому, что я слишком много на оное надеялся, сильно огорчился неисполнением. Впрочем, я надеюсь непременно получить обещанные Вами деньги вскоре, ибо я думаю, что Вы, несмотря на мои ошибки, все еще мне отец и не допустите, чтобы сын [Ваш] умер с голоду. Еще раз повторяю Вам, что я истратил деньги не от распутства, а по неопытности и еще раз прошу у Вас в сем прощания и сознаю себя виноватым.

Я думаю, что в Вашем пр е с л о в у т о м Чембаре очень удивляются, что я принят в императ<орский> Моск<овский> Университет студентом. Впрочем, я очень мало дорожу мнением чембарцев. Ежели меня не умели оценить в Чембаре, то оценили в Москве. Я думаю, во всем вестимо, что между Чембаром и Москвою есть небольшая разница и что между чембарскими жителями и московскими профессорами есть маленькое расстояние и цене. О, Чембар, пресловутый Чембар!!! Но довольно: замолчу...

Я был четыре раза в театре; он сооружен в 1824 году и есть красивейшее и огромнейшее здание, одно из единственнейших произведений зодчества и один из первейших театров Европы. Видел в ролях Отелло и Карла Моора знаменитого Мочалова, первого, лучшего, трагического московского актера, единственного соперника Каратыгина. Гений мой слишком слаб, слишком ничтожен, недостаточен, чтобы достойно описать игру сего неподражаемого актера, сего необыкновенного гения, сего великого артиста драматического искусства. Впрочем, другие трагические актеры, за исключением двух или трех, очень худо играют; например: роль Едельмоны и Амалии играла Рыкалова по-пензенскому худо, а по-московскому скверно¹. Вообще многие актеры подгаживают, и вообще представление трагедий восхищает в частях, а не в целом. Что же касается до комедий и опер, то я не знаю, может ли что-нибудь быть во всей нравственной и физической природе совершенней представлений оных. Лучший комический актер здесь Щепкин: это не человек, а дьявол; вот лучшая и справедливейшая похвала его. Красота декораций, сходство их с натурою неописанны; мне кажется, что в сем случае искусство превзошло природу. Но довольно о театре. Если Вам будет приятно сие слабое описание Московского театра, то я буду Вам писать о сем подробнее.

Не знаю, какова у Вас погода. У нас во весь сентябрь была прекраснейшая погода, казалось, что природа хотела вознаградить <...>* весны, которая была очень дождлива и скучна. Наш сентябрь бы <...>* мая.

Я был в Музеуме имп<ераторского> М<осковского> У<ниверситета>. Что сказать о нем? Это есть небольшое царство очарований. Почти все, что есть удивительного и достойного внимания в природе, все там находится. Всех же богаче собрание минералов и птиц. Видел университетскую библиотеку; она занимает четыре пространные комнаты; там стоят алебастровые бюсты великих гениев: Ломоносова, Державина, Карамзина. Там же стоят бюсты императора Александра I и Шувалова. Жалко, что между помянутыми бюстами великих писателей стоят бюсты — площадного Сумарокова, холодного, напыщенного и сухого Хераскова. Зала публичных экзаменов прекрасна. Красота, убранство и великолепие оной неописанны. Был в анатомическом кабинете: множество уродов, скелетов и отдельных частей человеческого

* В подлиннике вырвано.

тела находятся в оной. В кабинете физико-математического отделения много оптических зеркал, электрических машин и других математических инструментов.

Более писать нечего: прощайте. Желаю Вам всех благ и остаюсь любящий и почитающий сын Ваш

Виссарион Белинский

Вот мой адрес:

Его благородию Виссар<иону> Григорьевичу Г-ну Белинскому Студенту император<ского> Московского Университета, живущему на Тверской улице, 2 квартала, в доме купца Колесникова, у портнова Козакова в Москве

На обороте листа: Его Высокоблагородию
Милостивому Государю Григорию Никифоровичу
Г-ну Белинскому
Чембарскому Штаб-Лекарю
В город Чембар

Почт. штемпель: 11 окт. 1829, Москва

¹ Аграфена Гавриловна Рыкалова (ум. в 1840 г.) дебютировала в 1821 г. в роли Эдельмоны (Дездемоны) в «Отелло». По словам биографа семьи Рыкаловых, «как актриса А. Г. Рыкалова не выдавалась ничем. В 1820-х годах, когда в Москве не было выдающихся актрис, она играла часто роли очень важные и очень разнообразные — комические: княгиню Ветрову (Доримена) в „Мещанине во дворянстве“, Леонору в „Школе мужей“ и трагические: Амалию в „Разбойниках“ и Эдельмону в „Отелло“» (см. статью А. Сиrotинина «Артистическая семья», «Русский архив», 1887, VII, стр. 385—386).

9. Г. Н. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

<Чембар, 11 октября 1829 г.>

Виссарион Григорьевич!

Письмо твое мы получили 5-го октября, которое нас много утешило. Теперь не теряй напрасно время, при получении открытого шага, учиться не ленись, после тебе слюбится, и не будешь об оном жалеть. Между прочим, не забывай необходимого правила хорошего или, лучше сказать, благородного образа жизни, только стоит помнить первый исалом Давидов, и если от одного не уклонишься, то будешь человек, и тем сверх сего оправдаешь поручителя. Я не успел написать к его превос<ходительству> господину Дурасову благодарное письмо, ходи к нему, если он благосклонен к тебе и тем более если нет, то заслуживай его покровительство о тебе.

При сем посылаю тебе денег ассигнациями сто рублей; употреби их на необходимые надобности и остаток береги, ты знаешь семейственные нужды мои. Пиши скорее о получении оных д<енег> и обо всем нужном.

В прочем, пожелав тебе доброго здоровья, остаюсь доброжелательный твой отец

Григорий Белинский

11 октября
1829 года

Семейство наше, слава богу. Никанор тебе просил написать поклон, а сам поленился или, лучше сказать, проспал. Константин подал просьбу в Земский суд¹.

¹ К. Г. Белинский поступил на службу в Чембарский земский суд копиистом. См. сб. «В. Г. Белинский. 1848—1948», Пенза, 1948, стр. 145.

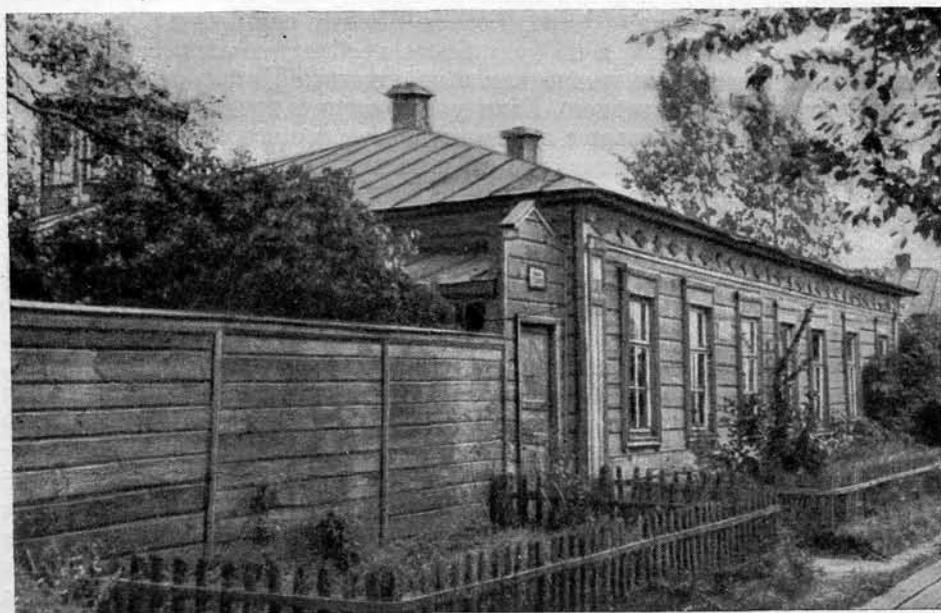
10. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

〈Москва, начало января 1830 г.〉

Любезные родители

Папинька Григорий Никифорович
и Маминька Марья Ивановна!

Весьма удивило меня то, что Вы не получили моего письма ¹. Я в нем, движимый чувством благодарности за присылку мне 100 руб. денег, со всем жаром сердца, тронутого Вашим благодеянием, со всею сыновнею почтительностью, благодарил Вас за Ваше одоление. Потом извещал Вас, что я принят на казенный кошт и что уже живу в самом Университете. Как больно мне, что это письмо не дошло до Вас! Я долгое время бесплодно ожидал от Вас на оное ответа.

ДОМ РОДИТЕЛЕЙ БЕЛИНСКОГО В ЧЕМБАРЕ (г. БЕЛИНСКОМ)—ТЕПЕРЬ ДОМ-МУЗЕЙ

Фотография Н. Н. Павлова (Пенза), 1946 г.

Вы спрашиваете меня, почему я не сшил себе форменной одежды?—Получив от Вас деньги, я за первый долг поставил себе уплатить свои долги, купить черную жилетку и две черные косынки, купить некоторые необходимые и касающиеся до литературы книги, на что вышло больше половины присланных Вами мне денег. Потом, по прошествии недели, я хотел уже покушать сукно, как вдруг к величайшему моему удовольствию и радости узнаю, что я принят на казенный кошт, и в тот же самый день перешел в Университет. Я для того хотел себе сшить форменную одежду, что своекоштному студенту необходимо должно иметь оную, ибо в противном случае могут выдти самые худые следствия. С казенного же студента сего требовать никак не могут, ибо он может ответить: если мне выдадут казенное платье, то я буду оное носить. Теперь для чего же мне было напрасно терять деньги? Беспокоил же я Вас своими в рассуждении сего просьбами потому, что никаким образом не мог быть уверенным в том, что буду непременно принят на казенный кошт; или, по крайней мере, не надеялся быть принятым так скоро. Меня

уверяли, что решение на просьбу о принятии на казенный кошт бывает не прежде, как пред самым р(ожеством) х(ристовым). Впрочем, оставшиеся деньги могли мне быть полезными, и я отдал в долги верным и надежным людям, у которых и беру понемногу, когда мне они понадобятся. Теперь Вы видите, что в рассуждении меня Вы должны быть совершенно спокойны и что присланная Вами мне сумма хотя не маловажна, однако уже последние дни. Я сам знаю Ваши недостатки и тем более чувствую цену Вашего одолжения и тем живейшую ощущаю к Вам благодарность.

Папилька, Вы на меня очень сердитесь и браните меня; это для меня чрезвычайно прискорбно. Признаюсь: я этого никак не ожидал. Часто случалось, в бытность мою в Пензе, переносить мне подобные с Вашей стороны со мною поступки; они раздирали мою душу, приводили меня в отчаяние. Я молчал, был спокоен; но это молчание, это спокойствие были ужасны. Надеюсь, что вперед Вы будете ко мне справедливее и подобными поступками не будете убивать Вашего сына, чувствующего к Вам истинную любовь и почтение, — сына, который почти один умеет понимать и ценить Вас. Может быть, я не буду иметь необходимости беспокоить Вас более своими просьбами, равно как и одолжаться Николаем Михайловичем и Лукерьею Савельевною. Если успех одного предприятия, которым занимается Н. Л. Григорьев с одним студентом и в котором и я имею участие, не обманет нашего ожидания, то я надеюсь получить около 500 руб., а может быть, и втрое больше².

Теперь я опишу Вам наше казенное житье-бытье.

Комнаты, занимаемые студентами, называются номерами, которых 16, из них в двух живут два суб-инспектора. Всех казенных студентов 150 человек. В каждом номере находится от восьми до 12 студ(ентов). У каждого студента своя кровать, свой стол и своя табуретка. Кровати все железные, очень аккуратно сделанные. Мягкие, довольно высокие тюфяки, подушки, простыня, желтое байковое одеяло, к которому пришта другая простыня и полосатый чахол составляют постель. Наволочки, простыни и одеяла всегда бывают белы, как снег, и переменяются еженедельно. Столы состоят из довольно большого выдвигающего ящика и шкапчика с двумя полками. Номера наши, можно сказать, отлично хороши: карнизы стен украшены алебастровыми барельефами, полы крашеные, окна большие, чистота и опрятность необыкновенные. Для каждого номера определен солдат, которой метет пол, прибирает постели и прислуживает студентам. По уставу, вставать должно в 6 часов; впрочем, спать можно и до 8 с половиною. В семь часов бывает завтрак, который состоит из булки и стакана молока. Час вставания, завтрака, обеда, ужина и сна возве(ща)ется звоном колокольчика. По будням обед бывает в 2, а по праздникам — в 12. Стол по будням состоит из трех блюд: горячего, холодного и каши. Горячее бывает следующее: щи капустные, огуречные, суп картофельный, суп с перловыми крупами, лапша и борщ; все это бывает попеременно. Из горячего говядина вынимается и приготавливается на холодное или жаркое. Хлеб всегда бывает ситный и вкусный и кушанья вообще приготовлены весьма хорошо. По воскресеньям и прочим праздникам, сверх обыкновенного, бывают пироги, жаркое и какое-нибудь пирожное. Столы всегда накрываются скатертями, и для всякого студента особенный прибор, состоящий, как обыкновенно бывает, из тарелки, покрытой сложенной салфеткой, серебряной ложки, ножа и вилки. У каждого стола, коих всех 14, прислуживает солдат. За всякой стол садится по одиннадцати человек. Порядок в столовой чрезвычайно хорош. Увидя столы, накрытые снеговыми скатертями, на которых поставлены миски, блюда, графины с квасом, приборы в величайшем порядке, можно подумать, что это приготовлен обед для гостей какого-нибудь богача по случаю праздника, бала или чего-нибудь подобного. Миски у нас оловянные на поддонниках, блюда такие же, тарелки

каменные. Миски и блюда блестят, как серебряные. Такая чистота во всех отношениях наблюдается.

Теперь скажу Вам что-нибудь о начальстве Университета. Главное лицо оного есть попечитель³, потом ректор и два инспектора — один казенных, а другой своекоштных студентов.

Наш инспектор Дмитрий Матвеевич П е р е в о щ и к о в⁴ — человек весьма известный в ученом свете. Он строг, любит порядок и мы спокойствием, порядком и устройством нашего казенного быта большею частью одолжены ему. Помощники его в должности называются суб-инспекторами; их четверо. Один доктор медицины, два лекаря, готовящихся быть докторами, и один кандидат словесности. Должность их состоит в том, чтобы присутствовать в столовой <при> завтраке, обеде и ужине студентов и в 10 часов вечера обойти номера, посмотреть все ли студенты, велеть погасить свечи и поутру донести инспектору о тех, которые самовольно отлучались на ночь. Они ни малейшей власти не имеют над нами: если кто им нагрубит или сделает что-нибудь слишком м о л о д е ц к о е, то они должны только д о н е с т и инспектору. В рассуждении свободы у нас очень хорошо. По будням от 2 до 10 часов ночи я имею право без всякого спроса быть вне университета. Ежели хочу ночевать вне оного, то должен для п р о ф о р м ы спроситься у дежурного суб-инспектора. Перед праздниками носят по номерам лист бумаги, в который записываются желающие отлучиться на ночь. Праздник без всякого спроса можно проводить вне Унив<ерситета>, только к 10 часам должно явиться, ибо в 10 часов гасят свечи и ложатся спать. Вот Вам краткое описание казенного быта. Покуда все хорошо. Впрочем, эти постановления, а особливо в рассуждении свободы нашей, зависят от воли инспектора, и потому, если инспектор хорош, то и казенное житье хорошо.

Маминька, Вы уже в другом письме увещеваете меня ходить по церквям; право, подобные увещания для меня не всегда приятны и могут мне наскучить. Если бы Вы советовали мне быть добрым человеком, не изменять правилам доброго поведения, то бы, хотя я сам все это очень хорошо знаю, принял бы с благодарностию подобные советы. Я печал бы их за опасение матери, которая любит своего сына и страшится потерять его. И в таком случае, если бы я пошел по пути порока, увлекаемый пылкостью характера и огнем страстей, то, взглянув на Ваши строки, вспомнил бы, что я имею отца и мать, что я своим поведением могу причинить им много горестей и заставить стыдиться, что они имеют такого сына — вспомнил бы — и, может быть, удержался бы на краю пропасти, в которую готов был низвергнуться. Но Вы хотите из меня сделать благочестивого, странствующего пилигрима и заставить меня предпринять благопохвальное путешествие по московским церквам, которым и счета нет. Шататься мне по оным некогда, ибо чрезвычайно много других, гораздо важнейших дел, которыми должно заниматься. Вы меня еще в прежнем письме по этому поводу упрекали в том, что я был в театре, а не был во в с е х соборных и приходских церквах. Театр мне необходимо должно посещать для образования своего вкуса и для того, чтобы, видя игру великих артистов, иметь толк в этом божественном искусстве. Я пошел по такому отделению, которое требует, что<бы> иметь познание и толк во всех изящных искусствах. И потому я прошу Вас уволить меня от нравоучений такого рода: уверяю Вас, что они будут бесполезны.

Вы меня спрашиваете, любят <ли> меня студенты? С удовольствием отвечаю на сие, что я успел снискать любовь и даже уважение многих из них. Впрочем, на всех угодить невозможно. Некоторые из воспитанников семинарской премудрости не очень ко мне благосклонны, потому что я вслух <далее недостает листа>.

Рукю матери: Получено письмо генваря 16 числа с Норовым.

¹ Ответное письмо Белинского на письмо отца от 11 октября 1829 г. до нас не дошло, так же как не дошли до нас письма к Белинскому отца и матери с «увещеваниями ходить по церквам».

² О сущности этого «предприятия» точных данных не имеется. «Один студент» — вероятно, приятель Н. Л. Григорьева и Белинского — П. Я. Петров. О Н. Л. Григорьеве и П. Я. Петрове см. в «Биографическом словаре университетских товарищей Белинского» («Лит. наследство», т. 56, стр. 426 и 432). А. В. Храбровицкий, автор заметки «Белинский и роман итальянского революционера» («Огонек», 1948, № 31, стр. 24), предполагает, что «предприятие», в котором участвовал Белинский совместно с Григорьевым и Петровым, заключалось в работе над переводом с итальянского языка книги Уго Фосколо «Последние письма Якова Ортиса».

³ Попечителем Московского учебного округа с 1825 по 1830 г. был генерал-лейтенант А. А. Писарев (1780—1848). В 1830 г. попечителем назначен был кн. С. М. Голицын (1774—1859), занимавший этот пост до 1835 г.

⁴ О профессоре Д. М. Перевощикове (1788—1880) см. в «Лит. наследстве», т. 56, стр. 400.

11. Е. П. ИВАНОВА — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар, начало января 1830 г.⟩

Любезный

Виссарион Григорьевич¹.

Несказанную радость доставили мне ваши письма! Я с восхищением читала и перечитывала оные несколько раз и, кажется, не перестану читать их до получения от вас новых писем. Скажите, отчего вы так приятно пишете и почему я не могу так же; посоветуйте мне, любезный наставник мой, как приобрести способность писать так легко, [так приятно] так красноречиво, так — как вы пишете? Пожалуйста, продолжайте попрежнему сообщать мне через письма некоторые познания и не оставляйте меня своими полезными советами, которые я много ценю. Как мне совестно, что я так редко к вам пишу, но причиной этому не лень, но то, что нахожу большое затруднение сочинять письма. Не за новость сочла вашу связь с Петровым, ибо я и прежде предполагала, что у вас составится короткое знакомство, потому что склонности ваши к полезным занятиям одинаковы, и я также с большим удовольствием поздравляю с дружбой [такою] человека с такими достоинствами, желаю, чтоб и весь круг ваших друзей состоял из людей подобных ему. Вы пишете, что Петр⟨ов⟩ знает многие языки и еще хочет учиться по-санскритски; скажите, пожалуйста, где этим языком говорят или говорили; я спрашивала многих здешних, но никто не удовлетворил моего любопытства.

Напишу вам что-нибудь о нашем чембарском житье-бытье. Святки мы проводили не скучно, но и не весело, как прежде бывало. Мы часто вспоминали прошедший год и о вас — душе наших удовольствий. Папенька очень желал, чтоб у нас был театр, но никого не могли согласить, и все затеи наши святочные расстраивались, всегда чего-то недоставало главного, этого главного — вас! Алексей отправляет вам преизобильное письмо, в котором много насмешничает над нами с маменькой, и я, в свою очередь, хочу об нем с вами поговорить: ему пришла благая мысль оставить Чембар и поискать местечка где-нибудь в Москве², и для того хочет учиться по-французски и повторить латынь и российскую грамматику, но известна вам медлительность во всем и привычка откладывать все до з а в т р а и до б у д у щ е й н е д е л и, то посоветуйте ему, чтоб не медлил начать учебные занятия, да попеняйте ему за то, что он не отстает от любимой своей к о м п а н и и.

Много благодарны мы с Авдотьей Александровной³ за табакерочки, мы с удовольствием понюхиваем табачок из оных; еще А⟨вдотья⟩ Алек⟨сандровна⟩ посылает вам глубочайшее почтение и низжайший поклон.

Вы очень заинтересовали нас своим журналом, мы с нетерпением ожидаем продолжения оногo; пожалуйста, не медлите удовлетворить наше желание. Просьбой заключу свое письмо писать к нам как можно чаще; для меня ничего нет приятнее, как получать письма ваши.

Катерина И в а н о в а

¹ Это письмо Е. П. Ивановой является ответом на письмо Белинского от 20 декабря 1829 г., в котором он писал, между прочим, о своей дружбе с П. Я. Петровым, а также на «Журнал моей поездки в Москву и пребывание в оной» («Письма», I, 6—19).

² Письмо Алексея Петровича Иванова к Белинскому до нас не дошло; «благую мысль оставить Чембар» А. П. Иванов вскоре же осуществил: с осени 1830 г. он поселился в Москве.

³ А в д о т ь я А л е к с а н д р о в н а — дальняя родственница Ивановых, жившая у них в доме. Как сообщал впоследствии Д. П. Иванов, это была «девица лет 19 или 20, очень красивая, но от природы или несчастного падения хромая, с сведенною левою ногою и ходившая поэтому на костыле. Виссарион особенно любил забавлять и потешать ее, когда она сидела за пяльцами у окна» («Письма», III, 436).

12. П. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

<Чембар, 18 января 1830 г.>

Милостивый государь
и любезный друг Виссарион Григорьевич.

Чувствительнейше благодарю за доставление сведений касательно моего Дмитрия, которые тотчас отправил к нему в Пензу с крепким подтверждением, чтоб он следовал всему вашему наставлению, а вас прошу покорнейше снабдить меня адресом, который и ему доставлю, как писать к вам, о котором я от безмолвного Алексея и от исправной архивы Григорья Никифоровича никак не добился.

Мы вчера с родителем вашим читали и перечитывали ваши письма, но лучше всех нас читает их Катерина, и я, признаюсь, с душевным вниманием выронил несколько слез от чистоты вашего и приятного слога ¹.

Катерина с меня взяла подписку отпустить Алексея в Москву, как кончит курс в Пензе Дмитрий и если к тому соблаговолит бог, и я подписал.

Волтера я из Камынина ² привез, и он теперь безмолвно глядит в кабинете Алексея, который на него почасту смотрит и отвечает тем же. Избави бог, кроме ума, ему быть подражателем в религии. Я сужу по старине, а в даль судить не умею.

У нас все попрежнему, и нового ничего. Константин Григорьевич сочиняет стихи. Фединька <?> Дьячков тем же и у нас в суде копиистом.

Кугушевы ³ всё смотрят сентябрем на наших. Желая душевно всего от бога, с истинным почитанием и преданностью остался, милостивый государь, ваш засуженный <!> секретарь покорнейший слуга

Петр И в а н о в

18 января 1830 года
Чембар

¹ Письмо Белинского к П. П. Иванову, на которое последний и отвечает, до нас не дошло. «Сведения», доставленные Белинским, — о предстоящем поступлении Д. П. Иванова в Московский университет.

² К а м ы н и н о — село Чембарского уезда помещиков Щетининых.

³ К у г у ш е в ы — семья капитан-исправника Чембара. Княгиня Кугушева (мать) — бывшая крепостная своего мужа, стала сама злейшей крепостницей. С сыновьями Кугушева Белинский учился вместе в уездном училище. От сближения с Кугушевыми, семьей крепостников, Белинский предостерегал Е. П. Иванову в письме от 20 декабря 1829 г. («Письма», I, 8).

13. П. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар, 25 января 1830 г.⟩

Почтеннейший и любезный друг
Виссарион Григорьевич.

Возблагодарив достойно вас за доставление наставления для моего Дмитрия письмом чрез Ивана Николаевича Владыкина ¹, я вам скажу происшествие сегодня в моем доме. Приходя из суда к обеду, вижу всех домашних по разным комнатам занимающихся письмом. Спрашиваю, что у вас за канцелярия, отвечают — готовят письма в Москву к Виссариону Григорьевичу. Катерина, не усидев на месте, перебегает из комнаты в комнату, ищет гения, который бы дал способ изъяснить хорошенько чувства изречения, наконец, садится в гостиной и, повеся голову, думает. Алексей ставит противу ее после гостей бутылку белого и графин сладкой водки, предлагает все осушить, и тогда родится мысль. Она оставляет гостиную, входит в ⟨1 нрзб.⟩ к столу обеденному, утверждаясь, что после обеда писать лучше. Старуха моя в большом чепчике, с очками пишет и почасти на меня взглядывает, просит, как лучше написать, в то время проклятые девочки мешают своими докладами; она бранит, шумит, бормочет: эти проклятые мешают. Насилу села обедать, и после опять принялись за сочинения. Авдотья Александровна также с своим костью старается писать, и ей, бедной, не дают ни пера ни бумаги, огорчается до слез, просит моего пособия. Как настал вечер, опять принялись за письма. А Алексей связал целую книгу и писал прилежно, и скоро бы мог кончить, но трубка проклятая с ума не идет, то и дело в избу, где однокая Аграфена готовит ему солдатские корешки, и раскуривает. Оставя сию скучную материю, прошу вас покорнейше не забывать меня, престарелого, своими письмами, что для меня будет утешением, особенно насчет университетских обстоятельств, не будет ли каких еще прибавлений. Посоветуйтесь насчет сироты Александра Ефремовича ², каким образом мне должно поступить на помещение его на казенное содержание, скоро ли возьмет свое действие новое положение по училищной части. Разведайте потом, что служащие в сенатах канцелярские служители за 15-летнюю беспорочную службу получили пряжки или знаки отличия и после кресты с⟨в⟩. Анны. Я решился Алексея отпустить на службу в Москву, если будет можно поместиться в одной, о чем для точного узнания буду писать и к Федору Петровичу Андрееву, а если вам доведется случай познакомиться с сенатскими, то поразведайте и уведомяте. Желая вам душевно доброго здоровья, совершенного приобретения в науках, с истинным почтением остался навсегда ваш покорнейший слуга

Петр Иванов

25 января 1830 года
г. Чембар

¹ Письмо Белинского с «наставлением» для Д. П. Иванова до нас не дошло.

² Александр Ефремович — вероятно, родственник Ивановых. См. о нем упоминания в последующих письмах и особенно его приписку к письму Д. П. Иванова Белинскому от 14 августа 1831 г. (письмо № 32).

14. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Пенза, 9 марта 1830 года

Милостивый государь и любезный друг
Виссарион Григорьевич!

Я думаю, что вам будет приятно одно обстоятельство, об котором честь имею объяснить (пишу, как самый вымереченный ⟨!⟩ подьячий).

Михаил Максимович ⟨Попов⟩, которого достоинства я вам уже довольно описал в прошлом письме ¹, велел мне как можно скорее написать к вам,

чтобы прислали к нему стихов своего сочинения, мелких или крупных, только отличных; они будут с каким-то еще московским издавать Альманах, и (М<ихаилу> М<аксимовичу>) хочется, чтобы ваши стихи были помещены там. Сделайте милость, пришлите как можно поскорее, я не буду вас просить так, как просил меня о сем М<ихаил> Максимович, потому что не найду слов к выражению просьбы его². Пишите к нам, странствующим в юдоли плачевной, об университете. Греческого языка мы проехали довольно много... до глаголов. Желал бы больше вам написать, но время не позволяет и попутчик чембарский ждет меня. Прощайте, желаю вам всего не как Зоил, но как друг... от искреннего сердца. Все изящное да почует над главою вашу,

Милостивый государь,
ваш друг и покорный слуга
Дмитрий Иванов

Р. С. К нам пришлют скоро французского учителя. Все друзья вам кланяются, и от меня также московским. Покровский семинарист, который теперь прозывается Востоков, послал к вам письмо!³

Приписка П. П. Иванова:

Любезный друг
Виссарион Григорьевич.

Полученные мною с почтою из Пензы письма спешу к вам доставить. Прошу покорно написать к Алексею, чтоб он впредь таких глупостей к вам не писал, и пожурите его хорошенько, чтоб он, оставив впредь свою леность и проклятую трубку, принялся хорошенько за дело. Представьте ему пример служащих в сенатах малолетних, которые занимаются делом, и рассуждите после, может ли он быть на службе.

С почтением остался преданнейший слуга

П. Иванов

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено 4 апреля.

¹ «Прошлое письмо» Д. П. Иванова, в котором он говорил о М. М. Попове (см. о нем прим. к письму № 2), до нас не дошло.

² Белинский ответил письмом к М. М. Попову от 30 апреля 1830 г., опубликованным И. И. Лажечниковым в его «Заметках для биографии Белинского»; ср. «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников», Л., 1929, стр. 27—30 и «Письма», I, 21—23.

³ Письмо к Белинскому «Покровского семинариста» В. Ф. Востокова от 4 марта 1830 г. — в сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 41—44. Письмо к Белинскому А. П. Иванова, которое вместе с письмом Д. П. Иванова (и, возможно, В. Ф. Востокова) было послано из Пензы в Чембар и оттуда переслано П. П. Ивановым в Москву, до нас не дошло.

15. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

⟨Москва, 1830, года мая 7 дня⟩

Милостивые Государи
Папінька Григорий Никифорович
и Маминька Марья Ивановна!

Я думаю, что Вы получили мое письмо от 30 Апреля¹. Из больницы я вышел. Целую неделю меня лечили и не могли избавить от кашля, который теперь почти прошел сам собою. Учебный академический год у нас оканчивается, и к первому Июня или еще и гораздо прежде мы будем свободны

от всех забот, сопряженных с учением. Полугодичные репетиции кончились, скоро начнется годовой экзамен; по прошествии трех или четырех дней первогодичные студенты все могут разъезжаться по домам. Так как наших пензенцев — прежних моих товарищей по учению — очень много, то я думаю, что мне с ними придется ехать домой. Найдем себе несколько кибиток и поедом обозом; Ломов будет местом наших развозов: некоторые останутся в оном, другие поворотят на Пензу, а я — на благословенный Чембар. В сем случае прошу Вас не оставить меня своим вспоможением. Вы, может быть, желаете, чтобы я ехал с Иваном Николаевичем Владыкиным. Что касается до сего, то я Вам решительно говорю, что я лучше соглашусь целый век не видаться с людьми, в которых я вижу предметы самые для меня священные и самые любезные, нежели свиданием с оными быть обязанным Владыкиным. Ежели для Вас приятно будет видеть меня возвращенным на некоторое время в родной круг, то дайте средства к исполнению сего. Ежели же Вы ко мне напишите, чтобы я непременно ехал с И. Н. Владыкиным, то я почту это за приказание остаться в Москве для препровождения в оной почти четырех месяцев, которые бы я мог провести дома. Но не в одном этом я имею нужду. Виц-мундиры нам выдали к 12 Генваря. Сшиты они из сукна на вид довольно изрядного, но в самом деле полугнилого (а особливо на панталонах) и не более как рублей по 6 аршин. На мой грех случись, что панталоны мои были очень узки. Имея большую нужду в новом платье и потому поторопясь взять оное, я не возвратил их назад к портному для переправки. Сюртук же был так узок, что портной с большим усилием мог застегнуть оный на мне, и от этого усилия нижняя пуговица оторвалась совсем с сукном. Инспектор два раза отдавал его назад, два раза переправляли его, и, наконец, я принял. Через неделю все петли обсеклись, оборвались, а через месяц панталоны сделались совершенно никуда негодными. Не с одним со мною случилось так: это сделалось со всеми, кроме тех, которые имели другие платья, и посему не носили новых. Впрочем, я в своем сюртуке могу ходить на лекции, к знакомым студентам — и более никуда. Следовательно, по приезде домой на вакацию я принужден бы был ходить в одном мундире. Для сего я купил у одного из товарищей виц-мундир и новую пару казенного платья за 30 рублей ассигнациями, недели через две или три после пасхи. Так как у него много своей одежды, то он ни разу не надевал казенной и как лишнюю и ненужную для него продал мне. Сам портной предлагал ему на выбор или 30 р. ас. или эту пару, посему Вы можете судить, что моя покупка очень дешева. Новое платье у меня лежит, а старое покуда таскаю. Еще мне очень хочется к казенному мундиру пришить свой воротник с шитыми петлицами: он стоит 10 р. ас. Я еще прежде писал к Вам, что сшил себе черную жилетку; она еще крепка и цела, но мне хочется к мундирушить другую получше. На форменную жилетку материй идет аршин: мне хочется купить рублей в восемь. Сапогов у нас столько, что некуда девать; к отъезду моему я получу четвертую пару. Ничто не может быть живучее этих сапог: кажется, им веку нет, и при всех этих похвальных качествах все 4 пары не стоят одной хорошенькой по чистоте работы. Казна платила за пару по 6 р. ас., сапожнику пара приходится рублей по 4. Сами судите, каковы должны быть сапоги в 4 р. ас. и где же — в Москве. Итак, если бы к удовлетворению вышеупомянутых нужд, удовлетворена была и необходимость иметь пару хороших сапог, то бы я был одет очень недурно. Вы сами знаете, как я ходил до сего времени; пора уже одеться хотя маломальски получше, чтобы не стыдно было показаться добрым людям. Если бы я не имел в сем необходимой нужды, то бы не осмелился беспокоить Вас сими просьбами. Еще в октябре дал я одному детине займы 15 р. ас. и теперь еще не могу получить, да думаю, что и никогда не получу. Я его знал в Пензе с хорошей стороны и потому поверил ему без

опасения; вышло напротив. И. Н. Владыкин с сентября должен мне 6 р. ас. и все обманывает и проманивает обещаниями отдать; да я уже у него и не прошу: что обижать бедного, пусть воспользуется моими деньгами. Еще один студент мне должен был 25 р. ас., но я у него уже много перебрал по мелочам, и за ним осталось только 12 р. ас., не знаю, скоро ли отдаст их. Вот какво давать взаймы.

Белье нам выдали к великому посту, равно как и подтяжки, перчатки, подгалстушники и косынки; все это носилось по неделе, но в сем я не имею нужды, ибо прежде запасаю сим. Мундира еще не получил и получу на сих днях. С вторичною просьбою не оставить меня в моих нуждах остаюсь пребывающий с любовью и почтением сын Ваш

Виссарион Б е л и н с к и й

Надпись о получении: Получено 16 мая 1830 года в пяток.

¹ Письмо Белинского к родителям от 30 апреля 1830 г. до нас не дошло.

16. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

1830 года, июня 4 дня. Москва

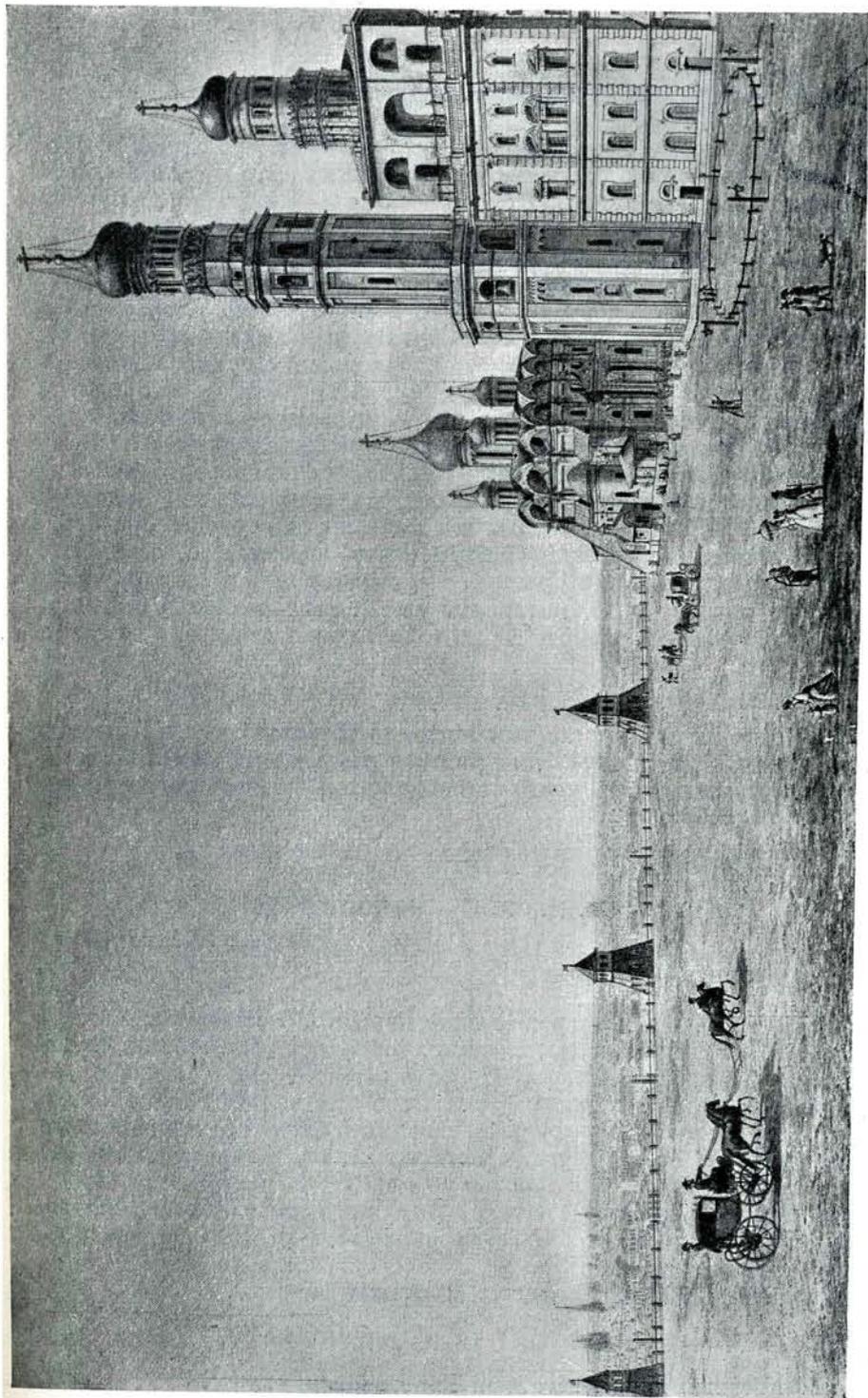
Милостивые Государи,
Папилька Григорий Никифорович
и Мамилька Марья Ивановна!

Я писал к Вам два письма ¹ и ни на которое из них не получил ответа. Не знаю чему приписать Ваше молчание, которое меня жестоко беспокоит. Кажется, что Вы совсем не почитаете за нужное помнить, что у Вас есть сын, разлученный с Вами обстоятельствами и живущий от Вас за 500 верст. Впрочем, это не худо: к чему обременять свою память такими пустяками. Притом же для посылки ко мне писем надобно за каждое платить по 36 копеек, а эта сумма, хоть побожиться, не маловажна. Извините меня, что я пишу к Вам в таком тоне. Войдите в мое положение и Вы увидите, что я имею причину так писать. С самой масленицы я не получаю от Вас писем и не знаю все ли Вы живы, все ли здоровы. Неужели Вы думаете, что это меня не мало не беспокоит; поверьте, что я гораздо более о Вас думаю, нежели Вы обо мне.

13 числа сего месяца я буду совершенно свободен и могу ехать домой; теперь же по причинам, описанным мною Вам в последнем моем письме, не могу. Товарищи все уедут, и я принужден буду остаться в Москве и лишиться, не говоря удовольствия, этого мало, лишиться счастья видеться с Вами, с родными и знакомыми; слишком три месяца проводить в несноснейшей тоске, тогда как бы я мог провести сие время в радости. Если Вам неприятно меня видеть в своем доме, то напишите ко мне об этом; по крайней мере, я не буду напрасно надеяться. Ваше молчание для меня несноснее всего на свете. Бога ради, напишите ко мне что-нибудь; если же я не стою этого, то велите написать ответ Ваш моему брату. Впрочем, Вы, может быть, не получали от меня писем и потому не пишете. Все-таки и в сем случае Вам не мешало бы что-нибудь написать ко мне и спросить о причине моего молчания. У меня иногда не случится денег для почты, иногда некогда послать, а самому поутру отлучиться нельзя да и почтамт от Университета отстоит, по крайней мере, версты на две. Теперь я не знаю, что мне и делать и на что решиться. Бога ради, напишите поскорее ответ на сие письмо. С живейшим нетерпением буду ожидать оногo. Остаюсь Ваш сын

Виссарион Б е л и н с к и й

¹ «Два письма» — не дошедшее до нас письмо Белинского к родителям от 30 апреля и письмо от 7 мая 1830 г.

ПЛОЩАДЬ В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ С ВИДОМ НА ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ

Рисунок М. И. Воробьева, конец 1810-х гг.

Местонахождение оригинала неизвестно

17. БЕЛИНСКИЙ — М. И. БЕЛИНСКОЙ

⟨Москва, конец июня 1830 г.⟩

Милостивая Государыня
Маминька Марья Ивановна!

К величайшему моему прискорбию я имел несчастье получить от Вас письмо, столь нетерпеливо ожидаемое ¹. Вы пишете, что можно бы было дома исправить все мои нужды. Это превосходно! Я должен 30 руб. за виц-мундирную пару, которую уже с месяц ношу, мне нужно купить шитой воротник к мундиру: это все можно бы было сделать в Чембаре, которого лавочки наполнены студенческими воротниками! Я вижу, что оставлен, брошен, презрен, что обо мне не хотят и знать. Не подумайте, чтобы я это говорил на Ваш счет. Если бы мне прислали за неделю пред сим денег, то я бы уже был в дороге. Трое моих товарищей с двумя лакеями за 70 рублей до Ломова наняли лихую тройку; следовательно, с кажд⟨ого⟩ приходится по 12 рублей, ибо господа и за слуг своих платят долю, а так как у одного из них нет человека, так он за двенадцать рублей съездит до Ломова. Если бы у меня были деньги, — то двое из сих моих товарищей, из коих один только имеет человека, поехал ⟨и⟩, следовательно мне пришлось бы заплатить 18 рублей! Но теперь все кончено: я осужден проводить в Москве слишком три месяца! Одному ехать невозможно, товарищей нет. Недели через три поедет Григорьев с сыном домой и если бы у меня были деньги, то можно бы с ними; но они уже дали слово одному студенту. Больше писать нечего. Прощайте! Желаю Вам проводить время веселей и счастливее моего.

Ваш сын В. Б е л и н с к и й

Р. S. Письмо это я писал в комнате Михаила Николаевича ⟨Кугушева⟩: если бы я опоздал хотя получасом придти к нему, то не застал бы его и потому не мог послать с ним моего старого платья, которое лежит у меня без всякого употребления.

¹ Письмо матери, на которое отвечал Белинский, до нас не дошло.

18. Г. Н. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар, 27 июня 1830 г.⟩

Виссарион Григорьевич!

Всякая скорость приводит в недоумение каждого, особенно тех, которые за оною не могут успевать, хотя зависит она от тебя, тебе бы и надлежало одному с нею управиться. Послать денег — они, может быть, не застанут тебя в Москве, с такою безделицею или случаем таким только привел в затруднение удовлетворить твое необходимое, которые легко бы мог принять на себя одного, с тем, что ты мог бы по приезде в дом исправить необходимое или в Москве до приезда из отпуска мог бы расплатиться. Неужели ты еще до такой цены кредита не обратил ничьего внимания? На лошадей 20 р. ас. всегда можно дать до Чембара, где получишь всякое удовлетворение.

Посылаю денег [5000] 3500 копеек. Приезжай скорее ¹.

Приписка П. П. Иванова:

Любезный друг Виссарион Григорьевич.

Неприбытие ваше в Чембар в доме у меня столько наделало шуму, что насилию строгая наша полиция прекратила, потому, 1-е, старуха моя, беспрестанно поправляя очки и чепчик, досадует на дядюшку; 2-е, Катерина,

оставя все свои рукоделья и фортепьяны, бегаёт из комнаты в комнату, в огорчении и слезах повторяет: «Что наделал дедушка!» З-е, Авдотья Александровна, бросив свои кружева и взявши костыль, стучит о пол: «Как не совестно Григорию Никифоровичу!» А, смотря на них, и я с огорчения, что лишаемся доброго собеседника. Приезжай, бога ради, поскорее успокоить наше семейство, а иначе и полиция не справится, и меня, как хозяина, отдадут под суд, и тем спасите меня от беды и наказаний. Итак, с нетерпеливым ожиданием остался с почтением всегда преданный

Петр Иванов

27 июня

¹ Неизвестно, дождался ли Белинский от отца денег, но он выехал в Чембар и пробыл там с начала июля до сентября 1830 г.

19. Г. Н. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар, 5 сентября 1830 г.⟩

Виссарион Григорьевич!

Посылаю тебе при сем тридцать пять рублей ассигнациями, распорядись, сколько нужно дать на дорогу для лошадей, опиши, сколько стало туда. Если денег сих мало будет, пиши, я пришлю еще. С семейством своим остаюсь благополучным.

Твой отец Григорий Белинский

Сентября 5 дня 1830 года

На четвертой странице рукой Белинского записи денежных расчетов.

20. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

Москва, 1830 года, сентября 24 дня

Любезные Родители

Папилька Григорий Никифорович
и Мамилька Марья Ивановна!

Посланные Вами мне деньги я получил, за которые чувствительно благодарю Вас, тем более, что имел в оных большую нужду, ибо большую часть данных Вами истратил на дорогу. Брата и А. Е. определить не мог, потому, что в гимназии на казенный кошт принимаются только дети учителей, а прочие должны платить за содержание по 250 рублей в год. Так как Вы приказывали, в случае непринятия Константина на казенный кошт, непременно прислать его домой, то по сей причине он и воротился назад. Александр же остался в Москве на отчете А⟨лексея⟩ Петровича, с тем чтобы нынешний академический год приготовляться ко вступлению в Университет¹. Очень жалею, что из пустого дела было много хлопот и издержек, но делать нечего: я не виноват. Я сам теперь нахожусь в таких обстоятельствах, что лучше бы согласился быть подьячим в Чембарском Земском суде, нежели жить на этом каторжном проклятом казенном коште. Если бы я прежде знал каков он, то лучше бы согласился наняться кому-нибудь в лакеи и чищением сапог и платья содержать себя, нежели жить на нем. У нас в Москве появилась госпожа Холера²; предосторожности приняты ужасные. Нас далее ворот Университета не пускают никуда, и мы совершенно ни с кем не имеем сообщения. Москва опустела: из нее и выходят и выезжают. Вот Вам новость, а вот и другая: ожидают в Москву государя императора.

Денег более покудова не нужно, да и впредь Вы не услышите от меня ни одной просьбы в рассуждении оных, какую бы жестокою нужду не имел в них. Впрочем, с благодарностию буду принимать редкие и небольшие суммы, если Вы от избытка будете изредка присылать оные.

Извините меня, что я так долго не писал к Вам. С лошадьми я потому не послал письма, что, по причине тесноты комнаты, в которой жили, у нас была ужасная толкотня и нельзя было ничего делать. Я хотел было послать на прошлой почте; отнес письмо к Алексею Петровичу с тем, чтобы он его отправил; застал у них одного Александра и так как, по причине неимения мелких денег, не оставил у них оных, то они по сей же причине и не отослали на почту. Алексей Петрович и брат его свидетельствуют Вам свое почтение. Писать больше не о чем. Желаю, чтобы Вы спаслись от проклятой колдуньи холеры. Прощайте! Ваш сын

Виссарион Белинский

Надпись о получении: Получено Октября 4, дня 1830 года, в Субботу поутру.

На обороте: Его Высокоблагородию
Милостивому Государю Григорию Никифоровичу
Белинскому
Г-ну Чембарскому Штаб-Лекарю
В г. Чембаре

¹ Пробыв в Чембаре июль и август 1830 г., Белинский возвратился в Москву вместе с братом Константином и одним из чембарских земляков, Александром Ефремовичем (см. о нем письмо № 13). Белинский подробнее сообщает об А. Е. в своем письме к П. П. и Ф. С. Ивановым от 13 января 1831 г. («Письма», I, 26) и упоминает в письме к матери от 22 января 1831 г. (см. ниже). Из Чембара в Москву вместе с Белинским приехали, вероятно, также Алексей Петрович Иванов, определившийся на службу в Московский сенат, и его брат Дмитрий Петрович Иванов, поступивший в Московский университет.

² Холера началась в Москве между 16 и 22 числами сентября 1830 г. Закончилась эпидемия в конце ноября — начале декабря 1830 г. С 27 сентября Московский университет был закрыт, и занятия возобновились лишь после университетского акта 12 января 1831 г. В разгар эпидемии Николай I приезжал в Москву и пробыл здесь свыше недели, выехав из Москвы 7 октября.

21. Е. П. ИВАНОВА — БЕЛИНСКОМУ

(Чембар, начало января 1831 г.)

Вы, верно, перестали ожидать от меня писем, любезный Виссарион Григорьевич, ибо довольно уже время прошло, как мы расстались, а еще ни строки к вам не написала¹; не подумайте, чтоб я без внимания оставила свое обещание или поленилась, нет! Лень никогда не вмешивается в занятия, для меня приятные, а исполнять данное слово я считаю обязанностью. Вот, по какой причине не удавалось написать вам письмо, что мы к своим пишем через почту и всегда такие тяжеловесные письма, что никак невозможно мне было помещать что-нибудь для вас, и хотя довольно часто случались окаянии, но мы об них узнавали за несколько минут до отправления э т и х о к а з и й; вот вам мое оправдание. Теперь прошу вас приготовить извинения против нижеследующего: как вам не стыдно не писать ничего к своим-то! Ведь вы этим восстановите их против себя, они и так довольно сердились за Константина Григорьевича, и молчанием вашим еще прибавляете себе неудовольствия их. Да как не уведомлять о себе в такое время, когда жизнь и здоровье ваше подвергалось таким опасностям? Они много сокрушались о вас, а папенька ваш особенно много негодует на вас; на сих днях он у нас был, много мы говорили насчет вас всех, и дедушка между прочим сказал: «наш молодец и не думает к нам

писать; ведь ему не мы, а деньги нужны, а ежели бы я послал десяток, другой, то верно бы он нас вспомнил». Ведь вы не солдат, В<иссарий> Г<ригорьевич>, ведь это одни только солдаты тогда только пишут к родителям, когда деньги им понадобятся. Не прогневайтесь, С м и р е н н а я б е с е д у ш к а, что я так вас побраниваю: <1 сл. нрзб.> я уполномочилась в этом от лица всего вашего семейства. Но довольно, не стану уж больше об этом: я знаю, что постараетесь ласковым письмом помириться с вашими родителями.

Что бы вам сказать о себе, право, не знаю. Я все такая же монотонная, как и прежде, и ничего не переменяюсь в свою пользу; здоровье мое в совершенном благополучии; иногда бывает мне весело, а особенно веселюсь тогда, как получим письма от моих любезных братцев. Митенька мне недавно прислал письмо, очень меня утешил, как он мило описал Москву и свое житье-бытье, что зачиталась совершенно этим письмом. Я очень счастлива к книгам, они почти не переводятся у меня, и все очень хорошие, по большей части все Вальтер-Скотта. Наконец, и я читала Юрия Милославского! Как пленили меня эти книги, я изъяснить вам не могу! Я плакала, читавши в них о Минине: как все в них благородно, приятно, просто, как что-то близкое к сердцу русскому. Как умел этот г. Загоскин приоровиться так к старине! Как мил Кирша, какое благочестие внушает этот юродивый Митя! Я уж не знаю как сказать, что мне больше нравится в сих книгах; кажется, все очень хорошо, да нет! забыла, вот что мне не нравится, что конец очень неудовлетворителен, что-то так мало сказано напоследок о Милославском, что надобно самим читателям воображеньем дополнить. Дмитрия Самозванца я прочитала. Хотя и скучненьки эти книги, однако мне очень нравятся. За что вы нападаете так на Ивана Выжигина, даже и читать не хотели, а, право, дурно сделали: молодому, неопытному человеку очень полезно прочитывать их, потому что в них открывают глаза насчет этих московских обществ и усердных приятелей, которые вовлекают в гибель; нет, пожалуйста, прочитайте эти книги вместе с моими братьями.

Ко мне Митенька пишет, что нынешний <год> будет издаваться новый журнал Надеждиным Телескоп и Молва²; я и в газетах читала объявление об оном и так пленилась, что из головы не выходило несколько времени, чтобы его выписывать, да денег-то не дают; вы уж мне хотя подробнее опишите об этом журнале.

Наш Чембар не по дням, а по часам образовывается, так что сочинители посещают его и находят в нем лучи. Нынешние святки приезжал к нам доктор Красовский³; вы, я думаю, об нем что-нибудь слышали; он сотрудник Полевого и, как сказывают, помещает свои переводы и сочинения в его журнале. Он посещал наше собрание (вот каково у нас собрание в Чембаре!) и описал его и издал свое сочинение под названием Персидского бала и некоторым девицам очень лестно написал. Я вам помешу стих к А. П. М.⁴:

Она стройна, как пальма молодая,
Она легка, как серна гор,
Ее улыбка отблеск мая,
Как Алии прелестный взор.

Прощайте, больше писать некогда, уж вечер давно, а мне еще надобно к братьям написать. Пишите, пожалуйста, ко мне побольше, об ваших письмах скучаюсь. Скажите мне, что ваша трагедия?⁵ Напишите еще чего-нибудь.

Возвращаю вам письмо, очень благодарна вам за оное.

¹ Это письмо является ответом на не дошедшее до нас письмо Белинского, отправленное, вероятно, в декабре 1830 г.

² «Телескоп, журнал современного просвещения» с приложением «Молвы, газеты мод и новостей», начал издаваться Н. И. Надеждиным с 1831 г.

³ Авенир Иванович Красовский — литератор и переводчик, сотрудник «Московского телеграфа», по образованию медик. См. его характеристику в «Записках» Кс. Полевого (СПб., 1888, стр. 129). Сочувственный отзыв Белинского о Красовском см. ниже, в письме к брату от 21 мая 1833 г.

⁴ Анна Петровна Мосолова — дочь чембарского судьи, о которой Белинский очень доброжелательно отзывался в письме к Е. П. Ивановой от 20 декабря 1829 г. и хвалил за дружбу с ней («Письма», I, 9).

⁵ О «трагедии», т. е. о пьесе Белинского: «Дмитрий Калинин», см. упоминания в последующих письмах.

22. Е. П. ИВАНОВА — БЕЛИНСКОМУ

<Чембар, вторая половина января 1831 г.>

Как не вскричать: слава богу! Получили письмо ваше, г. Белинский! Ведь письма ваши, право, в диковинку нам; вы в продолжение четырех месяцев ни строчки не прислали в Чембар, и мы не шутя начали думать, что холера взяла вас из здешнего мира, и если б не прислали письма, то мы бы и Александру Ефремовичу не поверили, что вы еще существуете на белом свете. Вы с своей беспечностью, сударь, попадете заживо в покойники, вы хотя нашим заказывайте уведомлять о себе. Я отправила вам письмо с большими выговорами как от себя, так от родителей ваших, за то, что вы совсем забыли; пишете им почаще, а то они ужасно на вас вознегодуют.

С удовольствием поздравляю вас с окончанием вашей трагедии, от всей души желаю ей блистательного успеха в свете просвещенном и достигнуть равной славы с трагедиями Шиллера и Шекспира. Дай бог, чтоб таланты ваши получили все возможное совершенство и чтоб отечество почтило назвать вас своим Шиллером! А больше всего желаю вам не приходить в отчаяние от неудачи вашей трагедии, которая произойти может не от недостатков оной, а от необдуманности какой-нибудь или торопливости вашей. Советую вам, Виссарий Григорьевич, не спешить издавать оную, а отдать на рассмотрение людям опытным, каким-нибудь ученым старичкам, а не молодым вашим товарищам; а пуще всего не полагайтесь на свое собственное об ней мнение, ведь говорят, что сам сочинитель есть самый плохой судья своего произведения. Не подосаудите на меня за глупые мои советы, но примите их в знак моего искреннего к вам расположения ¹.

Вы очень порадовали меня насчет моих братцев — я в большом восхищении от их успехов! И больше всего меня утешает то, что они занимаются французским языком, и я буду готовиться, господа, говорить с вами по-французски, усердно буду заниматься сим языком, а то боюсь, как бы меня не перецеголяли в знании оного.

Как бы желала я вас всех видеть поскорее, а особливо Алексея Петровича в своем перерождении! Я никак не думала, чтоб он так скоро снял с себя кору застенчивости, которая так затмевала его достоинства. О Митеньке и говорить нечего, он у нас всегда был молодец (как я простодушно расхваливаю своих братцев-то!), ему только недоставало пристрастия к наукам, и так как он теперь полюбил их от всего сердца, то немногого недостает ему, чтоб совсем усовершенствоваться! Много благодарна вам, что познакомили их с г. Петровым, какое полезное и приятное знакомство для них.

Вы в письме своем от 17-го сентября ² напрасно так сокрушаетесь об Константине Григорьевиче; право, это послужило ему к лучшему, что он не был в такое пагубное время в Москве, и вам бы очень несносно было с ним нянчиться, ведь он у вас такой робкий, и он всегда счастливее будет,

ежели не оставит круг своего семейства. Мы с ним очень часто видимся и сделались большими друзьями, читаем вместе, он много списывает для меня стихов и по доброте души своей никогда не отказывается мне услужить. Право, он очень хороший человек, как все его любят. Много неприятностей перенесли вы прошедшим годом; но, слава богу, они кончились и об них нечего вспоминать, и вы довольнее и счастливее нынче; желаю, чтоб продолжалось и никогда не кончилось для вас счастье. Очень хвалю вас за благоразумную вашу решительность уменьшить число ваших друзей, я сама испытала, что чем ни больше их, тем хуже и пагубнее. Не в количестве друзей заключается счастье, а в качестве, а в большом количестве всегда бывает труднее узнать качества их, и от этого-то человек с доброй душой много потерпит от этих связей.

Об Никанорочке скажу вам, что он учится у М. С. по-латыни и учится довольно хорошо, сам учитель его хвалит. Этот мальчик предорогой бы был, если б его не баловали; он очень забавляет нас своей остротой, я было много готовила анекдотов рассказать об нем, но теперь не припомню; он беспрестанно толкует, что будет знать двенадцать языков отлично и что превзойдет своего брата В<иссариона> Г<ригорьевича>. Прощайте, Смирная беседа; пишите ко мне почаще, ваши письма несказанное удовольствие доставляют искренно уважающей вас

Катерине Ивановой

Приписка на полях: Папенька и маменька мои вам усердно кланяются.

¹ Это письмо является ответом на письмо Белинского от 13 января 1831 г., адресованное родителям Е. П. Ивановой («Письма», I, 24—28). Белинский, между прочим, сообщал в нем об окончании своей «трагедии» (т. е. «Дмитрия Калинина») и о том, что «в продолжение холеры», когда университет был закрыт, он и «еще человек с пятью затворников составил маленькое литературное общество». См. подробнее об этом в «Лит. наследстве», т. 56, в статье «Студенческие годы Белинского».

² Письмо Белинского от 17 сентября 1830 г. до нас не дошло.

23. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

Москва, 1831 года, января 22 дня

Любезный Папюлька

Григорий Никифорович!

С искреннею радостью спешу поздравить Вас с получением отличия несравненного, а заслуженного Вами. Желаю, чтобы Вы с такою же честью носили его, с какою и заслужили¹. Извините меня за мое долгое молчание и порадуите меня хотя одною строчкою.

Скажу Вам о себе, что я пускаюсь в море треволненное, в море великое и пространное, в нем же гади несть числа!² Может быть, Вы скоро увидите имя мое в печати и будете читать обо мне разные толки и суждения, как в худую, так и в хорошую сторону. Не могу решительно определить достоинство моего сочинения, но скажу, что оно много наделает шуму. Вы в нем увидите многие лица, довольно Вам известные! Но вперед говорить нечего: когда напечатается, тогда и мое уши слышать, да слышат!..

Холера в Москве еще не совсем прекратилась: в казенных и частных заведениях еще находится около 60 человек больных. Впрочем, о ней как-то уже почти и не слышно. Москва опять воскресла. Говорят, что неутомимая посетительница находится в Германии и начинает в ней распорядиться по-своему. Писать больше не о чем и так до следующего случая прощайте!

Ваш сын

Виссарион Белинский

Любезная Маминька
Марья Ивановна!

Не знаю о чем и писать к Вам. Поздравлять с новым годом и желать нового щастия — что-то уже старо и, признаться, нелепо. Ежели я люблю Вас — то каждую минуту желаю Вам всех благ и всякого счастья, а не один раз в году. К Вам, я думаю, уже приехал инвалид Иванов (А. Е.), за храбрость и заслуги, а более всего за леность отставленный в чистую³. Скажите, пожалуста, что за черный год напал на наш любезный Чембар: в нем повальный мор. Право, я нынче чембарские письма распечатываю с большим страхом: в них все такие ужасные новости: тот умер, другой скончался. Уведомьте меня, бога ради, как поживает Никанор, довольны ли Вы им хотя сколько-нибудь.

ЧЕМБАР, ТЕПЕРЬ г. БЕЛИНСКИЙ
Фотография Н. Н. Павлова (Пенза), 1946 г.

Прошу Вас засвидетельствовать мое почтение милостивой государыне бабушке Дарье Евсеевне; кланяйтесь от меня всему семейству Никиты Александровича⁴ и скажите им, что я очень соболезную их нещастию. Кланяйтесь Федосье Степановне⁵ и скажите ей от меня, чтобы они теряли свои слезы и зрение только на мертвых, а не на живых.

Свидетельствую как Вам, так и Сашеньке⁶ мое почтение и прошу Вас писать ко мне почаще. Я живу далеко от Чембара, так всякий лоскуток бумаги дорог. Прощайте! Будьте здоровы и щастливы!

Ваш сын

Виссарион Белинский

¹ Белинский поздравляет отца с получением чина коллежского асессора — см. формулярный список о службе Г. Н. Белинского в сб. «В. Г. Белинский. 1848—1948», Пенза, 1948, стр. 138—139 (получение чина датировано 7 августа 1830 г.). Ср. также письмо к Белинскому Д. П. Иванова от 14 августа 1831 г. из Чембара с замечаниями о «щеславии дворянства» в доме Белинских (письмо № 32).

² «Море... в нем же гади несть числа» — неточная цитата последней строки 14 строфы послания И. М. Долгорукова «Парфену».

³ Об Александре Ефремовиче Иванове см. в прим. к письмам №№ 13 и 19.

⁴ Никита Александрович Дьячков — служащий Чембарского уездного суда.

⁵ Федосья Степановна — Иванова. См. о ней во вступлении к настоящей публикации.

⁶ Сашенька — сестра Белинского, Александра Григорьевна, в замужестве Кузьмина. См. ниже ее письма к Белинскому.

24. Г. Н. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар, 6 февраля 1831 г.⟩

Виссарион Григорьевич!

По приезде моем из Ломова в Чембар, как в первом, так и последнем, не имел свободного дня распорядиться надлежащим образом. Теперь начинаю дышать свободнее и спешу тебя потешить 20 р. ассигнациями с тем, чтоб ты и эту сумму умел ценить чрез необходимое употребление. Я много хотел тебе писать кое о чем, но подожду до свободного времени.

Опиши мне обстоятельнее и вернее о несовершенно еще оконченной холере в Москве; нынешнюю зиму с наших городов отравили много съестного, и нам ничего не оставили. *Nostra dulcamara Vladikin* отправила оного довольно и вслед [за оным] свое тело на придачу повезла... и не побоялась холеры. Ты ходи к ней, если будет можно, и чаще, и ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами.

Мне хотелось увериться о расположении и полном удовлетворительном смысле твоего сочинения собственными глазами, ты сам пишешь, что пустился в пространное море, а о глубине ни слова не сказал.

В пространно ты пустился море,
в котором гадов несть числа,
Смотри — чтоб не случилось горе
тебе от сего ремесла.¹

При сем прилагается Никанорово письмо², которое он недели три сочинял и недаром — читай! — и удивляйся позднему литературному сему гению! Вот, что значит, учение свет, а неучение тьма. Нельзя ли его письмо [выпечатать] отдать в Цензурный комитет и напечатать в журнале для образцового подражания [всем писателям такого рода].

Мать твоя стоит в одном ⟨2 сл. нрзб.⟩ и здорова. Сестра и весь дом, слава богу. Остаюсь твой доброжелательный отец

Григорий Белинский

6 февраля
1831 года

¹ В своем четверостишии Г. Н. Белинский использовал строки из четырнадцатой строфы послания И. М. Долгорукова «Парфену», из которого Белинский уже цитировал строку в письме от 22 января 1831 г. (№ 23).

² Письмо брата Никанора, приложенное Григорием Никифоровичем Белинским, до нас не дошло.

25. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

Москва, 1831 года, февраля 17 дня

Милостивые Государи
Папилька Григорий Никифорович
и Маминька Марья Ивановна!

Из письма Катерины Петровны, а более чрез Лукерью Савельевну я узнал, что Вы сильно на меня негодуете; эти неприятные известия сколько опечалили меня, столько и привели в большое недоумение, тем более, что

я их совсем не ожидал. Правда, я давно не писал к Вам; но позвольте спросить Вас: о чем и как мне было писать к Вам? Уверять Вас в своей почтительности, любви, преданности, осыпать Вас нежными названиями я не могу, ибо почитаю это не чем иным, как подлым ласкательством, как низким средством выманить у Вас деньги. Я не умею нежничать, но умею чувствовать и думаю, что священное чувство любви и уважения к родителям состоит не в словах, а в поступках; заключается не в мертвой бумаге, но в душе пламенной, доступной для благородных и возвышенных впечатлений. Писать же к Вам таким образом: при сей верной оказии я не мог проминовать, чтобы не засвидетельствовать Вам моего всеижайшего почтения и уведомить Вас, что я, слава богу, жив и здоров, чего и Вам желаю, а, впрочем, уповаю на благодать всевышнего — я не могу и не смею, ибо это значило бы надсмехаться над Вами. Не подумайте, что это я для <того> пишу, чтобы загладить мой проступок, вымолить у Вас прощение, подлеститься к Вам и заставить Вас этим прислать мне денег — нет! Я слишком горд, слишком благороден, чтобы извиваться перед Вами ужом и жабою из такого низкого и подлого намерения. Цель моего письма есть — оправдаться перед Вами не как перед людьми, от которых я могу получить несколько денег, но как перед людьми, которым я обязан моим существованием. К моему величайшему прискорбию, я вижу, что Вы почитаете меня мальчишкой, который потому только забывает Вас, что не зависит от Вас в рассуждении содержания и свободен от Вашего влияния тем расстоянием, которое разделяет его с Вами. Одним словом: Вы почитаете меня мальчишкой, который вышел из Училища и, встретившись на улице с прежним своим учителем, дразнит его языком, зная, что он не может уже высечь его розгами. Поверьте, что сын Ваш заслуживает лучшего о себе мнения, нежели какое Вы о нем имеете. Где бы я ни жил, чем бы я ни был — я всегда буду почитать священнейшею обязанностью быть добрым сыном, любить и уважать своих родителей и признавать над собою их власть, которая есть важнее, законнее и священнее всех властей в мире. Я не хочу философски исследовать, есть ли любовь и уважение к родителям чувство, внушенное природою, или оно есть следствие внушенных с младенчества правил, или что-нибудь другое; я способен питать это чувство, почитаю его святым, возвышенным; этого для меня довольно. Если бы я и точно сделал худо, не писавши к Вам так долго, то Вы могли бы слегка заметить мне неприличность такой с моей стороны в рассуждении Вас невнимательности и не подозревать меня в низости чувств и подлости образа мыслей. Опять повторяю Вам, что я не мальчишка, которого должно сечь, чтобы заставить хорошо вести себя, не грубый мужик, которого должно бить дубиною, чтобы заставить что-нибудь почувствовать. Вы, маминька, просили Лукерью Савельевну обругать меня вашим именем; радуйтесь и веселитесь! Она с дипломатическою точностию повторила мне Ваши ласковые и благородные слова. Я не хочу говорить Вам о неприличности этих слов, о крайнем неблагородстве и низости выражений; замечу только мимоходом, что это уже слишком, слишком... Но мне уже не привыкать к подобным поступкам со стороны моих родителей... не хочу договаривать: может быть, и сами поймете...

Сообразивши все обстоятельства моей жизни, я вправе назвать себя несчастнейшим человеком... В моей груди сильно пылает пламя тех чувств высоких и благородных, которые бывают уделом немногих избранных — и при все том меня очень редкие могут ценить и понимать... Все мои желания, намерения и предприятия, самые благородные как в рассуждении самого себя, так и других оканчивались или неудачами или ко

вреда мне же и, что всего хуже, навлекали на меня нареkanie и подозрение в дурных умыслах; доказательства перед глазами. Вы сами знаете, как с л а д к и были лета моего младенчества... Учась в Гимназии, я жил в бедности, скитался <не> по своей воле по скверным квартиришкам, находился в кругу людей презренных, имел право лениться и проч. ... Поехал в Москву с пламенным желанием определиться в Университет; мое желание сбылось. По ветренности, а более по неопытности, истратил данную мне сумму денег, которая в моих глазах казалась огромною, неистощимою. Потом поступил на к а з е н н ы й к о ш т... О, да будет проклят этот несчастный день!.. Любя своего брата, видя, что он в дому своих родителей живет на к а з е н н о м к о ш т е, сострадав его слишком жалкому состоянию и вместе желая облегчить участь А<лександра> Ефремовича, я убедил Вас отправить их обоих в Москву. Цель благородная, бескорыстная, ибо я, для того, чтобы способствовать сколько-нибудь, по мере моих сил и возможности, их счастью, брал на себя большую обузу и большую ответственность — и что же вышло?.. Через это я ввел Вас в излишние издержки и хлопоты, чрез это напрасно измучены лошади, оставлена на дороге бричка и, что всего важнее, чрез это я навлек на себя ваше неудовольствие! Осужденный страдать на казенном коште, я вознамерился избавиться от него и для этого написал книгу, которая могла скоро разойтись и доставить мне немалые выгоды. В этом сочинении, со всем жаром сердца, пламенеющего любовью к истине, со всем негодованием души, ненавидящей несправедливость, — я в картине довольно живой и верной представил тиранство людей, присвоивших себе гибельное и несправедливое право мучить себе подобных. Герой моей драмы есть человек пылкий, с страстями дикими и необузданными; его мысли вольны, поступки бешены — и следствием их была его гибель. Вообще скажу, что мое сочинение не может оскорбить чувства чистейшей нравственности, и что цель его есть самая нравственная. Подаю его в цензуру — и что же вышло?.. Прихожу через неделю в ценсурный комитет и узнаю, что мое сочинение ценсоровал Л. А. Ц в е т а е в (заслуженный профессор, статский советник и кавалер). Прошу секретаря, чтобы он выдал мне мою тетрадь, и секретарь, вместо ответа, подбежал к ректору, сидевшему на другом конце стола и вскричал: «И в а н А л е к с е е в и ч! В о т о н! В о т г. Б е л и н с к и й!» Не буду много распространяться; скажу только, что, несмотря на то, что мой ценсор, в присутствии всех членов комитета, расхвалил мое сочинение и мои таланты как нельзя лучше, оно признано было безнравственным, бесчестящим Университет, и о нем составили журнал!.. Но после — это дело уничтожено, и ректор сказал мне, что обо мне ежемесячно будут ему подаваться особенные донесения...¹

Каково это?.. Я надеялся на вырученную сумму откупиться от казны, жить на квартире и хорошенько окипироваться — и все мои блестящие мечты обратились в противную действительность, горькую и бедственную. Я мог бы найти кондицию, завести хорошие и полезные для меня знакомства; но в форменной одежде, кроме аудитории, нигде нельзя показаться, ибо она в Москве в крайнем пренебрежении; а я не только не имею необходимой для всякого молодого человека хорошей фракной или сюртучной пары, но даже и хорошей форменной одежды; теперь третьи п..... совершенно отказываются служить, а нового платья, по случаю холеры, и не думают шить. Лестная, сладостная мечта о приобретении известности, об освобождении от казенного кошта для того только ласкала и тешила меня, доверчивого к ее детскому, легкомысленному лепету, чтобы только усугубить мои горести... Кстати, опишу Вам поподробнее мое к а з е н н о е житье-бытье.

Вам уже известно, что у нас с июня 1830 года воцарился новый инспектор²; до окончания вакации и до начала открытия лекций он не делал никаких распоряжений: оные последовали через несколько дней после моего приезда в Москву. У нас прежде столы и кровати были вместе, и мы в одном и том же номере и занимались, и спали. Это имело для нас ту выгоду, что мы могли иногда и полежать, если надоест сидеть, и каждый из нас имел свой особенный уголок. Щепкин уничтожил эти выгоды, перенесши кровати в другую половину этажа, занимаемого нами. Бывало, в номере жило не более, как по десяти, или много-много по одиннадцати человек, а теперь по пятнадцати, семнадцати и девятнадцати. Сами посудите: можно ли при таком многолюдстве заниматься делом? Столики стоят в таком близком один от другого расстоянии, что каждому даже можно читать книгу, лежащую на столе своего соседа, а не только видеть, чем он занимается. Теснота, толкотня, крик, шум, споры; один ходит, другой играет на гитаре, третий на скрипке, четвертый читает вслух — словом, кто во что горазд. Извольте тут заниматься! Сидя часов пять сряду на лекциях, должно и остальное время вертеться на стуле. Бывало, я и понятия не имел о боли в спине и пояснице, а теперь хожу весь, как разломанный. Часы ударят десять — должно идти спать через четыре длинных корридора и несколько площадок; поутру, если забудешь взять с собою полотенце, мыло, или что-нибудь подобное, надобно опять два раза пройтись бесконечную цепь корридоров. Пища в столовой так мерзка, так гнусна, что невозможно есть. Я удивляюсь, каким образом мы уцелели от холеры, питаюсь пакостною падалью, стервятиной и супом с червями. Обращаются с нами, как нельзя хуже. Невозможно исчислить всех неудобств казенного кошта. Какая разница между жизнью казенного и жизнью своекоштного студента! Первый всегда находится в глазах начальства; самые ничтожные проступки его берутся на замечание; второй же почти не знает своего начальства, которое имеет на него самое слабое влияние. Живет он один или много с двумя товарищами на квартире; ему никто не мешает в его занятиях; он может сидеть целую ночь и спать целый день; никто не потребует у него отчета в образе его жизни. Сердце обливается кровью, как поглядишь — как живут своекоштные! Как только я приехал, то ректор призвал меня в Правление и начал бранить за то, что я поздно приехал. Этим я обязан П е р е в о щ и к о в у, которой тогда очень помнил меня и отрекомендовал ректору и Щепкину. Когда ректор говорил со мною, то он (Перевошиков) беспрестанно кричал, что меня надобно выгнать из Университета. Наконец, ректор в заключение спектакля сказал: «З а м е т ь т е э т о г о м о л о д ц а ; п р и п е р в о м с л у ч а е е г о н а д о б н о в ы г н а т ь». Многие казенные же приезжали гораздо после меня, и им за это ни слова не сказали. Перед окончанием холеры я не ночевал ночи две или три дома; прихожу к Щепкину за одним делом, и он начинает меня р у г а т ь: говорит, что меня за это о н отдаст, как какого-нибудь к а н а л ь ю, в солдаты и наконец с презрением начал выгонять из своих комнат. Разумеется, что подлец не может за такой пустой проступок ничего не может сделать, как только наказать выговором или у себя в доме, или в номере, или в Правлении, и много-много посадить в карцер, и что его нелепые угрозы не могут никогда выполняться; но каково терпеть-то?! Надеясь сорваться с казенного кошта, я дал себе клятву все терпеть и сносить, и потому ничего ему не сказал; случись же это ныне, то я разругаю его, как подлеца, нахаркаю ему в рожу, а если он еще стал бы забываться, то и разобью ее — и тогда уже меня отдадут в солдаты — но прежде выступления из Москвы зайду проститься с своими б л а г о д е т е л я м и — и (клянусь богом и честью!) это прощание будет для них ужасно!.. Я в таком случае на сие решусь!.. Покуда этого еще нет; а если еще проживу с годок на казенном коште, то, я думаю, что дождусь!..

Вот каков казенный кошт! Вот каково мое житье-бытье, мои обстоятельства и вот каковы мои надежды!..

Теперь, лишившись всех надежд моих, я совершенно о п у с т и л с я. В с е р а в н о — вот девиз мой. Но довольно: я думаю, что и так уже надоед Вам моим длинным письмом. Прощайте, будьте здоровы и щастливы — и не забывайте своего несчастного сына.

Виссарион Б е л и н с к и й

Р. С. Свидетельствую мое почтение милостивой государыне бабушке Дарье Евсеевне и цалую всех, составляющих наше семейство.

¹ О цензурной судьбе и запрещении «Дмитрия Калинина» см. в «Лит. наследстве», т. 56, стр. 368 и след.

² Павел Степанович Щ е п к и н (1793—1836) — профессор чистой математики в Московском университете; с 2 июня 1830 г. — инспектор казенных студентов, по предствлению которого Белинский был исключен из университета. См. в «Лит. наследстве», т. 56, стр. 400.

26. Г. Н. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар, 3 марта 1831 г.⟩

Виссарион Григорьевич!

От 6 февраля при письме моем послано тебе 20 р. ассигнациями, а от 17 получено от тебя ⟨письмо⟩, в котором не видно получения оных. Полагаю, что после отправления твоего письма ты уже успел остаться опять без денег. Такого рода неограничения и неумения пользоваться видами без меры, — ты не найдешь никогда спокойного места, где бы ты мог отдохнуть сколько-нибудь, так, как пузыри... которые скоро лопаются и исчезают. Я сокращаю все сравнения, а скажу только тебе, чтобы ты не выпадал из правил установленного порядка, ты скучаешь казенным содержанием и желаешь быть свободным по всем возможным [и зависящим] [по необузданным твоим страстям] направлениям и потом блуждать по горам заблуждения... Я не хочу более пояснять, а скажу тебе, что ты будешь причиною многих зол на имеющих в тебе участие. Ты во всем виноват и будешь несчастен с сопряжением к тебе пишущим, когда не будешь познавать над собою власти, ты посмотри на время — которое с разными бывает переменами, когда горько и когда сладко... ты не достиг еще этой цели и воображаешь или, лучше сказать, исповедуешь отчаяние. В письме твоём в одной причине ты прав, что по 15 и 19 живут в одной камере. Что ж делать — когда угодно тесноте места. Главнейшее дело состоит в том, чтобы ты повиновался начальству, а без сего ты не будешь тем, чем желаешь быть, если забудешь и не выполнишь сего прямого признания, то прощай!.. Сохрани тебя боже! верь твоему отпу доброжелательному

Григорию Б е л ы н с к о м у

Марта 3 дня
1831 года

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено 21 марта.

27. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

Москва, 1831 года Марта 3 дня

Милостивые Государи

Папилька Григорий Никифорович
и Мамилька Марья Ивановна!

Во вторник 18 февраля я отнес в почтамт свое письмо, а в среду получил Ваше и почитаю за непрременную обязанность ответить Вам на оное. Бла-

годарю Вас за присланные Вами мне деньги: этот знак Вашего внимания оживил и воскресил на время меня, убитого тоскою и отчаянием.

Вы уже знаете, каким горестным событием ознаменовалась моя попытка напечатать первое произведение пера моего. Это событие для меня тем горестнее, тем убийственнее, что я через него слишком, слишком многого лишился. Смело могу сказать, что мое произведение было бы расхвачено в месяц и доставило бы мне, по крайней мере, т ы с я ч ш е с т ь. Сами посудите, чего бы в т а к о м с л у ч а е стоило мне пожертвовать каких-нибудь триста или много-много шестьсот рублей на то, чтобы вырваться из пакостной, проклятой бурсы. Из моего первого письма Вы увидите, какова эта бурса и чего я должен ожидать, живя в оной. В надежде вырваться из нее, я полагал все счастье моей жизни, на ней основывал все

МУЗЕЙ В. Г. БЕЛИНСКОГО В ГОРОДЕ БЕЛИНСКОМ (РАНЕЕ ЧЕМБАР)

Здание бывшего уездного училища (1830-е гг.)

Фотография Н. Н. Павлова (Пенза), 1946 г.

здание моего настоящего и будущего благополучия. Уже эта еладостная надежда исполнялась, но судьба улыбнулась насмешливо — и ее не стало! Если бы за свою трагедию выручить не более т р е х с о т рублей, то и тогда бы мог исполнить свое желание: я бы внес эти деньги за первый год, а за второй представил бы за себя какого-нибудь своекоштного студента, желающего занять мое место, что очень легко можно бы было сделать. Со стороны же содержания я был бы совершенно обеспечен: двое коротко знакомых мне и имеющих со мною самую дружественную связь студентов усильно просят меня к себе на квартиру, что я давно бы сделал, если бы Щепкин позволил. Я мог бы у них прожить хотя три года, не истратив ни копейки и не бывши им в тягость. Но денег нет, а время летит, и мечты мой не сбываются, и мне остается в удел одно — отчаяние!.. Холера в Москве еще продолжается и действует, но так слабо, что о ней ничего не слышно. Каким же образом она геройствовала в Москве — Вы можете узнать из Московских Ведомостей.

С большим бы удовольствием послал я к Вам свою трагедию, но у меня остался один только экземпляр оной, а другой остался навсегда

в Цензурном Комитете. За непрременную обязанность и за большое удовольствие поставлю в скорейшем времени прислать Вам список с оной. Прощайте! Остаюсь любящей и почитающей Вас сын Ваш

Виссарион Белинский

Я очень часто ходил к Лукерье Савельевне, и она очень ласково принимала меня, равно как и д р у г и х... с в о и х... б л и з к и х!

28. Е. П. ИВАНОВА — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар, середина марта 1831 г.⟩

Сколько огорчило нас письмо ваше, Виссарион Григорьевич, изъяснить вам не могу! Вы в таком отчаянии, что не оставили никакой надежды вашим родным видеть вас когда-нибудь благополучными, которое, как нам кажется, зависимо, собственно, от вас, ежели бы вы захотели сколько-нибудь равнодушнее снести теперешние ваши неприятности. Вы пишете, что терпели казенный кошт или подкрепляла вас надежда на вашу трагедию сносить все неприятности казенной зависимости, а теперь потерпите для своих родителей. Вы сами знаете, что вы должны быть опорой вашего семейства и знаете их надежду на вас; они ожидали от ⟨вас⟩ (и не без основательности) всего превосходного, всего лучшего, а теперь чем должны утешиться? Маменька ваша глаз не осушала целый день по получении письма; мы не знали, как ее утешить. Теперь, кажется, нечего больше вам делать, как стараться заслужить выгодное мнение начальства, от которого, как мы думаем, и неудача вашей трагедии зависела, ибо вы восстановили оное против себя. Вы, конечно, в презрении оставите эти слова! Да что делать, муха слона не одолеет, — вы знаете справедливость этой пословицы; видно свет так создан, чтоб равно терпеть всем как хорошее, так и худое. Простите меня, В. Г., за все, что я вам сказала; меня, право, так огорчает ваше положение, что я, право, не знаю, что и придумать, что бы могло вас сколько-нибудь вас утешить. Я в письме этом нагородила такой вздор, что сама краснею от этого. Я думаю, не без удовольствия увидите вы доставительницу этого письма — Анну Петровну! ¹ Ей препоручено от вашей маменьки многое сказать вам, упрекнуть вас, наставить вас на путь благоразумия. Не знаю, равнодушно ли вы потерпите слова такой милой наставницы? А я, с своей стороны, отрекомендовала вас к ее услугам, вы ей очень понадобится в Москве, ибо она хочет купить себе книг и быть в Музеуме; вы непременно проводите ее туда сами. Прощайте, я очень нездорова и едва могла написать вам этот вздор, а хорошенькое чего-нибудь мне теперь и в голову не приходит. Да, забыла вам сказать, что, несмотря на все неприятности, заключающиеся в вашем письме, оно очень понравилось вашему батюшке; он даже сердился на вашу маменьку, что Лукерье Савельевне препоручили вам выговор сделать, и да и мне немножко досталось, я вперед не буду братья не за свое дело.

Желаю вам всего лучшего, да подкрепит вас бог в вашем несчастье. Пишите ко мне, я очень рада бываю вашим письмам и очень их люблю. Об Чембаре вам нечего говорить: вы, думаю, много наслушались об нем от наших чембарцев, коих очень много отправилось в Москву. Извините мое письмо, право, некогда писать многоуважающей вас

Катерине Ивановой

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено 21 марта.

¹ Анна Петровна Мосолова. См. о ней прим. к письму № 21.

29. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

Москва, 1831 года, мая 24 дня

Милостивые Государи,
Папилька и Маминька!

Начинаю письмо мое к Вам **ф о р м е н н ы м** уведомлением, что здоров, и свидетельствую Вам мое сыновнее почтение. Невзгода на меня, кажется, проходит, и я начинаю дышать свободнее. Начальство обо мне забыло и думать; правда, при первом случае оно не умедлит **н а п о м н и т ь** мне, что **з н а е т** меня. Но и этого я скоро не буду опасаться: ректор и Щепкин подали в отставку. Да правду, я их очень мало боялся и боюсь; только одна мысль, что я **н е о д и н**, удерживала меня **п о г о в о р и т ь** с ними **п о о б с т о я т е л ь н е е**.

В Университете нашем произошли важные перемены, о которых Вас поподробнее уведомит **н о с а с т ь и** студент¹. Скажу только, что дуракам-профессорам житья нет, да и только. Одного скота недавно освистали и охлопали на лекции, и за это его же приказано выгнать из Университета². Теперь в Москве открыта **в ы с т а в к а** произведений русских фабрик и мануфактур. Зрелище великолепное и сладостно для всякого русского! Я слышал, что Лубяновский³, Никифоров и некоторые получили кресты за пособия, оказанные русской промышленности. Странно, что пензенских изделий на выставке нет⁴.

Папилька, я на Ваше имя буду пересылать брату журнал **Л и с т о к**⁵. От скуки и Вы прочтете; в нем и я буду **в ы с т а в л я т ь** свои **и з д е л и я**. Больше писать, кажется, нечего, и так остаюсь с чувствами глубочайшего уважения и сыновней любви

Ваш сын

Виссарион Б е л и н с к и й

P. S. Прошу Вас покорнейше не оставлять меня своими письмами.

¹ «Носастый студент» — вероятно, Д. П. Иванов, который рассказывает в своих воспоминаниях, что в семье Белинских его шуточно называли «долгоносим куликом, носакон (большеносым)» — см. «Письма», III, 443.

² В своем письме Белинский имеет в виду знаменитую «маловскую историю», т. е. студенческую демонстрацию против профессора по кафедре юридических наук — М. Я. Малова (1790—1849), состоявшуюся 16 марта. См. об этом подробнее в статье «Студенческие годы Белинского» — «Лит. наследство», т. 56, стр. 362.

³ Федор Петрович Лубяновский (1775—1869) был пензенским губернатором с 1819 до осени 1830 г. Он владел большими поместьями в Пензенской губернии.

⁴ Открытие промышленной выставки в Москве в мае 1831 г. явилось большим событием. Выставке была посвящена специальная статья М. П. Погодина, напечатанная в «Мозве» 1831 г. № 20 (д. р. 19 мая) и осмеянная Н. А. Полевым в «Московском телеграфе». Эта шумевшая полемика, развернувшаяся по поводу московской промышленной выставки, несомненно, была в поле зрения Белинского. Утверждение Белинского, что пензенские изделия не были представлены на выставке, — не совсем точно. См. изданный в это время указатель произведений отечественной промышленности на 1-й Московской выставке.

⁵ О журнале «Листок», в котором дебютировал Белинский, см. в настоящем томе сообщение В. Владимировича.

30. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1831 года, июня 12 дня

Любезнейший братец
Виссарион Григорьевич!

Посланные тобою журналы, как то: Г а л а т е ю 16 №, но у 38, 34, 33, 32, 29, 27 не имеется картинок мод, но **Л и с т о к**, которого я получил 20 №, весь цел, равно и 9 картинок и портреты:

Фон-Визина и Альбиноса получены и Красное яичко для детей, которая и доставлена по надлежащему Никанору, которого я нашел в сие время смиренным и занимающимся учением. Галатеи лишние № также отданы сестре, которых ей досталось 3 №, но 40 № я оставил у себя в надежде иметь последние сего декабря и первые №, за которые и приношу мою чувствительную благодарность, которая вовек не забудется. Ты пишешь папеньке и мне, что будешь присылать Листок через почту на имя папеньки мне, и в котором ты участвуешь и помещаешь свои произведения. Папенька помещенную в 40 и 41 № Листка читал с большим удовольствием твою пиесу Русская быль и, может быть, мысленно благодарил небо; равно маменька и я очень сему радуемся и не верим глазам своим. Я каждый день прочитываю твою пиесу с удовольствием, происходящим от любви. За сие также очень, очень благодарю, ты сим доставишь неизменное мне удовольствие читать сей журнал и в оном твои произведения. Да! почти было и позабыл уведомить также, что к нам приехал знакомый нам с тобой Степан Макарович Котельников, который служит в конторе по питейной части и ходит ко мне нередко или как позволит досуг, и я с ним толкую о том и сем, как известный литератор, и беру у него книги, равно и он у меня. Он желает с тобою видиться и поэтому часто спрашивает о твоём к нам приезде. Признаюсь, хотелось бы мне видиться с тобою. Вот прекрасно! о Мнемозине и забыл сказать, что ее получил, так же как и прочие. Твое письмо с посылками получено 10 июня, в среду поутру. Кажется, писать больше нечего и место не позволяет, после писать буду поболее, но теперь прощай! Желаю всего, что ты себе пожелаешь иметь.

К. Белинский

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено июня 23 дня.

31. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1831 года, июля 16 дня

Любезнейший братец
Виссарион Григорьевич!

По обещанию твоему присылать мне каждую почту издаваемого Артемовым журнала Листок, в котором ты участвуешь, я, к сожалению, не имел счастья его получать; ждавши каждую почту и ходив сам на оную, но все возвращался без ничего и без того удовольствия читать в нем твои произведения. Я сперва думал, что не почтмейстер ли оставляет его у себя, но ныне как маменька помирилась с его супругою и ходит к ней, поэтому сие невероятно. Любезнейший братец! прошу тебя наипокорнейше, если нельзя тебе присылать всего года сего журнала, то хотя первые № января, февраля и последние мая месяцев, потому что в мае месяце есть продолжение и окончание повести Фельдфебель потсдамской гвардии, чем буду чувствительно благодарен; да еще нельзя ли будет прислать тебе и Галатеи первые №, то-есть января, февраля, марта, апреля, июня и сентября, ноября и декабря месяцев; мне очень хочется иметь весь год сего журнала, которого достать тебе, я думаю, не трудно, которым доставишь большое мне удовольствие и вместе радость, как молодому любителю всего изящного и высокого. Я разыгрываю свои басни Ивана Крылова и положил оные в 10 рублей. Когда разыграю и соберу все деньги, то с первой оказией пришлю тебе оные для покупки мне крыловых басен таковой же книги и бритвы, которую мне также нужно, потому что хотя у меня и есть, но она уже стала тупа; еще на оставшиеся

деньги какую сам найдешь получше и подешевле купишь мне книгу, но только стихотворений или как тебе вздумается, потому что ты в сем лучше моего знаешь.

Уведомляю тебя, что я получил чин канцеляриста июня 13 дня <...>

Ты пишешь, чтоб я тебе прислал книгу *Покоющийся трудолюбец*¹, которую ты видел валявшеюся в пренебрежении в доме Петра Петровича, которая, ты говоришь, принадлежит *Николаше*², но нет, она у меня находится почти с тех самых пор, когда ты отправлялся в Москву, которую и посылаю тебе, а взамену оной прошу прислать мне в дополнение, как ты писал, моей библиотеки, чем очень много меня одолжишь и заставишь себя еще тем более тебя любить и почитать. О Никаноре скажу тебе, что он хотя и учится у Дмитрия Петровича *хорошо*, но в нравственности своей нисколько не исправляется и так же попрежнему передко меня с сестрой ругает, но как, тебе уже то, я думаю, известно.

Итак, пожелав тебе всего того, чего могу желать тебе, остался, равно и все, кроме папеньки, слава богу! здоровы.

К. Белинский

Р. С. Но ныне и все.

В опускаемой части письма К. Г. Белинский излагает чембарские новости; сообщает о болезни отца и выздоровлении бабушки.

Упомянуты: Г. Н. Белинский, М. Н. Брычева, К. В. и О. В. Великопольские, Д. Е. Иванова, М. В. Кварцов, Пимих, И. М. Пospelов, И. М. Сокольский и П. Цыпровский.

¹ «Покоющийся трудолюбец» — журнал, издававшийся в 1784—1785 гг. Н. И. Новиковым и служивший продолжением его же журнала «Вечерняя заря» (1782).

² *Николаша* — Николай Петрович Иванов, брат Алексея и Дмитрия, находившийся на военной службе.

32. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 14 августа 1831 г.

Любезный друг

Виссарион Григорьевич!

Не получая от меня ни одной строки со времени моего отъезда, тебе простительно ожидать от меня письма подробнейшего, исполненного или испещренного новостями. Жалею, что очень мало нахожу предметов, достойных твоего любопытства, и потому буду писать более о тех, которые имеют близкое отношение с тобою.

Обыкновенное, брэнное существование Чембара нисколько не изменилось: все те же дома сельской архитектуры, все те же жители с растрепанными чувствами, заклеенные едкою печатью нигилизма, и для того Чембар слишком однообразен для наблюдателя!

Матушки наши попрежнему, с твердым упованием на заступницу, равнодушно смотрят на будущее, и никакие перевороты в домашней жизни, никакие обстоятельства, грозящие целому отечеству, не заставят их изменить чашке чая.

Дочки, в ожидании будущего счастья, стараются наряжаться одна перед другой лучше и чуть было не передрались из-за привезенных мною модных картинок. Эти запоздалые красавицы, отжившие век *наслаждения*, все идут еще во сретение жениху своему. Кстати о Катерине Петровне; она старается выписать себе Копрева (?) для того, чтобы поднести ему в сюрприз: *свое сердце*. Чембарский гений волокитства, Мария Егоровна, удалилась в сонме амуров в Симбирск. *Лизета*

Скопина живет опять в Кирсанове и пленяет глазками глаза и, наконец, все предметы твоего любовного похождения в разгоне. Унылый Чембар не оживляется, и моя деятельность в рассуждении этого замерла совершенно. Анна Петровна ¹ в деревне, и Катенька томится, что не удастся ей произнести в день ни одной французской фразы, и нынче более, по примеру Жанлис, морит нас сухими нравственно-сатирическими наставлениями. О себе скажу только, что у меня завелся обширный круг знакомства, приезжали известные тебе студенты Казанского университета ², достойные жрецы Ваховы, и с ними позабыты мои новые обязанности; они воскресли в моей памяти, как друзья старозаветные.

О мелкопоместных новостях я не стану писать: они надоедят тебе, и ты вернее услышишь о них из уст моих, нежели из письма. Итак, это окончено в мале; теперь позволю спросить тебя: куда девался этот Листок? Каким грозным ураганом занесен он в страну неизвестности? О tempoга, о mores! Nonores mutant mores! Как времена переходчивы! Как неоснователен ты в своих расчетах!.. Постараюсь приехать поскорее с моими новостями и услышать о твоих похождениях. Домашние твои все живы и здоровы; в вашем доме обуяла всех одна только болезнь, похожая на холеру, и более всех стражден твой папёнка; она известна мне под именем т щ е с л а в и е д в о р я н с т в а ³: с чином коллежского асессора она водворилась у вас в доме. Вот все, что только могу написать тебе; извини меня в моей неискренности, скоро сам приеду; а теперь буду хлопотать о ниспослании тебе денежного блага. Прощай, будь здоров и не сердись на меня, что такое малое и п у с т о з в о н н о е письмо встретит твое ожидание. Надеюсь, что по философии будешь доволен малым, принесенным тебе мною. Я, по крайней мере, спокоен теперь тем, что хотя мало искуплю грехов и беззакония моего против моего искреннего друга.

Дмитрий И в а н о в

Приписка Е. П. Ивановой:

Я столько виновата против вас, любезный Виссарион Григорьевич, что даже не имею оправданий никак, а прошу извинения, прощения; пожалуйста, не сердитесь на меня и не переменяйте своего расположения ко мне. Я хотела писать к вам больше, но нынешний раз ни время, ни место не позволяют сего, а вперед буду стараться доказать частыми своими письмами, что ничто не переменит уважения моего и расположения к вам Катерины Ивановой.

Я от бабушки услышала теперь очень для <меня> горестную новость, он подал бумагу о переводе себя в Элатъм, вы не поверите, как это меня огорчает, теперь бог знает как мы с вами увидимся ⁴.

Приписка А. Е. Иванова:

Я и моя трубка, наложенная фалером, свидетельствуем Вам глубочайшее почтение, из которой я так сильно затянулся за Ваше здоровье, едва не до слез.

Ал<ександр> И в а н о в

Вторая приписка Е. П. Ивановой:

Папёнка мой признает себя несправедливым против вас, и он приписывает вам свой поклон в письме А<лексею>. Я буду вам писать с Митею.

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено 25 августа, во вторник.

¹ Анна Петровна Мосолова — см. прим. к письму № 21. Деревня Мосоловых — Поляны, вблизи Чембар.

² «Известные тебе студенты Казанского университета» — бывшие семинаристы, с которыми Белинский жил в Пензе: чембарцы А. С. Годубинский (Свищенский) и М. С. Меридианов; оба — медики. См. о них в сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 47.

³ Чин коллежского асессора, которым приобреталось потомственное дворянство, Г. Н. Белинский получил 7 августа 1830 г.; см. примеч. к письму № 23.

⁴ Перевод Г. Н. Белинского в Елаатьму не состоялся.

33. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

Москва, 1831 года, августа 19 дня

Милостивые Государи
Папилька Григорий Никифорович
и Маминька Марья Ивановна!

Не получая от Вас столь долгое время писем, я нахожусь в мучительной неизвестности обо всем, касающемся до нашего дома. Кажется, что Вы совсем меня забыли. Уж не сердитесь ли Вы на меня за мое молчание? Если так, то напрасно: причину оного есть и то, что нечего и не о чем было писать, и то, что не с кем писем пересылать, а за пересылку по почте, по неимению денег, нечем платить; притом же я один: в случае моего молчания Вы не знаете о состоянии одного меня; я же, в случае вашего, не знаю ничего о состоянии целого нашего семейства; следовательно, Ваши письма для меня должны быть гораздо интереснее, чем мои для Вас. Впрочем, меня с А <лексеем> Петровичем все забыли, и для нас нет ни слуху ни духу о любезном Чембаре. От нас уехали к Вам некоторые москвичи; они обещались к нам писать как можно чаще и подробнее; мы им поверили и жестоко обманулись в своих ожиданиях: м о с к в и ч и обманули нас самым неблагоприятным образом, вероятно, по неимению свободного времени, которое они употребляют на то, чтобы блистать м а л и н о в ы м и л о с к у т о ч к а м и и тому подобное¹. Но довольно об этом; скажу Вам что-нибудь о себе.

Вакацию я проводил самым скучнейшим образом. Вспоминая время, проведенное мною прошлого года дома, и удовольствия, которыми я наслаждался в обществе моих родных и знакомых, сравнивая тогдашнее мое положение с настоящим, я подчас грустил и тосковал не на шутку. Душа рвалась к Вам: но, как говорит русская пословица, и р а д б ы в р а й, да г р е х и н е п у с к а ю т... Насилу, насилу я дождался конца этой несносной вакации; она кончилась, и скоро начнутся лекции. К нам приехало довольно большое число пензенцев; некоторые из них были моими товарищами по гимназии и сидели со мною на одной скамье; большая часть из них уже сделана студентами.

Я недавно вышел из больницы, в которой пролежал около двух недель. Что за щастливый год для меня нынче! Три раза был в больнице и, может быть, скоро буду в четвертый! У меня открылась в правом боку жестокая колика, которую еще более усугублял сильной кашель, к этому еще присовокупилась ужасная боль в груди. Желая избежать больницы, я просил рецепта у одного из наших суб-инспекторов, лекаря З а й к о в с к о г о. Он сказал, что у меня, должно быть, воспаление в легких, происшедшее от простуды, и что мне надобно или поставить пиявок, или пустить кровь, а к груди приложить мушку, почему и посоветовал мне идти в больницу, что я и исполнил. Но С т р а х о в, ординатор нашей больницы, вместо всего этого прописал мне какой-то мази, да какого-то лекарства, похожего цветом и вкусом на аршад; от кашля я избавился, грудь тоже перестала болеть, но колика не только не унимается, но еще усиливается более; итак, я получил только о б л е г ч е н и е, а не в ы л е ч и л с я. С т р а х о в смеялся над моею болезнию и называл ее пустою; но жестокая боль

Письмо 14 августа 1881

Почтено в 8 часов, во
Воскресенье.

Любимый друг,
Присылаю привет!

Не получила отъ моего ни одной строки,
со времени моего отъезда, так что совершенно
обязательно для меня твоя подробная
информация, или переписка необходима.
Видно, что ты мало пользуешься, так что
лучше всего воспользоваться в пользу отъ
каждого письма отъ тебя, которое ты бы
испустила в 18 числа.

Обстоятельно, очень суффиксально, выбираю
ли мало возможности, вы там дома, сколько
спрашиваете, вы там выжили, да рас-
платились выжили, там же и так же
ничего не изменили и вы же выжили, сколько
много выжили, да вы же выжили!

много буду или перепись о дипломатии моего
Делегации Ломы. Правда, судя по документам и по документам
каждому, что такой человек и по документам и по документам
встретится мне в Ломы, правда, что по документам
и по документам, судя по документам, правда, что по документам
такой человек и по документам и по документам
чуждым и по документам и по документам.

Дипломатия Ломы

Обстоятельно, судя по документам, правда, что по документам
и по документам, судя по документам, правда, что по документам
такой человек и по документам и по документам
чуждым и по документам и по документам.
Итак, судя по документам, правда, что по документам
и по документам, судя по документам, правда, что по документам
такой человек и по документам и по документам
чуждым и по документам и по документам.

АВТОГРАФ ПИСЬМА Д. П. ИВАНОВА К БЕЛИНСКОМУ ОТ 14 АВГУСТА 1881 Г. С ПРИПИСКАМИ Е. П. И А. Е. ИВАНОВЫХ

Листы первый и последний. На первом листе сверху рукою Белинского отмечена дата получения письма

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

и почти, проведенные без сна, уверяют меня в противном. Один раз и он было призадумался; но после решил, что если бы у меня было воспаление, то это бы видно было из лица, а лицо мое было в обыкновенном положении. **З а й к о в с к и й** опять-таки советует мне пустить кровь, ежели болезнь усилится.

Так как **С т р а х о в** прописывает мне на целый день только один фунт белого хлеба, да порцию ухи из 4-х мелких рыбок, то я принужден был покупать себе сам от себя булки и сливочное масло; да сверх того я пил сушеную малину с сахаром, вместо чаю; она, производя во мне пот, доставляла мне большую пользу. Необходимость иметь эти вещи и другие, как-то: чайник, чашку и проч.—заставила меня войти в небольшой долг, почему я и нахожусь принужденным побеспокоить Вас покорнейшею просьбою оказать мне небольшое вспоможение, тем более для меня нужное, что я и прежде сего немного был должен по мелочи, и сверх того непременно решился сам по себе пустить себе кровь, чего без денег сделать нельзя. Я ужасно боюсь, чтобы болезнь моя не обратилась в чахотку. Надеюсь, что Вы не откажете мне в моей просьбе.

У нас произошла большая перемена в столе. Попечитель взял в уважение неотступные просьбы студентов и сменил эконома. Теперь стол хоть куда! Особенно по праздникам он бывает так хорош, что лучшего желать не должно и не можно. Теперь каждый день на кухне дежурят по двое студентов. Они смотрят за поварями, принимают и выдают припасы, ключ от которых держат при себе. Ежели припасы по каким-либо причинам им не понравятся, то они имеют право отослать их назад и требовать других. Они же отвечают за стол, записывают расходы; обедают и ужинают после всех студентов.

Маминька, сделайте милость, пришлите мне с кем-нибудь теплый, стеганый нагрудник и, если можно, какую-нибудь суконную жилетку, которая застегивалась <бы> наглухо и с воротником, чем премного меня обяжете. Я теперь так опасаясь простуды, что даже и в жаркие дни застегиваю наглухо виц-мундир и хожу в шинели.

Что за странное у нас в Москве лето! Дожди беспрестанные, дни всегда холодные, пасмурные, солнце видим редко, бурь не бывает, и я не более как два слышал небольшой гром. Зато грибов, грибов! Ешь — не хочу! Возами возят.

Свидетельствую мое почтение Бабушке Дарье Евсеевне и всем нашим родным и знакомым, исключая, однакоже, тех, которые меня позабыли и на мои частые письма не хотят отвечать ни одною строчкою. Бог с ними! Прощайте! Будьте здоровы и счастливы! Ваш сын

Виссарион Б е л и н с к и й

Приписка А. П. Иванова:

Милостивые государи дедушка и бабушка!

При сем и я свидетельствую Вам мое всенижайшее почтение, с каковым остаюсь Ваш, милостивые государи, внук и покорный слуга

Алексей И в а н о в

Приписка Белинского:

Любезный братец,
Константин Григорьевич!

И ты, по примеру всех чембарцев, забыл о своем бедном брате и не хочешь его знать! Что за немилость такая? Пиши бога ради! Для меня очень интересно знать, как ты поживаешь и как живут все наши домашние. Пожалуста, не ленись писать. Кланяйся от меня Федосье Степановне; она

никогда не забывает меня и любит, как своего родного сына. Уведомляй меня о шалуне Никаноре, который, я думаю, ужасно исповесничался. Кланяйся также всем знакомым, которые меня помнят. Прощай.

Твой брат Виссарион Б е л и н с к и й

Надпись о получении: Получено 29 августа 1831 года, в субботу.

¹ Под «некоторыми москвичами» Белинский имеет в виду Д. П. Иванова. «Малиновые лоскуточки» — малиновый воротник студенческого мундира, в котором щеголял Д. П. Иванов, впервые приехавший в Чембар студентом.

34. Г. Н. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1831 года, сентября 4 числа *

Виссарион Григорьевич!

О болезни твоей имел я суждение и нашел, что оная происходит от твоей неосторожности. От чистого сердца желаю тебе посланные при сем двадцать пять рублей ассигнациями употребить в пользу облегчения твоей болезни.

Я слышал, что ты табак покуливаешь без всякой причины или надобности. В твоих летах предаваться никакому излишеству, подобному табаку, невозможно; умеренное и необходимое, для твоего нынешнего состояния и возраста, желаю побережь себя. Я хотел объяснить тебе подробно, но надеюсь, что ты и сам можешь понять.

Приписка М. И. Белинской:

Милый друг Виссарион Григорьевич.

И я свидетельствую тебе мое почтение. С Митенькой посылаю тебе две манишки теплые: одна тафтяная, а другая демикотоновая черная, и надеюсь, что твоей груди будет тепло. Меня твоя болезнь очень расстроила. А жилетку мне не из чего шить, то и советую тебе на присланные деньги купить фланелью белого и шить фуфайку и носить под рубашкой на голом теле. В противном случае, не найдешь фланелью или очень дорог, то купи белой бумагой на фуфайку и носи и береги свое здоровье.

Желаю тебе быть здоровым, остаюсь мать твоя

Марья Б е л и н с к а я

1831 года, сентября 4 числа

Приписка К. Г. Белинского:

Любезнейший братец
Виссарион Григорьевич!

Как уже и е р в ы й час, то и спешу на почту с сим письмом, в котором посланы тебе деньги—25-ти рублевая ассигнация, которая пригодится очень на твои нужды; итак, до следующего случая, прощай! Поклонись Алексею Петровичу.

Брат твой

Константин Б е л и н с к и й

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено сентября 16 дня.

* Датировка проставлена рукою К. Г. Белинского.

35. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1831 года, сентября 4 дня

Любезнейший братец
Виссарион Григорьевич!

Письмо твое от 19 августа мы получили 29-го августа, чрез которое узнали мы, что ты нездоров; это нас довольно огорчило и заставило еще более о тебе думать и вспоминать о твоих обстоятельствах, которые иногда невольно вырывают вздох из груди, тебя любящей. Ты пишешь, что я, по примеру чембарцев, к тебе не пишу; причиною сему есть то: неименне денег, занятия по должности <...>

Ныне как папенька подал на имя государя императора просьбу 14 августа о перемещении его в город Елатьму, то ежели не заместят ее, а придется папеньке, чтоб он туда ехал, то посему я и не знаю, куда мне переходить — туда в Уездный суд, или в Тамбов в Казенную палату, или в Саратов, где служит Константин Васильевич Великопольский по Контрольному отделению, куда он меня и звал и хотел постараться о сем, чтоб меня перевести. Он меня полюбил, и я надеюсь найти в нем себе друга, к тому ж содержание в Саратове дешевое, равно и квартира. То и прошу у тебя совета, как у истинно родного мне брата, куда мне переходить, которое место найдешь мне выгодным и приличным моему характеру, чем много одолжишь оным. О Никаноре скажу тебе, что он нынче уже ходит в училище, я его свел вместе с Петенькой, которого также свел Дмитрий Петрович в один день, и сидят в первом классе на первом столе. В первом классе ныне новый прислан учитель из Казани на место Рубашевского, который, вышедши в отставку, просил себе места учителя такого же класса, но вместо учителя первого класса он сделался смотрителем Балашевского уездного училища, где теперь и находится. О сем учителе тебе скажу, что его фамилия Удинцов (Иван Андреевич), человек довольно умный и ученый, знает хорошо по-латыни, по-французски, по-немецки изрядно, он уроженец Пермской губернии, один у отца и матери сын; он с нами знаком, я к нему хожу нередко, но об этом в сторону, ты верней можешь узнать о характере и достоинствах сего учителя от Дмитрия Петровича, который также с ним знаком и имел суждение о предметах довольно важных в своем роде. Любезнейший братец! Как я разыграл свои Басни Крылова в 10 рублей и две другие книги, которые и не обращают на себя внимание своим достоинством, а именно: Э м м а, стихотворение Л и т в и н о в а, и переводы Б у н и н о й, которые ты мне привез из Москвы, приезжавши на вакацию; с оными составляет 12 руб., то и покорнейше прошу на означенные деньги купить мне Басни Крылова в переплете и нельзя ли достать с портретом; Басни и сказки И. И. Хемницера в трех частях, шестое издание, вновь исправленное, с описанием его жизни и искусно гравированным портретом, картинками и виньетами. Москва, в тип. Н. Степ. 1830 года, цена полагается самая умеренная, в бум. 3 руб., в переп. 4 рубли. В лавке Глазунова. То ты и купи мне оную в переплете; да еще бритву, которая мне очень нужна, то докажет тебе Дмитрий Петрович, который, я думаю, помнит бывший у меня на щеке рубец. Любезнейший братец, прошу тебя вторично сию мою просьбу исполнить и прислать с возвращающимися домой лошадьми князя Кугушева, которые повезут Раису Николаевну Кугушеву домой, чем очень много одолжишь мне. Писать более нечего, а ежели хочешь знать подробно, то Studiosus Dmitrius¹ все расскажет. Итак, прощай, любезнейший братец! Желаю тебе здравия и всего, чего сам желаешь.

Брат твой Кон<стантин> Б е л и н с к и й

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает о своих служебных делах.

Упоминаются: П. П. Иванов, Щеглов и Яков Иванович.

¹ «Studiosus Dmitrius» — Д. П. Иванов.

36. Е. П. ИВАНОВА — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар, начало сентября 1831 г.⟩

Никогда так трудно не было для меня писать к вам, любезный Виссарион Григорьевич, как теперь: я по своей лености и беспечности отучила себя от этого многоприятного для меня занятия. От всего сердца вам признаюсь, что причиною моего молчания было мое нерадение, а как такое признание есть половина исправления, то, поверьте, и я буду стараться не быть вперед столько виноватой против вас. Вы не можете себе представить, как тревожит меня упрек, сделанный вами в письме к вашим родителям насчет нас с Д⟨митрием⟩, но он уже исправил свою вину, и я теперь одна чувствую всю силу этого упрека и не прежде совершенно буду покойна, покуда вы со мною помиритесь. Я во зло себе сделала то, что не писала к вам, и тем лишила себя радости получать ваши письма так

Д. П. ИВАНОВ

Фотография 1860-х гг.

Литературный музей, Москва

Русская Фотография в Москвѣ.
на Невскомъ доулѣ Бирлякова.

часто, как желаю. Я мало сказала, что письма ваши доставляют мне радость, но они просвещают, наставляют меня, так вы можете представить, как я много их ценю, и потому, верно, не будете мне мстить и не лишите радости пользоваться вашими письмами.

Нас очень беспокоит ваша болезнь, а при вашем несколько нетерпеливом характере она может быть для вас очень опасною. Вы, верно, не послушаетесь, ежели вас попросят не курить табак и не пить уксус, который вы до смерти любите и который вам может сделать смертельной вред, а не отказавшись от этого, вам никакое лекарство не поможет.

Ваши задумали совсем оставить наш Чембар и переселиться в Элатъм. Может быть, они получают от этого большие выгоды, но сколько ни желаю я добра вашему семейству, признаюсь, готова молиться, чтоб желание их не исполнилось. Я без огорчения не могу подумать об этой разлуке, да мы не раз и оплакивали оную.

Давно я собиралась поговорить с вами об моем *papa*; я знаю, вы на него негодуете, и точно, он оскорбил вас; но не считайте, чтоб сделал он со злым намерением, но это произошло от некоторых его предрассудков и его пристрастия ко всем правам и уложениям гражданским и уголовным, вы ведь знаете его конек? Теперь хотя он и раскаивается, что оскорбил вас, однако все говорит, что он должен был так поступить в предостережение своих сыновей, и, поверьте, ежели бы и сын его был на вашем месте или в подобных обстоятельствах, он сам бы побоялся писать к нему и запретил бы брату с братом иметь сношения, но, впрочем, вы знаете, что он добрейший человек и нежный и почтительный отец и только одну имеет странность: судить и располагать все по установлениям юриспруденции.

Нас постигла довольно значительная неприятность. Получено предписание от губернатора, чтоб пашеньку за неисправность по службе перевести в Керенск. Представьте себе, каково старику, служившему с таким усердием и ревностью сорок лет¹, понести такое оскорбление и переносить это по клевете мерзавцев, опять каково получать наказание за неисполнение по службе тому, который прежними губер<наторами>, даже самим Сперанским, ставился в пример по деятельности². Посудите, не явные ли это козни? В указе пишут, что по представлениям нашего стряпчего в суде большое запущение по делам, и за это наказывается секретарь. Чем же он один виноват? Кабы вы взглянули на него теперь! Я никогда не видала его так расстроенным: он даже плачет иногда; и легко ли — честному человеку понести оскорбление своей чести мне кажется великим несчастьем. Прощайте, желаю вам облегчения в вашей болезни, искренно любящая и уважающая вас

Катерина И в а н о в а

¹ П. П. Иванов поступил на службу в 1788 г., девяти лет.

² М. М. Сперанский был пензенским губернатором в 1816—1819 гг.

37. М. И. БЕЛИНСКАЯ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1831 года, 6 сентября, воскресенье *

Милый Виссарий Григорьевич!

Отец тебе послал денег 25 руб. 4 сентября через почту, я настояла в этом, чтобы ты скорее получил деньги. Я тебе посылаю с Митенькой две ватопные манишки, одну коричневой тафты, а другую — черного демикотону, и желаю тебе, носивши оные, получить совершенное облегчение в болезни. Еще посылаю горшечек чухонского масла и окорок ветчины и желаю тебе

* Датировка проставлена рукою К. Г. Белинского.

скушать на здоровье; еще, мой друг, посылаю тебе корни, называемые дивисил, мне советовали почтенные люди, чтобы ты ихпил, которые тебе сделают большую пользу <...> А во время употребления сего декохту соблюдение диеты — рыбы не есть, ни соленой ни свежей, не есть капуста кислой, уксусу и хрену, теплее одеваться. Отец твой недели с три пьет в мертвую голову и меня поносит и ругает всячески, а Никанор учится в училище, и хвалят, что очень хорошо, но в нравственности нисколько не исправляется, мне делает ужасные грубости инеприятности, особливо тогда, когда отец дома; с людьми воюет попрежнему <...> Книги Константин у его все обобрал, присланные тобою из Москвы, но он не в претензии по той причине, что он в них никогда не заглядывает. Теперь прощай, мой друг, желаю тебе быть здоровому, остаюсь мать твоя

Марья Б е л ы н с к а я

1831 года, сентября 6 числа

Приписка А. Г. Белинской:

Милый братец Виссарион Григорич, посылаю тебе кошелек моей работы. Извини, что без замочка, здесь нельзя купить ни за какую цену, сам купи в Москве и отдай кому-нибудь пришить. Прощай, остаюсь сестра твоя

А. Б.

Приписка К. Г. Белинского:

Любезнейший братец

Виссарион Григорьевич!

Письмо мое от 16 июля, которое я хотел послать с Мещериновым, но опоздавши оно осталось; но теперь по совету Дмитрия Петровича посылаю, хотя некоторое и не принадлежит к нынешнему времени в рассуждении папенькиной болезни и о Никаноре, который ныне в училище учится, но в нравственности своей нимало не исправляется. Письмо сие считай присланным в июле месяце. Прошу тебя покорно прислать своего сочинения Трагедию, которую я давно горю желанием прочесть, как х о р о ш е е произведение моего брата, показавшего на ней свой первый опыт по сему роду поэзии <...> Пишу тебе о себе, что я тогда буду спокоен в расположении своего духа и мыслей, когда буду в состоянии сам себя содержать. Меня это часто так тревожит и беспокоит, что иногда невольно выпадают из глаз моих капли слез на стесненную вздохами и положением грудь. Ты не поверишь, меня часто твое долгое молчание очень беспокоит и приводит в большое раздумье. Кажется, писать более нечего и не о чем, как пожелать тебе здравия и благополучия. Прощай! Остался брат твой

Константин Б е л и н с к и й

В опускаемой части письма М. И. Белинская подробно описывает, как пользоваться посылаемым ею лекарством; К. Г. Белинский в своей приписке поздравляет А. П. Иванова с получением чина титулярного советника и определением в Московский сенат.

Упоминаются: Н. Г. Белинский и А. П. Иванов.

38. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

Москва 1831 года, сентября 29 дня

Милостивые Государи

Папилька Григорий Никифорович
и Маминька Марья Ивановна!

С чего начать мне письмо мое к Вам? О чем говорить прежде всего? Начну с благодарности, а кончу... просьбою. Итак, благодарю Вас чув-

ствительно за Ваше неоставление, а более всего за Ваше внимание к моей болезни, внимание, о котором свидетельствует поспешная присылка денег,— и прошу Вас, ради самого бога, еще прислать мне... по крайней мере столько же денег. На что? спросите Вы. Я мог бы исчислить Вам тысячи нужд, и справедливых и несправедливых, но теперь скажу только то, что они мне крайне нужны: я весь обносился; шинелишка развалилась, и мне нечем защититься от холода, а новой никогда не дадут,— да и кроме того, у меня очень многого недостает. Присланные Вами деньги я истратил на уплату долгов, на покупку лекарств и на разные необходимые мелочи. Мне непременно нужно запастись каким-нибудь сюртучишком и прочим принадлежащим к нему платьем. Одним словом, если бы я не имел крайней нужды, то никогда бы не стал тревожить Вас моими просьбами. Вы не можете представить себе, каких ужасных усилий стоило мне преодолеть мою нерешимость и написать эти строки! Для меня нет ничего ужаснее, убийственнее, как быть кому-нибудь в тягость. Итак, прошу Вас: или исполните мою просьбу без укоризн, ежели она покажется Вам слишком неприятною, или... мне ничего не нужно!..

Мне стало легче; боль в боку и в груди прошла совершенно, но кашель мучает еще жесточее прежнего. Ни грудной чай, который я каждый день пил, ни порошки не помогли. Вот уже несколько ночей сряду я не могу спать без того, чтобы кашель ежеминутно не прерывал моего сна. Одно слабительное немного помогло: посредством его уменьшилась мокрота, которая почти задушила меня; однако же некоторого рода одышка и теперь еще не оставляет меня.

Для меня очень приятно, что Вы переезжаете в Елатом; дай бог, чтобы вместе с переменою места переменилось и состояние нашего семейства, чтобы мир и согласие водворились в нем и чтобы семействе мое счастие, это верховное блаженство, которое должно быть целью человеческой жизни, ее наслаждением и радостью, приосенило крылами своими наш дом! Ах! Для исполнения этого желания я готов пожертвовать своим собственным личным счастьем, если бы от этого оно зависело!..

Папинька, прошу Вас именем самого бога: обратите свое внимание на Никанора — исправьте его нравственность. Семена, брошенные на землю мягкую и нежную, принимаются скоро, и ежели от них выростут плевелы, то трудно будет вырвать их: они принесут плоды горькие, колючие и терниями своими будут колоть того, кто мог, но не хотел их вырвать тогда, когда это еще можно было сделать. Что если эти тернии впоследствии будут колоть самого его, и он, не имея столько душевной твердости, чтобы подавить боль, самому себе причиняемую, затаить ото всех свои страдания, будет некогда громко обвинять Вас — каково Вам тогда будет? Да не покажутся Вам слова мои слишком смелыми: источник их моя горячая любовь к Никанору; надеюсь, что эта вина в глазах Ваших будет простительна. Я день и ночь об нем думаю; всякий раз жду с нетерпением об нем известий и почти никогда не получаю ни одного радостного, утешительного.

Вы, Папинька, говоря о моей болезни, намекаете мне о некоторого рода неумеренности, как причине оной; я на это скажу Вам, что скорее можно упрекнуть меня уже в слишком излишней умеренности, нежели... Что же касается до трубки, то она, как мне кажется, не только не виновата в болезни, но еще облегчает оную, способствуя отделяться мокроте. Отстать от нее я никак не могу, ибо эта привычка обратилась мне в страсть, эта страсть есть общая между всеми студентами. Я слышал от Дмитрия Петровича, что Лукерья Савельевна говорила Вам что-то будто бы о моем пьестве. Почитаю лишним и ненужным делом оправдываться перед Вами в сем доносе: его сделала Лукерья Савельевна, и я никак не думаю, чтобы Вы могли ей поверить в чем-нибудь.

Благодарю Вас, Маминька, за присланные Вами теплые манишки; в моих обстоятельствах такой подарок драгоценен. За масло также благодарю Вас; только для меня было бы приятнее получить что-нибудь другое, например, окорок ветчины или что-нибудь подобное, ибо не успел я и трех раз полакомиться этим маслом, как принужден был отдать его перетопить, потому что оно уже стало желтеть и горькнуть. Писать больше нечего и потому прощайте! Желаю Вам быть здоровыми и счастливыми, желаю от искреннего сердца, чтобы сбылись все Ваши намерения! В ожидании ответа остаюсь любящий и почитающий Вас сын Ваш

Виссарион Б е л и н с к и й

Р. S. Прошу Вас засвидетельствовать мое почтение Бабушке Дарье Евсеевне.

Надпись о получении: Получено 15 Октября 1831 года, в четверток ночью.

39. БЕЛИНСКИЙ — К. Г., А. Г. и Н. Г. БЕЛИНСКИМ

Москва 1831 года, 29 дня <сентября>

Любезный братец

Константин Григорьевич!

Письма твои я получил; ты на этот раз таки не поленился писать — и за это я тебе особенно благодарен. «Пиши пока пишется, говори пока говорится, и все это от души, от сердца» — вот одна из примечательнейших черт физиономии добрых истинно русских людей, у которых, по пословице, что на уме, то и на языке. Комиссию твою я исполнил — не знаю только хорошо ли: боюсь, чтобы ты не остался мною недоволен. Я тогда только вспомнил о б р и т в е, когда уже истратил все деньги на к н и г и. Это меня довольно пообеспокоило, но как бы то ни было дело уже сделано и поправить его было нельзя; при том же на п о р я д о ч н у ю бритву надобно плохо, плохо с и н и ц у, а так как ты непременно велел купить тебе К р ы л о в а и Х е м н и ц е р а Басни (а на покупку их потребно было боле пяти рублей) — то на остальные деньги и нельзя было найти сносной бритвишки. Итак, я купил тебе: I) Новое, самое последнее С м и р д и н с к о е издание Басен К р ы л о в а в в о с ь м и частях, в маленьком формате, вышедшее в 1830 году. При нем нет портрета автора; но восьмая часть (закрывающая в себе новые и, верно, тобою нечитанные Басни) я думаю стоит портрета. II) То самое издание Басен Х е м н и ц е р а, с портретом автора и с картинками, о котором ты писал. За обе эти книги я заплатил 6 рублей. III) Д е н н и ц у, Альманах, изданный М а к с и м о в и ч е м на 1830 год. Этот Альманах наделал при своем появлении очень много шуму; особенно О б о з р е н и е было долгое время предметом бесчисленных журнальных споров, похвал, браней и нападков; в нем все статьи (за исключением уродливого, нелепого и бессмысленного С о х а т о г о ¹) очень хороши. IV) Н е в с к и й А л ь м а н а х на 1827 год — довольно недурной сборник стихов и прозы. Купленный мною довольно поношен и в нем недостает, кажется, трех картинок. За оба Альманаха я заплатил 4 рубля. Не забудь, что они и теперь у Ш и р я е в а продаются по 10 рублей! Вот какими книгами обогатится теперь твоя библиотека! Сверх сего я посылаю тебе собственную мою книгу, народный русский в о д е в и л ь: М е л ь н и к, несколько № разрозненных журналов, в числе коих три № почившего в бозе Л и с т к а, и картину, стоящую 5 копеек серебром, В о с т о ч н у ю Л ю т н ю, Д л а л а Р у к; сию последнюю отдай сестре.

Кстати о Листке: ты пишешь, что ты его все дожидаясь — не беспокойся об нем: многострадальный юноша кончил свою жизнь; великий муж помре в мае! Увы! как весенний цветок, он едва начал расцветать — и завял! Вот уже больше двух месяцев, как о нем нет ни слуху ни духу. Ты просишь у меня всех № Галатеи за 1830 год: у меня их нет и не бывало; я прислал к тебе только те, которые изданы самим Артемовым (под именем Рача); я только их и имел у себя.

Ты просишь у меня совета, где тебе служить. Советую продолжать твою службу, до получения офицерского чина, в Чембаре, а там, где бог велит. Тебе всего необходимее такой человек, которой был бы твоим начальником и вместе покровителем; кроме Петра Петровича, ты нигде не найдешь себе такого человека. В Чембаре тебя все знают, и ты всех знаешь; в другом же месте ты должен будешь привыкать к людям чужим и незнакомым: вспомни Пензу! В Чембаре для твоих успехов по службе нужно одно прилежание и хорошее поведение; в других же местах нужно иметь ту особенную гибкость характера, а особливо спины, то хитрое искусство подделываться под тон всех и каждого, ту проницательность, ловкость, смелость, сметливость, догадливость, то проворство, которых ты не имеешь и без которых нельзя ни в чем успеть. Чужие люди о тебе никогда не станут так стараться, как свои. Нет, брат, служи-ка в Чембаре; будь прилежен, веди себя хорошенько, да помни русскую пословицу: не сули журавля в небо, давай синицу в руки. Уважай своих начальников, но не унижайся пред ними, исполняй их приказания ревностно, не рассуждая, хороши ли, худы ли они: это не твое дело — старайся в точности исполнять возложенные на тебя обязанности, и больше ни о чем не думай. Плохой тот солдат, который рассуждает, вместо того, чтобы слепо повиноваться. Ежели всякий подчиненный будет только судить, да рядить и делать только то, что ему кажется нужным, а не то, что велят, тогда не будет никакого порядка, и все превратится в хаос. Конечно, способность мысли есть первая принадлежность и достоинство разумных существ; мысли, рассуждай, вникай в начала и причины всего, испытывай, сравнивай, взвешивай все на весах рассудка, но только тихонько, про себя, чтобы никто не слышал; где не поймешь — спроси, кто больше тебя знает — а сам делай, что велят! Старайся вникать в порядок, в сущность службы, чтобы некогда быть способным занять должности, высшие той, которую теперь занимаешь. Больше думай, меньше говори; ни о ком не отзывайся в худую сторону; ежели совесть запрещает тебе хвалить человека, то и не хули; знай про себя, кто худ и кто хорош. Чрез это ты избежишь многих неудовольствий. Помни, что Петр Петрович — твой родственник, но не забывай, что он также и начальник твой, и что он по всем отношениям имеет право на твое уважение.

Дома старайся избегать всеми мерами неудовольствий; где смолчи, как будто не расслушал, где отойди, как будто нужно идти куда, а когда не избежишь, то терпи, помня, что все к лучшему! Вот тебе сколько наставлений! Прими их с тем же чувством, с каким я писал их...

Ты опять принялся за стихи — это мне не нравится. Ты просишь разобрать их; скажу тебе просто (не прогневайся на мою откровенность), что они так плохи, что ниже всякой критики. Что за метромания такая напала на тебя? Какая в этом польза? К чему зря время терять? Чтобы быть поэтом, надобно иметь отличные дарования, творческое воображение, творческую душу, чувства пламенные, темперамент горячий, характер раздражительный, пылкий; надобно уметь и мыслить и чувствовать о себе иными образом, видеть там много, где другие ничего не видят. Спроси себя: узнал ли ты себя в этом портрете? Ежели нет, то разбей свой

нестройный гудок, изорви скрипучие струны и забудь писать стихи. Ежели в иные минуты тебе захочется покинуть скучный мир действительности и устремиться в очаровательную страну воображения, чтобы созерцать там вечную, беспокровную красоту идеального изящества, то разверни какое-нибудь творение какого-нибудь Художника и наслаждайся чистым, святым и безмятежным восторгом. А сам лучше учись писать прозой и для того упражняйся в прозаических сочинениях: я охотно берусь поправлять их. Уменьше писать прозою необходимо в действительной жизни. Жалок и вместе достоин презрения тот, кто не умеет нескольких строк написать правильно и с толком. И для того учись грамматике, читай хорошие прозаические сочинения, вникай в их дух и, руководствуясь ими образцами, учись сам писать так же легко, свободно и приятно.

Учиться нет стыда — невеждой стыдно быть!

О чем еще писать к тебе? Кажется, что не о чем. И так — прощай! Будь здоров, счастлив, не забывай моих дружеских советов и люби попрежнему твоего брата

Виссариона Белинского

Любезная Сестрица
Александра Григорьевна!

Благодарю тебя за твой подарок — он доставил мне большое удовольствие как знак твоего ко мне родственного расположения. В благодарности за оный умоляю тебя: любви менее рассеянность, старайся образовывать твою душу и сердце и украшать их теми прекрасными, истинными нарядями, без которых человек не есть человек! Читай книги, будь всегда в обществе благородном, образованном и люби более удовольствия чистые, наслаждения изящные и предпочитай их ложному светскому блеску. Учись — учиться никогда не поздно. В Катерине Петровне ты найдешь для себя и друга, и наставника, и учителя — ежели только предубеждение и зависть или легкомыслие не попрепятствуют тебе воспользоваться ее уроками. Ныне времена не прежние: ныне люди не ученые естествоиспытатели, но не образованных вездешных презирают. Подумай о моих советах. Имею щие уши — да слышат!

Остаюсь любящий тебя твой брат

В. Белинский

Любезный братишко Никанорочка!

Ко мне пишет Константин Григорьевич, что ты прилежно учишься в училище, то же самое я слышал и от Дмитрия Петровича. Благодарю тебя за это, мой маленькой дружиче; это меня очень радует. Все хорошо, да вот беда: говорят, что ты нимало не исправляешься в своей нравственности, не уважаешь Маминьку, не слушаешься ее; также и старшего твоего брата, которого даже и я люблю и уважаю, нимало не считаешь, и даже осмеливаешься ругать его. Тоже и сестру свою. Смотри, брат! Исправься, а не то, по моем приезде, быть худу! Я ни на кого не посмотрю: отдеру при Папивьне. Прошу тебя: не доводи себя до беды. Я скоро добьюсь хороших книг с картинками и отдам их Константину в полное распоряжение; ежели будешь вести себя так же хорошо, как учишься, то он подарит тебе их, а если нет, то как хочешь. Такому маленькому мальчику, как ты, и чужим людям стыдно не только обижать, но и обходиться с ними невежливо; а каково же не уважать и не слушаться родной матери, брата и сестры. За это тебя и бог накажет. Пожалуста, друг мой, исправься. Пиши ко мне письма и живи со мною в ладу во избежание всякого зла.

Приписка Д. П. Иванова — К. Г. Белинскому:

Наконец, из Москвы скажу тебе последнее прощай, любезный дружище! Вспомни вакации! Обрисуй в твоей памяти все наши деяния и пожалей, что так рано оставил я шумные наши беседы в пустынном Чембаре. Пиши ко мне, что случилось после меня. Кланяйся Декартову и Асновину.

Истинно преданный тебе

Дмитрий Иванов

Надпись о получении: Получено 16 Октября, 1831 года, в пяток по утру.

¹ «Сохатый (сибирское предание)» — повесть Н. А. Полевого, напечатанная в «Деннице» на 1830 г., стр. 172—249.

40. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1831 года, ноября 17 дня, вторник

Любезнейший братец
Виссарион Григорьевич!

Письмо твое к папеньке и маменьке от 29 сентября мы получили 15 октября от князя Кугушева, в который день маменька была у его супруги, уже ночью при огнях; а я свое и с посылками получил от владыкинского человека 16 октября поутру с следующими книгами: Баснями Крылова и Хемницера, альманахами: Денницею и Невским, журналами: Листком 42, 43 и 45 №, но других, как видно из письма твоего, разрозненных № журналов и картинку не получил — Восточною Лютнею, Мельником оперою и Лалла Рук, сию, по просьбе твоей, отдал сестре; за означенные последние книги приношу мою чувствительную благодарность.

Ты пишешь, понравятся ли мне купленные тобою книги, на сие отвечаю и начну с басен: Крыловых формат мне нравится, но только их хотелось иметь с портретом и переплетом, Хемницеровы всем нравятся, Денница также и Невский, которыми мне довольно угодил; но только в последнем, как видно из оглавления, нет 4 картинок и с начала много уже изорван, но стихи в нем все хороши, как в Деннице проза.

Любезнейший братец! Опять приступаю с моею покорнейшею просьбою, хотя я этим тебе и надоел, но делать нечего, я думаю, ты на это не будешь много сердиться, прислать последние номера Листка, где есть продолжение и окончание повести Фельдфебель потсдамской гвардии, а может быть и твои произведения, чем очень много буду благодарен.

Я читал в 45 № Листка Библиографию о Борисе Годунове (трагедия А. С. Пушкина) твоего сочинения. Это для меня очень много приятно: дай бог, чтобы ты с таким удовольствием и со всем жаром пламенеющего сердца ко всему изящному и высокому и к родному столько много любимому мною брату еще сочинял, как я оную читал, и присылал бы мне и тем бы доставлял большое мне удовольствие; как уже я о трагедии писал, которую ты сочинил, но на просьбу мою нет ничего, и потому прошу наипокорнейше оную с первой будущей оказией прислать, чем очень много... одолжишь...*

Любезнейший братец! Твои советы в рассуждении моей службы довольно справедливы и основательны, я их принял с большим удовольствием,

* Многогочия в рукописи.

равно как и читал; они все нашим домашним понравились и даже бабушке, которая, когда я ей читал, была в удовольствии и тебя хвалила, как и наши все <...>

О Никаноре скажу тебе одним словом, что он ныне в училище совсем не ходит и только дома повесничает... Уведомляю тебя, что я с К<атериной> П<етровной> занимаюсь грамматикой в свободное мне от должности время и рад тому, что ты мне об оном написал <...>

Я читал Анекдоты Петра I, Жизнь и деяния Емельяна Пугачева, сего умнейшего и [образован] ученого человека¹, Жизнь Ермака, завоевателя Сибири, братье мною у Черноусова, которому по

ДОМ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ Я. А. ПЕТРОВУ, НА ВЕРХНЕЙ ПЕШЕЙ УЛИЦЕ (ТЕПЕРЬ КУЙБЫШЕВСКАЯ, № 16) В ПЕНЗЕ. ВО ФЛИГЕЛЕ ЭТОГО ДОМА, ВО ДВОРЕ ЖИЛ В ГИМНАЗИЧЕСКИЕ ГОДЫ БЕЛИНСКИЙ

Фотография П. П. Вершигоры, 1948 г.

Литературный музей, Москва

наследству досталось от умершего его брата довольно количество книг, которые он продает и отдал для сего Бычкову, между которыми есть сочинения: Богдановича с портретом и описанием жизни, И. Дмитриева 1 и 2 части, где есть сатира Чужой толк, Овидиевы превращения I часть, с портретом, Переписка Екатерины II с Волтером, с портретами обоих, Россияда поэма Хераскова, Жизнь Наполеона Бонапарте с портретом, которые теперь у меня находятся*. Итак, писать больше нечего. Прощай! Остаюсь любящий тебя брат твой

Константин Белинский

Далее на том же листе публикуемое ниже письмо М. И. Белинской с датой: 18 ноября.

На л. 1, сверху, помета В. Г. Белинского: Получено декабря 1 дня.

* Но 18 числа ноября поутру сам С. Б. Бычков за ними приходил. — Прим. К. Г. Белинского.

В опускаемой части письма К. Г. Белинский передает чембарские новости и мелкие подробности из своей жизни.

Упоминаются: Г. Н. Белинский, Д. Е. Иванова, В. Кулагин и П. Д. Юрьев.

¹ О Пугачеве как об «ученом человеке» К. Г. Белинский, вероятно, читал в редкой и по тому времени книге, переведенной с французского: «Ложный Петр III, или живнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева», М., 1809, два тома.

41. М. И. БЕЛИНСКАЯ — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар, 18 ноября 1831 г.⟩

Милый мой Виссарион Григорьевич, и я благодарю тебя за присланные письма, а более благодарю за данные нравоучения нашему семейству; я выслушиваю ⟨их⟩ не иначе, как вместо проповеди, но, кажется, они не послужат в пользу: колючие тернии были и есть и, кажется, вперед будут. Наш Никанор нисколько не исправляется, но еще хуже делается, а особенно против меня, я часто от него плачу, такие делает мне обиды, что несносно переносить от сына. Если я когда ударю без отца раза два или три чем-нибудь, то когда отец придет, он начнет жаловаться, что я его прибила, а отец начнет мне грозить двуххвостной; людей ругает, как хочет, а Авдотье довольно и достается кулаков ⟨...⟩*, а рос⟨том ст⟩ал ⟨Никанор⟩ очень высок, теперь играют с отцом в тентере⟨!⟩, а я в кабинете пишу. Жаль мальчишку, дарования имеет прекрасные, но во зло употребляет. Когда учился в училище, то взял новую географию, но я рада, что он ею занимается, и многие губернии затвердил наизусть, и еще читает медицинский список, только и хорошего тебе скажу о нашем буйне и повесе. Еще я забыла тебе сказать, Дмитрий Петрович говорил, что вы все трое имеете намерение после следующей вакансии взять в Москву нашего повесу и Петю. Представь себе мою радость, я не знаю, как дожидаться сего времени, чтобы избавиться неприятеля, если ты, мой друг, не вступишься в его положение, то отец его совсем испортит. Отец слегка проговаривал послать тебе денег, но у него теперь нет, то и погоди несколько. Костеньку исправник очень хвалит за его послушание и за исполнение приказаний. Бабушка, сестра тебе кланяются; мы все, слава богу, здоровы, живем по-прежнему, попиваем, шумим, бранимся, сраммимся. Прощай, мой друг, желаю тебе быть здоровому, береги свое здоровье, оно для меня драгоценно. Остаюсь мать твоя

Марья Б е л ы н с к а я

Ноября 18 числа, середа.

42. БЕЛИНСКИЙ — К. Г. БЕЛИНСКОМУ

Москва 1831 года, ноября 21 дня

Любезный друг и брат
Константин Григорьевич!

Что за диковина такая? Кажется уже довольно много времени прошло после отправления моих писем, а ответа нет, как нет ни от кого! За что такая невнимательность ко мне, который и без того уже убит враждебными обстоятельствами? Уж не сердятся ли на меня Папинька и Маминька за то, что я, стесненный крайностию моих обстоятельств, осмелился беспокоить их покорнейшею просьбою, в рассуждении присылки денег? Если так, то они могли бы или сами, или через тебя, изъяснить мне письменно свое

* В этом месте письмо повреждено.

неудовольствие: в данном случае я, по крайней мере, знал <бы> о их ко мне расположении и не мучил бы себя пустой надеждою, которая каждый понедельник жестоко меня обманывает. Уж не случилось ли в нашем доме какого-нибудь несчастья, о котором вы медлите меня уведомить из опасения огорчить меня? Сохрани боже! Эта мысль тем более беспокоит меня, что и г-да Ивановы не получают так же ни одной строчки. Кажется, что все жители Чембара умерли; никто не показывает ни признака жизни! Не стыдно ли тебе последовать их примеру? Право, я не ожидал от тебя этого! Получил ли ты мои письма, книги, посланные тебе? Нравятся ли тебе последние, доволен ли ты ими? Здоров ли ты, счастлив ли ты, как проводишь ты свое время? Все ли благополучно в нашем доме, здоровы ли все наши родные и знакомые, что обо мне думают, как расположены ко мне? Что Чембар, какие в нем новости, какие перемены?— Вот вопросы, на которые я тщето ожидал и ожидаю от тебя ответов! Меня все забывают, несмотря на то, что я всегда о них думаю, всегда их помню! Я много раз жаловался на такую, со стороны их, незаслуженную мною, холодность — и эта жалоба последняя!.. Пусть все оставят меня, забудут меня! Пусть я останусь один в этом мире!..

Теперь в Москве гостит государь император с государынею императрицею. Недавно уехал отсюда наследник. Государь был везде, кроме Университета!.. Даже Гимназия удостоилась его высокого посещения, а мы его уже и не ждем. У нас есть некто граф Панин, служащий при Университете в качестве помощника попечителя. Эта глупая и долговязая орясина (он ростом выше трех аршин) вздумала насильственным образом стричь на солдатский манер своекоштных студентов. Русаки все дались! Немцы, обругав и одурачив его, вышли из Университета! К довершению этих глупостей министр выдумал поселить своекоштных студентов в один дом, на таком основании, чтоб каждый из них внес одновременно 50 р. ас. и вносил бы каждую треть по 100 р. ас. и сверх того имел бы полную студенческую одежду, сшитую на свой кошт. Каково! Разумеется все отказались; иные потому, что не хотят добровольно идти на подобную каторгу, другие — по бедности. Теперь не знаем, чем это всё кончится. По всему видно, что Московскому Университету настает кончина!.. Вот тебе наши московские новости! Об себе до времени ничего не хочу писать, хотя и имею очень много кое-чего сказать... Закрываю мое письмо просьбою писать ко мне почаще; в противном случае — прощай! Не увидишь от меня ни строки! Кланяйся всем нашим. Прощай! Будь здоров и счастлив!

Твой брат

Виссарион Белинский

P. S. Посылаю тебе картину, позабыл отослать вместе с книгами; прилепи ее в избе для утешения и наслаждения эстетического вкуса ее обитателей. Еще прилагаю при сем Стихотворение А. Пушкина, написанное им к его жёне, когда еще та была его невестою!¹ Приложенные же при сем два стихотворения отдай Катерине Петровне; они примечательны тем, что написаны рукою сами<х> сочинительниц: Т е п л о в о й и Л и с и ц ы н о й ².

Надпись о получении: Получено 1831 года, декабря 25 дня в пяток по утру.

¹ Стихотворение Пушкина, приложенное к письму Белинского, не сохранилось. Очевидно это «Мадонна» («Не множеством картин старинных мастеров...»), напечатанная в «Сиротке», альманахе на 1831 г. (М., 1831, стр. 19—20) и перепечатанная в «Лит. газете», 1831, т. III, № 15, стр. 122.

² Серафима Теплова и Мария Лисицына — поэтессы 1830-х годов.

43. БЕЛИНСКИЙ — М. И. БЕЛИНСКОЙ

Москва, 1831 года, декабря 25 дня

Милостивая государыня
Маминька Марья Ивановна!

Пишу письмо сие на первый день праздника, с которым и поздравляю Вас и желаю Вам провести его в полном удовольствии. Вы пишете, чтобы я ходил к Марье Александровне Горн¹; благодарю за совет; я бы не оставил его без должного внимания, если бы не препятствовало тому одно небольшое обстоятельство, а именно: неимение платья, не только приличного, но и никакого. Мундир мой за долговременную беспорочную службу я уволил почти в чистую; виц-мундир же едва держится на плечах, того и гляжу, что развалится. Может быть, через неделю или через две выдадут новый, но и в нем неприлично и даже невозможно явиться в порядочный дом. Я не знаю, что мне и делать. Деньги нужны, и идти за ними страх как не хочется. Станут выговаривать, почему я отстал прежде от их дома, в котором был только один раз. Если теперь пойти, то надобно будет и вперед ходить, а на всякий раз не наприсишься у товарищей фраков. По причине неимения одежды я оставил дом Дурасова, где меня всегда принимали с лаской и приглашали несколько раз обедать. По этой же причине я оставил ходить к Анисимовым, которые предобрые и преласковые люди и которым я, сверх того, премного обязан. По этой же причине я не имею кондиций, которые бы мог достать. Так как папинька в Ломове, то я покуда и не пишу к нему. Вас благодарю за присланные деньги и покорнейше прошу попросить папиньку об исполнении моей просьбы, которую я его уже давно беспокоил. В деньгах мне крайняя, смертельная надобность и в самом скорейшем времени. Что же касается до Никанора, то об нем я теперь ничего не хочу ни писать, ни говорить, ибо вижу, что мой голос тщетно вопиет в пустыне; скажу только, и в последний раз, что посеянное взойдет, и плоды будут горьки для Сеятеля. Если я буду у вас на вакации, то возьму его в Москву, если это будет угодно папиньке. Там, без всяких строгостей и побой, я сделаю его совсем другим во всех отношениях. Прощайте.

Любящий Вас сын Ваш
Виссарион Белинский

Надпись о получении: Получено 1832 года, января 4 дня по полудни в 3 часу.

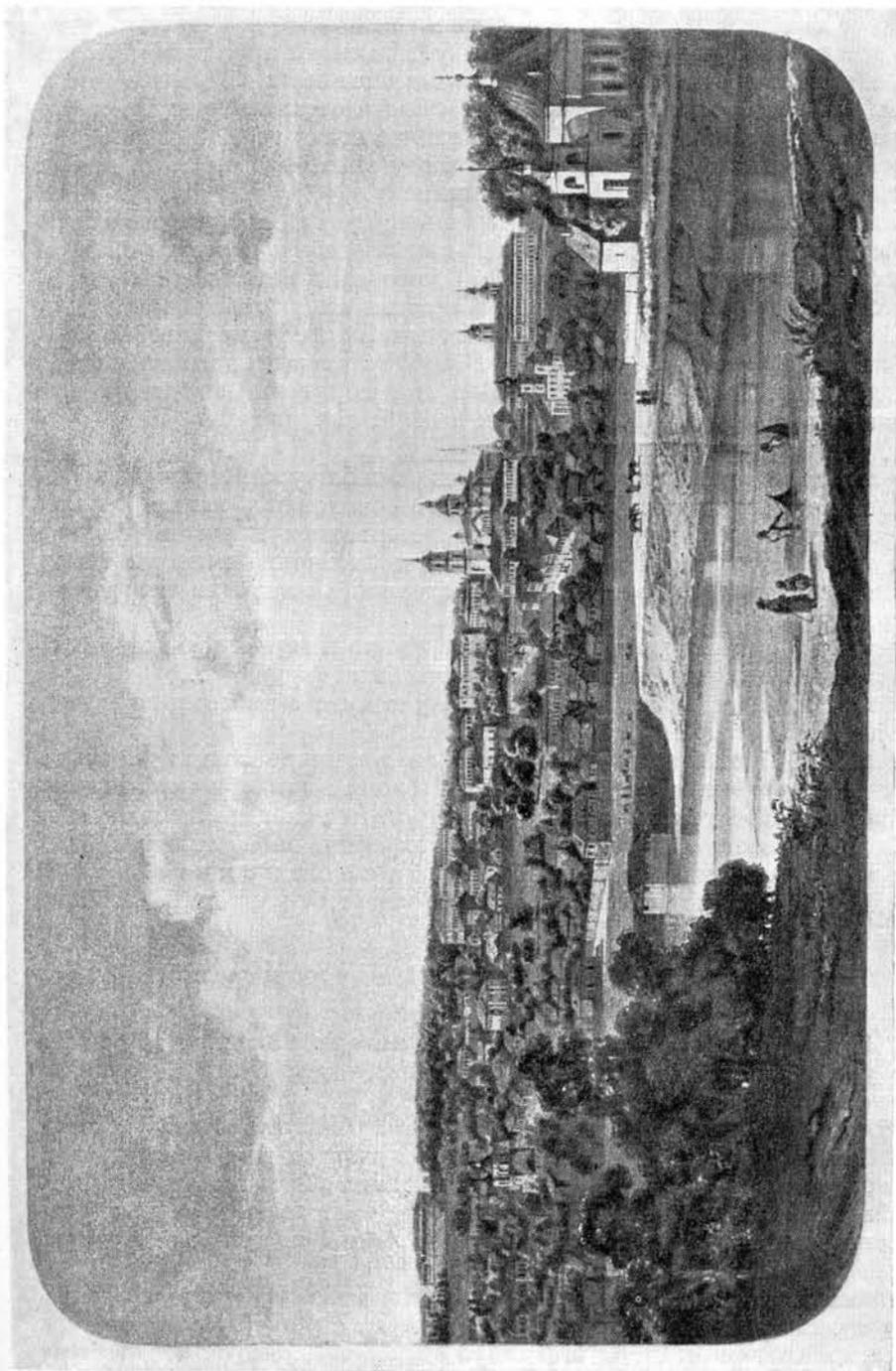
¹ Мария Александровна Горн — знакомая семьи Белинских.

44. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1832 года, января 15 дня. Пяток. Утро.

Любезнейший братец
Виссарион Григорьевич!

Во-первых, поздравляю тебя с наступившим новым годом и желаю оный провести благополучно и счастливо; во-вторых, уведомляю, что письмо твое от 21 ноября я получил вместе с картинкою и стихами 25 декабря в доме Петра Петровича, куда я ходил поздравлять с праздником р<ождества> х<ристова>; второе письмо от 25 декабря я получил 4 января, в который день у нас был вечер, на котором были семейства гг. Мещериновых, Великопольских, секретарских Порфирия Дементьевича, Анфельца. Ты спрашиваешь, отчего ты получил письмо мое 24 декабря, когда оно

ПЕНЗА

Литография Шульца с рисунка И. Вермейстера, 1850-е гг.
Русский музей, Ленинград

писано было 13 сентября; на сие отвечаю, что оное было приготовлено с Марьею Александровною Горн, но как немного опоздавши оно осталось; а почему я не написал еще с богдановскими людьми ¹, причиною сему то, что я о том не знал, что они едут в Москву. Маменька просит тебя сходить к Горн и получить от оной 4 р. ас., которые даны были ей для выручения повозки; по как оную не выручили, то оные и остались у ней, которые получи и употреби себе в пользу. Папенька посылает тебе 15 р. ас. и просит, чтобы оных не терять зря, потому что у него мало осталось денег и сверх оного еще должен Лебедеву и Ляминцову.

Уведомляю тебя, что я получил жалованья 14 р. ас., из которого и посылаю тебе 5 р. ас., которые вместе с папенькиными тебе пригодятся <...>

К нам в Чембар приезжал губернатор, который посетил все места и нагонял порядком стряпчего Васильева; к счастью его, что папеньки не было дома! Секретаря Семенова также, что он знаком с Бахусом, и велел выходить в отставку; Земским судом (может быть) остался бы доволен, если бы не холод, который согнал его с места из присутствия; вышедши из оного и ставши в дверях, говорил: «Ах, как я озяб; они, кажется, нарочно не топили, чтобы скорее я ушел».

За присланные стихи и картинку благодарю тебя чувствительно и прошу при оказии еще присылать стихов и своего сочинения и нельзя ли прислать свою трагедию, которую я горю нетерпением прочесть, равно и Л и с т о к, в котором есть продолжение и окончание повести: Фельдфебель потсдамской гвардии, чем много одолжишь мне; если нельзя прислать и достать, то напиши мне о том.

Новостей в Чембаре почти никаких нет, равно и перемен, о которых ты писал, чтобы я уведомил, как то, что святки были скучны <...>

О себе тебе скажу, что я время провожу покуда с книгами не скучно, в свободное мне от должности время <...>

Маменька, бабушка и сестра и все наши домашние кланяются тебе и желают тебе здравия и благополучия. Уведоми меня о всех вышедших журналах на 1832-й год и новостях, о которых ты никогда мне не пишешь. Еще уведоми, твоего ли сочинения библиография, напечатанная в 39 № Л и с т к а, а именно: Наложница, соч. Б о р а т ы н с к о г о.

Итак, до следующего случая. Прощай! Желаю тебе всего того, чего могу желать, остаюсь любящий тебя брат твой

Константин Б е л и н с к и й

Р. S. Прошу тебя при оказии присылать писанных стихов, которых, я думаю, у тебя довольно, чем много одолжишь твоего брата Константина Белинского.

По твоим справедливым советам я оставил сочинять стихи, которых у меня большое количество и которые все хранятся для твоего приезда к нам, которого я жду с нетерпением. О домашних обстоятельствах уведомляю тебя, что они все попрежнему, только то, что наняли кучера, анфельцова человека, которому платим 60 р. ас. в год на его одежде, кроме сапог.

Папенька очень удивляется, что ты, живя на казенном коште, не имеешь одежды и часто просишь денег. «Зачем (говорит он) ему деньги, когда он на казенном содержании». О Никаноре скажу тебе, что последние твои о нем слова на него подействовали, а особливо, что ты хочешь взять его в Москву, что ему очень приятно; в 11 день января я отвел его в училище, куда он с удовольствием ходит и рано; не знаю, что будет вперед, а теперь покуда хорошо! Он собирает себе библиотеку, для которой и сделан ему большой сундук, в который может поместиться книг 70-т <...>

В опускаемой части письма К. Г. Белинский рассказывает о своем праздничном времяпрепровождении и сообщает подробности чембарской жизни.

Упомянуты: Анфельц, Г. Н. Белинский, А. Берх, Великопольские, Кугушевы, В. Л. Лазовская, Мещеринов, А. И. Красовский, П. Д. Юрьев и Яворский.

¹ «Богдановские люди» — крестьяне помещиков Богдановых, родственников Мосоловых, владельцев села Балкашино.

45. Е. П. ИВАНОВА — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 19 января <1832 г.>

Я всегда в долгу у вас, Виссарион Григорьевич, и потому почти каждое письмо начинаю извинениями. И с и е следовало бы начать тем же, ежели бы я не имела во все это время таких неприятностей, которые совершенно лишали меня способности заняться особливо чем-нибудь приятным. В первую поездку богдановых людей я непременно хотела и собиралась вам отправить письмо, такое длинное как женский волос; но неожиданно собрались ехать в Керенск, что и расстроило мои планы. И теперь едва успеваю вам сказать что-нибудь. Кажется, вам писал Константин Григ<орьевич>, что мы предположили с ним заниматься вместе и изучать правила нашего языка. Я знаю, что вы похвалите наше намерение. Но, к несчастью нашему, теперь столько препятствий к исполнению этого, что я даже не надеюсь, чтоб удалось удовлетворить наше желание. Я выполнила одно по вашему письму: бранила, уговаривала Никанорочку. Он теперь, кажется, исправляется, ваши советы подействовали на него, он начал ходить в училище, и Петенька наш уверяет, что он занимается хорошо. Что касается до А<лександр> Г<ригорьевны>, я желала бы многого для нее, но сделать какую пользу ей я не умею, и прошу вас, не пишите вперед к ней подобных наставлений насчет меня, она уж не маленькая, и я боюсь, как бы не навлечь на себя неудовольствие через это. Простите мне это маранье, в скором времени я напишу к вам больше и разборчивее. Искренно любящая и уважающая вас

Катерина И в а н о в а

46. БЕЛИНСКИЙ — К. Г. БЕЛИНСКОМУ

Рукою Д. П. Иванова:

Москва, генваря 27 дня 1832 года

Любезный братец

Константин Григорьевич.

Во-первых, прошу тебя засвидетельствовать Папиньке и Маминьке мое почтение <и> искреннейшую благодарность за присланные ими мне деньги 15 р. ас.; во-вторых, и тебя благодарю за это же. Вы с маминькой, с своею госпожею Горн и с 4 руб. ввели меня в величайшие хлопоты и неудовольствия. Итти мне никак не хотелось, ибо для этого мне нужно было со всего мира собирать одежду; но нужда в деньгах заставила меня решиться на это. Итак, я взял у г. Ишутина панталоны и жилет, а у Дмитрия Петровича фрак и проч., да еще калоши, а у Алексея Петровича шинель и картуз. Это было на второй день праздника Р. Х., день был морозный, холодный до крайности. Я хотел занять денег на извозчика, ибо итти мне нужно было, по крайней мере, версты три. К счастью, что ни у кого не было их, и мне никто не дал. Являюсь к Горн, и хотя чужое платье было и не совсем по мне, однакоже я не уронил себя. Сын ее расцеловался со мною, как со старинным знакомым, и повел меня в гостиную к своей матери, которая сначала меня не узнала. Я говорил с нею и о том, и о сем, а об деньгах не решался упомянуть, ибо ждал, чтобы она сама мне их вручила. Наконец,

я увидел, что уже пора убираться во-свояси, вручил ей письма, простился и ушел. Она оставляла меня обедать, но я не остался, ибо мне нужны были деньги, а не обед ее. Вышедши, позабыл калоши. На другой день я пишу записку к ее сыну, в которой прошу его напомнить своей маминьке о моих деньгах и чтобы он велел отдать калоши, и записку сию послал с сапожником, который стоит на квартире у Алексея Петровича. Какой же я ответ получил? Сына ее не было дома и потому записку прочла она сама и сказала, что целковый она возвратила моей маминьке и что если бы деньги были у ней, то она бы и без записки сама отдала бы мне. Потом стали искать калоши, но они сплыли, и след пропал. Не прикажете ли теперь еще сходить к г-же Горн за целковым?

Ты пишешь, что папинька удивляется, что я, живя на казенном коште, нуждаюсь в одежде, и говорит зачем ему деньги, когда он на казенном содержании? Теперь я об этом кое-что хочу сказать. Папинька, я думаю, видел мою казенную шинель, сквозь которую можно сеять ржаную муку: она дается на целой куре, ее должно носить и летом и зимою, иногда в морозы градусов тридцать с лишком. Как это полезно для здоровья! Хвала и честь казенному кошту! Сюртуки форменные даются каждый год; но так как они обыкновенно шьются из гнилого сукна, то месяца за два до выдачи новых, все щеголяют с разодранными локтями и лифами, с изорванными в куски панталонами, в которых, как в Критском лабиринте, сперва по полчаса блуждают, а потом уже находят настоящую дорогу. Срамоту штанов своих едва-едва прикрывают порыжелыми полами сюртука. Сапоги иногда попадают такие, что становятся чуть не на полгода; а иногда такие, что на другой же день прорываются, и тут-то пойдут починки; а ты сиди дома босиком, да жди, когда починят. Например, у меня теперь осталась одна рубашка и подштанники, нельзя сходить в баню, а белье обыкновенно выдается в великом посту. Одним словом: хвала и честь казенному житью! Настоящая каторга! Пообедаешь в два часа, изволь ужинать в 8. Если пойдешь поужинаешь, то целую ночь не поспишь от желудка, а не пойдешь, так часов в десять в брюхе забурчит: ура! Будь надобность самая крайняя, нужно сделать что-нибудь необходимое, ударит 10 часов вечера, ложись спать, а коли остался, так таковой поступок внесут в черную книгу и причислят к числу государственных бунтовщиков. Можно безо всякой вины, иногда за проступок другого, улететь в солдаты. Прелесть да и только!

Уведомляю тебя еще, что я 5 числа сего месяца захворал, почувствовал вдруг сильный лихорадочный озноб, ночью же метался от жару; на крещенье опять меня трясло, а ночью был жар; на другой же день лихорадка отстала и сделался сильнейший жар в голове и шее и маленький кашель. Чуть немного кашляну, а в голову словно кто обухом ударит; наконец, и это прошло, а сделался сильнейший кашель, особенно мучивший меня ночью и сильная боль в груди, что и заставило меня 10 числа поступить в больницу, в которой и поныне нахожусь и, может быть, еще столько же или и более пробуду. Название моей болезни: *Catarrus pulmonalis chronicus cum febris irregulari*. Мне приставляли к груди, около самой шеи, 10 пиявок; клали на спину *emplastrum diaforeticum*; он в скором времени покрыл мою спину волдырями, гнойными угрями и прочими прелестями; теперь я ношу на спине уже другой животный (?) пластырь; а на грудь положили опять *emplastrum diaforeticum*. Он уже порядочно нарвал мне грудь. Теперь поправляю мой желудок; ибо язык у меня похож на скверную размоченную в лохани подошву. Более нежели полторы недели я в день съедал иногда по четверти, а иногда по полфунту хлеба, теперь аппетит поправился, и я каждый день съедаю по фунту пеклеванного хлеба, а иногда сверх этого съедаю свою порцию супа с курицей. Один раз аппетит был так худ, что мне выписывали печеные яблоки, но и тех не мог есть.

Теперь в больнице большие перемены: вместо покойника и ханжи Мудрова¹, директором больницы сделан Дядьковский², человек с большими по своей части познаниями и превосходнейший лекарь; а вместо буйвола грубого Страхова, ординатором сделан доктор Армфильд³. Оба они со мною обходятся прекрасно. Как жаль, что мало места, описать еще много остается. Да делать нечего. Замечу на конце, что ты много пишешь вздору, а мало дела. Например: В. Л. Лазовская у тебя как с неба свалилась; пишешь, что ты ходил в дом П(етра) Петровича поздравлять с праздником, а не пишешь кого. Остаюсь любящий тебя брат твой

Виссарион Белинский

И забыл было сказать, что я чрезвычайно ослаб и редко схожу с постели, на которой отлежал себе и бока, и бедра, и спину <...>

Клянйся бабушке Дарье Евсеевне и всем знакомым, родным и домашним.

Приписка Д. П. Иванова:

Не ожидал от друга моего Константина Григорьевича такой забывчивости: в письме своем ты не упоминаешь ни слова о наших домашних <?> и нам ничего. Не осердись, что ежели напомню тебе стих Пушкина до черного дня... Засвидетельствуй мое искреннейшее почтение твоим домашним.

Дмитрий Иванов

Надпись о получении: Получено 6 февраля, 1832 года, в субботу с почтой.

¹ Матвей Яковлевич Мудров (1772—1831) — профессор патологии, терапии и клиники в Московском университете; умер от холеры.

² Иустин Евдокимович Дядьковский (1784—1841) — профессор терапии, с 9 октября 1831 г. директор Терапевтической клиники Московского университета; выдающийся врач-практик, автор научных трудов, в которых дана оригинальная разработка важнейших вопросов медицины. О знакомстве его с Белинским см. в «Лит. наследстве», т. 56, стр. 274—277.

³ Александр Осипович Армфельд (1806—1868) — ординатор в университетской больнице, впоследствии доктор медицины и профессор Московского университета.

47. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1832 года, января 28 дня, четверток

Любезнейший братец
Виссарион Григорьевич!

Причина, что не послал с богдановскими людьми письма, есть та, что они нечаянно выехали ночью и заезжали в дом Петра Петровича, где все уже спали. Я прихожу на другой день, то есть поутру, и узнаю оное и весьма сожалел о сем случае, чрез который даже и Катерина Петровна не успела написать большого письма. Уведомляю тебя, что я купил себе книгу: сочинения И. Ф. Богдановича в двух частях; в первой помещена статья о Богдановиче и его сочинениях, написанная Николаем Михайловичем Карамзиным, и повесть Душенька с примечаниями на конце, во второй — сначала поэмы: Сугубое блаженство, в трех песнях, Блаженство народов, На разрушение Лиссабона, сочиненная Волтером, Добромysel, старинная повесть в стих(ах), потом разные стихотворения, в числе которых есть две пьесы: Волтера и Мармонтеля, на конце загадки и басни; сверх сего с портретом автора, виньетами и в самом лучшем, кожаном переплете, заплачено 4 р. ас. Теперь посуди сам хорошенько о достоинстве и цене сей книги, у которой только очень плоха бумага и печать.

Я справлялся с реестром, чрез который узнал, что она в четырех частях без Душеньки стоит 34 р. ас. Папенка сперва не верил, чтобы я заплатил 4 р. ас. «Он (говорил он) отдал все свое жалованье, она стоит 20 р. ас.». Теперь, описавши все подробно, прошу у тебя совета, разыграть мне на лотерее или оставить у себя, потому что она не правится мне бумагою, которая прескверная и в некоторых местах, как флер, и есть дыры, чрез которые нельзя понять материи, печать же очень не чиста и не видна, во многих местах нельзя ничего разобрать. Если же я разыграю и возьму за билет 1 р. ас., которых я могу сделать хотя 10, то составит мне барыша 6 р. ас., а то, смотря по числу подписчиков, можно сделать и более, из которых я могу купить себе две и три хорошие книги, а остальные 5 р. ас. на одежду. Вот видишь, какую пользу может принести мне лотерея! Теперь прошу мне о сем написать, что ты мне присоветуешь делать, я так и буду <...>

Степан Макарович Котельников находится ныне в Поиме, куда его перевел управляющий Карташев в подвальные. Я собираюсь к нему съездить и взять у него мои книги: Мальчик у ручья Коцебу и стихотворение г. Жуковского Двенадцать спящих дев, а ему отдать его Московский журнал, изданный Карамзиным на 1791-й год, 4-я часть, в которой есть Письма русского путешественника, то-есть издателя. С каким удовольствием я их читал, перечитывал и несколько отрывков списывал! Чрез его письма я имею большое понятие о Иоанне Каспаре Лафатере, о сем знаменитом писателе швейцарском. У меня есть твоего сочинения Рассуждение под заглавием: П. Л. Доброе воспитание в се го н у ж н е е д л я м о л о д ы х л ю д е й, которое написано тобою в 1829 году, 12 декабря, и написано прекрасно¹. Я несколько раз читал, перечитывал и поныне читаю с большим удовольствием. Как бы я желал, чтобы оно было напечатано в Телескопе!! который я имел честь читать и списывать стихи. Ах! и забыл было! Я писал тебе, что купил сочинения Богдановича за 4 р. ас., но сверх оных вприбавок 3 № журналов: 2 Сына Отечества, в которых есть литература: Изображение санскритской литературы, жаль, что не все! Записки о Франции и словесность: О действии словесности и искусств на характер народа. Изданный Гречем и Булгариним, на 1827-й год; 3-й № Вестник Европы, 1811 года, где есть седьмая песнь Илиады, перевод Кострова. Вот видишь ли, что у меня ныне есть хорошего! Ежели бы получал хотя 5 р. ас. в месяц жалованья, то было бы и более. Что еще писать тебе и о чем уведомить? Никак то, что М. Е. Синенкова из Симбирска с матерью своею Анною Степановною приехала в Чембар и живут теперь в доме Федорова, за которым акушерка Дарья Петровна.

Любезнейший братец! Нельзя ли тебе будет достать реестр книгам 1830 года или 1831, чем много одолжишь мне. Мне хочется при случае имения деньжонок покупать новые по оному книги, чрез тебя. Пожалуйста, о всем мною просимом меня удовлетвори; я, с своей стороны, не оставлю оное без благодарности, а при случае докажу по сила моего состояния и на деле.

Итак, писать больше нечего. Остаюсь любящий тебя брат твой
Константин Белинский

Р. С. Домашние наши все тебе кланяются и желают благополучия, и еще, что я тебя часто вижу во сне дома, приехавшим. Дай бог, чтобы все сбылось!

В опускаемой части письма К. Г. Белинский извещает о женитьбе П. Екимова; передает подробности о поведении брата Никанора.

Упоминаются: А. Данильевна, Н. Г. Белинский, П. Екимов, П. Е. Максютков и П. Д. Юрьев.

¹ «Рассуждение» о воспитании впервые опубликовано в «Лит. наследстве», т. 55, 1948, стр. 291—296. Об этом сочинении Белинского см. в книге В. С. Нечаевой «В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности», М., 1949, стр. 298 — 306.

48. БЕЛИНСКИЙ — К. Г. БЕЛИНСКОМУ

Рукою Д. П. Иванова:

Москва, 1832 года, 10 февраля

Любезный брат,

Константин Григорьевич!

Вот тебе другое письмо — и опять из больницы, и опять писанное не моею рукою. Я хотел послать к тебе его назад тому неделю; но Дмитрий Петрович, по обстоятельствам, не мог ко мне придти. Это письмо ты считай не чем иным, как дополнением к прежнему. Может быть Папинька и Маминька в неудовольствии на меня за то, что я письма пишу к тебе, а не к ним; причиною тому моя болезнь; сам я писать не могу, а диктую, посему в сих письмах очень мало складу. Когда я поправлюсь, тогда буду иметь удовольствие писать к ним сам, а откуда они могут узнать о моих обстоятельствах (ежели они для них любопытны) из твоих писем. Болезнь моя ни мало не уменьшается. Дядьковский называет ее *желудочною*, ибо у меня болит печень, от чего и происходит неправильное отделение желчи и по этому самому по сию пору, при всех стараниях, не могут поправить моего желудка. Боль в груди также продолжается, равно как и небольшой кашель <...> Не подумай, чтобы я много ел; стол мой состоит из фунта пеклеванного хлеба и порции котлет, сделанных из телятины, тогда как прочие больные каждый выписывает по две порции разного кушанья и полтора фунта хлеба. Хотя боль в печени и не велика, однако чувствительна. В августе прошедшего года у меня была жестокая колика в правом боку, где оканчиваются ребра; это значит, что в печени было воспаление. Студентов казенных в больнице довольно; по большей части страдают простудными болезнями, как то: ревматизмом, кашлем и грудью. И всё это от казенных шинелей. Честь и слава казенному кошту!

Кроме описанных болезней, меня посещает иногда легкая лихорадочка. Пароксизмы самые сносные; озноб состоит в подирании по коже морозом, а жар бывает только в голове и лице. Вечером же я аккуратно каждый день бываю в жару, который не слишком силен и не слишком слаб и довольно порядочно меня мучает.

Я намекнул тебе в прошедший раз, что в твоём письме много вздору и мало дела; например, почему бы тебе не уведомить меня, по какой причине Папинька ездил в Ломов, и когда он туда отправился, и когда домой воротился, и хорошо ли ему там было и проч.? Ты пишешь, что на рождество ты ходил в дом Петра Петровича поздравлять с праздником — кого же? Из семейства никого не было дома, следовательно дворнику. Пожалуйста пиши пообстоятельнее. Кланяйся от меня Катерине Петровне и скажи ей, что она чуть не уморила меня до смерти своим письмом, которое разобрать стоило мне, больному человеку, нечеловеческих усилий¹. Хотя бы тебе она диктовала свои письма или бы попросила Федосью Степановну, которая хотя некрасиво, но разборчиво пишет. Благодарю ее за письмо, желаю получать от нее как можно чаще письма и к ней готов всегда писать, но если она всегда будет писать так разборчиво, то я, не читавши, переменя конверт, буду отсылать их к ней назад. Больше писать нечего и потому, в ожидании от тебя двух писем в скорейшем времени, остаюсь любящий тебя твой брат

Виссарion Белинский

Р. С. Тысячу раз писал я к тебе, что Листок прекратился, что он более не издается, что же ты пристаешь ко мне?

Приписка Д. П. Иванова:

Ежели мне некогда писать к тебе, любезный дружище Константин Григорьевич, то принимай мою руку, здесь намаравшую, как знак той любви и искреннего уважения, которые всегда питает к тебе

Дмитрий Иванов.

Р. С. Мое глубочайшее почитание твоим домашним.

Надпись о получении письма: Получено февраля 29 дня, 1832 года, в понедельник.

¹ Письмо Е. П. Ивановой к Белинскому от 19 января 1832 г. (письмо № 45).

49. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1832 года, февраля 11 дня

Любезнейший братец

Виссарион Григорьевич!

Письмо твое от 27 января я получил 6 февраля, которым ты уведомляешь меня о полученных тобою деньгах и о том, что ты ныне по причине болезни находишься в больнице, что меня много огорчило и заставило о тебе день и ночь соболезновать; я даже не рад был и письму, полученному мною с почты.

Когда оное было получено, маменьки не было дома, она поехала в Зубровку к Ивану Осиповичу¹, г-ну Штерну и Варваре Савельевне, где и теперь находится. Я с Ляминцовым послал тебе письмо, в котором уведомил тебя о купленной мною у Черноусова книге: сочинения Богдановича, заплаченной 4 р. ас. Ежели оное получил, то уведоми, пожалуйста.

Так как богдановские люди едут скоро, то я и спешу скорее письмо сие окончить, чтоб и оно, по примеру прежних, не осталось. Поклонись от меня Алексею Петровичу. Итак, пожелав тебе благополучного выздоровления и после писать ко мне. Прощай! Брат твой

Константин Белинский

<...>

В опускаемой части письма сообщение о замужестве М. Е. Синенковой.

¹ Иван Осипович Каменский, см. прим. к письму № 7.

50. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, Марта 3 дня 1832 года

Любезнейший братец

Виссарион Григорьевич!

Письма твои от 10 февраля я получил 29 того месяца в доме Петра Петровича, куда я приходил из Суда, и вижу, что Катерина Петровна читает письма Дмитрия Петровича, очень обрадовался и, взявши твои письма ко мне, пошел домой. Первым ты уведомляешь, что все еще находишься в больнице и что болезнь твоя нимало не уменьшается, что меня огорчило и всех наших домашних <...>

Вторым уведомляешь о полученном тобою от меня письме от 28 января и о разыгранной мне на лотерее Богдановича сочинения, что я 1 марта и написал лотерейный лист, но еще никому не давал подписывать, и о том, что

книги покупать выгоднее на Толкуне, около Кремлевского сада, и в трактирах, нежели по каталогам из лавок, что я сам узнал бывши в Москве и покупавши <...>

Я <...> читал газеты и Альманах Булгарина драматический, в котором имел удовольствие видеть портрет нашего знаменитого драматического писателя* <...>

О Никаноре скажу, что он понемногу продолжает свои науки, в числе оных и латинским языком.

Итак прощай! Будь здоров и счастлив, твой брат

К. Б е л и н с к и й

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает о поездке отца в Ломово, о прибытии в Поим нового управляющего; описывает свое времяпрепровождение и поездку семьи Белинских в Поим.

Упоминаются: Г. Н. Белинский, Н. Д. Брычев, Дельсаль, Дьяконов, В. Ф. и К. И. Емельяновы, Д. П., П. П. и Ф. С. Ивановы, В. С. и И. О. Каменские и Кезе.

51. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1832 года, 3 марта

Любезнейший братец

Виссарион Григорьевич!

Вот тебе и другое письмо, которым уведомляю тебя, что у нас в суде учреждено секретарем Юрьевым повытке <...>

О Никаноре еще скажу, что он ныне так же буйнит и ругается...

Прощай! Желаю выздоровления и писать ко мне письма, которых буду ожидать. Брат твой

Константин Б е л и н с к и й

Приписка М. И. Белинской:

Милый мой Виссарион Григорьевич, слишком для меня чувствительна твоя болезнь, я молю бога, чтобы он тебя облегчил; я буду отца просить, чтобы он тебе послал к пасхе рублей 10. Желаю, мой друг, тебе настоящего здоровья, более недосуг писать, четверг, народу пропасть. Остаюсь многолюбящая мать твоя

Марья Б е л ы н с к а я

В опускаемой части письма перечисляются повытки Чембарского уездного суда и их обязанности.

Упоминаются: Архангельский, Асвин, И. М. Декартов, Иванов, Ионов, Мухины, Надежди, Рацул, Теселвин, Тюменев, А. А. Чембулатов и Щеглов.

52. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н., М. И. и К. Г. БЕЛИНСКИМ

Москва 1832 года. Марта 30 дня

Милостивые Государи

Папилька Григорий Никифорович

и Маминька Марья Ивановна!

Поздравляю Вас с наступающим праздником воскресения христового; желаю душевно, чтобы Вы провели его в веселии, мире и согласии. Я нахожусь еще в больнице и по странному ходу моей застарелой, упорной болезни не надеюсь выздороветь прежде июня. Теперь, повидимому, мне несколько лучше; но я и прежде чувствовал по временам облегчение. Довольно помогла мне молочная сыворотка (serum lactis); но не знаю, почему-то ее оставили; потом я принимал в воде содовые порошки <...> Нако-

* к(н). А. А. Шаховского. — П р и м. К. Б е л и н с к о г о.

нец мне прописали пилюли с каломелем и чай, составленный из коневьего щавеля, солодкового корня и разных слабящих средств. Пилюли и чай помогли, но вдруг у меня сделалась жестокая резь в животе, почему мне и велели оставить пилюли и положили на живот какой-то пластырь; теперь я не принимаю никаких лекарств, кроме мази, которую втираю в живот. Теперь язык мой начинает очищаться; аппетит еще плох; пульс слаб, и вообще я чувствую во всем теле расслабление; не только не могу вслух читать, но даже и говорить много: тотчас возьмет одышка; лихорадка давно

Ф. С. ИВАНОВА

Раскрашенная фотография 1850-х гг. с утраченного акварельного портрета К. А. Горбунова 1840-х гг.

Литературный музей, Москва

уже распрощалась со мною; в груди не чувствую прежней боли; только проклятый кашель не отстает. За неделю до масляной сделался у меня в паху левой руки нарыв. То-то помучился я с ним! Бывало целую ночь не даст уснуть. Его нарывали разными ароматическими припарками, и он недели через три сделался величиною в куриное яйцо, потом прорвался; я вставлял в отверстие турунды с спуском и, наконец, он прошел. Вот как я живу! Выздороветь не отчаиваюсь; только видно еще месяца два придется подежурить в больнице. Так <как> более нечего и не о чем писать, то и имею честь остаться почитающим и любящим Вас Вашим сыном.

Виссарион Белинский

Любезный братец
Константин Григорьевич!

Последнее письмо твое от 3 марта я получил. Странное дело: почему ты не хочешь растолковать мне истории целкового, якобы посланного мне с г-жею Горн? Я, кажется, довольно настоятельно требовал от тебя объяснения, касательного этого предмета. Или пиши ко мне о том, о чем я прошу тебя, или совсем не пиши ко мне. Благодарю тебя — ты знаешь за что. Когда буду в состоянии, постараюсь отблагодарить делом, а не пустыми словами. Ты пишешь, что Управляющим в Поиме сделан К. И. Емельянов, Папинькин старинный приятель и кум, а между тем не говоришь К. И. крестил у Папиньки кого-нибудь из нас, или Папинька крестил у К. И. Ты пишешь, что Маминька ездила в гости к И(вану) Осиповичу и Варваре Савельевне в Зубриловку, а между тем не объясняешь, каким образом, по какому случаю и давно ли Иван Осипович находится в Зубриловке. Посуди сам: можно ли писать письма с большею неосновательностью, неясностью и пустотою? На каждую страницу письма твоего нужен целый лист комментариев. На что это похоже? Я, кажется, просил тебя писать пообстоятельнее. Я совсем не интересуюсь знать, что коллежский регистратор Павел Екимов женился на чьей-то свояченице, ибо я ни Павла Екимова, ни Порфирия Дементьевича, ни А. Данильевны совсем не имею чести знать. Я просил тебя писать мне об людях мною знаемых; а ты пишешь обо всяких вздорах, а об деле уведомишь не хочешь.

Вот тебе вместо красного яйца целая проповедь; прочти ее повнимательнее и исправься.

Твой брат Виссарион Белинский

P. S. При оказии пришлю тебе целую книгу стихов (писанных) <...>* и новых и старых.

Приписки Д. П. Иванова:

<1> Извините, что на таком малом пространстве бумаги досталось засвидетельствовать свое обширнейшее и глубочайшее почтение Вашему усердному внуку.

Дмитрий Иванов

<2> <Хочу> хотя вкратце, любезный друг Константин Григорьевич, пожелать тебе доброго здоровья и поблагодарить за твои письма, исполненные истинно важными для <...>*. Чембарский суд в письме друга <?> je ne sais comment répondre à tant de <...>*

Дмитрий Иванов

53. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар. 1832 года, апреля 1 дня. Весна

Любезнейший братец
Виссарион Григорьевич!

Твое положение, в котором ты находишься, заставляет меня с маменькой более о тебе думать и вместе сожалеть. Через письмо Дмитрия Петровича к своим я узнал, что ты все еще находишься в больнице и надеешься или так полагаешь, что из оной выйдешь не ранее мая месяца. Известие сие много меня с маменькой огорчило, которая во весь тот день пропла-

* В подлиннике оборван угол.

кала. Тщетно я ожидал от тебя письма, чрез которое надеялся получить радостное известие о твоём выздоровлении, которое для нас драгоценно. Я послал тебе два письма марта 3 дня, в которых уведомил и сделал удовлетворительный ответ на твой вопрос о папенькиной поездке в Ломов и о новостях чембарских. Папенька по просьбе маменькиной посылает тебе 5 р. ас., также я и бабушка, всего 15 р. ас., которые тебе к пасхе пригодятся и будут полезны в твоём положении. Уведомляю тебя, что Богдановича я разыграл, к которому прибавил еще две книги: драму Ложный друг и Географию Российской империи, за все оные книги получил 14 р. ас. Еще уведомляю, что с нами познакомился Иван Алексеевич Дьяконов, которому и достались Богдановича сочинения и драма, а География — Варваре Федоровне Емельяновой. Я у него беру читать книги, а ему давал Л и с т о к, который ему понравился, как и твои произведения. Более о сем писать теперь не стану, надеюсь увидеть тебя в мае месяце самого, тогда лично тебе все расскажу, а теперь уведомлю тебя, что папенька хочет тебя взять домой, где ты скорей можешь выздороветь, то ты и уведоми нас поподробнее, пустят ли тебя прежде назначенного времени к отпуску на вакацию домой и как будет выгоднее, там ли тебе приискать посредством Дмитрия Петровича попутчика или мне ехать с Васильем на своих лошадях по просухе; то я бы мог и повозку возвратить, которая, к сожалению, должна пропасть. А то нельзя ли попросить Богданова, который теперь в Москве, не возьмет ли он тебя с собою. Папенька вылечил его девуку, за которую не получил в благодарность ничего, и потому он, может быть, и вспомнит сие и возьмет, чтоб тем загладить свою к папеньке неблагодарность за его труды. Пожалуйста, уведоми о вышеописанном подробнее, что клонится к твоей же пользе. Ежели ты найдешь там себе попутчика или возьмет Богданов, то папенька пришлет тебе денег, равно и я не оставлю, ежели случатся любезные финансы.

Подивись и вместе порадуись: сестра учится на гитаре у Терентия Матвеевича Соколова, которому папенька платит 10 р. ас. в месяц. Она довольно выучилась играть песен.

Ты объясни своим начальникам, что так как у тебя родитель сам штаб-лекарь, то он и желает лечить тебя дома, где к тому способнее, тем более, что ты можешь удовлетворять всякому твоему желанию в рассуждении пищи и питья, идущие к твоей болезни, и что ты будешь находиться в кругу своего семейства, так много тебя любящего, где один свободный воздух может иметь влияние на твою болезнь. Поклонись от меня Алексею Петровичу и Дмитрию Петровичу и попроси их от моего имени, чтоб они постарались о приискании тебе попутчика, за что не премину благодарить их сам лично. Прощай! Тебе домашние наши все кланяются и желают выздоровления. Остаюсь твой брат

Константин Б е л и н с к и й

Приписка М. И. Белинской:

Милый мой Виссарион Григорьевич! Твоя болезнь меня очень огорчает. Я, узнавши из Митенькиного письма, что ты еще не выписался из больницы, проплакала целые сутки. В воскресенье 28 числа в заутрене отслужила молебен скорбящей божьей матери о твоём здравии. Если бы бог услышал молитву, и ты бы приехал в Чембар в мае месяце. Старайся, мой друг, изыскивать средства, то-то бы я на тебя нагляделася, то-то бы наговорилася. Как получишь наше письмо, то как можно скорее отвечай; между тем узнай, отпустят ли тебя прежде вакации, у меня коптится ветчина, а ты охотник до оной. Более писать нечего, желаю тебе, мой друг, выздороветь; в ожидании остаюсь тебя к себе, прощай, мать твоя

Марья Б е л ы н с к а я

Приписка К. Г. Белинского:

Любезнейший братец Виссарион Григорьевич! Ежели случится, что ты поедешь к нам, то не забудь взять книг, какие у тебя есть, хоть несколько, в числе оных и свою трагедию, которую я жажду прочесть, как произведение твоего прекрасного пера, в котором виден твой характер; да еще как найдешь попутчика и уведомишь нас, то я пошлю по почте тебе 5 р. ас. на книги, которые с собой и привезешь. Деньги сии я оставил от лотерей, которые для книг и берегу. Приезжай! Тебя ожидает семейство наше с радостною улыбкою на устах. Еще мы слышали, что едет в Чембар Мещеринов, то ты и попроси Алексея Петровича, чтоб он ему поговорил о сем, чтобы он тебя взял с собою. Итак! До свидания. Прощай!

К. Б—й

54. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

Москва. 1832 года, апреля 20

Милостивейшие Государи
Папилька Григорий Никифорович
и Маминька Марья Ивановна!

Свидетельствую Вам мое всенижайшее почтение и благодарю Вас чувствительно за Ваше неоставление меня в нужде и болезни. Равным образом свидетельствую мое почтение и благодарность и бабушке Дарье Евсеевне за ее обо мне попечение. Уведомляю Вас, что моя болезнь на отходе; она слабо сопротивляется одолевающему ее здоровью. В пятницу, на шестой неделе прошедшего поста, мне открыли фантанель на левом боку желудка над самую оконечную кишку, в которой я чувствовал порядочную боль. Фантанель, которую я носил ровно шестнадцать дней (я закрыл ее 18 числа сего месяца, а теперь на растравленное мушкою и *e r i s p a s s i c u m* кладу теперь только один спуск), совершенно оттянула боль от печени и уничтожила боль в самом левом боку. Теперь вся болезнь моя состоит в небольшом и очень редко беспокоящем меня кашле (<...>). Если и скоро восстановится мое здоровье я все-таки выйду из больницы не прежде 9 или 10 мая, когда уже установится совершенно теплая погода, ибо в теперешнем моем положении весенний, свежий воздух нужнее для меня всех лекарств; что же касается до худой погоды, то она как раз может воротить меня в больницу.

Вы приглашаете меня домой на вакацию; благодарю Вас за это или, лучше сказать, не умею и не знаю, как благодарить Вас; я мучаюсь, истеваю от пламенного желания увидеться с Вами, да и самый воздух тамошний мог бы иметь на меня благодетельное влияние, тогда как московский вреден и для самых здоровых, — одним словом — тысячу и тысячу раз благодарю Вас за ваше предложение — но никоим образом не могу им воспользоваться, несмотря на влечение собственного сердца и порывы души, жаждущей отдохнуть в кругу от беспокойств, болезней и разных неудовольствий, сопряженных с московской жизнью. Во-первых, продолжительная поездка измучает и страсет меня, едва оправившегося от болезни; на ночлегах я могу простудиться, ибо в избах мужицких спать невозможно. Во-вторых, находясь целые четыре месяца в больнице, я сделал столько упущений по части лекций, а особливо языков, что, для вознаграждения потерянного, должен заниматься день и ночь в продолжении целой вакации. Мои обстоятельства по этой части и прежде были в весьма незавидном состоянии, что происходило то от огорчений казенной каторжной жизни, то от собственного нерадения. Когда опасность от нас далека, мы не стараемся взять свои меры к отвращению оной; а уже тогда боремся с нею, когда остается самая малая надежда победить ее. Теперь рассудите

сами: могу ли я дома так заняться, как в Москве? На проезд к Вам и обратно я должен буду потерять целых 20 дней; а в 20 дней и при посредственном прилежании много, много, очень много можно сделать. В Москве я имею знакомых и приятелей, которые и снабдят меня книгами, тетрадами и покажут мне то, чего я сам собою узнать не смогу. Этих выгод необходимых и драгоценных я буду лишен в Чембаре, где, кроме сего, беспрестанные удовольствия и рассеяние не дадут присесть за дело. Университет наш перевернулся вверх дном: князь Голицын уезжает за границу, государь император дал его помощнику Голохвастову ¹ (т. е. помощнику

*Пензенский Епископ, уважая
2-й класс Выссшарную гимна-
зию за доблестную и усерд-
ную службу и реченную
Чембарю и Вязьме, а также
в путешествии в
июль 26-го дня
1827 года.*

*Иосиф Иванович Дю-
рош*

Иосиф Иванович Дюрош

**РУКОВОДСТВО
КЪ МЕХАНИКЪ,**

ИЗДАННОЕ

для народныхъ училищъ
Россійской Имперіи

по
Высочайшему повелѣнію
царствующія Императрицы
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ.

Вторымъ тисненіемъ.

Цена безъ перенета 40 копѣекъ.

Въ Санктпетербургѣ, 1790 года.

«РУКОВОДСТВО К МЕХАНИКЕ» — КНИГА, ПОЛУЧЕННАЯ ГИМНАЗИСТОМ БЕЛИНСКИМ 26 ИЮНЯ 1827 г. В НАГРАДУ ЗА УСПЕШНОЕ УЧЕНИЕ, ПРИ ПЕРЕХОДЕ ИЗ 2-го в 3-ий КЛАСС

Внутренняя сторона переплета с дарственной надписью и печатью Пензенской гимназии и титульный лист книги

Литературный музей, Москва

князя) неограниченную власть; устав покойного императора также успокоивается ²; за одно слово, за один малейший поступок Голохвастов выключает из Университета и казенных и своекоштных студентов; казенных же имеет право без всякого суда отдавать в солдаты за всякий скольконибудь предосудительный поступок, за который прежде посадили бы дня на три в карцер. Уже многие из казенных выключены; одного он принудил поступить в полк. Куплен дом для своекоштных; так как этот дом находится против Университета, то его и соединят с оным посредством арки. Все ворота будут заперты, ни казенному ни своекоштному нельзя будет выйти из Университета. Своekoштные будут поступать в купленный для них казною дом на следующих основаниях: всякий своекоштный, не имеющий в Москве родственников, у которых бы он мог жить на квартире, должен внести единовременно 50 р. ас. и каждый год вносить за квартиру и

стол по 300 руб. Сверх того одежду, белье и учебные книги иметь свои. Все же, не могущие по бедности внести помянутой суммы, будут немедленно выключаемы. Теперь рассудите: не варварство ли это? У нас большая часть студентов кормятся и одеваются кондициями; другие живут в тех домах, где имеют кондицию; многие не только содержатся сами оними, но даже помогают своим семействам. Лишенные единственного способа на пропитание, где возьмут эти несчастные денег для взноса в казну? Их без всякого сожаления выключат из Университета, не позволят окончить курса и впредь будут принимать только таких, которые в состоянии внести деньги. Будут принимать молодых, которых бы можно было сечь розгами, и потому всех старых и взрослых вытесняют. Одним словом Московский Университет скоро уподобится Казанскому. Чтобы жить безопасно, надобно даже уряднику унтеру льстить, надеть на себя постную харю, скорчиться в три погибели, беспрестанно творить молитвы и всем и каждому кланяться и перед каждым подличать. Нет ничего грубее, подлее обхождения Голохвастова с студентами; ругается, как извозчик, обходится с ними хуже, нежели с своими лакеями. Беда да и только. Если выключат меня, что очень может случиться, ибо выключение для него составляет приятнейшее наслаждение, что тогда делать? Куда сунуться? В военную я не гожусь по слабости здоровья и по ненависти к сей службе, о приказной части и говорить нечего. Остается тогда одна дорога: в Сибирь, на Кавказ или в Северо-американские Российские владения. За Сибирскую и Кавказскую службу дается чин вперед, двойное жалованье и каждый год службы считается за два; за Северо-американскую же — тройное жалованье и каждый год считается за три. Всем хорошо, только далеко: 12 000 верст; надобно проехать часть Европы, всю северную Азию и, наконец, очутиться в третьей части света.

Письмо и деньги я получил 18 апреля; очень им обрадовался, но, прочтя письмо, не рад был и самым деньгам. Ну не стыдно ли только Вам, Маминька, плакать по пустякам? Что за важность такая, что я болен? Это дело очень обыкновенное: все люди подвергаются болезням. Моя болезнь продолжительна не потому, чтобы она была опасна и неизлечима, но потому, что она есть застарелая; я собирал ее почти три года, благодаря казенной одежде. Видно Вы свои слезы считаете за воду, иначе Вы бы дорожили ими. Видно Вам хочется поскорее ослепнуть; вы помните, что зрение дороже жизни. Только одним детям прилично плакать по пустякам. Если бы я был болен чахоткою или какою-нибудь жестокою горячкою или другою острою болезнию, тогда бы Вы имели причину печалиться. Мне моя болезнь чувствительнее, однако я ни разу не плакал. <Ради> бога не сокрушайте себя по пустякам. Уход за мной хороший, лечут тоже хорошо, обходятся благородно. Будьте насчет моей болезни совершенно спокойны. ¶

Прощайте. Остаюсь любящий и почитающий Вас сын Ваш

Виссарион Белинский

Любезный братец Константин Григорьевич! Благодарю тебя за твое ко мне усердие и любовь и вместе с тем скажу тебе, что в твоём письме, как и во всех твоих письмах, твои <...>*

¹ В связи с отъездом за границу попечителя Московского учебного округа кн. С. М. Голицына до его отставки в 1835 г. и последовавшего затем назначения на пост попечителя гр. С. Г. Строганова округом управлял Дмитрий Павлович Голохвастов (1796—1849), назначенный в 1832 г. помощником попечителя. См. о нем подробнее в «Лит. наследстве», т. 55, стр. 401—402 и т. 56, стр. 178—179, 184, 396—402.

² «Устав покойного императора» — университетский устав 1804 г., согласно которому университетам была предоставлена автономия во всех вопросах, касающихся учебной и научной деятельности.

55. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар. 1832 года, мая 16 дня

Любезнейший братец
Виссарион Григорьевич.

Письмо твое от 20 апреля мы получили 30 оною месяца, которым уведомляешь о своем выздоровлении, для нас очень радостном, и что по описанным тобою справедливым причинам не можешь приехать домой, что меня много, очень много огорчило и заставило невольно выронить две слезы сердечной горести, за которые хоть брани, не брани, но делать нечего. Я прочитавши маменьке письмо твое, она очень была встревожена и почти весь тот день проплакала, хотя я и уговаривал, что слезами помочь нельзя, но все было тщетно. Теперь ты сам можешь судить, каково нам не видаться столь долгое время с тобою; хотя ты и пишешь в кратком своем ко мне письме, что я увижусь с тобою на будущий год, но это мало меня утешает, опять надобно и то вспомнить, что еще может случиться.

Я и маменька дожидались тебя как торжественного для христиан праздника пасхи, в который бывают, по словам народа, отворены двери рая *. Маменька было много приготовила в уме своем разговоров с тобою, относящихся до семейственного благополучия и С(ашеньки). Порасспроси Дмитрия Петровича, каких он мыслей об новом учителе, Иване Андреевиче Удинцеве; он его знает и имел суждения о предметах хороших и относящихся литературы. Что же касается до моего об нем мнения, скажу, что он довольно умен, учен, судит об учености и других предметах умно, что я слышал из разговора его с папенькой, когда он у нас обедал. Одним словом, я его почитаю лучше сентиментального модника Тукальского, который помолвлен за Ольгу Мещеринову <...>

Я познакомился с Иваном Алексеевичем Дьяконовым, у которого беру читать книги, из которых брал Рославлева и Юрия Милославского и другие, а ему давал читать Листок, который он хвалит, равно и твой в оном библиографии и песню Русскую и тебя, что ты хороший литератор. Ты намекаешь мне, что ты у меня в долгу, что я тебе переслал 10 р. ас., за которые и не стоит того, чтобы благодарить, и опять, что это такое значит, что ты у меня в долгу? Не считаешь ли ты меня за такого человека, который, посылая в подарок тебе деньги, имел подлые мысли, что это не пропадет, что ты ему отблагодаришь чем? Напротив, я совсем сего и в мыслях не имел, и не сие меня заставило послать тебе деньги, а истинно-братская к тебе любовь и расположение, и потому сказанные тобою слова: я у т е б я в д о л г у — ни мало ко мне не относятся, а только меня оными привел в большое смущение и досаду... Я по просьбе своей переведен к повытчику Надеждину** в помощники, у которого мне будет лучше как в рассуждении узнания службы Земского суда, так и получения любезных финансов. Надеждин обходится со мною хорошо, сам он довольно неглупый и знающий свою обязанность хорошо и старателен к ней. У него есть маленькая библиотека книг.

Я имел удовольствие читать журнал сего года, издаваемый Иваном Киреевским, Е в р о п е е ц и читал в нем хорошие литературные статьи и стихи любезного нашего поэта В. А. Жуковского и других; также и Г и р л а н д у, журнал сего же года, из которой списывал стихи, как и из первого. Нынешние обстоятельства в университете доказывают, что его сущест-

* Прости, заболтался, говоря по простому наречию. — П р и м. К. Г. Б е л и н с к о г о.

** Он пишет Надеждин по причине, что у него есть крепости на землю, в которых написано так; ежели ему писать Надеждин, то он должен оной лишиться. — П р и м. К. Г. Б е л и н с к о г о.

вание должно скоро кончиться, а описанный тобою помощник Голохвастов много меня взбесил своими гнусными с гг. студентами поступками, за которые его благородномыслящий человек должен просто выгнать. Я опасуюсь, чтобы он тебя не выключил из университета, ибо это для него, как ты писал, составляет удовольствие, и не диво такому молодцу, каков он по своим поступкам; такой человек и у нас, подьячих, не был бы терпим, а особливо до меня, ибо я терпеть не могу с такими гнусными поступками людей, за то и сам обхожусь со всеми благородно, потому что благородный по чувствам человек сам должен обходиться со всяким благородно, но это оставим, а лучше скажу тебе, что я ныне по твоему желанию пишу прозаические сочинения, из которых и посылаю тебе мои мысли и замечания, вот они:

1. Чем более рассматриваем мы природу, тем более познаем премудрость создателя и его о нас попечение, которое он нам во всем являет, тем более открывается для нас завеса неизвестности его созданий.

2. Нет ничего отвратительнее в человеке, как тиранство себе подобных.

3. Критика на хорошее сочинение подобна искре огня, упавшей в воду, в которую, коль скоро попадет, то и потухает.

4. Благородство человека должно основываться не в суетном имени высокого чина, но в чувствах и поступках, которыми он стремится ко всему прекрасному и высокому.

5. Кто истинно верует в бога, тот имеет и надежду на получение конца своим несчастьям, а особливо добродетельный человек.

6. Что может быть похвальнее в девице, как не скромность, сопряженная с благородными поступками, но еще более, когда оные украшаются добротой ее сердца, которая затмевает и самую красоту лица и воспитания.

7. Сколь часто одежда человека имеет влияние на чернь, несмотря на то, что и под самую богатою одеждою часто скрывается самый порочный и не имеющий благородных чувств, без которых и ч т о и высокий чин.

О сих мыслях, которые я, сидя с трубкою табаку, приготовляя в голове моей, после написал на бумаге, сочинял уже как они теперь здесь написаны, то прошу написать о них свое мнение в рассуждении их достоинства; что касается до хорошего, то ничего нет, и я их почитаю за самый пустой вздор. Ежели ты несколько оные мысли одобришь (чего я и не ожидаю), то я буду продолжать и буду стараться как о предмете мыслей и замечаний, так и о слоге. Я очень сожалею, что я не нахожу себе такого человека, с которым бы мог заниматься русским языком, которого знание для прозы необходимо нужно. Я купил себе Послание к слугам, соч. Ф о н - В и з и н а, и басню Лисицу-Коснодея и Радостный глас Московитянина на прибытие государя императора в Москву, соч. Гурьянова, заплатил за обе книжки 60 коп. Еще я заказал рамку для портрета Ф о н - В и з и н а.

Ах! Любезнейший братец! Если бы ты был теперь дома, как бы мне было весело сие время: я старался каждую с тобою минуту употребить в пользу, чтобы научиться от тебя всему хорошему; твои мне советы всегда были приятны, а особливо последние в письме 1831 года, сентября месяца, касающиеся до моей службы, которые я часто вспоминаю и прочитываю, как благороднейшие твои чувства, и стараюсь употребить их в пользу. Утешь меня хотя присылкою своего какого-нибудь нового произведения, уже напечатанного в каком-нибудь журнале, чем много доставишь мне удовольствия. Маменька за недосугом по хозяйству не успела тебе написать, она хотела послать окорок ветчины, но постыдилась о сем просить А. К р а с о в с к у ю, к тому ж ветчина, в глазах чембарцев, еще не много значит. Маменька и все домашние тебе кланяются и желают тебе здравия и благополучия, равно и я. Прощай. Остаюсь брат твой

Константин Белинский

В опускаемой части письма К. Г. Белинский подробнейшим образом описывает погоду в Чембаре во время пасхи.

56. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. и М. И. БЕЛИНСКИМ

Москва, 1832 года, Июня 21 дня

Милостивые Государи
 Папилька Григорий Никифорович
 и Маминька Марья Ивановна!

Свидетельствую Вам мое всенижайшее почтение, уведомляю Вас, что я вышел из больницы 6 мая. Хотя и не могу сказать, чтобы я выздоровел, однако чувствую себя лучше, нежели прежде, и только одно худое состояние погоды препятствует мне значительно поправиться. Писать к Вам больше совершенно не о чем, ибо Дм<итрий> П<етрович> может служить для Вас живым письмом¹. Уведомляю Вас, что я теперь разбогател форменною одеждою: вышедши из больницы, я получил виц-мундир с панталонами, мундир с панталонами, панталоны нанковые, панталоны белые демискутоновые, сапоги новые, тогда как старые, по причине моего нахождения в больнице, еще новы. Скоро получу жилет драдедамовый, не говорю о белье и прочих мелочах. Теперь у меня к зиме недостает только теплой шинели. Старая совершенно развалилась и в дождливую погоду мне не в чем выйти.

С искренним желанием всех возможных Вам благ и в надежде будущего свидания остаюсь любящий и почитающий Вас сын Ваш

Виссарион Белинский

¹ Это письмо было, очевидно, отправлено с Д. П. Ивановым, уезжавшим в Чембар на летние каникулы.

ЗДАНИЕ БЫВШЕЙ ПЕНЗЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ, ГДЕ УЧИЛСЯ БЕЛИНСКИЙ
 Сейчас начальная школа № 30

Фотография Н. Н. Павлова (Пенза), 1945 г.

57. БЕЛИНСКИЙ — К. Г. БЕЛИНСКОМУ

Москва, 1832 года, Июня 21

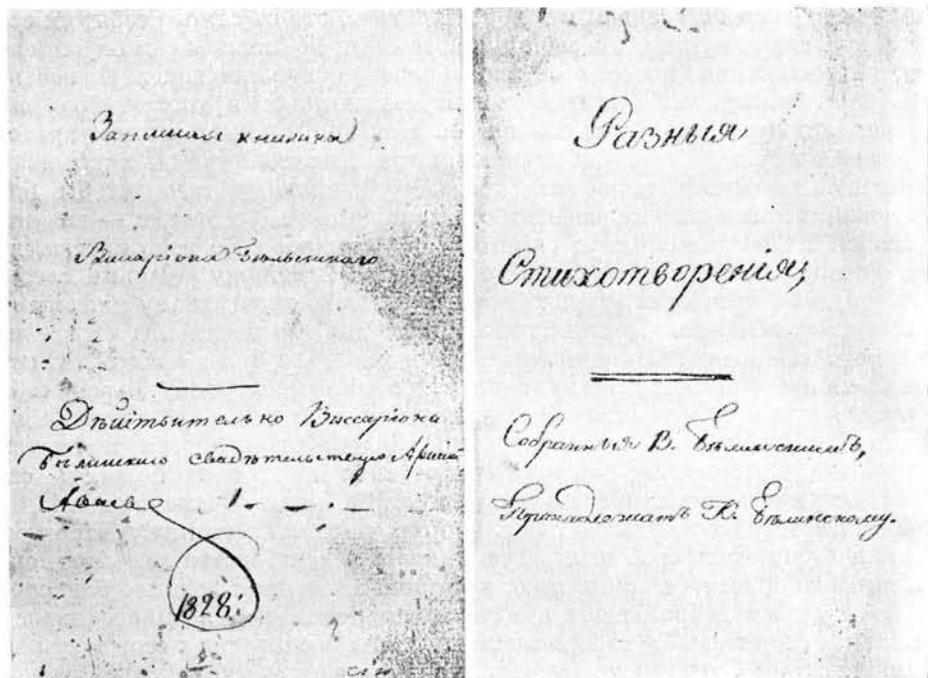
Любезный Брат
Константин Григорьевич!

Уведомляю тебя, что я давно уже вышел из больницы (6 мая), и имел удовольствие получить все твои письма, за которые благодарю тебя душевно. Что же касается до моего здоровья, то о нем я не могу тебе сказать ничего радостного и утешительного: оно почти невозвратно потеряно. Бесперывный сухой кашель, вероятно, происходящий от отсутствия влаги или слизи в горле, колики в обоих боках и особенно в печени от сиденья, жестокая одышка от каждого всхода на лестницу — как будто бы сговорились мучить меня каждый день попеременно. Я вышел из больницы почти с тем же, с чем и пошел в нее. «Для чего ты не остался в ней до совершенного твоего выздоровления?» — спросишь ты меня. Для того, отвечаю я, что дожидаться моего выздоровления было бы слишком долго; для этого мне нужно бы было пролежать в больнице еще месяца четыре, в продолжении которых меня бы выключили из Университета, как такого человека, которого расстроенное здоровье не подавало никакой надежды на успехи. При том же болезнь моя остановилась на одной степени и не двигалась более ни взад ни вперед, почему сам ординатор присоветовал мне выйти и лечиться более беспрепятственно ходьбою и хорошим воздухом, которого, разумеется, в Москве негде взять. Впрочем, я от ходьбы и движения немного поправился, и если бы стояла хорошая погода, то и очень бы значительно могло восстановиться мое здоровье; но нынешний год, кажется, еще хуже прошлого: дожди, облака, холод, ветер продолжаютя непрерывно; ясные дни бывают очень редки; и чем день теплее, тем я чувствую себя лучше, а чем холоднее, тем хуже.

Впрочем, собственная моя болезнь и вообще мои не совсем благоприятные обстоятельства не так много беспокоят меня, как ваши домашние. С каждым письмом твоим ты вливаешь в мою душу по капельке яду. Маминька беспрепятственно плачет сама не зная о чем и не думая, что она этими слезами может безвременно убить себя и лишить несчастное семейство матери. Хотя о папиньке ты ничего не пишешь (что весьма странно), но я слышал об нем ужасную историю, которая чрезвычайно неприятное сделала на меня впечатление, хотя и не удивила. Я давно предвидел, что рано или поздно, а уже должно было случиться с папинькой что-нибудь подобное. При всей откровенности и благородстве характера, при добром сердце, он страдает ужасным недугом — подозрительностию, разумеется... пустою и неосновательною. Ему кажется, что его жена, его дети, его родные все стоят около него с поднятыми ножами, готовые пронзить его вдруг и только ждущие благоприятного мгновения. Сколько раз обижал он несправедливыми своими подозрениями людей добрых, благородных, искренно ему преданных и желающих ему от души всякого добра. Ему мнится, что весь мир против него в заговоре, тогда как мир и не думает делать ему зло; ибо все люди заняты самими собой и делают зло другим людям из выгод, а что за выгоды и за пользы делать зло папиньке? Другое дело, если бы он был человек важный, занимающий большую должность, тогда бы он мог иметь врагов, завистников и недоброжелателей! Отчего происходит такая ужасная недоверчивость к людям? Оттого, что он имеет самое дурное мнение о людях; они ему кажутся или подлецами, или дураками. Он не верит ни честности женщин, ни добросовестности мужчин и — между тем, о себе, верно, самого лучшего понятия, как будто бы на целом земном шаре он один истинно благородный человек. Подозрительными людей делают обыкновенно великие несчастья; а какие несчастья претерпел от людей

папинька? Если он страдал и теперь страдает, это от самого себя; он есть лютейший враг, мучитель и тиран самого себя; не люди, а сам он виноват в своих несчастиях, которые он еще более усугубляет нелепою, неосновательною подозрительностью, которая, как люта я змея, гложет его сердце и отравляет лучшие минуты его жизни. Конечно, он имел и имеет врагов, но каких врагов! Да и кто их не имеет? Стоит ли какой-нибудь подлый безграмотный подьячий, подобный стряпчему Васильеву, того, чтобы благородный человек занимался им и его ненавистию? Презрение — вот чего он стоит! Папинька обижает самого себя, унижает свое достоинство, думая о таких людях и трогаясь их обидами. Я предвижу ужасные следствия, ужасные несчастия, угрожающие и без того несчастному нашему семейству, если папинька, вняв голосу рассудка, не переменит своего несчастного характера! Сохрани господи, ежели... что будет с вами!.. О себе я не беспокоюсь; я живу, живу, сношу терпеливо мою судьбу, берегу себя, удаляюсь от всего, что может сделать меня несчастным, не для себя, а для своего семейства; для него только желаю я себе и долголетия, и счастья, и здоровья, и богатства; для него единственно я сохраняю бодрость, стараюсь не упасть духом и выпутаться из оков, меня обременяющих! Для чего вы все того же не делаете? Сколько раз просил я маминьку, чтобы она старалась укротить свой пылкий до дикости и неистовства характер, сносила бы с терпением и кротостию, приличными всякой истинно благородной женщине и доброй жене и матери семейства, все несправедливости папиньки, старалась бы избегать с ним всяких бесполезных ссор и тушить пламя в самом его начале, старалась бы сохранять спокойствие духа и твердость характера, от которых зависит и телесное и душевное здоровье, а следовательно, и счастье; берегла бы себя для своих детей, для своего семейства, исполняла бы все обязанности, предписываемые женам божественными и человеческими законами! И все тщетно! Мое усердие и мои благие советы она назвала грубостию и непочтением к матери. Сколько раз, так же тщетно, я просил и говорил папиньке... Так, любя и почитая родителей, я это всегда тебе советую; но, несмотря на то, я имею право сказать, что наши несчастия зависят от них, что они и себя, и нас губят. Они не знают своих обязанностей, они не знают, что они принадлежат не самим себе, а отечеству и детям, что они должны дышать для детей своих, стараться образовать из них добрых граждан для отечества, — это закон природы, закон бога и самих людей. Они нисколько не падают самих себя, гонят друг друга к гробу, расстраивают свое здоровье и душевное спокойствие. Более всего я недоволен маминькою, и именно ее слезами, происходящими от слабости характера и неумения сносить с твердостию горестей жизни. Что, например, за беда такая, что я ныне не могу провести в Чембаре вакацию? Стоит ли это слез? Конечно, оно неприятно, да что же делать-то? Разве слезами можно помочь себе? Опять, неужели она потеряла всю надежду когда-нибудь увидеть меня? Как же должна теперь плакать Федосья Степановна, которая не видится с ее вторым сыном четыре уже года¹ и, может быть, и совсем не увидит? Как должны плакать матери, которых дети уезжают служить в Север<ную> Америку, за 12 000 верст, в Сибирь, на Кавказ? Притом же, чем долее разлука, тем сладостнее свидание. Бог даст увидимся, зачем безвременно убивать себя отчаянием?

Последнее письмо твое от 16 мая наполнено, как и все прежние, по большей части — вздором. Я просил тебя тысячу раз, чтобы ты растолковал мне странную историю целкового, якобы врученного маминькою г-же Горн для отдачи мне. Дождусь ли я этого, или нет? Вместо того, чтобы просто сказать мне, какова была у вас на пасху погода вообще, ты преподробно описываешь мне в каком часу шел снег, в каком дождь. Что касается до твоих мыслей, то скажу тебе, что их нечего разбирать, ибо они суть мысли

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА БЕЛИНСКОГО 1828 г.

Обложка с автографической надписью Белинского и пометой А. Аваева и лист первый книжки с надписью К. Г. Белинского

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

старые, места общие, которые можно найти во всякой азбуке. Старайся более о чистоте и правильности слога, а не о мыслях. Если ты еще хотя раз напишешь мне о Л и с т к е и будешь восхищаться моими произведениями, то я рассержусь на тебя не на шутку. Посылаю тебе стихотворения, между коими много новых, спиши их и пришли обратно с Д(митрием) П(етровичем).

Что за диковинные вещи делает семейство П(етра) Петровича? Право все наши чомбарские что-то не так, как были прежде. Представь себе: мучают своих детей, не уведомляя их о себе ни строчкою. Обещались прислать денег и обманули; понадеясь на их обещание, А(лексей) П(етрович) сделал покупки таких вещей, которые сами по себе необходимы, но еще могли бы быть купленными после, и теперь терпит крайнюю нужду. Хорошо ли это? При всем своем холоднокровии А(лексей) П(етрович) несколько раз чуть не плачет от такого со стороны его родителей над ним наругательства, тем более жестокого, что он никогда не ожидал его.

Засвидетельствуй от меня мое почтение Бабушке Дарье Евсеевне и всем, которые меня знают и помнят. Прощай! Будь здоров и счастлив и люби попрежнему своего брата

Виссариона Белинского

Надпись о получении: Получено 30 июня, 1832 года, в четверток по полудни.

¹ Второй сын Ф. С. Ивановой — Николай Петрович Иванов, был офицером.

58. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

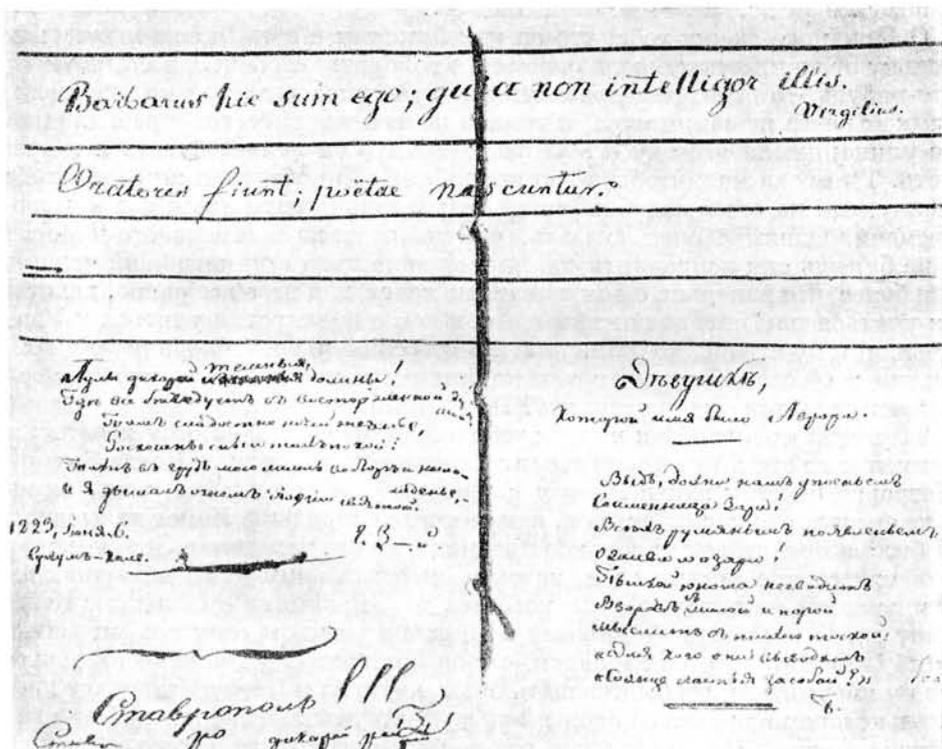
Чембар, 1832 года, августа 16 дня

Любезнейший брат и друг
Виссарион Григорьевич!

На письмо твое от 21 июня скажу тебе, что наши семейственные обстоятельства ныне немного поправились против прежних. Папенька с масленицы самой вина никакого не пьет, кроме полпива и то редко, от которого иногда, пришедши вечером, бранится с маменькою, которая, слушавши твое письмо, была тронута справедливостью твоих слов, касающихся до нее и нашего семейства. Папенька со мною хотя и обходится против прежнего довольно не худо, но уже насчет одежды и не поминаю, и сию-то перемену в обхождении я почитаю за необыкновенную перемену папенькиного характера. Прежде он мне слова не хотел сказать, чтобы не закричать, но ныне говорит, как и следует отцу, а особливо с его характером.

Я, находясь в нужде в рассуждении одежды, нашел себя вынужденным ехать служить в Саратов, о чем и писал к И<вану> Максимовичу Сокольскому, которого просил о прискании мне места, но ответа еще не получил; о чем уведомляя тебя, прошу сделать свое о сем определение, которое бы служило к моей пользе и выгоде (...)

Ты писал мне, чтобы я растолковал тебе историю целкового, с охотою, мой друг. Когда г. Горн сбиралась в Москву, то маменька и просила ее (так как ее люди поедут из Москвы порожние), чтобы она велела им на

ЛИСТЫ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ БЕЛИНСКОГО С ЕГО ВЫПИСКАМИ
ИЗ ЛАТИНСКИХ И РУССКИХ ПОЭТОВ, 1828 г.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

обратном пути из Москвы заехать в Старую Рязань, где по данной ею записке отыскать дом, в котором оставлена повозка, для чего и дала целковый для отдачи того дома хозяину, у которого и ныне она находится, за сбережение оной; но так как повозки не привезли и целковой не возвращен, то маменька и я писали тебе, чтобы ты оный получил от г-жи Горн. Понятно ли?

Приезд Дмитрия Петровича столь много меня обрадовал, что я забыл и Чембар с его веселостями, которые мне уже и не по сердцу. Я его почитал замену вместо тебя, любезнейшего, и так ему рад, так рад, что готов был с ним днествовать и ночевать вместе; но он что-то, как мне казалось, был слишком внимателен к моим словам, которые я говорил о тебе, чтобы узнать о твоём состоянии, в котором ты остался по отъезде его, хотя ты и писал мне в своём ко мне письме, но оно не могло так удовлетворить моему любопытству, как рассказ очевидца твоего состояния в рассуждении здоровья, которое столь много дорого для тебя и для нашего семейства.

Я несказанно рад тому, что тебя оставил несносный кашель, столь долго тебя мучивший, и что ты ныне довольно поправился здоровьем и оставил не скудное табакокурение, которое по твоей комплекции вредно, а особливо затягивание, от которого, как ты писал, происходил и кашель. Я было хотел о сем тебе и писать, чтоб ты при слабости твоего здоровья оставил курить табак, но, к величайшей моей радости, я получаю от тебя письмо, чрез которое и узнаю о возвращающемся к тебе здоровье и оставленном тобою курении табака, который и я хочу оставить, хотя я и редко курю, но все-таки довольно выходит на него любезных денег, которыми я и то не богат, а ежели еще употреблять на табак 50 коп. в неделю, то в год выйдет 26 р. ас., а это не безделица <...>

О Никаноре скажу тебе, что он как был, так и есть, а еще и хуже: маменьку не слушается; ежели она станет говорить, чтоб он снял сюртук или что-нибудь, то он начнет дразнить ее; в училище ходит редко, латинским языком вовсе не занимается, а только повесничает, бегаёт с ребяташками по улице; ежели я стану его усоветывать, то он начнет ругаться и дразнить. Ты писал мне, чтобы я вел подробный его поведения журнал, на сие скажу, что на оный надобно употребить в день бумаги листа два и часов 6 времени. Одним словом сказать, что ежели ты не возьмешь его в Москву и не будешь сам исправлять его нравственность, то он погибший человек, тем более, что папенька о нем и знать не хочет, для него все равно, ходит ли он учиться или нет; латинским языком сам ему запретил учиться у Удинцова, потому что жалко стало платить в месяц 5 р. ас. Теперь рассуди сам, лишаясь сего необходимого для медицинской части языка, что он после должен делать и куда поступить? Не туда ли, куда я?

Ты писал мне, чтобы я чаще к тебе писал, что мне и самому хочется; но леимение на отсылку письма денег заставило отлагать оное. Когда Дмитрий Петрович писал к вам в Москву первое из Чембара письмо, тогда он мне и не сказал, что посылает оное, как он тогда собирался в Ломов на ярмарку. Я было и приготовил маленькое письмецо, но он, уехавши в Ломов, не сказал ничего про письмо свое, которое он отдал кому-то из домашних для отправления на почту. Но что касается до неприсылки им Алексею Петровичу денег, он почти не виноват в оном, а причиною сему подлец Симанский¹, на которого он надеялся, что он пришлет ему должные им деньги; но он вместо того, чтобы прислать оные, написал к Петру Петровичу письмо, в котором и просил о подождании к уплате денег. Дмитрий же Петрович, узнавши оное, был встревожен, что не может исполнить своего обещания, и с самого приезда из Москвы был он им озабочен много. Итак — прощай! Остаюсь любящий тебя брат твой

К. Б е л и н с к и й

<...>

В опускаемой части письма К. Г. Белинский подробно излагает свои соображения о целесообразности переезда в Саратов; сообщает о знакомстве с Н. Е. Сивенковым; жалуется на поведение брата Никанора; посылает деньги для покупки бритвы или книг.

Упоминаются: Г. Н., М. И. и Н. Г. Белинские, А. П. Иванов, Надеждин, М. Е. и Н. Е. Сивенковы и П. Д. Юрьев.

¹ С и м а н с к и й — дворянский заседатель в Чембаре; см. о нем в сб. «В. Г. Белинский. 1848—1948», Пенза, 1948, стр. 153.

59. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1832 года, августа 17 дня

Любезнейший брат и друг
Виссарион Григорьевич!

С присланных тобою тетрадок стихотворения я списал, за что благодарю тебя и, возвращая оные, прошу еще с людьми к<н>. Кугушева прислать мне новых тетрадок стихотворений, а ежели хочешь доставить мне второе удовольствие, то и трагедию своего сочинения, которую мне хочется прочесть и списать, которую, как и тетрадки стихов, возвращу в целости и с благодарностию.

Уведомляю тебя, что на место бывшего секретаря Ратуши С. Агринского прислан секретарь П. И. К о л м о г о р о в, человек умный и образованный, с которым я знаком.

Вторично прошу тебя, чтобы ты прислал книгу: Походные записки русского офицера ¹, которую я забыл у тебя взять, бывши в любезной Москве, чем очень много и премного меня одолжишь; она мне тем более нужна, что я только половину и успел прочесть, а в Чембаре достать не у кого. Еще прошу тебя, чтобы ты не оставлял без внимания мои просьбы (как то всегда делаешь), а всегда бы объяснял мне причину, отчего не можешь исполнить то-то, например: я тебя несколько раз просил, чтобы ты мне прислал своего произведения трагедию, которой и заглавия, к сожалению, не знаю; но ты не только чтобы сказать что-нибудь на оное, но и не поминаешь ничего. Право, это меня много огорчало...

Что еще писать тебе и о чем бы тебя не забыть уведомить? Новостей в Чембаре никаких нет, да им и нельзя быть, а в Москве могут и даже всякий день, о коих я тебя уже прошу, чтобы ты уведомил хотя о тех, кои заслуживают твое внимание, а особливо что касается до литературы, о которой мне приятно слышать что-нибудь новое. Скажу тебе про себя, что я ныне духом своим неспокоен. Семейственные обстоятельства, нужда в одежде и прочее часто меня тревожат и голову мою, воображением о будущем состоянии наполненную, расслабляют; твой приезд может все поправить и привести все в прежний порядок, и для того прошу тебя, чтобы ты старался о нашем свидании, как о деле весьма нужном. Акулина ² свидетельствует тебе до земли свое почтение, которое от меня засвидетельствуй моему любезному племянничку Алексею Петровичу. Еще повторяю, удовлетвори мои просьбы и тем меня обрадуй. Итак, прощай! Целую тебя несчетно раз.

Брат твой К. Б е л и н с к и й

¹ «Походные записки русского офицера» И. И. Лажечникова, СПб., 1820.

² А к у л и н а Данилова — дворовая Белинских, купленная в 1818 г.; в 1832 г. ей было 58 лет.

60. М. И. БЕЛИНСКАЯ — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар, 18 августа 1832 г.⟩

Милый мой друг и сын Виссарион Григорьевич. Очень рада, что ты избавился от столь долго продолжавшей⟨ся⟩ болезни. Я всегда молила бога и молю о твоём здоровье, облегчи тебя бог и подкрепи для меня,

несчастной. На моем сердце лежит тяжелый камень, и печаль стесняет мою душу <...>

Посылаю тебе, мой милый, целковый на яблоки; не прогневайся, что мало, только имею, и то полтинник заняла. Еще посылаю два окорока копченой ветчины, двадцать сдобных булочек, в каждой по яйцу, скушай на здоровье, мой друг, и будь здоров.

Ты сердисься на меня, что я плачу. Слезы облегчают печаль мою. Если я не буду плакать, то кровь застывает в жилах моих и делается трясение во всех членах, пралич или удар угрожает на жизнь мою. Еще нахожу отраду в церкви божьей, молюся со слезами и с рыданием, и в сии то приятно провождаемые минуты отдыхает душа моя.

Прошу тебя, мой друг, не огорчайся моим извещением и домашним расстройством, и прошу тебя, не укоряй отца в его поведении, чтобы он не догадался, что я тебе писала <...>

Бабушка тебе кланяется, сестра кланяется, Акулина кланяется. Бабушка очень жалеет, что у ей не случилось денег тебе послать <...>

Прощай, мой друг, желаю тебе быть здоровому.

Остаюсь мать твоя

Марья Белинская

1832 г. августа 18 числа. Четверток

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено 28 августа, в воскресенье.

В опускаемой части письма М. И. Белинская подробно описывает семейные неурядицы, ссоры с мужем и дурное поведение сына Никанора.

Упоминаются: А. Г., Г. Н. и Н. Г. Белинские, Великопольские, Ф. С. Иванова, Селезнев и И. А. Удинцев.

61. БЕЛИНСКИЙ — К. Г. БЕЛИНСКОМУ

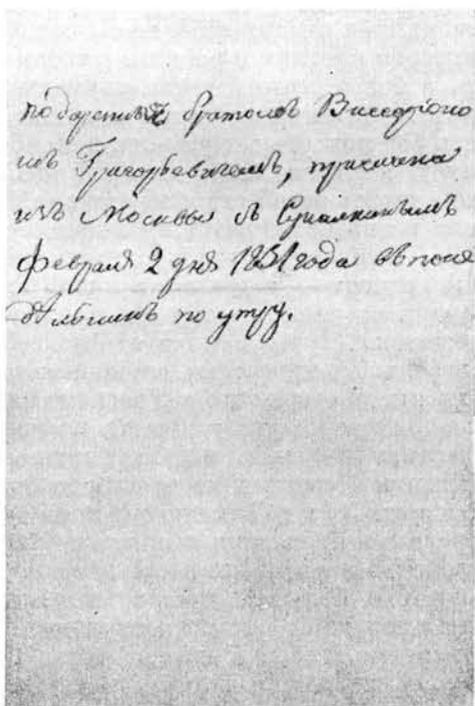
Москва 1832 года, октября 15 дня

Любезный брат

Константин Григорьевич!

Письмо твое от 16 августа показалось мне столь важным, что я не решился отвечать на оное тот же час, а почел за необходимое поговорить с тобою поосновательнее ¹. Ты меня привел в чрезвычайное удивление, открыв мне свое необдуманное и безрассудное намерение оставить Чембар и ехать в Саратов для службы. Правда, это намерение с первого взгляда кажется довольно основательным, происходящим от существенных причин и потому необходимо долженствующим исполниться; но, по зрелом рассуждении, оно окажется очень вредным. Его одобряют и маминька и папинька; конечно, маминька никогда не посоветует тебе, как своему сыну, ничего бесполезного или опасного для твоего счастья, дорогого для ее материнского чувства; но она, как женщина, обо многих вещах не может иметь надлежащих сведений, и потому ей извинительно судить неосновательно об оных; что же касается до папиньки, то если бы ты вздумал ехать в Камчатку или Китай, то и тогда бы, поверь, он не стал тебя удерживать. Коротко знакомый с его характером и горестными обстоятельствами нашего несчастного семейства, ты, без сомнения, поймешь, почему я так говорю и на каких причинах основываю мое мнение, хотя я и неприятное для меня самого столько же, как и для тебя, но, тем не менее, справедливое. Что же касается до тебя самого, то я не сомневаюсь, что тебе очень бы хотелось исполнить свое намерение; я и не удивляюсь сему, ибо я знаю, что ты не последний Рыцарь печального образа, и любишь подонкихотствовать.

Но обязанность старшего брата, по собственному твоему признанию, заслуживающего твою доверенность, заставляет меня вывести тебя из твоего приятного заблуждения и рассеять волшебный туман мечтаний, в котором так сладостно, так раздольно разгуливать твоему шаловливому воображению. Ценою многих жестоких и горестных опытов, имеющих самое неблагоприятное влияние как на мою настоящую, так и последующую жизнь, я приобрел некоторую опытность и покороче познакомился со скользким путем жизни, а потому и могу лучше тебя понимать многие вещи. Дорого бы заплатил я за возможность воротить, по крайней мере, т р и года моей

ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ БЕЛИНСКОГО С ВЫПИСАННЫМИ ИЗ ЖУРНАЛОВ
СТИХОТВОРЕНИЯМИ

Обложка и первый лист тетради. Заголовок рукою К. Г. Белинского. Им же сделана 2 февраля 1851 г. надпись, свидетельствующая, что тетрадь была подарена ему Белинским

Институт русской литературы АН СССР. Ленинград

прошедшей жизни, чтобы снова начать их, испытанному судьбою и наученному опытом! Есть в жизни такие случаи, от коих зависит счастье или несчастье целой нашей жизни; люди замышляют иногда такие намерения, которые, несмотря на их наружную незначительность, требуют крайней осторожности. Я знаю, что мои слова покажутся тебе закускою не совсем вкусною, но как бы то ни было, я все-таки почитаю за священнейший долг с моей стороны сказать тебе, что твое намерение нелепо и безрассудно — и вот почему:

1) Ты совсем несправедливо жалуешься на недостаток в одежде; Дмитрий Петрович уверял меня, что ты в этом отношении никакой нужды не имеешь, что у тебя есть форменный сюртук, фрак, несколько панталон не нуждаешься ни в сапогах, ни в другом чем. Чего же ты хочешь? Это странно!

2) Неужели ты думаешь, что С о к о л ь с к и й охотно возьмет тебя на свое попечение или захочет обременить себя такою обузою без всяких для себя выгод? Взявши тебя под свое покровительство, он должен будет отвечать за все твои неудачи и неуспехи, причина коих, как обыкновенно водится, будет со стороны твоих же родителей приписываться его о тебе нерадению, хотя бы в оных виноват был ты, а не он. Притом же он должен будет беспрестанно о тебе беспокоиться, предстательствовать за тебя пред начальством, учить тебя, выручать из бед и тому подобное; из каких выгод, повторяю, будет он так тобою заниматься? От нашего папильки ему надеяться нечего, а от тебя и еще меньше. Если же он, обещавши тебе свое покровительство и помогши тебе перелезть из Чембара в Саратов, предоставит тебя самому себе, то ты человек п р о п а щ и й. Ибо с своим характером кротким и робким, с твоими не слишком блестящими дарованиями, а более всего с твоим неуменьем вглядываться в обстоятельства и применяться к ним, смотря по нужде, ты никоим образом не можешь обойтись без подпоры; служба же в Чембаре, ты всегда можешь находить эту опору в твоём отце, который тебе может быть полезен, без всяких особенных с твоей стороны стараний, местом, занимаемым им по службе, если не по общественному мнению.

3) Ты говоришь, что в родительском доме ты пользуешься только столом и квартирою — а разве это мало? Ты думаешь, что легко содержать себя на своем отчете, то-есть иметь порядочную комнатку с порядочным столом? Посмотрел бы ты, как живет Алексей Петрович, который за одну комнату с небольшою прихожею, служащюю ему вместе и кухнею, платит 16 рублей в месяц, да сверх того ежемесячно издерживает 8 р. ас. на дрова, а жалованья-то всего получает 30 р. ас. в месяц, и этим жалованьем он должен и за квартиру заплатить, и дров купить, и стол иметь, и одеваться. Если бы еще Дмитрий Петрович не выхлопотал себе Алексеевского кошта от Университета, то и до сих пор они принуждены бы были жить в собачьей конуре с разными бродягами и нищими. Если бы ты знал, как строго выполняет Алексей Петрович все посты даже по середам и пятницам, и как он, в продолжение больших постов, по причине чахоточного состояния своих карманов, иногда по несколько дней даже постных щей не видит, а прибавляется хлебом и квасом, тогда бы ты узнал, как легко содержаться самому, и вполне бы оценил счастье жить в родительском доме на всем готовом.

4) Ты жалуешься на ничтожность получаемого тобою за службу жалованья и называешь его нищенским. Что ж делать? Деньги никому не даются даром, и достаточное, независимое содержание приобретается потом и кровью. Твоя же служба очень не важна и не трудна. Алексей Петрович каждый день с 9 часов находится в Сенате, из которого возвращается в 2½ часа и приносит с собою кипы бумаг, за коими иногда просиживает не только праздничные и табельные дни, но иногда и целые ночи; а жалованье-то, получаемое им, тебе известно. Ты думаешь, что в Саратове будешь получать ты с я ч и; не горячись, брат: и там, как и во всех губернских городах, для таких с л у ж и в ы х, как ты, 120 р. ас. составляют самое большое жалованье. На эти 120 рублей ты должен будешь и нанимать квартиру, и иметь стол, и одеваться; а на доходы, при нынешних обстоятельствах, надежда плохая, особенно тебе. Правда, в Саратове содержание гораздо дешевле, нежели где-либо в другом месте, ибо Саратовская губерния принадлежит к числу богатейших и изобильнейших естественными произведениями русских губерний; это я все знаю, но где дешево все, там дороги д е н ь г и. Притом же, в таких местах выгодно служить с е м е й н ы м ч и н о в н и к а м, занимающим должности поважнее должностей канцелярских писак; ибо если они мало получают доходов деньгами, то, взамен того, много берут естественными произведениями, как-то: х л е б о м, с к о-

том, рыбою, и крою, медом, овощами и тому подобным, чем они обеспечивают содержание своих семейств, а деньги, которые бы должны были употребить на сии необходимости, кладут в сундук, — и таким образом не остаются в накладе. Тебе же, как молодому бессемейному человеку, нужны будут одни деньги, а их-то ты и не будешь иметь.

5) Наконец, главнейшее препятствие состоит в том, что ты не имеешь офицерского чина; а без него служить не так-то выгодно, ибо ежели ты по какому-нибудь случаю потеряешь свое место, то другое найти тебе будет трудно. Между же тем, покада ты будешь прискивать себе другое место, ты не будешь иметь средств к своему содержанию, и этим совершенностроишь свои обстоятельства, потеряешь много драгоценного времени и тем самым отдалаишь от себя получение чина. К тому же, в Саратов изо всех близких окрестных губерний приезжает множество молодых людей всякого звания, а особливо из духовного, для прискания в оном себе мест, — почему ты будешь иметь соперников, а особливо когда потеряешь свое место и будешь искать другого. В Чембаре же хотя не так хлебно, зато надежнее, а это важнее. Не сули журавля в небе, а давай синицу в руки — говорит мудрая русская пословица.

«Так неужели же мне целую жизнь служить в Чембарском земском суде?» — скажешь ты с огорчением. Нет; я первый против этого. По моему мнению, молодому человеку стыдно и даже бесчестно проводить всю жизнь свою на отцовском содержании и служить в каком-нибудь мелком городишке. Всякий должен помыкать по белому свету, понатерпеться нужды и горя и понасмотреться добра и худа и, уже обогатившись опытами жизни, помышлять об основании себе постоянного местопребывания, о приобретении порядочного места по службе, хотя и в уездном городке, ибо не всем же жить в столицах и губернских городах. Итак, вот тебе мой последний, искренний совет, которому ты непременно должен последовать, если ты любишь меня и дорожишь моим мнением столько же, как и собственным своим счастьем.

Прежде получения офицерского чина ты ни под каким видом не должен оставлять Чембара. Когда же получишь оный, то можешь, если есть охота, перейти и в Саратов на некоторое время, чтобы попривыкнуть жить на чужой стороне своею собственною головою, а не чужим умом. Между же тем временем Алексей Петрович, который уже успел своим прилежанием по службе и хорошим поведением успел обратить на себя некоторое внимание от своего начальства, будет непременно столоначальником; и тогда ты можешь перейти в Сенат и служить в его столе под его надзором и покровительством и даже жить с ним на одной квартире. Он для тебя будет уже не то, что Сокольский; он будет радеть о твоих пользах и о твоём счастье, как о своем собственном. Ибо, кроме того, что он связан с нашим домом родством, он очень любит тебя за твою доброту и чистосердечие. Дождаться же тебе этого не слишком долго, ибо года через полтора или через два ты получишь офицерский чин, а Алексей Петрович к этому времени как раз будет столоначальником. Ты же между тем старайся приобрести необходимые по статской службе сведения, вникай в ход и производство судебных дел, читай уложения, законы, указы, учись сочинять просьбы, узнавай формы судебных бумаг всякого рода, обязанности и преимущества всех сословий и государственных чиновников, будь прилежен и не упустителен в исполнении собственных своих обязанностей по службе; заботься также и о чистописании, и о грамматике, чтобы сколько-нибудь сделаться достойным служить в таком месте, как Сенат; а о большом жалованьи, о доходах, щегольстве и вообще приобретении денег забудь до времени и думать, как о деле несбыточном и смешном. Итак, вот тебе мой совет; в твоей воле последовать ему или нет; по крайней мере, я свое дело сделал и потому в рассуждении этого остаюсь спокоен.

Ты, может быть, удивисься, что я говорю о твоём поступлении в Сенат, как о деле совершенно возможном; об этом не беспокойся, помни пословицу: *н е б о г и г о р ш к и о б ж и г а ю т*. Притом же я ныне ничего не хочу ни делать, ни говорить и *а о б у м* и решился во всех поступках быть рассудительным и основательным. Об этом деле я советовался с Алексеем Петровичем, и он уверил меня, что тебе очень не трудно будет, по получении офицерского чина, поступить в Сенат, и в этом случае на его слова можно совершенно положиться. Ты же, с своей стороны, никому о сем не говори, ибо обстоятельства могут перемениться, и надежды твои не исполниться. Помнишь ли ты, как я писал к вам, что я печатаю свою трагедию, и с восторгом высчитывал тысячи, которые я от нее получить надеялся...

Что же вышло? Вместо славы и денег я получил от нее неудовольствия и горести, и после каюлся, что прежде времени объявил вам об этом. Я теперь смеюсь над своими прошедшими глупостями: такими-то горестными уроками, такою-то дорогою ценою получается опытность!.. Итак, учись, служи, веди себя хорошенько и потихоньку, не торопясь, готовься к своему тайному назначению, а о прочем предоставь пещись богу; что будет, то будет, а чему не должно быть, того не будет. Сноси терпеливо свои горести и помни, что когда-нибудь они должны окончиться. Я очень рад, что Папинька переменил с тобою свое прежнее обращение, и ты им теперь доволен; умеи этим пользоваться, будь к нему почтителен, вежлив, услужлив, старайся предупреждать все его желанья; ежели он обидит тебя словом или делом, не ропщи, не жалуйся, не помни зла и сноси терпеливо и помни, что он твой отец и что ему судья один бог и собственная его совесть. Об одежде его проси только в самой неизбежной крайности и то осторожнее; примечай, что ему нравится и чего он особенно не любит, и сообразно с этим располагай своими поступками в отношении к нему.

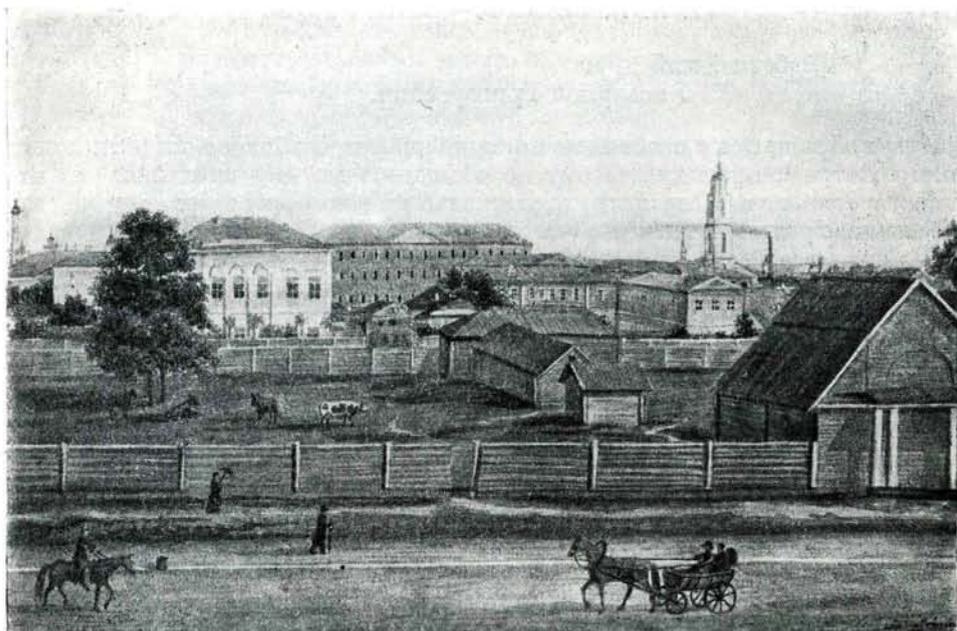
О Никаноре я с сего времени ничего говорить не буду, ибо мне уже наскучило тысячу раз твердить без пользы одно и то же. Это решено: *о н м а л ы й п о г и б ш и й*... Бог судья тем, которые его губят!..

Ты пишешь, что для тебя очень приятно, что я оставил курение. Советую и тебе последовать моему примеру, потому что <...>* и не может быть вредна для твоего здоровья, как для моего; но зато, она иссушает, как ты сам говоришь, твой карман и приводит его в самое чахоточное состояние; а он у тебя и без того тощ.

Что же касается до твоей просьбы купить тебе бритву, то на это я скажу тебе, что и на 5 р. ас. нельзя купить порядочной бритвы, а двухрублевою можно не бриться, а только резать палки, ибо и порядочный перочинный ножик стоит не менее двух рублей. Что касается до книги, которую ты просил меня купить на деньги, присланные на бритву, то потерпи: со временем я могу исполнить твою просьбу с большою для тебя пользою; теперь я чрезвычайно занят и не имею ни минуты свободного времени. Иногда случается, что за безделицу можно достать хорошую книгу, только не надобно торопиться.

Ты просишь меня прислать тебе мою трагедию; на это отвечаю тебе в последний раз и наотрез: не пришло. Тебе известно, что экземпляр, переписанный набело, остался навсегда в цензуре, у меня же теперь только и есть один черновыи, и я лучше соглашусь отрубить себе руку и послать ее тебе в подарок, нежели расстаться с ним на какое бы то ни было время. Она может пропасть во время пересылки или по листочкам растеряться у тебя самого. При том же я непременно намерен в свободное время понежнему переделывать ее так, чтобы ее можно было пустить на белый свет. Так как я теперь стал поопытнее и потому на многие предметы начинаю смотреть

* В рукописи оторван угол.

ОКРАИНЫ МОСКВЫ

Акварель Софи Эверин, 1848 г.

Музей истории и реконструкции Москвы

с другой точки зрения, нежели прежде, то и надеюсь успеть в своем предприятии. По этим причинам мне никак не возможно с нею расстаться, и я прошу тебя об этом более не только не говорить, но и не думать. Когда увижусь с тобою, тогда можешь читать ее сколько тебе угодно.

Новостей у нас так много, что не достало бы ни времени, ни бумаги, ни терпения описывать тебе их; когда увидимся, то все узнаешь от меня подробно. Недавно был в Москве государь император, и великий князь Михаил Павлович, кажется, и теперь еще в ней. Теперь живет в Москве товарищ министра народного просвещения, тайный советник Уваров; он часто присутствует на лекциях и, по просьбе государя императора, навсегда остается в Москве, для личного надзора над Московским Университетом².

Ты просишь у меня еще стихов, а между тем не прислал старых: я не получал их от Михаила Николаевича. Очень радуюсь, что ты познакомился с г. Синенковым; я об нем слышал очень много хорошего, и сам желал бы с ним быть знакомым. Старайся <...>* все свои хорошие знакомства и извлекать из них пользу для твоего образования. Прощай! Будь здоров и счастлив! Твой брат

Виссарион Белинский

¹ Запоздание, с которым Белинский отвечал на письмо брата, объяснялось, вероятно, тем, что 27 сентября 1832 г. он был исключен из университета. Ничего не сообщая об этом в своем письме, Белинский продолжал хранить это событие в тайне от родных в течение нескольких месяцев. См. письмо его к матери от 21 мая 1833 г. и прим. к нему.

² Николай I прибыл в Москву 20 сентября 1832 г. по пути из Воронежа в Петербург. С. С. Уваров (1786—1855), назначенный 21 апреля 1832 г. товарищем министра народного просвещения, в это время находился в Москве: в августе того же года он был командирован «на обозрение Московского университета и части учебного округа».

* В рукописи оторван угол.

62. П. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

〈21 октября 1832 г.〉

Любезнейший друг
Виссарион Григорьевич.

К вам обращаюсь с особенною покорнейшею просьбою не оставить моего юного Петра ¹, преподавать ему по обещанию вашему из языков, за что я постараюсь вам заслужить, и напишите ко мне беспристрастно, не скучает ли он о родине, охотно ли учится, и чтобы он писал как можно почаще. Я без шуток думаю быть во Владимире, а оттуда и на вас взглянуть.

Извините, что пишу на такой бумаге, так случилось наскоро, а в квартире бумаги нет. Свидетельствуя вам истинное и усерднейшее почитание, остался покорнейший слуга

Петр И в а н о в

21 октября

¹ Младший сын П. П. Иванова — Петя — был отправлен родителями в Москву.

63. Г. Н. и К. Г. БЕЛИНСКИЕ — БЕЛИНСКОМУ

〈Чембар, 25 ноября 1832 г.〉

Г. Н. Белинский:

Виссарион Григорьевич!

Нашелся мне случай к тебе писать, который я и ты должны почесть за надобность даже полезную, тебе только достается выполнить следующее: хорошенько описать положение Московского лицея, из какого звания принимают детей, каких лет, курс [окончательного] учения. Ты знаешь, что наш Никанор при хороших дарованиях, и если его пустить по твоим следам, то как бы не увяз и при таких дарованиях в Пензенской гимназии, в которой иностранные языки, особенно латинский, преподаются скупо, а без сего последнего далее шагнуть нельзя. Отвечай скорее.

Мы весьма теперь успокоены твоим избавлением от болезни и благодарными остаемся за старания г. медика NN.

Пиши, сколько тебе денежок прислать. Затем остаюсь доброжелательный твой отец

Григорий Б е л ы н с к и й

Ноября 25 дня 1832 г.

К. Г. Белинский:

Любезнейший братец и друг
Виссарион Григорьевич!

Письма твои от 15 октября и 12 ноября ¹ мы получили 24 оною месяца, за которые и приношу мою чувствительную благодарность, а особливо за решительное твое мнение о моей службе в Саратове, которое я нашел основательным; ежели бы ты и советовал мне туда ехать, то я и сам уже раздумал еще прежде твоего письма. Но что касается ехать мне по получении офицерского чина и занятия Алексеем Петровичем в Сенате должности столоначальника в Москву и служить вместе с ним и у него в столе и под покровительством, то оным ты меня много оживил и рассеял туман мыслей моих о будущей службе. Мое первое теперь будет правило: стараться как можно о приобретении познаний по службе, чтение законов, уложений и проч., чтобы можно было удобнее служить в Сенате. Что же касается до офицерского чина, то я к оному уже и представлен. Ежели бы все сие испол-

нилось, то я не нашел бы слов изъяснить мою благодарность тому, кто будет одного виною, а всегдашняя моя была благодарность: уважение, почтительность и откровенность во всяких случаях.

У нас в Чембаре такая идет кутерьма, что и говорить нельзя: члены и секретарь Земского суда отданы под суд по дошедшим до губернатора слухам за разные дела, и бедный Суриин невинно страдает за дело, в котором он не был участником, а именно: по делу отставного солдата Марковина. Рацул переведен в Пензенский земский суд, а на место его столоначальник Губернского правления Очкин, место коего заместил помощник его Засухин; исправник вышел в отставку, на место которого определяют В. Григорьева; заседатель А. Крынский вышел в отставку, на место которого определили И. Григорьева; протопоп Студенский по своему желанию перешел в Краснослободск, а на место его из Пензы пришлется; Д а н и и л О с и п о в и ч К а м е н с к и й переведен в село Каменку благочинным. Вот сколько новостей! Ежели писать подробнее, то не столько найдется. Мнение твое о Николае Егоровиче Синенкове очень справедливо: он человек ученый, образованный и умный; меня люблю, равно как и я его. Не знаю, что и писать, было одиннадцать часов, я еще и не печатал письма и в суд не ходил. Итак — прощай! Кланяйся Алексею Петровичу и Дмитрию Петровичу, а Петеньку поцелуй, да получше. Остаюсь твой брат

Константин Белинский

Р. С. Папеньке мы писем твоих не показали.

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено декабря 5 дня, в понедельник.

¹ Письмо Белинского к брату от 12 ноября 1832 г. до нас не дошло.

64. П. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

⟨Керensk, 28 ноября 1832 г.⟩

Милостивый государь и любезнейший друг
Виссарион Григорьевич.

Вчерашний день старуха моя приехала из Чембара и привезла с собою письмо ваше к ней, писанное от 12 ноября¹, из которого вижу точное исполнение вашего попечения о Петеньке, за что приношу мою наилучшую благодарность и усерднейше прошу продолжать оное и, следуя вашему письму, книги, какие привезены из Чембара, при сем препровождаю. Вы будьте ему и профессор наставник и благодетель и отец наук, а я, как старый пономарь, не могу ничего дать в научение, кроме как покудова жив просить благотворителей о попечении о нем. Если не в тягость будет вам приказать связать ему тетрадку и отмечать успехи в занятиях и к концу года мне переслать при оказии, и прошу вас покорнейше еще, чтоб он писал как можно чище, посылаю несколько строк руки Ивана Ивановича Заикина к его руководству. Прощай, мой любезный друг. Желая вам доброго здоровья, с истинным почтением и преданностью остался, милостивый государь, ваш покорнейший слуга

Петр Иванов

28 ноября 1832 г.

Маменька посылает *⟨дальше приписка Федосьи Степановны Ивановой:⟩* Любезный друг Виссарион Григорьевич, благодарю тебя за письма и за ученье Петеньки. Я надеюсь на тебя, как на ближнего родственника и

многолюбящего нас, что ты будешь продолжать занимать его оным. Попутчик скорый, перо у троих одно, писать больше некогда, как сказать тебе, что родители и домашние твои все здоровы, тетушка ² посылает тебе две теплые манишки. Прощай, желаю тебе от бога всех благ, остаюсь многолюбящая тебя

сестра твоя

Федосья И в а н о в а

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено 7 дек. в среду.

¹ Это письмо Белинского к Ф. С. Ивановой до нас не дошло.

² Мать Белинского — Марья Ивановна.

65. М. И. БЕЛИНСКАЯ — БЕЛИНСКОМУ

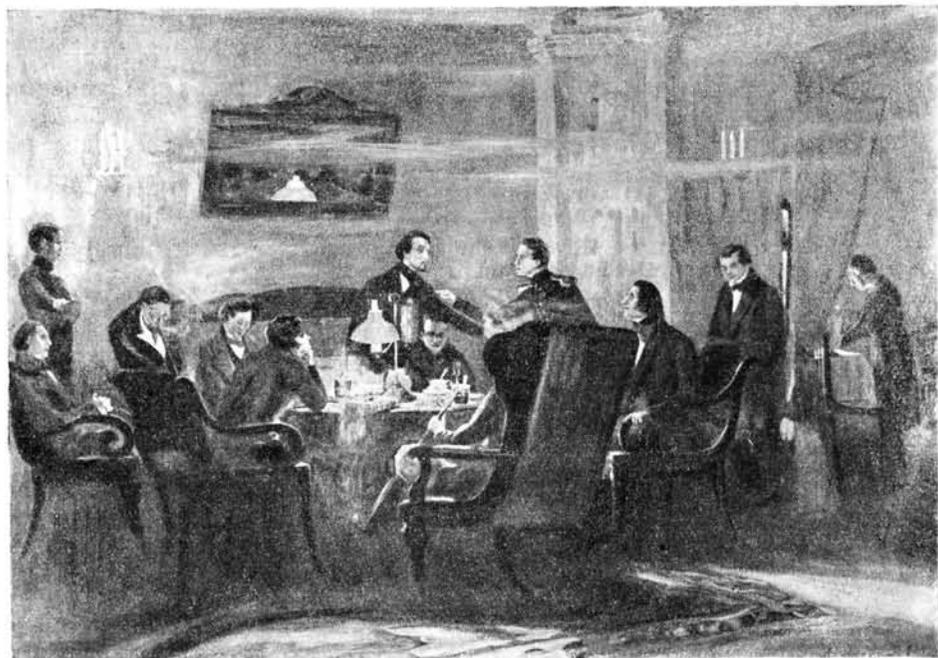
Чембар, 1832 года, декабря 10 дня

12-й час полдня. Отец собирается в округу и пошел, не знаю куда, с любезным Селезневым, а Константин на целую лепешку намазал масла и уписывает, а другой рукой сбивает в графине сливочное масло, а Никанор сидит в детской и читает с восхищением книги Рославлев или Русские <в> 1812 году, ему вчерась вечером отец принес от откупщика Павлова; а Василий в кухне щиплет гуся, а Авдотья в кухне пьет, а Акулина обыкновенно с ухватами округ печки. А я с отцом не говорю уже другой день, потому что он дня с три сряду буянил, ругал и поносил меня и маменьку ¹ тож. Я хотела ночи на две уйтить к маменьке, что со мною и случилось прежде*, но за разными домашними недосугами раздумала, приехала домой 8 числа <...>

Теперь будет вздор писать. Мы получили твои приятные письма, милый мой сын и друг Виссарион Григорьевич. Письма твои я все от отца скрыла, он отвернулся, когда я разбирала узел, а я схватила конверт подмышку и удрала с ним в кабинет, отец пробурчал «писем нет», я промолчала, и тем кончилось. Благодарю тебя, мой друг, за твои письма и наставления, я твои письма слушаю вместо проповеди. Отец тебе послал письмо декабря 25, а от тебя получили 24 числа. Он тебя просил об какой-то лицее узнать, узнай, бога ради, хорошенько, чтобы сбить с рук нашего воителя. Ах, друг мой! Какие он дарования имеет, какую память острую. Иногда отец с ним разговорится об царях, об войнах, он точно большой слушает и судит, но зато как и зол, какой драчун, всех бьет и ругает. Я, Саша и с нами Анна Васильевна, мы ездили в Поим ² к куму и куме ³, к управляющему. Поехали первого числа, а приехали домой <?>, а за Костей посылали лошадей 3 числа, а 4 числа кума была именинница, Варвара Федоровна, а до-мой приехали 5 числа вечером. Отец с нами не ездил, он с нами никуда не ездит, от помещиков ото всех отстал с этих пор как с ним случилось у Евре-нова. Не знаю, они думают, что он о сию пору сумасшедший, или они его пре-зируют, все ездят лечиться в Пензу и в Сердобск. Петра Александровича отдали в уголовную по ершовскому делу ⁴, а он был до этого немножко нездоров, а как услышал, то и более его поразило. Его требуют для ответа в Пензу, он сказался больным, нашего отца наряжают свидетельствовать, поехал, написал свидетельство; они хотели прислать за ним лечить вскоре, но что-то замешкались или, кажется, больной не решался лечиться. При-ехала Анна Петровна⁵ и уговорила отца лечиться, пишут письмо, присы-лают за нашим лошадей, нет, не тут-то было, отговорился, не поехал; исправник узнал, уговаривал ехать, ничто не подействовало. Посылают в Сердобск за лекарем, того не застали дома. Наконец, Анна Петровна при-

* Слово «прежде» написано над строкой К. Г. Белинским.

ехала сама за нашим батюшкой, на помощь взяла Катерину Петровну. Ты не можешь представить, как они его уговаривали и упрашивали со слезами. Анна Петровна хотела встать на коленки. Не думаешь ли ты, что он поехал? — ничего не бывало, он хладнокровно отказался. Теперь посуди о своем отце и подумай, кто после этого за ним придет. Что же он после говорил: «А они узнали, что я им свидетельство дал не в их пользу, они меня хотят заманить к себе в дом и убить или прибить до полусмерти». У нашего сокровища только и в уме, что убьют или прибьют, а бедный Петр Александрович дён через пять и отправился в вечное жилище. Его хоронили в Екатеринин день; в этот день мы были на именинах у Поспеловой барышни, танцевали, гостей было очень много, и угощенье было прекрасное.

«В 1830-е ГОДЫ»

Акварель А. Ф. Максимова, 1902 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Костенька был и танцевал, и отец был, и Никанор, люди всегда меня просят, чтобы я его взяла, чтобы он всех без нас не перебил и не разругал.

Отец сочиняет новые планы, Никанора хочет определить в лицо, кажется, это должно сделаться летом, а он хочет нынешнюю зиму ехать в Пензу и просить губернатора, чтобы позволили ему перейти в армию или в какие-нибудь дальние города, меня хочет бросить, и не знаю, чем кончатся наши ссоры и неудовольствия. Я тебе, мой друг, посылаю гостинец — домашнего гуська, жарь, мой друг, хотя у Алексея Петровича, и скушай на здоровье.

Поклонись от меня Алексею Петровичу, Дмитрию Петровичу, Петеньку поцелуй. Митенька нынешний год был гораздо погордее прошлого года и, кажется, меньше расположен к нам, и реже у нас был. Ты, мой друг, приедешь ли в следующую вакацию, я тебя жду как праздника, то-то бы с тобой наговорилась. Поздравляю тебя, мой друг, с праздником рождеством

христовым, я знаю, что ты получишь письмо перед самым рождеством. Желая тебе быть здоровым и благополучным, многолюбящая твоя мать

Марья Белинская

Представь себе, Никанор часу с осьмого и теперь осьмой час вечера, он не умолкал ни на минуту читать Рославлева, только уделил несколько слов поссориться с Терентием Матвеевичем, он у нас часу в шестом был и пьяненок, не разобрал, что Никанор читает хорошую книгу, говорит ему: «Полно,—говорит,—врать-то». И пошла у них потеха, насилиу я их развела. Отец уехал в округу часу в четвертом, купил сладкой водки, выпил, пообедал, его разобрало, и как же меня разругал. Ты пинешь, мой друг, чтобы в горести не унывать, я не слишком унываю; если бы унывала, то бы давно была бы в земле. Прощай, мой друг. 8-й час вечера, сейчас иду в кабинет печатать письмо.

Написала редко, да метко, а если не понравится тебе, то и никогда не дождешься. Ты говоришь, что тебе приятно слышать о домашних обстоятельствах.

Это писала ко мне поимская кума Емельянова, вот и читай без досады⁶.

На первой странице надпись рукою Белинского: 3 Г<енваря> 1833 г. Втор<ник>.

В опускаемой части письма М. И. Белинская описывает семейные неурядицы, поведение мужа и сына Никанора; передает чембарские новости.

Упоминаются: А. Г., Г. Н., К. Г. и Н. Г. Белинские, Брычев, Великопольские, А. Данилова, В. Жилинский, Д. Е. Иванова, Павлов, Селезневы, Щетинины.

¹ «Маменька» — Дарья Евсеевна Иванова.

² Поим — село Чембарского уезда.

³ «Кум и кума» — К. И. и В. Ф. Емельяновы.

⁴ Петр Александрович Мосолов — бывший чембарский судья. «Ершовское дело» — о взятии в опеку села Ершово графов Разумовских. См. об этом в указанной выше книге В. С. Нечаевой, стр. 126—127.

⁵ Анна Петровна — дочь П. А. Мосолова (см. прим. к письму № 21).

⁶ Часть письма написана на чистых страницах совершенно безграмотного письма Варвары Федоровны Емельяновой к Марии Ивановне Белинской. Там же приписка Константина Белинского:

Любезнейший Виссарион Григорьевич!

При чтении сего письма я вместе с маменькою смеялся над складом оного. Вот образцовый-то склад!

К. Белинский

Р. С. Маменька просит, чтобы с сим подателем, мужиком Кугушевой, написал нам письма, но не укорял бы папеньку.

66. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1832 года, декабря 10 дня

Любезнейший брат и друг
Виссарион Григорьевич!

В прошедшем письме моем, посланном по почте от 25 ноября, я писал тебе о чембарских новостях, о которых за недостатком бумаги и времени не мог тебе сообщить подробнее, но теперь, хотя я и пишу сие письмо 9 декабря в девятом часу ночи, потому что оно пошлется завтрашний день с мужиком княгини Кугушевой, но могу написать побольше, нежели чрез почту; теперь приступлю и к описанию.— Я тебе писал, что члены Земского суда и секретарь отданы под суд, по дошедшим до губернатора слухам, по разным делам, и что Рацул переведен в Пензенский земский суд, место которого заслужил столоначальник Губернского правления титулярный советник Павел Очкин, должность коего отдана помощ-

нику его Засухину, и проч. Теперь скажу тебе новые: в Пензенском уездном суде судья и заседатель отрешены от должностей, на место коих, заседателя — из Пензенского земского суда Ермолов, а судьи — Трубников (помещик). Никита Александрович Дьячков отдан под суд по делу о запечатанной купца Ляминцова сладкой водке. Вот бедняк-то невинно страдает! Ныне видно, кто больше трудится, тот и виноват... Придешь когда в правление, он только что пописывает, с утра до темной ночи и с места иногда не сходит, а другой только взятки берет. Недаром русская поговорка говорит: Кто рано встал, палку взял, тот и капрал стал <...> 4 декабря я был в Поиме у Кирилла Ивановича и Варвары Федоровны, потому что последняя тогда была именинница <...> Я оттуда привез 3 № Телескопа сего года и 5 № Молвы. Кирилл Иванович их не получает, а они ему достались от Дьяконова, который уехал в С. Петербург. — Г-н Емельянов с будущего 1833 года будет получать Инвалид или Военные ведомости, издаваемые господином Войковым в С. Петербурге; он их более для сына будет получать, который служит в полку и находится в Польше, чтобы иметь о нем подробное сведение <...>

У меня ныне одно только удовольствие: приятное с тобою свидание на вакацию, разговоры, которые по причине долгой разлуки будут неистощимы, показывание тебе моей библиотеки и портретов двух российских поэтов: Фон-Визина и партизана Давыдова, которыми украшается мой приют мечтания, столько меня в часы свободы занимающего, что я часто воображаю себя находящимся вместе с тобою в первопрестольной столице Москве, и часто, очень часто я до того размечтаюсь, что не верю сам себе — в Москве или здесь нахожусь, отчего и вижу часто во сне тебя, любезнейший, с твоими неоцененными родственниками и друзьями, что я с вами в Москве, а иногда и тебя вижу приехавшим в Чембар, и будто бы я с тобою стреляю птиц. Вот до чего может простираться братская любовь! <...> Я часто, находясь в сладостном мечтании, говорю следующие г-на Гнедича стихи:

Счастлив, счастлив еще несчастный,
С которым хоть мечта живет,
Во мрачных днях один он ясный,
Хотя в мечтании найдет!¹

Ежели так случится (от чего сохрани, боже!), что тебе по каким-нибудь обстоятельствам нельзя будет приехать на вакацию домой, то я решаюсь идти пешком в Москву, или с кем-нибудь христа ради съехать; а ежели в деньгах нужда, то я жалованье все жертвую тебе или продать из одежды решусь, только бы с тобою, моим единственным любимцем моей души и сердца, увидеться, ибо ты занимаешь все мои мысли, и, говоря словами А. Петрова: воспоминание о тебе есть одно из лучших моих удовольствий. По приезде твоём к нам я бы все забыл: и судьбу негодную мою и свет с его подлюю завистью и проч. Ты так много меня обрадовал, что по получении офицерского чина поступлением мне в Сенат, что я ныне стал гораздо повеселее, нежели прежде, и так это меня много утешает, что я буду со временем жить в Москве и служить с Алексеем Петровичем, что я ныне ни о чем почти более так не думаю, как об этом, и, сколько позволят обстоятельства, стараться хотя несколько быть достойным служить в Сенате. Извини, что так мерзко написал: перо гадкое, свеча горит плохо, глаза смыкаются. Прощай! Целую тебя несчетно раз. Брат твой

К. Белинский

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено 3 января 1833 года, во вторник.

В опускаемой части письма К. Г. Белинский излагает служебные и чембарские новости и подробности своей жизни.

Упоминаются: Баранова, М. И. Белинская, А. и М. Брычевы, Давыдов, Дюжины, В. Жилинский, А. П., Е. П. и П. П. Ивановы, А. Кугушева, Максимов, М. и П. Мачинские, Москвин, Надеждин, Д. Небольсин, Норов, А. Поспелова, Г. Семёнов, А. С. и Н. Е. Синенковы, Субочев, Н. Субочева и Черноусов.

¹ Неточно цитируемая строфа послания «К К. Н. Батюшкову» Н. И. Гнедича.

67. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар, середина декабря 1832 г.⟩

Любезнейший брат и друг,
Виссарион Григорьевич!

В письме своём от 15 октября ты писал мне, что бритву за 2 р. ас. нельзя найти в Москве, а надобно 5 р. 50 коп., которая могла бы брить, а не резать палки, как ты говоришь, что двухрублевою можно только резать палки, а не бриться. Я не могу понять, отчего мы в Чембаре купили у разносчика бритву за 250 коп., которая порядочно бреет. Неужели же в Москве нельзя найти за два рубля порядочной бритвы? Там на Толкучем рынке и не одну найдешь, что я своими глазами видел, бывши в Москве. А как я тебе писал, что ежели не найдешь наскоро бритвы, то книгу какую-нибудь получше; а как ты сам писал, что спешить не надобно: иногда за самую безделицу можно купить хорошую книгу, то и прошу вторично, не оставь моей просьбы, а ежели можно, то нельзя ли купить Грамматику Г р е ч а, мне оную хочется иметь для того, чтобы учиться русскому языку, столь богатому своим наречием, которым я иногда восхищаюсь. Ах! Друг мой, пожалуйста, старайся, чтобы на вакацию приехать домой: тебя многие желают видеть, особливо слыхавши о сочиненной тобою превосходной по благороднейшим мыслям трагедии. Я всеми силами буду стараться о твоём приезде и жду не дождусь того время, когда я буду наслаждаться тем счастьем, что тебя увижу*.

Никанор собирает на Р о с л а в л е в а и Ю р и я М и л о с л а в с к о г о деньги и уже собрал 3 р. ас., а между тем свои книги, которые ты ему прислал из Москвы, все размытарил, и что еще он было затеял: начал продавать перочинные ножички, грифеля, аспидную доску и проч., которые вещи продал за самую безделицу, а именно: за доску аспидную 40 коп., за ножички по 8 и 20 коп., за грифеля по 4 и 2 коп. Вот строгость отца до чего доводит! Папенька его нимало не исправляет, даже ни о чем не хочет и знать...

Ты писал мне, что ты стихов от меня не получил, которые ты мне послал для списания; на сие скажу, что я их тогда забыл послать, а теперь посылаю только две тетрадки, которые по половине белые, а 4 оставил: когда приедешь, то возьмишь, они останутся в задаток¹. Прошу тебя и на будущее время не оставлять присылкою новых стихов, а особливо нового поэта крестьянина Е г о р а А л и п а н о в а, которого у меня есть две басни: Т р е в о г а и С к в о р е ц. Итак прощай, мой милый друг! Остаюсь

брат твой К. Б е л и н с к и й

На первой странице надпись о получении рукою Белинского: 3 Г ⟨енваря⟩ в Вт ⟨орник⟩ 1833 ⟨г.⟩.

¹ Из тетрадок с переписанными Белинским стихотворениями до нас дошли две, хранящиеся ныне — одна в Рукописном отделении Института русской литературы АН СССР (шифр 3370, XVII б) и другая в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. См. их воспроизведение на стр. 114—115 и 119.

* По сему можешь судить, как дорог ты для меня и для маменьки. — П р и м. К. Г. Б е л и н с к о г о.

68. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1833 года, февраля 16 дня

Любезнейший братец и друг
Виссарион Григорьевич!

Не знаю, чем и начинать письмо: новостей много, а времени на описание оных мало. Ляминцов дал знать о своей поездке в Москву тогда, когда он совсем собрался ехать <...>

Папенька сказывал нам, что Владимир Жилинский хочет ехать в Москву на второй или третьей неделе великого поста, то маменька и хочет с ним послать тебе два окорока ветчины, а я большое письмо.

Сделай милость, уведоми н е т е р п е л и в ы х н а с, намерен ли ты приехать на вакацию домой или нет. Ежели ты не намерен, потому что не надеешься на папеньку в рассуждении присылки на дорогу тебе денег, то о сем прошу тебя не беспокоиться, ибо я тебе и прежде сего писал, что я все силы употреблю, а достану денег и перетащу на вакацию домой, хотя бы мне оно стоило и много; но я почитаю все за н и ч т о, когда жертвую для своего единственного брата, каков ты, мой любезнейший. Маменька тоже постарается о сем и даже несколько раз напоминала мне, чтобы я о сем написал тебе.

Бабушка тебе кланяется, равно и все наши домашние, а особливо маменька с Акулиною, которая часто повторяет сии слова: «Когда-то, господи, принесет нам его. Посмотрела бы на него, милого». Потом начнет накладывать на грудь кресты <...>

Приезжайте, мои любезные, для вас каждого у меня все родится и как говорится: одна копейка, и та ребром <...>.

Прощай, мой неоцененный; твой брат

К. Б е л и н с к и й

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено Февраля 24 дня в пятн<ицу>.

В опускаемой части письма К. Г. Белинский излагает чембарские новости и передает привет родным.

Упоминаются: М. И. Белинская, А. Брычева, кн. В. Енгальчев, В. Жилинский, А. П., Д. П. и Ф. С. Ивановы, В. Ильин, А. Кугушева, Кулагин, А. И. Поспелова (Ильина), М. Е. и Н. Е. Синенковы, З. Д. Френева, Френевы и П. Д. Юрьев.

69. БЕЛИНСКИЙ — М. И. БЕЛИНСКОЙ

Москва, 1833 года, февраля 20 дня

Милостивая государыня,
Маминька Марья Ивановна!

Давно уже не писал я к Вам; Вы, я полагаю, думаете, что я или болел отчаянно, или умер, или попал в плен к Киргисцам. Но не беспокойтесь: ничего не бывало! Здоровье мое находится в самом лучшем положении, и если бы меня не беспокоила мысль о горестном состоянии нашего семейства, то я бы мог назвать себя даже совершенно счастливым. Не писал же я так долго к Вам потому, что никогда не люблю писать, когда не о чем и нечего писать: это мое неизменное правило. И потому, к слову, я прошу Вас никогда не беспокоить себя пустыми сомнениями насчет моего здоровья или обстоятельности, если я долгое время не отвечаю на Ваши письма.

Письмо Ваше, от декабря 10 прошедшего года, я получил, равно как и приложенный при оном гостинец, за который и благодарю Вас; он казался мне гораздо вкуснее и приятнее Вашего письма, которое я никак

не мог проглотить, ибо оно остановилось у меня в самом горле, да и теперь еще стоит в нем. Ну, маминька, подлинно, что лакомый кус! Впрочем, я уже привык к подобным домашним гостинцам; только мне кажется, что они, что ни далее, все становятся солонее, а это не к добру. Мною не на шутку начинают овладевать какие-то зловещие предчувствия. Папинька с некоторого времени начал разыгрывать драму, которой развязка меня ужасает. Я уверен, что он или находится на высочайшей точке отчаяния, похожего на какое-то сатанинское ожесточение против всего существующего, или уже близок к совершенному сумасшествию. Я не знал, что мне делать: смеяться или плакать, когда узнал о его прекрасном намерении бросить, на старости лет, дом, жену, детей и определиться в армию, чтобы, подобно известному герою Дон-Кихоту, пуститься в свет для отыскивания рыцарских приключений. Вы догадаетесь, что подобная уверенность в помешательстве ума моего отца нимало меня не радует. Будущее представляется мне в какой-то ужасной перспективе, а в настоящем я также не слишком много нахожу для себя утешительного... Но, несмотря на все это, я скорее соглашусь приклеить себе ослиные уши и написать на своем лбу, что я дурак, нежели предаваться безвременному отчаянию. Если бы все мои старания дать благоприятный оборот своим худым обстоятельствам оказались тщетными, то и тогда бы я не стал ни плакать, ни жаловаться, но, напротив, скрепив свое обливающееся кровию сердце, с насильственной на лице улыбкою, принимал бы удары судьбы. Советую и Вам поступать так же. Смейтесь, хохочите, когда сердце Ваше разрывается на миллионы частей; пойте, когда душа Ваша желала бы вылиться рыданиями и воплями; пляшите, когда судороги отчаяния начали бы сводить Ваши члены. Поступайте так, и я буду гордиться тем, что я Ваш сын. Вы молитесь богу, оказываете самое ревностное усердие к религии; но религия не в постах и молитвах: она в душе, в сердце, в делах человека. Вы питаете надежду, что Ваши горести, Ваши страдания вспомнятся у бога; но, маминька, ведь мученический-то венец достается ценою т е р п е н и я покорного, безропотного. Эти святые отцы, эти мученики, Вами почитаемые, Вами обожаемые, т е р п е л и, и как же еще терпели-то! Под ударами бичей, мучимые раскаленными щипцами, разрывавшими их тело, в огне, в железах, в пытках, они молили бога за своих палачей и благодарили его за то, что он удостоил их вкусить мучения за его славу. Вы, может быть, удивитесь, что с некоторого времени я пишу к Вам в своих письмах проповеди, все на один и тот же лад. Я потому это делаю, что, по моему мнению, с каждым днем вы имеете большую и большую нужду в той добродетели, которой я советую Вам придерживаться, т. е. в т е р п е н и и. Если слова мои будут доступны душе Вашей, если она откликнется на них ответным звуком, тогда труды мои и желания не останутся тщетными. Если же слова мои будут г л а с в о п и ю щ е г о в п у с т ы н е, то — бог с Вами! По крайней мере, я буду утешать себя тою мыслию, что я выполнил свой долг, сделавши с своей стороны все, что только мог сделать. Обращусь опять к прежней материи и скажу Вам, что есть еще другая причина, побуждающая нас к терпению: это — н а д е ж д а. Кто может знать будущее, кто в состоянии видеть сквозь этот таинственный покров, столь недоступный для глаз смертных, которым судьба скрыла от нас будущность. Разве из самого зла не может образоваться для нас зерна, из которого некогда разовьется целое дерево счастья и принесет богатые плоды. Так для чего же нам, самовольно лишая себя надежды, безвременно убивать себя отчаянием. Было время, когда Вы неутешно сокрушались о моей болезни и в горьких слезах выливали свое здоровье и укорачивали тем нить своей жизни, но болезнь моя миновалась, я стал еще здоровее прежнего и даже совершенно забыл о тех страданиях, на которые имел неблагоприятие Вам жаловаться в своих письмах; Ваша же горесть, может быть, некогда отзовется дурными

последствиями. Но я теперь буду умнее: какое бы ни постигло меня несчастье, Вы никогда не узнаете об оном от меня прежде, нежели мои обстоятельства не примут лучшего оборота ¹.

Из наших же семейных обстоятельств меня более всего беспокоит участь бедной Александры: и днем и ночью я только о том и думаю, чтобы поскорее увидеть ее замужем. Каково бы ни было тогда ее счастье по крайней

33

Выходить при Тележках,
по Вторникамъ, Четвер-
гамъ и Субботамъ.

Цена изъ Москвы 45 руб.
съ пересылкою 50 руб.
ассигнациями.

МОЛВА

1833. СЪБОТА. МАРТА 18.

ЛЕЙПЦИГСКАЯ БИТВА.
ИЗЪ ЗАПИСЕКЪ СТАРОГО СОЛДАТА.

Я люблю, сидя у лампы, вспоминать о Лейпцигской битвѣ! И между тѣмъ жебо 16 Октября 1815 года было сырое, мрачное и холодное жебо!

Но если бы вы знали, какія прекрасныя сныны намъ происходили!

Земля была покрыта разбросанными обломками сбившихъ съ лошадей пушекъ, фуръ, пороховыхъ ящиковъ, мѣдныхъ и умиротворенныхъ, опорахъ кровавыми членами, валившимися около своихъ туловищъ.

Присовокупше къ тому огромные пожары зачеховъ, загородныхъ домовъ и, что всего горестнѣе, пожары бѣдныхъ жилищъ! Какое другое смѣленіе можетъ съ сими сравниться? Возмите любезе, на примѣръ, смя-

тые Сен-Жерменъ д'Оксеррудъ; оданте мысленно и изображеніемъ, какъ можно лучше; украсьте багровыми и лоснящимися складками Парижской черни, обсыпайте вылитыми, пестрыми, мянцонными и зеленяными фигурками, на концы проступающаго горячаго лица... Все это рокошъ. Но Лейпцигъ!! — Ишь-таки мелодично сошлетъ бы съ ума отъ радости при видѣ снхъ ужасовъ... Каковъ испоникъ вѣрюшенія шапелъ бы отъ, если бы съ самого жарнаго, по совершено бездоннаго пушка, разлежечной пьюлько сладостно гармонію бичуающаго вершеда, токъ сооричать сию грозную драму убийства, опустошенія, кровопролитія!

Теперь будете ли сирашивать, почему и люблю, сидя у лампы, вспоминать о Лейпцигской битвѣ?...

И почему тѣ минуты жизни, которая была

РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

178. *Руководство къ обученію Певчанинскому Искусству, съ традиціонно авторографическими фигурами. Шибле-Давара и Аугуера Вермана. Москва, съ Типографіи Дворцовыхъ Институтовъ Воспитаныхъ Императора. 1832. (8).*

Лучше когда нибудь, нежели никогда. Этому прирмуду преимущественно должна сдѣлать заслуга, конкъ сншнхъ разнообразна записи укочанскъ, иногда отъ соотечественнаго сообщенія публикѣ, нѣкоторыя о тѣхъ вышедшихъ въ свѣтъ

полонныхъ сочиненіяхъ. Объявленное нами теперь принадлежашъ къ числу не только полезныхъ, но даже необходимыхъ, если вспомнимъ въ сншнхъ днхъ вѣхъ какоюо нашихъ гражданъ. Не говоря объ ухшнхъ и тубернскихъ горячкахъ, въ которыхъ не знали акушера или акушерки, продолженіе при пестеліи бережной, аспиринъ, по большой части производить судороги въ большой уаствъ въ окружающнхъ, сколько отъа соотеченъ къ Москвѣ, и трнпнхъ малочислахъ, въ конкъ проникающа алдднхъ нхъхъ пдываемая прнхнхъ бѣбн! У насъ прнх-

«МОЛВА» № 33 ОТ 18 МАРТА 1833 г.

С этого номера, переводом «Лейпцигской битвы. Из записок старого солдата», началось сотрудничество Белинского в газете

мере, она бы навсегда была пристроена. В этом отношении, я имею и Вас кое за что упрекнуть. Я слышал от Дмитрия Петровича, что служащий у Вас в З(емском) Суде г. Н а д е ж д и н и имел на Сашиньку виды, но что Вы сами отклонили его предложение вследствие какого-то странного предубеждения. Я и от других имел случай слышать, что этот г. Н а д е ж д и н очень порядочный человек, не пьяница, не мот, хорошо ведет свои дела,

не входит в подлые сообщества с Вашими подьячими и вообще ничуть не похож на честную приказную Чембарскую братию. Сверх того, хотя он еще и не офицер, зато, как слышал я, дворянин. По моему же суждению, канцелярист да дворянин гораздо более стоит титулярного советника не-дворянина², и если он к тому добрый и честных правил человек, то я не советовал Вам презирать таким случаем навсегда устроить судьбу Вашей дочери. В этом отношении Вам не должно ни слишком медлить, ни быть слишком разборчивою. Вы забываете, за кого вышла Ольга Васильевна³; однако, говорят, она очень счастлива; а мне кажется, что в супружестве счастье есть первое дело. И потому прошу Вас в рассуждении сего как можно менее придерживаться своих обыкновенных предрассудков. Не ищите суженова чиновного, богатого, многоумного, ученого франта, щеголя, тандора; но если он добр сердцем, честен правилами, благороден чувствами, не глуп и не совсем без образованности светской, то-есть умеет раскланяться в порядочном обществе, спросить и ответить, не возбуждая смеха, — тогда думать много нечего — по рукам да и в церкву.

Вот Вам, маминька, все, что почитал нужным писать к Вам. Больше, кажется, нечего. Свидетельствую при сем мое почтение бабушке Дарье Евсеевне и желаю ей быть здоровой, счастливой и успевать во всех своих желаниях. Мое желание искренно: лучшего я не знаю. В заключение же сего письма почитаю необходимым сказать Вам, что я очень доволен доставителями сего письма: Авениром Ивановичем, Александрою Николавною <Красовскими> и Раисою Николавною⁴. Я часто посещал их и всегда был принимаем и ласкаем ими как их родной. Часы же, проведенные мною собственно с Авениром Ивановичем, причисляю к лучшим в моей жизни. Этот человек хотя и медик, но имеет душу и сердце эстетически образованные и не чужд ничего, что почитается достоянием только одних избранных. Итак, прощайте, любезная маминька, желаю Вам здоровья, счастья, а более всего драгоценного терпения и происходящего из оногo невозмущаемого спокойствия духа, и остаюсь с чувствами сыновней любви и уважения Ваш сын

Виссарион Белинский

Надпись о получении: Получено 1833 года, марта 2 дня, в четверг.

¹ В этих словах Белинского — намек на скрываемое им исключение из университета.

² Выраженное здесь предпочтение «канцеляристу из дворян» объясняется тем, что дворянское происхождение давало шансы на образование детей; кроме того, дворянство изымалось из податного сословия.

³ Ольга Васильевна Великопольская — чембарская знакомая Белинских.

⁴ Раиса Николаевна — сестра А. Н. Красовской, в замужестве Кругликова.

70. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. БЕЛИНСКОМУ

Москва, 1833 года, февраля 20 дня

Милостивейший Государь Папинька
Григорий Никифорович!

Я был очень приятно изумлен письмом Вашим от Ноября 25 дня, ибо давно уже не имел счастья получать от Вас писем. Более же всего обрадовало меня это письмо тем, что я собственными глазами имел случай удостовериться из оногo, что попечение о детях есть предмет еще не совсем для Вас чуждый. Вы не хотите отдавать Никанора в Пензенскую гимназию

по причине худого преподавания в оной языков; в этом случае я совершенно согласен с Вами. Сверх того, если бы и все предметы были преподаваемы в оной наилучшим образом, то и тогда бы я не посоветовал Вам определять его туда. Другое дело, если бы могли отдать его в Пензе на надежные руки в какой-нибудь хороший дом, где могли бы иметь самый тщательный надзор за его поведением и успехами и часто уведомлять Вас об оных—тогда бы не должно было упускать такого прекрасного случая. Касательно же Лицея, о котором Вы приказываете мне известить Вас подробно, я не могу сообщить Вам никаких сведений, ибо я не знаю, есть ли в Москве какое-нибудь учебное заведение под сим именем, и тщетно спрашивал об оном у всех моих знакомых ¹. В первую же московскую гимназию принимают только дворянских детей и с ежегодным взносом значительной суммы. Поэтому я бы советовал Вам отложить это дело хотя до вакансии; я же между тем буду разведывать, нет ли подобного учебного заведения и что узнаю, о том немедленно Вас уведомлю. Между тем Вам необходимо нужно приготовить его сколько-нибудь в главных основаниях латинского, немецкого и французского языков, как самой важнейшей и труднейшей части его будущего учения. Вам это очень легко сделать, ибо я слышал, что Ваши бедные чембарские учителя берут за целый месяц по скромной синичке, уча мальчика за сию ничтожную цену каждый день в неделю. В Москве же трудно сыскать учителя, который бы за один час брал менее пяти рублей. Я надеюсь, что Вы не пожалеете для пользы Вашего особенно любимого Вами сына платы и втрое больше пяти рублей в месяц.

Не мешало бы Вам также обратить свое особенное внимание и на нравственность Никанора:—она у него находится в самом расстроенном состоянии. Если бы Вы и успели отдать его в какое-нибудь хорошее учебное заведение на казенный кошт с такою нравственностью, то Вы бы совершенно его погубили. В таких заведениях для исправления испорченной нравственности прибегают иногда и к таким мерам, к которым Никанор совсем не привык, и которые потому должны будут показаться ему ужасными. В самом деле, привыкли не иметь над собою старшего, привыкли в таких летах повелевать, а не повиноваться, не имея ни малейшего уважения даже к матери,—каково ему будет увидеть себя в необходимости слушаться и уважать иногда даже какого-нибудь сторожа-солдата и видеть над собою бесконечный ряд начальников, а под собою ни одного подчиненного? При его счастливых дарованиях он мог бы льститься на прекрасную будущность; но я вижу с горестию, что эти небесные дары от небрежного за ними ухода начинают заростать и заглушаться крапивою и чертополохом низких привычек и худых склонностей...

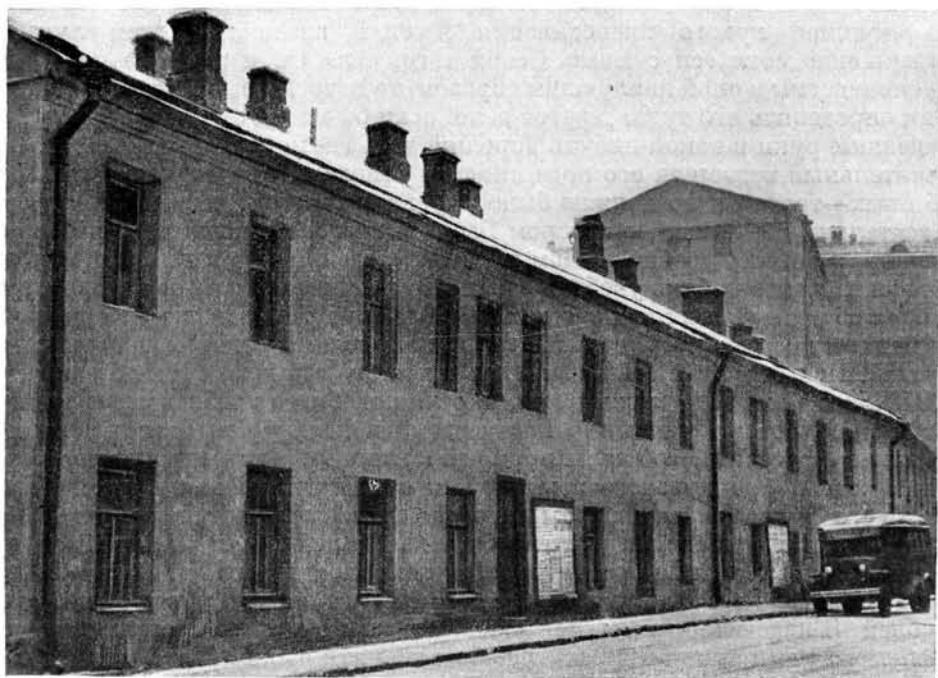
Ради бога, папинька, обратите на Никанора все свое внимание. Из этого мальчика, право, можно сделать все, что угодно: и ангела, и дьявола. Я очень хорошо понимаю, к какому разряду людей он принадлежит. В его характере не может быть середины: или все или ничего, или слишком хорош или совсем негодяй; а с такими людьми шутить не должно, а то недолго до греха.

Более писать к Вам ничего не имею; поговорить с Вами лично желал бы очень; ибо много, много есть у меня сказать Вам, много, много лежит на душе моей такого, что хотел бы я одним Вам высказать... В ожидании же этого возжеленного времени, имею честь остаться Вам преданный Ваш и готовый с покорностию исполнять все Ваши желания сын

Виссарион Б е л и н с к и й

Надпись о получении: Получено 1833 года, марта 2 дня, в четверг.

¹ Лицея в то время в Москве не было.

ДОМ № 4 В РАХМАНОВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ В МОСКВЕ (БЫВШИЙ ДОМ КН. КАСАТКИНА-РОСТОВСКОГО). ЗДЕСЬ В 1832—1834, 1835 И 1837 ГГ. ЖИЛ БЕЛИНСКИЙ

Вид с Рахмановского переулка

«Мой адрес: ...на Петровке в Рахмановском переулке в доме князя Касаткина-Ростовского № 22» (из письма Белинского к А. А. Краевскому от 14 января 1837 г.)

Фотография А. А. Сергеева, 1949 г.

71. М. П. БЕЛИНСКАЯ — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар, 6 марта 1833 г.⟩

Милый мой друг Виссарион Григорьевич! Мы получили от Авенира Ивановича письма ¹, они приехали первого марта, в день Авдотьи Николаевниных ² именин, где и мы с Сашей были. Ты не можешь представить этого радостного свидания, какой был восторг, и у меня выкатилась слеза радости. Через час пришел туды и наш отец, где ему и вручила Александра Николаевна твое письмо. Он так как коллежский асессор и толстый штаб-лекарь садится на диван за столик, вынимает из кармана серебряные очки, начинает читать твое письмо; прочитавши я взяла у него, с Катериной Петровной пошли на мезонин и там прочитали содержание оного. В этот же день и Федосья Степановна с дочерьми приехала из Керенска к Авдотье Николаевне на именины к обеду. По окончании именинного вечера и ужина мы взяли Верочку ³ к себе на целую неделю или и на две. На другой день я послала Верочку и Сашу за нашими письмами, которые и прочитаны, особенно моей особе, я плакала, целовала письмо. Ты скажешь, о чем плакать. Нет, я много в это время чувствовала и восхищалась, что я имею такого сына, на которого вся моя надежда. Я, мой друг, не унываю, надеюсь на всевышнего творца и все чего-то ожидаю хорошего; имевши таких детей, каких я имею, я не должна отчаиваться. Ты пишешь насчет Саши; таких женихов будет много, каков Надежин <...>

А ты, мой друг, старайся как можно приехать нынешнюю ваканцию к нам и избавить нас нашего буяна ⁴. Ах, какой злодей! Несчастный

до тех пор озлится, что побледнеет, как смерть. Саше только и имени—широконосый дьявол, а Константину — глухарь, косой дурак, тридцатилетний чорт. Про отца тебе скажу, что он с пятого или седьмого чисел генваря пил запоем и до исхода оногo месяца и пропил рублей 40 или 50. Он нынче не пьет простого вина и ерофенчу, а пьет сладкую водку, но в начале февраля совершенно остепенился и о сию пору в добром здoровье, и тихо лето в нашем доме <...>

Посылаю, мой друг Висинька, тебе талер на твои депансы и пару око-роков, кушай их на здоровье. Об этой посылке я прежде думала, с кем бы послать, и батюшка соблаговолил сказать мне о сем ветчинном послании. Мы с Ляминцевым послали тебе письмо на первой неделе великого поста. Бабушка свидетельствует тебе свое низжайшее почтение; Костенька читал ей твои письма, она несколько раз поцеловала оные. Она, бедная, нынче все нездорова и больше все кашлем <...> Пьяная Владыкина⁵ совсем нас оставила, уже не посылает к рождеству заморенной туши и к Петрову дню кривого барана. И мы ее зато оставили, не бывали у нее уже года 4 <...> Прощай, мой друг! Желаю тебе совершенно быть здоровым. Остаюсь многолюбящая твоя мать

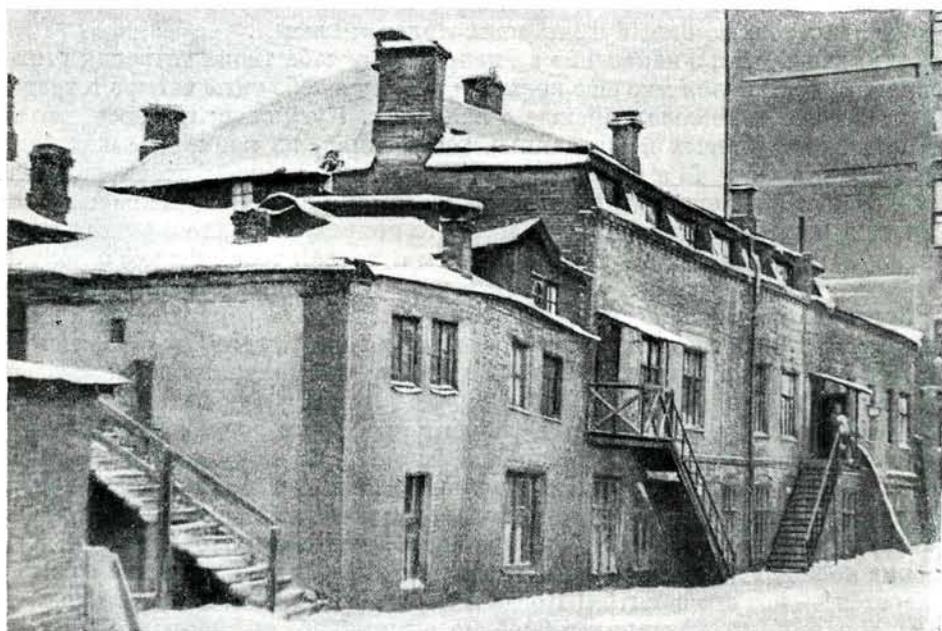
Марья Белинская

1833 года, марта 6 числа

Приписка К. Г. Белинского: Что думают, то и пишут; вот как добрые-то люди делают, не то, что мы!

На первой странице помета рукою Белинского: Получено Марта 18, в субботу.

В опускаемой части письма М. Г. Белинская перечисляет претендентов на руку дочери; передает чембарские новости; сообщает о предстоящей поездке с сыном Константином на богомолье в Воронеж.

ДОМ № 4 В РАХМАНОВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ В МОСКВЕ (БЫВШИЙ ДОМ КН. КАСАТКИНА-РОСТОВСКОГО). ЗДЕСЬ В 1832—1834, 1835 И 1837 ГГ. ЖИЛ БЕЛИНСКИЙ

Вид со двора

Фотография А. А. Сергеева, 1949 г.

Упоминаются: А. Г., Г. Н. и К. Г. Белинские, Е. В. Великопольская, И. М. Декартов, В. П. Иванова, П. И. Колмогоров, Надеждин и Сергавский.

¹ Письма Белинского от 20 февраля 1833 г. к отцу и матери были доставлены в Чембар приехавшими туда из Москвы А. И. и А. Н. Красовскими (см. письмо № 69).

² Авдотья Николаевна К у г у ш е в а — см. прим. 1 к письму № 68.

³ Вера Петровна И в а н о в а — младшая сестра Алексея и Дмитрия Ивановых, сверстница Александры Григорьевны Белинской («Саши»). См. ниже ее приписку к письму отца (№ 137).

⁴ «Наш буян» — младший брат Белинского, Никанор.

⁵ Лукерья Савельевна В л а д ы к и н а — см. прим. 3 к письму № 2.

72. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1833 года, марта 6 дня

Любезнейший брат и друг

Виссарион Григорьевич!

В письме своем от 20 февраля ¹ ты пишешь, что тебе вовсе не о чем ко мне писать и ежели бы ты не боялся, что за молчание я стал сердиться на тебя, то ты бы и не написал ничего. На это я скажу тебе, что в Москве есть очень <много> достойного внимания, описанием коего ты мог бы мне доставить немалое удовольствие, а особливо описанием своего времяпровождения: твоих занятий после лекций, шумных праздников столицы и о знакомстве с заслуживающими внимания людьми. Дмитрий Петрович в письме своем от 13 февраля описывает своим приятным слогом русскую масленицу в Москве, чем он мне доставил на несколько минут удовольствия, а особливо воспоминанием о молчании Александра Ефремовича ²; посему и ты бы мог так же писать ко мне, ибо нет еще у меня такого письма, в котором бы описал мне что-нибудь поинтереснее, а не то «ч т о т е б е п и с а т ь , п р а в о , н е з н а ю ; н е п о с л у т ч и к д о ж и д а е т с я , а я г р ы з у с д о с а д ы н е п о с л у ш н о е п е р о». Но я теперь надеюсь, что ты, прочитавши сии строки, будешь внимателен к оным...

Ты пишешь, что, в наказание за неприсылку тебе твоих тетрадок стихотворений, не прислал мне еще новых; и потому я тебе оные четыре тетрадки и посылаю, а две послал прежде с людьми г. Кугушева; надеюсь, что ты пришлешь еще новых и обещанных тобою книг, из коих, как я слышал от маменьки, что М а г д а л и н а переведена тобою*; очень радуюсь, но не совершенно еще, ибо не знаю, напечатается ли как и прекрасная твоя трагедия, которую, как ты писал мне, что поправляешь, то о успехе оной, пожалуйста, уведоми ³. — С Ляминцовым я послал тебе письмо, о получении коего также не забудь уведомить и прислать обещанные книги и стихи, а о бритве и поминать не смею. Уведомляю тебя, что я веду дневной <о> моих действи<я>х и проч. журнал с 16 декабря 1832 года. Что скажешь ты о сем? Пожалуйста, напиши <...> Ты пишешь, что увидимся ли мы с тобою на вакацию или нет, ибо сие еще неизвестно. Ах, как много меня сим огорчил!.. Не выдавшись с тобою почти т р и года, я должен буду еще дожидаться год. Нет, любезнейший друг, как хочешь, а я употреблю все, что только могу и что только может от меня зависеть; твое присутствие в семействе очень, очень нужно как для благополучия маменьки и сестры, так Никанора и меня. Кстати, о Никаноре: он с октября месяца не ходит в училище, дома же только повесничает, ругается со всеми и дерется, — вот его занятия! Когда я ему прочел твое к папеньке письмо, то он говорил, что учителя чембарские сами ничего не знают, а я ему сказал: «видно, знают, когда берутся учить». После сего он начинает, кажется,

* Пожалуйста, не сердись: маменьке сказано сие по секрету, равно и мне. Больше никто о сем не знает. — П р и м . К . Г . Б е л и н с к о г о .

быть немного поскромнее и приготавливает крупного письма прописи для отсылки к тебе, ибо письмо Петеньки к нему потревожило его самолюбие (<...>)

Что нам делать с Никанором? Мы пишем с маменькою к тебе письма, а он пришел в кабинет и начал заглядывать в оные, а особливо в маменькино, которая начала говорить, чтобы он не мешал ей писать, а он пуще; наконец, дело дошло до драки: маменька хочет вывести его из кабинета, а он не идет, и начал с нею драться и называть рыжею, а меня ругать. Наконец, я начал писать тебе о сем, а он, посмотревши, что я пишу про него, подтолкнул мне, к счастью еще, что ничего не сделал; я, не стерпевши одного, начал вытаскивать его силою из кабинета, он бить меня; однако удалось мне его вытащить и запереть на крючок дверь и докончить сии его чудеса, происходящие от испорченной нравственности, которая происходит от виновника дней его.

Я с Николаем Егоровичем ⁴ на сей (четвертой) неделе начал говеть и, пришедши от часов, увидел, что папенька читает Ведомости, взяв один №, в котором прочел известие о смерти статского советника Николая Ивановича Г н е д и ч а, сего любителя изящного и благородного и переводчика эпической поэмы Илиады Гомера.

Папенька нанял мальчика Ивана, отпущенника г. Барановой, которому платит 2 руб. за месяц, на его одежде.

Не знаю, что и писать еще: Марья пришла и говорит, что человек г. Щетинина скоро едет и чтобы скорее готовили письма. Авенир Иванович приходил к нам в пятницу (3 марта), а Александра Николаевна с сестрами приезжала 5 марта после обедни.

Еще раз повторяю: пожалуйста, пиши с Ляминцовым, а ежели с ним не успеешь, то с сим доставителем сих писем и пришли обещанное тобою, за что моя благодарность навсегда тебе. Прощай, мой друг; я надеюсь с тобою увидеться на вакацию и кое о чем поговорить лично. Тебя домашние все желают видеть, как Эмилия г. Р а д к л и ф Валанкура. Целую тебя заочно и остаюсь с нелицемерною к тебе любовью твоею до гроба брат и друг

Константин Б е л и н с к и й

На первой странице помета рукою Белинского: Получено марта 18 в субботу.

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает о своей поездке в Поим и чебарские новости.

Упомянуты: Е. В. и О. В. Великопольские, И. М. Декартов, К. И. Емельянов, Надеждин, Д. Небольсин, Н. Е. Синенков и А. А. Чембулатов.

¹ Письмо Белинского от 20 февраля 1833 г. до нас не дошло.

² Александр Ефремович И в а н о в — см. о нем прим. к письму № 13.

³ О своей работе над переводом романа Поль-де-Кока «Магдалина» Белинский известил мать только в письме от 21 мая 1833 г. (см. ниже); однако об этом М. И. Белинская узнала, вероятно, от приехавших из Москвы А. И. и А. Н. Красовских.

⁴ Николай Егорович С и н е н к о в — см. прим. к письму № 68.

73. БЕЛИНСКИЙ — М. И. БЕЛИНСКОЙ

Москва, 1833 года, мая 21 дня

Любезная Маминька!

Давно уже не писал я к Вам; не знаю, в хорошую ли или в дурную сторону толкуете Вы мое молчание. Как бы то ни было, но на этот раз я желал бы не уметь ни читать, ни писать, ни даже чувствовать, понимать и жить! Каковым кажется Вам это вступление? Но погодите, не торопитесь:

это еще цветики, а вот скоро поподчую Вас и плодами... Не радостны были все мои письма с самого проклятого холерного гѳда; но теперь я не могу без ужаса и подумать о том ударе, которым готовлюсь поразить Вас, мою мать... Девять месяцев таил я от Вас свое несчастье, обманывал всех чембарских, бывших в Москве, лгал и лицемерил, скрепя сердце... но теперь не могу более. Ведь когда-нибудь надобно же узнать Вам. Может даже быть, что Вы уже знаете, может быть, Вам сообщено это с преувеличениями, а Вы женщина и мать... Чего не надумаетесь Вы? При одной мысли об этом сердце мое обливается кровию. Я потому так долго молчал, что еще надеялся хотя сколько-нибудь поправить свои обстоятельства, чтобы Вы могли узнать об этом хладнокровнее... Я не щадил себя, употреблял все усилия к достижению своей цели, ничего не упустил, хватался за каждую соломинку и, претерпевая неудачи, не унывал и не приходил в отчаяние — для Вас, только для Вас: я всегда живо помнил и хорошо понимал мои к Вам отношения и обязанности, терпел все, боролся с обстоятельствами сколько доставало сил, трудился — и, кажется, не без успеха. Вот в чем дело. Вы знаете, что проходит уже четвертый год, как я поступил в университет; вы, может быть, считаете по пальцам месяцы, недели, дни, часы, минуты, нас разделяющие, думаете с восхищением о том времени, о той блаженной минуте, когда, неожиданный и незванный, я, как снег на голову, упаду в объятия семейства кандидатом или, по крайней мере, действительным студентом!.. Мечта очаровательная! И меня обольщала она некогда! Но, увы! В сентябре исполнится год, как я выключен из университета!!!¹ Вы также, может быть, воображаете, что я скоро получу место учителя в гимназии, и что приду в состояние быть опорой для Вас, и братьев, и сестры — и я, точно, может быть, скоро буду учителем — но не в гимназии, а в уездном училище и еще в Белоруссии, даже, может быть, в самой Вильне, тысячи на две верст от Вас, на 700 рублей жалованья, и, может быть, через неделю после отправления сего письма, уеду туда, не повидавшись с Вами ни на минуту. Предчувствую, что это будет Вам стоить больших слез, тоски и даже отчаяния,— и это-то самое меня и сокрушает, а на все прочее я смотрю хладнокровно и нимало не печалюсь. Но, маминька, все-таки умоляю Вас не отчаиваться и не убивать себя бесплодною горестию. Есть счастье и в несчастьи, есть утешение и в горести, есть благо и в самом зле. Я видел людей в тысячу-тысяч раз несчастнее себя и потому смеюсь над своим несчастьем. Назад тому месяца два отдали в солдаты без выслуги одного к а з е н н о г о студента, за такой проступок, за который и трехдневное заключение в карцер было бы достаточным наказанием². Его в цепях посадили в яму вместе с ворами и убийцами и в цепях представили к коменданту для отправления в Грузию, но он заболел и теперь в Лефортовской больнице, может быть, с минуты на минуту, как небесного дара, ждет себе смерти. А сколько выключено за ничто с худыми аттестатами, лишенных права служить!.. Что же я?.. Я буду служить учителем, получать 700 в год жалованья, а если попаду в самую Вильну, то 1000 рублей; поступая в службу буду состоять в 12 классе, а через три или 4 года получу прямо 9 класс с годом старшинства. Дальнейшее же мое повышение будет зависеть от моего поведения, усердия в службе и расположения ко мне попечителя. В этом отношении неимение ученой степени не будет иметь никакого влияния, ибо эта служба почти загранич(ная), и попечитель имеет неограниченную власть: что захочет, то и сделает. К тому же он очень добрый и благородный человек. Я и без того был же бы учителем поневоле на 6 лет, а теперь могу служить, сколь мне заблагорассудится³.

Теперь в коротких словах расскажу Вам мою печальную историю. Вышедши из больницы, я просил Голохвостова, чтобы он, из уважения к моей долговременной болезни, позволил мне в конце августа или в начале сентября держать особенный экзамен. Он, хотя и не обещал исполнить моей

просьбы, но не отказал, а сказал: х о р о ш о , п о с м о т р и м . Я остался в надежде, и с половины мая до самого сентября, несмотря на чрезвычайно худое состояние моего здоровья, работал и трудился, как черт, готовясь к экзамену. Но экзамена не дали, а вместо него уведомили меня о всемиловейшем увольнении от университета.

Я перешел к А<лексею> П<етровичу>, купил один франц<узский> роман в 4 част<ях>, к рождеству с великими трудами, просиживая иногда напролет целые ночи, а во время дня не слезая с места перевел его, с надеждою приобрести рублей 300 ⁴; но фортуна и тут прежесткою подшутила надо мною: в газетах было объявлено о другом переводе сего самого сочинения и потому я едва, едва могу получить 100 руб. ассигн. Я купил себе кое-какую фракционную пару, сюртук и прочие необходимости. Потом чуть не

ДОМ В БЫВШЕМ ИМЕНИИ ПОМЕЩИКОВ ВЛАДЫКИНЫХ (СЕЛО ВЛАДЫКИНО, КАМЕНСКОГО РАЙОНА, ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ). ЗДЕСЬ В ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ БЫВАЛ БЕЛИНСКИЙ

Фотография Н. Н. Павлова (Пенза), 1948 г.

уехал на кондацию в Вологду в дом к одному помещику за 600 руб., а потом в Орловскую губернию — за 1200 руб.⁵ К счастью моему все это не состоялось. А. Ф. Мосолов ⁶ предлагал мне свое посредничество чрез своего родственника, но и сие не состоялось по причине внезапного отъезда из Москвы Аркадия Федоровича. Наконец, в половине в<еликого> поста я познакомился с профессором Надеждиным и начал переводить в его журнал ⁷.

На страстной неделе приехал в Москву попечитель Белорусского учебного округа, действительный ст<атский> советник и кавалер Григорий Иванович Карташевский ⁸, и издатель Телескопа попросил его, чтобы он дал мне место учителя в Белоруссии. Я представлялся ему и, по его назначению, подал ему рассуждение, и он, наконец, сказал мне, что так как все белорусские училища состоят на правах гимназий, то прямо принять меня в какое-нибудь из них нельзя, но что он в скором времени должен открыть несколько уездных училищ; а что до сего времени я должен пребыть в каком-нибудь из приходских на 400 р. жалованья, но что по приезде в Белоруссию он оставит меня на несколько месяцев в каком-нибудь гим-

названием на 1200 рублей жалованья до прибытия туда настоящего учителя из кандидатов и что в это время откроются и уездные. Итак, 27 апреля я подал ему просьбу, и он хотел было через два дня отправить меня в Белоруссию с одним кандидатом, туда же едушим. Этою поспешностию он хотел доставить мне рублей 40 денег на дорогу, ибо в таком случае мы бы оба платили прогоны за одну пару, след(овательно) у каждого из нас половина прогонных денег осталась бы в кармане. Но после, увидев, что у меня нет ни копейки своих денег для того, чтобы запастись одеждою и другими необходимыми вещами, он сказал мне, что едет в Петербург и там постарается выхлопотать мне рублей полтора ста награждения и уже оттуда пришлет мне свое решение, которого я дожидаясь и теперь. Вот вам моя история; она неполна, ибо я умалчиваю здесь о многом, многом, перенесенном мною в продолжение этого года. Теперь же только одна мысль, что все это может сильно огорчить Вас, убивает меня, а особенно то, что я перед отъездом не могу повидаться с Вами. О прочем же нимало не беспокоюсь; исключение же из университета даже некоторым образом радует меня, ибо я теперь уверен, что не попаду без всякого суда в солдаты за какую-нибудь безделицу. Притом же, если я с год прослужу хорошо в уездном училище, то непременно буду в гимназияльном, а на эти места много охотников даже и из своекоштных кандидатов.

Я не буду говорить Вам о причинах моего выключения из университета: отчасти собственные промахи и нерадение, а более всего долговременная болезнь и подлость одного толстого Превосходительства⁹. Ныне времена мудреные и тяжелые; подобные происшествия очень нередки. Обо всем этом я желал бы лично потолковать с Вами; но что делать... видно покуда так и быть; может быть когда-нибудь, только не теперь... Итак, терпение!

Терпение! Терпение! Его призовите себе на помощь, им вооружитесь! Вам не слишком трудно будет это сделать, если Вы не забудете, что я перенес ужасные муки и страдания, о которых Вы никогда не узнаете и которые Вам невозможно даже и понять, что я претерпел несколько казней и пыток — для Вас! Мысль, что я не один, что с моим счастьем или несчастьем соединено счастье или несчастье нескольких человек, — эта мысль вооружила меня какою-то неестественною твердостью к перенесению стольких бедствий, от которых я мог бы освободиться легким и скорым образом; а сладостная надежда в скором времени придти в состояние быть подпорою, утешением столь близких моему сердцу существ делала то, что я даже с каким-то наслаждением выдерживал эти напоры столь яростных бурь, со всех сторон устремившихся на мой углый чёлн! Итак, маминька, я жду от Вас за это награды: не печальтесь, но надейтесь! Вы знаете мой характер — я на все могу решиться, и горе мне, горе Вам, горе всему нашему семейству, если я узнаю, что я буду причину Ваших страданий, что еще более расстрою Ваше здоровье и сокращу Вашу жизнь... Горе... больше ничего не скажу. Но если Вы хладнокровно перенесете эту неприятность, то, клянусь Вам Вашим богом, все дни, все минуты моей жизни до последнего издыхания будут посвящены Вам и Вашим детям, мне единокровным; что все мои действия, все усилия будут стремиться к их и Вашему счастью. Пока я здоров, до тех пор, верьте мне в этом, до тех пор, повторяю Вам, моя мать не будет иметь нужды ни в чем, я сам скорее откажу себе в последнем, но исполню даже малейшие ее прихоти. Итак, маменька, в последний раз повторяю Вам: мое счастье, моя жизнь, сохранение чувства моей нравственности, все, наконец, все зависит теперь от Вас; умеете понять это. Жду от Вас в самом скором времени собственноручного письма; адресуйте его на имя Алексея или Дмитрия Петровича; если оно не застанет меня в Москве, то они перешлют его ко мне в Белоруссию. Буду считать минуты: не медлите ответом! За сим — простите! Ваш сын

Виссарион Белинский

Р. S. Ваши письма, галер и два окорока, посланные с человеком Н. Н. Щетинина, получил. Насчет Вашего препоручения скажу Вам решительно, что я ни в чем этом толку не знаю ни на грош, и потому прошу Вас обратиться с своими просьбами на этот раз к Вашему внучку Алексею Петровичу: он во всех экономных делах собаку съел и может надуть всю Москву, когда дело идет о том, чтобы из гроша сделать рубль. А я, право, не умею отличать золото от хорошей меди или бронзы, а серебро — от олова. Пришлите к нему Вашу табакерку и положитесь на него совершенно: Вы остаетесь им довольны. Об деле Бабушки не справлялся, ибо у меня и по пору голова ходит кругом, и я не могу опомниться; в иной день придется обегать по Москве верст двадцать; дел пронасть. Беспременно пишу, перевожу, держу корректуру Магдалины — словом, не знаю куда и сунуться. Только нынче, снова перечтя Ваши письма, обо всем вспомнил. Алексей Петрович берет на себя исправить все эти комиссии.

В. Б.

Надпись о получении: Получено 6 июня, во вторник ночью.

¹ Подробности об исключении Белинского из университета см. в статье «Студенческие годы Белинского» — «Лит. наследство», т. 56, стр. 394—405.

² Студент, отданный в солдаты, о котором пишет Белинский, — Алексей Никольский, направленный к коменданту г. Москвы для отдачи в военное ведомство «за неблагопристойные поступки».

³ В случае окончания Белинским университета ему пришлось бы как бывшему казенноштному студенту отслуживать шесть лет по назначению. Отсюда замечание Белинского, что он был бы «учителем поневоле на 6 лет».

⁴ «Французский роман в 4 частях» — «Магдалина» Поль-де-Кока (см. упоминание о романе в конце письма), который и был издан в 1833 г. с обозначением имени переводчика инициалами В. Б. См. воспроизведение его титульного листа в наст. томе, стр. 145. Ср. заметку Ю. Г. Оксманова «Из разысканий в области биографии Белинского». — «Ученые записки Саратовского гос. ун-та», т. XX, вып. филолог. Саратов, 1948, стр. 310—315.

⁵ К кому именно предполагал ехать Белинский, сначала в Вологду, затем в Орловскую губ., остается неизвестным.

⁶ Аркадий Федорович Мосолов — помещик Чембарского уезда, с. Тархова. В 1841 г. был задушен дворовыми за жестокое обращение с крепостными.

⁷ Т. е. в «Телескоп».

⁸ Григорий Иванович Карташевский (1777—1840) — попечитель Белорусского учебного округа; впоследствии — сенатор. О неудавшейся попытке Белинского получить место учителя в Белоруссии см. в последующих его письмах.

⁹ Белинский имеет в виду помощника попечителя Московского учебного округа — Д. П. Голохвастова (см. о нем прим. 1 к письму № 54).

74. БЕЛИНСКИЙ — Г. Н. БЕЛИНСКОМУ

Москва, 1833 года, мая 21 дня¹

Милостивый Государь
Папилька, Григорий Никифорович!

Писать к Вам всегда было для меня приятнейшим долгом; но теперь эта обязанность кажется мне самою ужасною необходимостью. Это начало ничуть не покажется Вам ни странным, ни удивительным, когда Вы прочтете мое письмо к маминьке. Если это Вас огорчит, то одна моя мольба к Вам: н и с л о в а в у п р е к. Если я, более или менее, был сам причиною сего моего несчастья, то, поверьте, я с лихвою наказан за это самим собою. Надеюсь, что Вы поймете меня. Я уже не мальчик, и свой собственный суд для меня всего страшнее. Но счастлив тот, кто еще может остановиться во-время и употребить себе в пользу собственные ошибки и суровые уроки судьбы! Я еще только выехал на своем челне в это открытое море

света, а до сего времени держался у берегов; следовательно, еще не все потеряно. Конец венчает дело, говорят умные люди; только тогда при плебсках вызывают или освистывают актера, когда совсем разыграет свою роль; только тогда можно произнести суд человеку, когда он совсем окончил свое поприще. Впрочем, какие бы ни были обстоятельства, навлекшие на меня мое несчастье, — Вы можете быть всегда твердо уверенными, что ничем предосудительным не обесчестил имени своего отца. Я живу не для себя, помню, что я крепкими узами связан с кровными — и вот только поэтому-то и огорчаюсь. Итак, — простите!..

Моя последняя к Вам мольба, мой единственный к Вам завет: водворите мир и тишину в своем семействе, прекратите эти вечные и ни к чему не ведущие несогласия. Прошедшего воротить нельзя, и Вам уже поздно теперь считаться между собою. Ваша жена — *м а т ь*, а это слово не пустой, бессмысленный звук! Смерть каждого из Вас будет равно губительна для Ваших детей: так берегите же себя взаимно, если не для самих себя, то для нас. И так на земле много горя, много бедствий, для чего же усугублять их по своему произволу? У Вас дочь — невеста; кто захочет избавить Вас от этого бремени, если общественное мнение изречет неблагоприятный приговор Вашему семейству? Я никогда не поверю, чтобы Вы, по своей душе и сердцу, желали быть виновником вечного несчастья своей дочери; да и не дай боже когда-нибудь увериться мне в подобной мысли! А бедный, несчастный Никанор!.. Как жаль, что я не могу его взять с собою, что я не могу сделать для него всего того, что бы мог для него сделать! А от этого парня, право, был бы прок. Кровь стынет в моих жилах, когда я только подумаю о том, что мне пишут об нем и говорят все чембарские! Итак, прощайте! Не сердитесь на меня за то, что, говоря с Вами, я люблю пуस्कаться в мораль: у кого что болит, тот о том и твердит. Не сомневайтесь, что истинная любовь и усердие как к благу всего нашего семейства, так и Вашего собственного, — водит пером моим. С чувством глубочайшего почтения и искренней сыновней любви и с душевным желанием Вам всех благ и всякого счастья, остаюсь Ваш сын

Виссарион Б е л и н с к и й

Надпись о получении: Получено 6 июня во вторник ночью.

¹ В подлиннике очевидная описка в дате: вместо 1833 г. обозначен 1832 г.

75. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1833 года, июля 7 дня¹

Любезнейший брат и друг
Виссарион Григорьевич!

Известие о твоём выключении из университета очень меня огорчило, так что я нередко бываю меланхоликсом и подобным тому человеку, который, трудившись день и ночь над улучшением своего дома и хозяйства, но вдруг от печального случая видит его добычею пламени всеистребляющего огня. Так, друг мой, горестно, очень горестно, и теперь, когда я пишу сии строки, невольным образом вырвался из стесненной груди моей вздох о твоей несчастной доле; видно, нам с тобою так назначено самим небом, чтобы носить на себе бремя тяжестей, неудач и, видя надежды свои тщетными, терпеть. Ты пишешь, что познакомился с профессором *Н а д е ж д и н ы м* и переводишь из французских журналов разные в прозе статьи в Молву и Телескоп. Очень сему радуюсь и желаю от чистого братского сердца, чтобы тебе в оном был хороший успех. Письмо твое от 20 мая я получил, равно и корректурные листки Магдалины, которую покорно прошу тебя мне прислать все 4 части, совсем отпечатанные; равным образом

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ РУССКОГО
ИЗДАНИЯ РОМАНА ПОЛЬ - ДЕ
КОКА «МАГДАЛИНА» В ПЕРЕ-
ВОДЕ БЕЛИНСКОГО, 1833 г.

Публичная библиотека им. М. Е.
Салтыкова-Щедрина, Ленинград

МАГДАЛИНА,

СОЧИНЕНИЕ

ПОЛЬ ДЕ КОКА.

»Une fièvre brûlante
»Un jour me terrassait,
»Et de mon corps chassait
»Mon ame languissante.«
(Sedain. — Richard.)

ПЕРЕВЕДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

В. Б.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЛАЗАРЕВЫХЪ
ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

1833

нельзя ли тебе прислать еще и те №№ Молвы и Телескопа, где напечатаны твои переводы, потому что в Чембаре никак нельзя достать оных, хотя М. П а в л о в и получает, но он, подлец, низкая душа — не дает и тогда только добр, когда бывает щедро угощен напитком г-на Бахуса, и потому-то г-н Синенко, мой товарищ, и говорит, что он только тогда бывает добр, когда пьян, а как проспится, то все пропало. Я слышал от Сергея Васильевича², что ты переводил еще книгу с французского языка под названием Т е л е м а к³. Помоги тебе бог, окончивши благополучно и выгодно продавши, прислать мне... экземпляр оной. Чувствительно благодарю Алексея Петровича и Дмитрия Петровича за принятие тебя к себе на квартиру: они истинно доказали тем свое родство, дружбу и любовь. Теперь скажу тебе о Чембаре: он, как и прежде, есть тот же по наружности; 3 июня ночью был пожар, от коего сгорело 30 дворов, через два дома от г. Мещеринова <...>

Уведоми меня, ради самого бога, когда я избавлюсь проклятой моей службы в Земском суде и несносной для меня жизни в доме у родителей и буду служить в Сенате или где-нибудь. Право, мне уже надоело слышать частые упреки папеньки и Никанора, что я все живу на его отчете. Ох, друг мой, тяжело, очень тяжело для благородно мыслящего человека и чувствительного сердца, каково мое, быть обязанным каждым куском... Меня каждая безделица может тронуть и заставить невольно выронить две слезы; когда папенька за обедом или ужином начнет упрекать меня, то я тогда

подобен бываю приговоренному к смерти невинному человеку и от большой горести не могу есть, а от сильного в груди стеснения дыхания — говорить.

Еще уведоми, нельзя ли будет нынешний год ехать Никанору в Москву и определиться в гимназию и жить на квартире с Алексеем Петровичем, которого спросить, что он возьмет за год за содержание Никанора, который уже ныне начал сам проситься, чтобы его отпустили с Петенькой в Москву.

Наши домашние тебе кланяются и желают всего лучшего. Итак, прощай, друг мой, желаю тебе всего того, что может составить счастье благоразумного человека.

Твой брат К. Б е л и н с к и й

Алексею Петровичу и Дмитрию Петровичу от меня поклонись и пожелай им всего лучшего.

Приписка М. И. Белинской:

Милый мой Виссарион Григорьевич, ты просил меня, чтобы я хладнокровно пережила выключение тебя из университета; послушалась тебя, заплакала, погрустила, в день твоего ангела получила это несчастное известие. Теперь я тебе вот что скажу. Это происходит все оттого, что ты не имеешь истинной веры на бога и надежды на создателя и не просишь божью мать; обратись-ка лучше к богу и имей веру, молись, больше ходи в церковь, оставь эти модные фортуны и провидения, а призывай бога на помощь, не начинай без молитвы ничего и призывай бога в помощь, лучше дело-то будет. Я беспрестанно прошу бога: господи, устрой ты его и не дашь ты погибнуть. Теперь как хочешь: хочешь — слушайся, а не хочешь, так смейся над душой-матерью, а я в том буду стоять крепко, что я имею истинную и крепкую веру на бога и не погибну до смерти; пережила злодеев много — дуняшек, аришек и тому подобных, а я все-таки барыня.

Теперь прошу тебя, уговори Алексея Петровича и Дмитрия Петровича, не возьмут ли они к себе на содержание Никанора, что положат в год с тем, чтобы определить в гимназию; он мне покою не дает, постарайся устроить хотя на год или на два. Я тебе пришлю с Красовским что-нибудь из белья, что могу приготовить. Прощай, мой друг, желаю тебе всякого успеха и счастья и благополучия, мать твоя

М а р ь я Б е л ы н с к а я

Еще тебе скажу, ты, говорят, очень худ, я полагаю, от сиденья; пожалуйста, больше прохаживайся и не изнурай себя.

1833 года июля 7 числа.

Тороплюсь на почту письмо нести.

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено 17 июля, в понедельник.

В опускаемой части письма — описание поездки А. Г., К. Г. и М. И. Белинских на богомолье в Воронеж.

Упоминаются: Арсений, Бегичев, А. Г. и М. И. Белинские, А. Никифорова, Питирим, Придорогин, Н. Е. Синенков и И. Федоров.

¹ Это письмо является ответом на письмо Белинского от 21 мая 1833 г. См. «Письма», I, 51—53.

² Сергей Васильевич В е л и к о п о л ь с к и й, с которым Белинский, как сообщал он брату Константину в своем письме, «недавно познакомился».

³ «Телемак» — нравоучительный роман Фенелона; слух о том, что Белинский занялся переводом «Телемака», оказался ложным. См. ниже письмо № 77.

76. М. И. БЕЛИНСКАЯ — БЕЛИНСКОМУ

〈Чембар, 17 июля 1833 г.〉

Милый мой Виссарион Григорьевич! Я еще тебе пишу с Александрой Николаевной и еще буду просить, если можно, постарайся устроить Никанора. Авенир Иванович говорит, что в гимназию всех принимают на казенный счет, то и нельзя ли тебе подать просьбу для определения в гимназию на казенный счет Никанора. Малый покою не дает мне — отправьте меня в Москву, да и только. А отцу не смеет и слова сказать. Я начну говорить, отправим-де его к Алексею Петровичу и станем платить за стол, что они положат в год, они люди свои, авось, дорого не возьмут, а в гимназию будет ходить учиться. А мой старый чорт и на подзад не дается, примется меня ругать, лаает, лаает, тем и кончится отъезд Никанора в Москву. «Я его, — говорит, — сукина сына в подьячие упеку». А Никанор говорит: «А я бегство сделаю от его. не будет этого, чтобы я был подьячим», — «Или к Тукальскому сволоку учиться»; а я постараюсь выхлопотать свидетельство о рождении и прислать с Мещериновым. Еще теперь тебе посылаю ткацкую рубашку, полотенце, носовой платок и окорок ветчины, больше, не прогневайся, не в силах ничего послать, денег нет ни копейки. Не знаю, получил ли ты от меня подушку, посланную через Федосью Степановну. Пиши о своих, уведомляй меня и брата. Что твоя Белоруссия замолигла? Худо без денег, худо без друзей, худо без протекции, хуже того, кто и бога забыл, того и бог забывает. Свидетельствую мое искреннее почтение Алексею Петровичу и Дмитрию Петровичу и благодарю вас, мои милые дети, за неоставление нашего изгнанника, оставленного отцом. Отец утопает в роскоши Бахуса, а детей оставил без помощи. Его господь будет судить, а вас, мои друзья, господь вознаградит и здесь и в будущем мире — добрые дела господь без награждения не оставляет. Прощайте, мои милые. Остаюсь мать твоя

Марья Б е л ы н с к а я

1833 года июля 17 числа

77. БЕЛИНСКИЙ — К. Г. БЕЛИНСКОМУ

Москва, 1833 года, июля 19 дня¹

Благодарю тебя, любезный брат, что ты поторопился написать ко мне; но признаю тебе, что твое, а особенно маменькино, письмо ничуть не удовлетворило моему желанию. От тебя я получил изъявления твоего сожаления о моей невзгоде, что меня очень трогает, как доказательство твоей братской ко мне любви; потом описание собственных твоих горестей, что прибавило еще несколько капель ядовитой горечи в чашу, которую я давно уже пью; за сим несколько официальных известий, впрочем, не совсем удовлетворительных: не того ожидал я с таким нетерпением. Мне хотелось поскорее узнать, какое впечатление произвело на папильку и маминьку мое письмо, в коем я наконец решился уведомить их о своем несчастии; но этого-то именно я и не вижу в твоём письме. Равным образом, мне и то крайне досадно, что ты ни слова не сказал о том, когда едет в Москву Авенир Иванович. Прошу тебя, будь обстоятельнее в своих письмах ко мне; ты не можешь себе представить, как неприятно получать такие неудовлетворительные известия.

Ты просишь меня, чтобы я, ради самого бога, уведомил тебя, когда ты избавишься от проклятой службы в Земском суде и несносной жизни в родительском доме и будешь служить в Сенате, или где-нибудь? Я уже сказал тебе, чтобы без офицерского чина ты и во сне не бредил о выезде из

Чембара. Ты знаешь, что Дмитрию Петровичу остается пробыть в Университете только один год, по выходе из коего ему непременно должно будет вступить в службу, которую он и намерен начать и продолжать в Москве. После окончания своего курса он, может быть, проживет с полгода дома; тогда-то и с ним-то поедешь ты в Москву, ибо я уверен, что к тому времени ты будешь офицером. Ехать же в Москву без толку не для чего. Поспешишь и людей насмешишь — эта роковая пословица уже не раз сбывалась над тобою: надобно уметь пользоваться уроками опыта и делать все с оглядкою. В Сенат скоро попасть никак нельзя; теперь в Департамент подано целых пять просьб на одно или два места, и податели оных без всякого жалованья ходят туда и трудятся; лучше выдержавших искус оставят, а прочим откажут. Если таким образом тебя будут водить полгода или и более, то чем ты станешь жить? На Папиньку, как тебе самому известно, надежда зело плохая. Ты знаешь, что я еду в Белоруссию, и если попаду, как обещал мне Попечитель, в Вильно, то буду получать 1000 руб. жалованья, что составит для меня очень значительную сумму. Если же я и не попаду в Вильно, то через год непременно надеюсь попасть в какое-нибудь гимназическое училище на 1200 руб. жалованья; сверх того, вероятно, я буду иметь и другие источники для получения денег; после этого мне не большого будет стоить уделить тебе 25 р. ас. в месяц на содержание, хотя бы тебе и больше года пришлось прожить без жалованья. Когда же поступишь в Сенат, то на первый раз будешь получать 420 р. ассигн., что в Москве на серебро составляет слишком 460 рублей<1>, а это не шутка! Тогда ты и без всякой посторонней помощи будешь в состоянии жить. Ежели же и не поступишь в Сенат, то и то не беда. Дмитрий Петрович думает поступить в Почтамт, где чрезвычайно много дела, но зато и хорошее жалованье, скорое производство в чины и частые денежные награждения; ты можешь и туда поступить с ним, и это было бы еще лучше, ибо Д<митрий> П<етрович> есть лучший и более расположенный к нам родственник, нежели другие. Итак, мой друг, терпение! Год или полтора года — не вечность! И не увидишь как пройдут. Я очень знаю, как горько тебе жить в родительском доме, — да что же делать-то? Я и сам пью горькую чашу, которая с каждым днем переполняется через края новыми ядовитейшими зельями, — однакож терплю, ибо надежда в будущее подкрепляет меня. Кто знает? Может быть, все настоящие несчастья есть не что иное, как зерна, из коих должны некогда вырасти и расцвести благоухающие цветы счастья? Все к лучшему! — думаю я, и не тужу. Советую и тебе последовать моему примеру. Конечно, горестно, убийственно слышать от своего отца попреки за каждый его кусок... и где же? — в Чембаре, где эти куски так дешево обходятся даже и самому последнему мещанину, а не только что штаб-лекарю, да еще к тому же и коллежскому ассессору!.. После этого толкуй себе о каких-то будто бы священных, неразрывных узах природы!.. Но... на здешнем свете часто совершаются большие чудеса, часто людей постигает такая участь, какой они совсем не ожидали: какой-нибудь ничтожный бедняк иногда дает кусок и угол человеку, который некогда думал о нем хуже, нежели о какой-нибудь собаке... Смотри, не считай же и ты своих кусков, если судьба когда-нибудь доведет твоего отца до необходимости питаться ими!..

Теперь о Никаноре. Алексей Петрович наотрез сказал, что не возьмет его к себе и за 300 руб., будто бы опасаясь того, что он большой озорник и может своим поведением вводить его в хлопоты и наносить беспрестанно беспокойство. Как ни много претерпел я ударов судьбы, но еще ни одна слеза не выкатывалась из моих глаз; в этот же раз несколько горьких слезинок украдкою скатились в кулак с моих ресниц, нимало не облегчив ни стесненной груди, ни растерзанного сердца... Бедный мой брат!.. Какая участь ожидает его!.. Д<митрию> П<етровичу> очень этого хотелось, как

по его расположению к нашему семейству, так и потому, что Петинька² нашел бы в Никаноре товарища по учению и что это произвело бы между ними взаимное соревнование. Так было думал и я... но если не хотят, то кланяться нечего, тем более сердиться или оскорбляться этим; всякий волен в своих поступках; насильно же любить себя нельзя заставить. Просить же Алексея Петровича еще об этом я не советую ни под каким видом; упрекать его или обнаруживать ему каким бы то ни было образом свое неудовольствие тоже.

Я бы мог взять Никанора с собою в Белоруссию, если бы только Папинька на это согласился. Я бы очень мог до времени быть надежным и полезным руководителем своего брата и надолго еще заменить ему собою отца и мать во всех отношениях. Но если бы Папинька и согласился на это, то все-таки как это сделать? Как быть тогда, если он, приехав в Москву, не застанет меня в ней! Я лучше соглашусь видеть его в гробе или зарезать собственными руками, нежели насильно заставить его жить у А<лексея> П<етровича>. Для меня всегда лучше умереть, нежели одолжаться кем-нибудь насильно. Если же и делал это, то потому только, что в будущем предвидел для себя возможность свергнуть для себя тяжкое иго ужасной обязанности, в которую закабалили меня жестокие обстоятельства. Итак, вот мой совет: если Папинька согласится препоручить мне Никанора, то пусть пришлет его в самом скорейшем времени и притом с такими попутчиками, которые бы доставили бы его назад в Чембар, если бы он не застал меня в Москве. Я, может быть, пробуду в ней еще и долго, а может быть, и через три дня после отправления сего письма: все зависит от решения попечителя. Даже может случиться и то, что он и откажет мне в обещанном месте и возвратит мои бумаги, которые он увез с собою

Е. П. ЛОПАТИНА
(РОЖДЕННАЯ ИВАНОВА)

Фотография 1860-х гг.

Собрание М. С. Куликовской, Москва

в Белоруссию вместе с моею просьбою; но в таком случае покровительствующий мне профессор Надеждин обещал мне доставить мне <1> учительское место в каком-нибудь уездном училище Московской губернии, что ему тем легче сделать, что он член Училищного комитета.

Магдалину доставлю тебе при первом случае; она совсем отпечатана. Телемака я и не думал переводить, ибо это есть детская книжка, по коей учатся фр<анцузскому> языку. Несколько №№ Молвы я послал к тебе с Сергием Васильевичем на имя Федосьи Степановны, ибо я думал, что ты в Воронеже. Телескопа послать не могу, ибо сам не имею его, а буду получать по приезде в Белоруссию, ибо Издатель обещался подарить мне за год. В 7 № сего журнала помещена статья моего перевода о Б о г е м с к о й э п о п е е ³. В след<ующую> среду пошлю письмо к маменьке в ответ на ее. Из белья, если можно, пусть пришлет пару рубах... Я потому решаюсь просить этого, что не ожидаю большого награждения, но на какие-нибудь 150, дай бог, сколько-нибудь в благопристойном виде явиться в Белоруссию и проехать дорогу. За сим прощай, мой друг, не слишком и не всем огорчайся, веди себя, как должно честному и благородному человеку и надейся на бога: может быть и мы с тобою когда-нибудь будем счастливы. В ожидании же сего — прощай! Твой брат

Виссарион Б е л и н с к и й

Надпись о получении: Получено 29 июля 1833 года, в субботу через почту.

¹ Это письмо является ответом на письмо К. Г. Белинского от 7 июля 1833 г. (см. письмо № 75).

² «Петинька» — младший брат А. П. и Д. П. Ивановых, который уже год жил в Москве.

³ Статья Эдгара Кине «О Богемской эпопее», переведенная Белинским и напечатанная в «Телескопе», 1833, № 7, стр. 273—287 (ц. р. 26 мая 1833 г.).

78. Ф. С. ИВАНОВА — БЕЛИНСКОМУ

<Керенск, 3 сентября 1833 г.>

Любезный друг

Виссарион Григорьевич.

Извини меня, что вскорости не отвечала на письмо твое ¹; занята была шитьем для детей, а теперь по скорости отправки Пети. Скажу только, что тетушка по возвращении своем из Воронежа была у нас с Сашенькой и Никанором; погостили недели две. Мы с ней провели время очень приятно, были в Спасске. Ей очень хочется Никанора отправить для ученья в Москву, а дядюшка хочет его по совершении лет определить в военную службу. Право, им надо отдать его хорошему ментору на руки, он очень избалован, никого в грош не считает. Тетушка недовольна, что дети мои много полагают на содержание, а как иначе? Ты знаешь своего отца, у него без сапог насидится. Жалею, что я не имею Владыкина состояния, я б всем родным могла быть полезна, а при нынешних обстоятельствах, ты правду говоришь, рад будешь смерти. Ныне только подлецы и у кого есть деньги, те могут жить на свете, а добрый человек гоним. Отчего Петр Петрович, служа 45 лет, не получил пряжки и креста? Потому что не имеет денег. Надо все переносить в кротости духа; может, в будущем за то наградится.

Посылаю тебе рубаху и полотенце; уведоьмь меня, не скрывай, какой тебе дан аттестат, нельзя ли тебе где-нибудь в Москве определиться? Я думаю, что тебе в Белоруссию не удалось, потому что получили от детей два пись-

ма, а о тебе ни слова; они б нас уведомили об оном. Старайся где-нибудь устроить себя. Желаю тебе всего лучшего в мире. Остаюсь любящая тебя сестра

Федосья Иванова

Не оставь Петю в свободное время занимать науками. Приезжай к нам побывать, ты теперь свободен.

3 сентября 1833 года

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено сент<ября> 13 дня, в среду.

¹ Письмо Белинского, на которое отвечает Ф. С. Иванова, до нас не дошло.

79. БЕЛИНСКИЙ — М. И. БЕЛИНСКОЙ

Москва, 1833 года, сентября 20 дня

Любезная Маминька!

Извините меня, что я, обещавши писать к Вам по почте, в письме к брату, не исполнил моего обещания. Разные обстоятельства помешали мне поступить сообразно с моим обещанием и желанием. Впрочем, я думаю, что с Вашей стороны гораздо неизвинительнее оставлять меня в неведении касательно нашего семейства. Я один, а вас много. Сверх того, в рассуждении меня я не советовал и теперь не советую Вам беспокоить себя разными сомнениями и страхами. Я нигде и никогда не пропаду. Несмотря на все гонения жестокой судьбы, чистая совесть, уверенность в незаслуженности несчастий, несколько ума, порядочный запас опытности, а более всего некоторая твердость в характере — не дадут мне погибнуть. Не только не жалею на мои несчастия, но еще радуюсь им: собственным опытом узнал я, что школа несчастия есть самая лучшая школа. Будущее не страшит меня. Перебираю мысленно всю жизнь мою и хотя с каким-то горестным чувством вижу, что я ничего не сделал хорошего, замечательного, зато не могу упрекнуть себя ни в какой низости, ни в какой подлости, ни в каком поступке, клонящемся ко вреду ближнего. Вижу, что только моя мать есть единственный человек в мире, которого заставил я плакать. Эта мысль убивает меня; но надежда, сладостная надежда в скором времени быть в состоянии деятельною помощью, всем счастьем моей жизни, всем бытием моим жертвовать моей матери и тем сколько-нибудь вознаградить ее за все жертвы, за все слезы, за всю любовь ко мне подкрепляет меня. Для этого только и желаю я себе счастья и богатства.

Дела мои ни на шаг вперед. С Карташевским случилось что-то важное: в Москве у него есть близкие родственники, с которыми он вел постоянную переписку¹; но с самого того времени, как он был в последний раз в Москве, когда я подал ему просьбу, он не писал к ним ни строки; так как из Белоруссии составляется особенный учебный округ, вследствие чего из Кременца переведен в Оршу лицей, то туда просится один из ординарных профессоров, Максимович²; и он не получает никакого решения. Завтра я посылаю от себя самое настоятельное письмо к Его Превосходительству, в коем решительно прошу его или прислать свое решение в самом скором времени или прислать мне назад мои документы. Теперь так много мест учительских даже в Московской губернии, что мне при посредстве профессора Надеждина не стоило бы никакого труда занять одно из них; почему мне очень хочется, чтобы Карташевский прислал назад мои документы. Во всем Московском округе учительское жалованье выдается по новому окладу, и самое последнее состоит из 700 рублей. Эта проклятая остановка заставляет меня претерпевать ужаснейшую нужду во всем.

Всего же более тяготит и мучает меня то, что я по сю пору принужден обременять собою Алексея Петровича, тем более, что, по причине необычайной дороговизны во всех жизненных потребностях, содержание в Москве стоит чрезвычайно дорого. Вы, слышал я, сердитесь за то, что Алексей положил было большую цену за содержание Никанора. Я, кажется, толком сказал Вам, что он не согласен принять его ни за какую цену. А если бы он положил 200 рублей, то это была бы самая умеренная цена. Вы можете поверить мне в этом. Бедный Никанор, бедный Никанор!..

Бога ради, пишете ко мне. Ваше молчание убивает меня. Будьте здоровы и, если можете, счастливы, а всего более терпеливы. Старайтесь отстранять все случаи, могущие подавать повод к семейным неудовольствиям; пустые ссоры не ведут ни к чему: где нельзя помочь делом, там должно молчать. Прощайте! Остаюсь сын Ваш

В. Б е л и н с к и й

Надпись о получении: Получено 13 октября, 1833 года.

¹ Родственники Г. И. Карташевского (см. о нем прим. к письму № 73) — Аксаковы.

² Михаил Александрович М а к с и м о в и ч (1804—1873) — профессор ботаники Московского университета, сотрудник «Телескопа»; впоследствии этнограф и историк.

80. БЕЛИНСКИЙ — К. Г. БЕЛИНСКОМУ

Москва, 1833 года, сентября 20 дня

Любезный Брат!

С т ы д н о з а б ы в а т ь б р а т а ! Больше ничего не скажу тебе. Получил ли ты Молву и письма мои? Что делается у нас? Что Папинька? Все ли в том же нравственном положении? Что говорил он о моем предложении касательно Никанора, что говорит обо мне? Бога ради, уведомя. Хотя он и забыл, что я ему сын, однакож я помню, что он мне отец.

Магдалины от меня не жди. Я взял ее все три экземпляра и, по крайней моей нужде, продал все, даже и французский подлинник, и потому сам не имею ни одного экземпляра. В замену же ее посылаю тебе несколько картинок мод, приберй их на стенку хоть в нужнике на память обо мне. О себе скажу тебе, что я живу довольно хорошо для своих обстоятельств. Связь с моим любезным Петровым и многими другими, можно сказать, отборными по уму, образованности, талантам и благородству чувств молодыми людьми заставляет меня иногда забывать о моих несчастиях. В семействе Петрова я принят, как родной. Его мать, добрая, умная и любезная старушка, для меня истинно вторая мать. Также я знаком с одною из его сестер (которые все очень воспитанные девицы): она недавно уехала в Тулу, в гувернантки в один дом ¹. Через Петровых я познакомился с домом одного помещика Зыкова, где тоже очень хорошо принят и обласкан. В этом доме много барышен; ты догадаешься, что по этой причине я с большим удовольствием провожу там время. 17 сент<ября> я был у них на именинах, немного танцевал, немного был пьян, ужинал, волочился, куртизанил... и был счастлив. Скажу тебе, что московский свет резко отличается от чембарского простотою, большею свободою в обращении и отсутствием глухих церемоний, как-то подхождения к руке и прочего. Вообще, там менее можно конфузиться, нежели у вас. Там лучше умеют ценить достоинства и лучше вашего умеют наслаждаться удовольствиями. А барышни? О! какая разница с вашими! Мне казалось, что я был перенесен в какой-то другой, доселе неизвестный мне мир. Сверх сего, я еще имею хороших знакомых в том доме, где живет Григорьев (Н<иколай> Львович)². Хозяин оного управляет именем Зыкова Жена его и дети — добрейшие люди и принимают меня совершенно, как родного. Часто хожу к Авениру Ивановичу и

Денной
Спектакль

11 123

18 55

ВЪ БОЛЬШОМЪ ТЕАТРѢ.
НЕ ВЪ СЧЕТЪ АБОНЕМЕНТА.
Въ Субботу 16 Февраля **ИМПЕРАТОРСКИМИ** Российскими
Дятерами представлена будетъ

РАЗБОЙНИКИ,

Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Шиллера, сокращенный переводъ съ Немецкаго.
ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Максиміанъ Моора, Владычій Графъ,	-	-	-	Г. Волковъ.
Карлъ, сынъ оного,	-	-	-	Г. Монаховъ.
Францъ, сынъ оного,	-	-	-	Г. Угловъ.
Амалія, его племянница,	-	-	-	Г-жа Авдеева-Синцова.
Германъ, небогатый дворянинъ,	-	-	-	Г. Щенякъ.
Шингенбергеръ,	-	-	-	Г. Поповичевъ.
Швейцеръ,	-	-	-	Г. Орловъ.
Гриць,	-	-	-	Г. Максимъ 1-й.
Роллеръ,	-	-	-	Восп. Сахаровъ.
Ризманъ, разбойникъ,	-	-	-	Г. Калининъ.
Шушерле,	-	-	-	Г. Сосоловъ.
Косинскій,	-	-	-	Г. Виноградскій.
Суалъ,	-	-	-	Г. Никифоровъ.
Даніилъ, старшій слуга,	-	-	-	Восп. Зеленинъ.
Слуга,	-	-	-	Г. Саволюпинскій.
Трохмюшицъ,	-	-	-	Восп. Шубертъ.
Слуги и разбойники.	-	-	-	

Въ заключеніе спектакля дано будетъ:

**ПЕРЕХОДЪ РОССИЙСКИХЪ ВОЙСКЪ
ЧЕРЕЗЪ**

БАЛКАНСКІЯ ГОРЫ,

Современное Русское представленіе въ 1 дѣйствіи, съ принадлежностями въ сюжету пылкихъ хоранъ, балканскихъ войскамъ. Въ сюжетъ представленія будутъ участвовать: Восп. Архипъ, Г-жа Голдбергъ 1-я, Воробьевъ и Восп. Самаринъ 2-я въ Цыганскіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Славскій, Россійскій Генералъ,	-	-	-	Г. Сосоловъ.
Мустафа Санджакъ,	-	-	-	Г. Максимъ 1-й.
Принцъ Гречанка, вельможница ея,	-	-	-	Восп. Алексеева.
Георгій, молодой Грекъ,	-	-	-	Г. Калининъ.
Ибрагимъ, Бадъ,	-	-	-	Г. Живописъ.
Тирей, Цыганъ,	-	-	-	Г. Н. Степановъ.
Селимъ, Турецкіе воины,	-	-	-	Г. Виноградскій.
Гасанъ,	-	-	-	Восп. Зеленинъ.
Овнеръ,	-	-	-	Г. Ахметъ.
Буркинъ,	-	-	-	Г. Строгановъ.
Болгаръ,	-	-	-	Восп. Максимъ 2-й.
Вашкаръ,	-	-	-	Восп. Сахаровъ 2-й.
Начальникъ Болгаръ,	-	-	-	Восп. Сахаровъ.
Русское войско, Казакъ, Греки, Армяне, Башкиры, Турки, Болгары и Цыгане.	-	-	-	

НАЧАЛО ВЪ 12 ЧАСОВЪ.

ВЪ БОЛЬШОМЪ ТЕАТРѢ.

Денной спектакль не въ счетъ абонемента.

Въ Воскресенье 17 Февраля, **Русалка**, опера въ 3 дѣйствіяхъ. Начало спектакля въ 12 часовъ по полуночи.

Въ оный же день **Жюльо**, Врѣзиска обещанія, мелодрама въ 3 дѣйствіяхъ. *Часть въ туринѣ*, или *сиди въ туринѣ* или *пуру похвалы*, водевиль въ 2 дѣйствіяхъ. **Прощанье** *жестова*, дивертиссементъ. Начало спектакля въ 0 1/2 часова.

ВЪ МАЛОМЪ ТЕАТРѢ

Второй спектакль не въ счетъ абонемента.

Въ оный же день **Недоросль**, комедія въ 5 дѣйствіяхъ. **Жена казакъ много**, или **у жъ казакъ много**, водевиль въ 1 дѣйствіи. **Фалатка** и **Мирошана старинки**, или **теперъ жеванка** и **одна невеста**, водевиль въ 1 дѣйствіи. Начало спектакля 7 часовъ.

На Масленицѣ раздача билетовъ будетъ производиться слѣдующимъ порядкомъ: на всѣ Русскіе вечерние спектакли въ день представленія въ 8 часовъ утра выдаютъ на большомъ подиумѣ; на всѣ Русскіе дневные на казенн. представленія въ 10 часовъ утра въ парадныхъ саняхъ; на всѣ Французскіе въ 12 часовъ утра въ Маломъ Театрѣ.

На вечерній въ Русскій спектакль въ Воскресенье 17 Февраля въ Маломъ Театрѣ выдача билетовъ будетъ производиться въ день представленія въ 10 часовъ утра въ Маломъ Театрѣ.

АФИША ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТРАГЕДИИ ШИЛЛЕРА «РАЗБОЙНИКИ» НА СЦЕНЕ МОСКОВСКОГО БОЛЬШОГО ТЕАТРА 16 ФЕВРАЛЯ 1835 г. С УЧАСТИЕМ П. С. МОЧАЛОВА
«...Видел в ролях Отелло и Карла Моора знаменитого Мочалова... Гений мой слишком слаб, слишком ничтожен, недостаточен, чтобы достойно описать игру сего... великого артиста драматического искусства» (из письма Белинского к родителям)

Александре Николаевне, которые расположены ко мне попрежнему. Видишь ли, сколько у меня в Москве знакомств и связей? О, Москва, Москва! жить и умереть в тебе, белокаменная, есть верх моих желаний. Признаться, брат, — расстаться с Москвою для меня все равно, что расстаться с раем. Если я и попаду в проклятую Белоруссию, то прослужу в ней год, много, много два — а там в Москву, в любезную Москву!

Я забываю уведомить маминьку, что я получил подушку, за которую я благодарю, равно как и за рубашку, полотенце и платок. Странное дело! мне все присылают то, чего не надо: рубашек у меня довольно, полотенец пропасть, а Федосья Степановна прислала мне еще рубашку да полотенце...

За всем сим — прощай!

Твой брат В. Б е л и н с к и й

Доставителя сего письма прошу обласкать: он парень умный, расторопный, и оказывал мне некоторые услуги.

Надпись о получении: Получено 13 октября, 1833 года, в пятницу в 1 часу.

¹ О П. Я. Петрове см. в «Биографическом словаре университетских товарищей Белинского» — «Лит. наследство», т. 56, стр. 432. Мать П. Я. Петрова — Анна Максимова; его сестры — Надежда Яковлевна и Александра Яковлевна, поступившая в губернашки. См. письма А. М. и Н. Я. Петровых к Белинскому в сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 251—253.

² О Н. Л. Григорьеве см. в «Биографическом словаре университетских товарищей Белинского» — «Лит. наследство», т. 56, стр. 426.

81. Е. П. ИВАНОВА — БЕЛИНСКОМУ

Керенск, 7-е октября 1833 г.

Любезный Виссарион Григорьевич.

Давно собиралась писать к вам и все день ото дня откладывала, и вот сколько времени провела, не написав вам ни строки. Если бы я слушалась своего желания писать к вам, то вы бы очень часто получали от меня письма и самые бы огромные. Но ко мне привязалась или почти околдовала такая лень, что я даже не знаю, что с ней делать. Не сумеете ли вы отворожить меня от этой лени; пожалуйста, постарайтесь, я вам буду много благодарна за это.

Я вам сообщу приятную новость: Константин Григорьевич получил чин офицера; он, верно, не успеет прежде меня уведомить вас об этом, и я считаю за удовольствие предупредить его. Вы в письме вашем просите меня успокаивать маменьку вашу; поверьте, что я с равным участием принимаю как свои горести и радости, так и семейства вашего, из всего нашего родства оно первое в моем сердце. Маменька ваша поуспокоилась немного, оттого что она теперь надеется, что вы стараетесь устроить себя, но тревожится часто об здоровье вашем, и для того не худо бы вам уведомлять ее об этом почаще. Вы что-то опять замолчали об себе? — скажите, пожалуйста, что, как ваши дела идут? где живете и чем занимаетесь? не обманули ли вас обещаниями декровители ваши? Если вам нельзя или не хотите написать об этом обо всем откровенно своим домашним, то уведомьте хотя меня по секрету, поверьте, я не нарушу его.

Прощайте! много бы хотела говорить вам, но теперь не соображусь ни с чем: у нас гости, и это отвлекает меня от письма. Ничего я вам теперь так не желаю, как пристроиться скорее к месту и быть здоровым!

Катерина И в а н о в а

82. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, октября 19 дня 1833 года

Любезнейший брат
Виссарион Григорьевич!

Во-первых, уведомляю тебя, что я 23 сентября получил чин коллежского регистратора со старшинством с 31 декабря 1832 года; также вместе со мною и Асвовин получил коллежского секретаря. Папенька хочет меня отправить в Пензу, где и определить в Удельную контору, а мне хотелось было в Москву, чтобы в одной служить вместе с Алексеем Петровичем. Приятно ли для тебя это известие, что я получил офицерский чин, то напиши что-нибудь в ответ.

Письмо твое от 19 июля я получил 29 числа того месяца, равно и Молву, а от 20 сентября я получил 13 октября вместе и с картинками мод, за что тебя и благодарю и отвечаю тебе, что я тебя никогда и не думал забывать, а, напротив, всегда о тебе помнил и соболезновал о твоей участи; а ежели я так долго не писал к тебе, то я ожидал от тебя письма, ибо ты обещался в письме ко мне писать маменьке, которая каждую почту надеялась получить оное.

В доме у нас все попрежнему. Папенька, как и прежде, пьет сладкую водку, а ныне перцовку, от коих, получив действие слабости членов, бранится с маменькою, ругая бабушку и придираясь ко всем. Вот тебе верный отпечаток папенькиной нравственности. О тебе он говорил со мною, когда я сказал ему о получении офицерского чина, что сожалеет о тебе и что ты только один заставляешь думать его о своей участи, и ежели бы ты написал к нему письмо и уведомил бы его о своих нуждах, то бы он послал тебе денег.

В сентябре месяце я с маменькою и Федосьею Степановною был во Владыкине у Лукерьи Савельевны, которая в день моего ангела (19 числа) подарила два галера, а маменьке — холста для тебя, и хотела послать тебе денег, но, не зная настоящего твоего местопребывания, не может теперь посылать, и потому не худо бы тебе было писать к ней и уведомить под политикою о своих нуждах...

23 сентября приезжала к нам Марфа Андреевна Владыкина¹ с г. Хисинским (?) и ночевала; она подарила мне 4 рубля, что я ей переписал письма мичмана Кропотова к министрам. Степан Михайлович в августе месяце помер холерою во Владыкине, когда она гуляла по оному селу и которую папенька силою медицины скоро проводил во-своися.

Стряпчий Васильев и Петр Брычев уволены министром юстиции от своих должностей за неправильное произведение следствия об убитой деревни Топорихи крестьянской женке Фроловой своим мужем, ибо они, не пригласив медицинского чиновника для освидетельствования женки, показали в следствии, что она убита лошадью, а между тем Васильев взял 500 руб. с подсудимого. На место коего прислан из Мокшана стряпчий А. Воскресенский, а на место Брычева — столоначальник Губернского правления Белоруков, а на место ж Воскресенского — столоначальник же Таптуков. Вот тебе сколько чембарских новостей! Я очень рад, что ты имеешь хорошие знакомства, которыми при твоих худых обстоятельствах надобно дорожить.

Очень жалко то, что ты по сие время находишься без должности, что меня с маменькою много огорчает <...>

В рассуждении твоего предложения о Никаноре папенька был согласен, но теперь, кажется, мысли его переменились, ибо он хочет Никанора посвятить военной службе, и потому наш Никанор с каждым днем преуспевает в своих поступках... Засвидетельствуй мое искреннее

почтение Алексею Петровичу и поцелуй Петеньку, а Дмитрию Петровичу поклон в пояс и три поцелуя в уста. Я пред ним много виноват в моем молчании. Остаюсь твой брат

Константин Белинский

Приписка М. И. Белинской:

Милый мой друг Виссарион Григорьевич, много надо к тебе писать, но в теперешнем моем положении ничего не могу, собираюсь к Анне Францевне² и к Лукерье Савельевне. Отец как можно больше пьян, бурлит, ругается скверными словами, Саша плачет, у меня рука дрожит*.

Приписка К. Г. Белинского:

Папенька, пришедши к кабинету, стучит в дверь, чем и помешал писать маменьке, которая, прощаясь со мною, говорила мне, чтобы я дописал сию страницу.

Ты не можешь себе представить, как мне хочется служить в Москве, а особливо вместе с Алексеем Петровичем, ибо я в нем нашел бы себе достойного руководителя по службе, наставителя в делах и примерного человека в поведении. Неужели ты это не примешь в уважение?.. Не думаю я! Пожалуйста, уведомляй нас с маменькою о своих обстоятельствах подробнее, ибо незнание нас много тревожит... Прощай, друг мой, пиши скорее ко мне о себе и мне.

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает о своих встречах с Н. Е. Синенковым и А. П. Воскресенским.

Упоминаются: М. И. Белинская, А. П. Воскресенский и Н. Е. Синенков.

¹ Марфа Андреевна Владыкина — жена Степана Михайловича, брата Н. М. Владыкина. С М. А. Владыкиной и ее сыном Алексеем Степановичем были близки Ф. И. Буслаев и его мать. См. «Мои воспоминания» Ф. И. Буслаева, 1897, стр. 46—47. Белинский бывал у М. А. Владыкиной в Москве.

² Анна Францевна — жена Д. Ф. Мосолова, рожд. Туркер.

83. БЕЛИНСКИЙ — К. Г. БЕЛИНСКОМУ

Москва, 1833 года, ноября 8 дня

От всей души и всего сердца моего поздравляю тебя, любезный брат, с получением чина. Ты меня очень много обрадовал сим известием; я забыл о себе на некоторое время и вкусил несколько самых сладостных минут. Дай бог, чтобы счастье по службе и впредь тебя не оставляло: ты достоин этого по доброте своего сердца и благородству чувствований. Касательно твоего отъезда в Пензу не знаю, что и сказать тебе. Чтобы ехать в Москву нужно столько денег, чтобы можно было прожить без нужды по крайней мере год. В Сенате ваканций мало, а кандидатов на место много. Притом же если бы я остался в Москве, а то бог весть. Покуда не мешает пожить и в Пензе годок, другой: и не увидишь как пройдет это время; мы не старики, нам нечего скушиться на года. Мне и самому весьма бы хотелось, чтобы ты служил в Москве, да что делать, — не всё сбывается по-нашему. Повторяю: нужно 500 рублей, а где их нам с тобою взять?

Ты пишешь, что Папинька ждет от меня письма, чтобы прислать мне денег, что и Лукерья Савельевна то же. Благодарен им, только писем не будет. Кто меня любит, тот и без писем поспешит мне помочь, зная мою, можно сказать, кровную отчаянную нужду, и не доведет меня до необходимости просить; в противном же случае я ничего не требую и не прошу: я сумею умереть с голоду, не плача и не жалуясь ни на людей, ни

* Последнее слово дописано К. Г. Белинским.

на судьбу; скорей переломлюсь, но не погнусь. Лучше под окошками просить милостыни у чужих людей, нежели докучать просьбами своих. Я знаю, что у маминьки нет денег; она прислала мне, может быть, последний свой талер и отказала себе в чашке кофею, единственном удовольствии и единственной роскоши, которая для нее возможна, хотя я не только не просил у нее ни копейки, но даже уверял ее, что ни в чем не нуждаюсь: это мать! Такое вспоможение умиляет душу и врезывается в памяти сердца неизгладимыми буквами...

БЕЛИНСКИЙ

Рисунок В. И. Лебедева, 1947 г.

Собрание художника, Пенза

Мое дело стоит. Карташевский — подлец, каких мало; если ты брат мне, моли бога, чтобы мне не пришлось служить под таким милым начальником. Писал к подлецу, чтобы возвратил мне мои бумаги; полтора месяца — и нет ничего. Теперь посылаю форменную просьбу, чтобы возвратил документы. Не знаю, долго ли мне еще мучиться.

О намерении Пашиньки лишить Никанора всякого образования, всякого просвещения и сделать из него нечто похожее... скажу тебе, что сему не бывать, пока я дышу. Я знаю, что все это значит. Мне не удалось получить ученого диплома, так зачем и Никанору учиться, тем более, что оставить его невеждою и негодяем гораздо дешевле, ибо деньги, которые бы нужно было употребить на его воспитание, можно отложить на сладкую водку, на перцовку, да еще кое на что...

Маминьке писать мне нечего, да притом же мне и скучно и грустно ввергать ее в новые горести каждым новым письмом. Прошу ее только о том, чтобы она берегла себя: может быть для нас еще и блеснут красные дни...

Никогда не чувствовал я так живо неудобности моего положения. О! если бы я остался в милой, родимой Москве, тогда бы все пошло иначе! И ты и Никанор были бы со мною, а, может быть, и прочие... ты понимаешь?.. Но теперь!..

Засвидетельствуй от меня почтение Бабушке, семейству Петра Петровича. Катерине Петровне скажи, что я получил ее письмо, но писать к ней не могу: дел чортова пропасть. Кланяйся также Ивану Осиповичу и Варваре Савельевне¹. Нашим домашним тоже поклон. Прости!

P. S. Если имеешь случай доставать Телескоп, то гляди в оба: скоро будет там помещена моя оригинальная статья: Т о с к а². Также мои переводы в 5, 13 и 14 № под рубрикою В. Б.

Твой брат

Виссарион Белинский

Надпись о получении: Получено 1833 года, ноября 18 дня в субботу.

¹ Иван Осипович и Варвара Савельевна Каменские. См. о них прим. к письму № 7.

² «Оригинальная статья» Белинского под названием «Тоска» в «Телескопе» 1833 г. не появлялась. Ср. о ней в наст. томе в разделе «Трибуна». В № 5 «Телескопа» 1833 г. переводов Белинского также не обнаружено. В №№ 13 и 14 была напечатана переведенная Белинским статья «Нынешнее состояние музыки в Италии (Письмо Энтузиаста)» (I, 96—102).

84. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1833 года, ноября 23 дня

Письмо твое, любезный брат Виссарион Григорьевич, от 8 ноября я имел удовольствие получить 18 числа оною месяца, за которое и благодарю тебя и скажу, что сколько я сперва обрадовался ему, столько, напротив, был огорчен тем, что ты по сию пору еще не определился никуда и претерпеваешь большую нужду в деньгах, коих, к величайшему моему несчастью, у меня нет, а хотя и были известные тебе два талера и целковый, но они издержаны на необходимые мои нужды, и потому я не могу тебя ссудить оными. Жалованья я за прошедшую треть получил 8 рублей, из коих 4 р. ас. вычтены в казну за пачпорт. За офицерский чин должен внести в Казначейство 35 р. ас. 34¹/₄ коп. Хотя и будут вычитать из жалованья, но это все должно продолжаться с год, а потому я теперь и не могу переходить в Пензу.

Маменька также бедна деньгами, а к тому ж еще много и задолжала кое-кому, а у папеньки хотя и есть всегда деньги, ибо он одних прогонов получает иногда вдруг по 15 и 20 рублей, но он нам отец только по рождению... Ах! Это слишком горестно для нежного сердца. Однажды он сказал маменьке, что не будет писать тебе до тех пор, когда не услышит от тебя... что ты определился к должности. Бабушка, тронутая твоею участию, посылает тебе 5 рубль ассигнациею. Маменька дала торговке продавать кое-какие мелочи, но из коих ничто еще не продалось, и потому ей нечего тебе послать; я тоже дал продавать кое-какие ненужные мне книги и две старые, плохие бритвы; ежели они продадутся, то вырученные за оные деньги пришлю тебе.

В письме своем ты поздравляешь меня с получением офицерского чина и желаешь, чтобы счастье по службе и впредь меня не оставляло, за что чувствительно тебя благодарю. Ах, друг мой! Много ты меня огорчил тем, что я не могу теперь служить в Сенате, а должен ехать в Пензу. Увы! Прости, любезная Москва, мне не видать тебя, белокаменная! Ах! Недаром я, выезжая из тебя, плакал неутешно, как младенец, которого лишают матери. Ничто не может быть справедливее сих слов, сказанных почтеннейшим нашим поэтом: что сердце в нас — вещун;

я сам то испытал, когда мои стихи в журналы посылал. Меня одно то много утешало, что я увижусь с тобою, мой любезный, буду жить вместе с Алексеем Петровичем и Дмитрием Петровичем и служить в Сенате или где уженибудь, только бы жить в любезной Москве. В августе месяце я писал к А. Е. Иванову и просил его постараться приискать мне в Пензе для служения место, жалованья которого достаточно бы было для содержания себя умеренным образом; он два месяца молчал, наконец, прислал с Декартовым ответ или, лучше сказать, отказ, сказанный под личиною дружбы. Вот каково надеяться на друзей, которые по одному приличию употребляют священные слова: л ю б е з н ы й д р у г, — а между тем не имеют понятия о дружбе.

Именно подлец Карташевский. Как! Взявши просьбу и бумаги и обнадежив местом и до сих пор не присылает никакого решения, несмотря и на письмо твое. Он, как начальник Белорусского учебного округа, мог бы и без всяких просьб и бумаг дать тебе место учителя. Это от него зависит. Ах, люди! Люди! Кто постигнет вас! Раиса Николаевна едет скоро в Москву, и с нею-то маменька пришлет тебе <...> чайку, сахарку, да еще кое-что. — Когда уж ты определишься к должности? Твое положение много нас огорчает; проси хоть профессора Надеждина, чтобы он постарался определить тебя в Московской губернии, в городах коей много вакансий учительских, что я знаю чрез Московские Ведомости.

Очень желал бы прочесть твою оригинальную статью Т о с к у, равно и переводы, помещенные в Телескопе, которого в Чембаре нигде не достанешь. И потому прошу тебя покорно прислать с оказией означенную статью, ежели ты желаешь доставить мне удовольствие. Трагедия, Магдалина и переводы, простите! Мне вас не читать.

Я не понимаю, что тому за причина, что я не слышу ничего об Алексее Петровиче и Петеньке и не вижу ни строки от Дмитрия Петровича. Уж не сердятся ли они на меня за что-нибудь? Кажется бы, не за что. Я, с своей стороны, всегда их помню, люблю и даже уважаю, и сделанного ими тебе благодеяния я никогда не забуду, а при случае сам постараюсь оказать им услугу. Хотя они и забыли меня, но ты все <же> им поклонись от меня. Что сделалось с нашим папенькой: он и видеть никого нас равнодушно не может. Никанору дал такую волю, что хочет, то и делает, маменька ругает дьяволом, сестру бьет, меня ругает. Ежели бы тебе удалось быть у нас в доме, то ты бы посмеялся, потужил, пожалел и с сердцем вышел бы из дома.

Я сижу вечером в кабинете и пишу к тебе письмо; вдруг приходит маменька с Никанором, который, помирившись с нею, пришел мириться со мною и спросил у меня Басни К р ы л о в а, которые я ему и дал. Помирился, да, кажется, не надолго: он и прошлого года осенью так же было помирился, но после вскоре за прежнее принялся. Пожалуйста, пиши с почтой и уведоми о себе: получил ли ты от Карташевского бумаги или выхлопотал тебе место. А лучше бы всего было, когда бы ты остался служить в Москве. Я часто прошу бога об этом. Лучшая самая надежда на него. Остаюсь твой брат

Константин Б е л и н с к и й

Домашние наши все тебе кланяются. О получении сих денег уведоми скорее.

Приписка М. И. Белинской:

Милый мой Виссарион Григорьевич, жалею и сострадаю о тебе, мой милый друг души моей, и что ты о сю пору не получил места; это я грешная, за мои грехи господь наказывает и вас; молюсь и прошу, но господь не услышит моей молитвы. У меня нет ни копейки, рада бы тебе помочь. Должна слишком шестьдесят рублей, а дохода получила в сентябре от жалованья

отец дал 11 рублей, да нынче свиней продала за 12 рублей, немножко заплатила, а еще 40 рублей осталась должна. Сашенька вышила бисерный кисет для жениха и вздумала продать Лукерье Савельевне, а деньги еще не получили, и не знаем, сколько соблаговолит прислать; надеемся, что не обидит, но сестра твоя жалеет тебя в теперешнем положении и заняла 5 рублей насчет будущего благополучия и посылает тебе, мой друг, не обижайся малою жертвою. Прощай, остаюсь мать твою

М. Б е л и н с к а я

1833 года 23 <ноября>

На первой странице надпись рукою Белинского: Получено декабря 12 дня.

85. Е. П. ИВАНОВА — БЕЛИНСКОМУ

Керенск, 14-е декабря <1833 г.>

Вы что так замолкли, любезный Виссарион Григорьевич! Что с вами делается? Не случилось ли чего-нибудь новенького? Пожалуйста, уведомьте. Вы давным-давно ничего ко мне об себе не пишете, вы для меня такая загадка, которой я никак не понимаю. Я воображаю большую перемену в характере вашем, в мнениях, в суждениях, в положении жизни вашей — одним словом, я думаю, что вы совсем для меня новы, и потому прошу вас меня познакомить с собой, прошу вас описать мне все: где вы намерены жить, где служить, надеетесь ли вы, что прежнее намерение ваше ехать в Белоруссию исполнится? Или почему столько времени оно не исполняется? К чему вы нынче равнодушны и что вас теперь особенно занимает? Все, все пишите откровенно, подробно; пожалуйста, исполните мое желание, не лишите меня этого удовольствия.

Нас много удивило, что наш знакомый Б <нрзб> <ни> разу вас не видал. Мы знаем, что вы в Москве, но неужели не вместе с нашими? Это для нас очень странно.

Что вам сказать еще, право, не знаю? Об себе нечего, я все та же, в о м н е н е в и д н о п е р е м е н ы. Чтением я нынче так бедна, что даже принялась от скуки за старинные романы госпожи Жанлис. А журналов нынешнего года ни одного и в глаза не видала, кроме Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду. А вы, я думаю, зачитались книг и новостей.

Об семействе вашем ничего не могу сказать, потому что вот месяца два не получаю ни одной строчки от К <онстантина> Г <ригорьевича>, да о Чембаре ничего нам давно не слышно. Красовские в Москве и, вероятно, вы с ними нередко видите; пожалуйста, поклонитесь от меня Александре Николаевне.

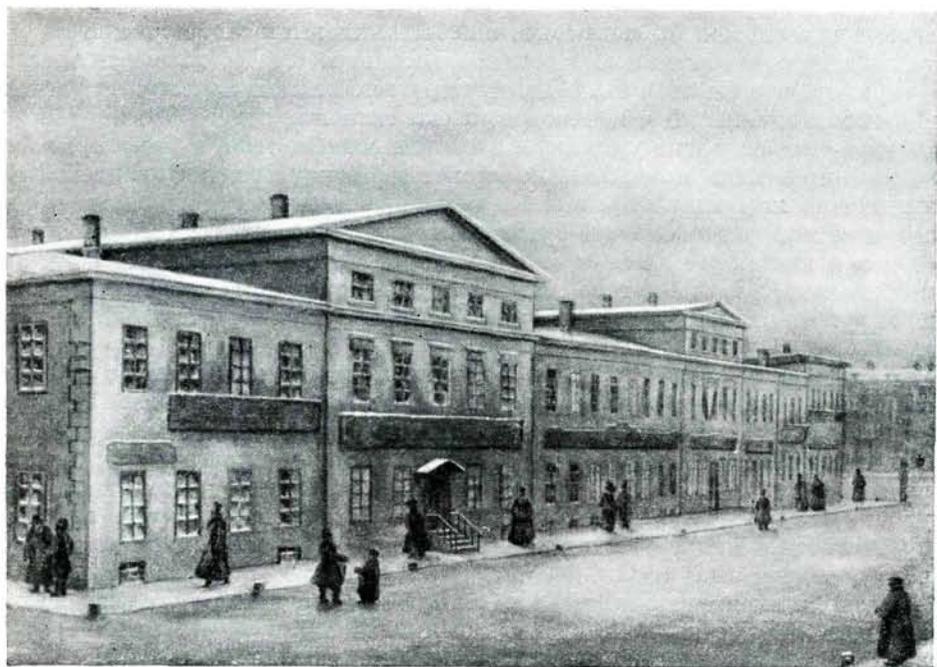
Прощайте, желаю вам скорее устроиться к хорошенькому местечку и, оканчивая мое письмо, я вас прошу о том же, о чем просила в начале оною, искренно уважающая вас

Катерина И в а н о в а

86. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1834 года, января 4 дня

Письмо твое от 15 декабря, любезный брат Виссарион Григорьевич, я имел удовольствие получить 23 числа того месяца, за которое и благодарю тебя, что ты не замедлил уведомить о получении письма и денег ¹. Все бы хорошо, только то, что ты по сие время никуда не определился, это-то самое и огорчает меня... Скоро ли уж ты определишься к должности-то? Когда уж ты напишешь нам, что ты определен к месту, что ты доволен им, что ты счастлив, спокоен духом... То-то бы порадовался я! <...>

ДОМ ВАРГИНА НА ТВЕРСКОЙ УЛИЦЕ В МОСКВЕ. ЗДЕСЬ В 1834 Г. ЖИЛ БЕЛИНСКИЙ
 Реконструкция Б. С. Земенкова. Анварель, 1948 г.
 Собрание художника, Москва

Уведомляю тебя, что 6 сентября ночью был пожар в Покровской улице, в коей сгорело 10 дворов, хлеба тысячи на три. Вот сцена-то была! Я не знаю, чье бы сердце было столь нечувствительно, чтобы при виде сего плачевного зрелища не содрогнулось, как всепожирающий огонь, миновав дома тех хозяев, у коих сгорел хлеб, пожирал последнее достояние земледельца, а особливо при нынешней дороговизне жизненных потребностей.

Ты не согласишься, любезный брат, у нас мука ржаная пуд 270 коп., пшено 4 р. ас. мера, гречневая крупа 3 р. ас., овес 120 коп. мера, сена пуд 1 р. ас. Вот года-то пришли! Бывало, рожь четверть продавалась по 3 и 4 р. ас., а ныне 25 р. ас. Вот какая стала противоположность во всем против прежних цен. У нас в Чембаре ныне только и говорят о дороговизне хлеба...

Еще 28 октября ночью в 12 часу случился пожар у мещанина Бодрова, у коего загорелся сарай; к счастью нашему, что ветер подул на площадь и был пред этим дни за два сильный дождь, отчего добычею огня сделался упомянутый сарай, лошадь и некоторые вещи хозяина. Мы все вытаскивали из дома. Маменька от того испугалась, что получила сильный кашель, бегая по улицам с образом. Когда я ездил в Воронеж, то дорогою часто видел в стороне пожары. Одно село расстоянием от Тамбова на 20 верст, под названием М а л а я Л и п о в и ц а, почти все выгорело, и когда я подъезжал к оному, то жители его толпами попадались на дороге к Тамбову, и по спросу моему узнал, что они ходили к губернатору для испрошения себе от него помощи, ибо они лишились всего достояния. Каково положение!..

Что ты, любезный братец, не уведомляешь нас никогда, в какое именно число получил ты письмо и деньги, также почему ты не написал побольше

письма и уведомил бы подробнее о себе. В письмах своих ко мне ты требуешь всегда, чтобы я писал к тебе обстоятельнее, а сам сего не исполняешь. Например, что бы тебе было не ответить мне на мою просьбу о присылке мне твоих сочинений и переводов, а сам пишешь, отчего я о мордовском словаре² ни слова не упомянул в письме моем к тебе, и, во-вторых, что не уведомил тебя, когда именно поедет в Москву Раиса Николаевна. На это тебе скажу, что ни я, ни она и маменька не можем этого знать, ибо человек не может располагать будущностию, а ему дано только право пользоваться настоящим. Так и г. Кругликова не знает наперед, когда она может ехать, ибо она хотела еще до рождества Христова отправиться в путь, но вдруг сделалась больна сестра ее, г. Жилинская, и потому она не могла ехать.

Маменька не может даже и дожидаться того вожделенного времени, когда ты определишься в Москве учителем, ибо она... избавилась бы баловня Никанора, который каждодневно ее огорчает, особливо когда папенька бывает в округе; сестру ругает, а иногда и бьет, меня как можно хуже поносит, не стыдясь никого; книги, которые ты ему прислал, отдал, как я узнал, Ивану Чембулатову за голубей. Из сего можно заключить, что он будет впоследствии. Утешительная надежда!.. Вот слабость родителей до чего доводит детей своих.

Уведомь меня, пожалуйста, как ты провел праздник: у кого обедал в первый день рождества Христова, где был во второй и весел ли был, получил ли ты от г. Карташевского свои бумаги или поедешь в постылую Белоруссию. Ах, друг мой, как бы я был доволен тем, ежели бы я определился служить в Сенат или куда уже нибудь, только бы жить в любезной Москве и с тобою. Ах! Это одно доставляет мне тысячу наслаждений, когда я мечтаю об этом... Извини, друг мой, что я по сих пор не присылаю тебе мордовского словаря: праздники, дела по суду и проч. не дают мне время съездить в Мордву. В нынешнем месяце непременно постараюсь прислать тебе с первой оказией.

Н. Л. Григорьев был у нас в доме по приезде своем из Москвы в 7-й день, в среду поутру, и рассказал о твоём житье-бытье в белокаменной Москве, много утешил и обрадовал маменьку и меня, а особливо тем, что тебе господин Надеждин обещал дать место учителя; а известием о твоём отъезде в С. Петербург удивил нас несколько и тоже порадовал³. Одним словом, г. Григорьев то о тебе говорил, что бы то все, дай бог, была сущая правда и сбилось. Уведоми, пожалуйста, подробнее о твоих делах, о месте службы.

Папенька послал о себе во Врачебную управу формулярный список о представлении его куда следует, о награждении за 20-тилетнюю беспорочную службу в офицерском чине пряжкой. Гороховский, К. Исаев, Субочев, Холопов и Очкин (заседатель) получили пряжки.

Уведоми меня, не читал ли ты нового произведения г-на Загоскина, а именно: повесть Аскольдова могилы и лучше ли оно прежних его двух романов.— Нельзя ли тебе будет, любезнейший брат, достать в Москве шпагу и прислать мне с И. А. Ляминцовым, ибо у меня есть форменный сюртук, который ныне запрещено имеющим классные чины носить без шпаги и шляпы, а не имеющим и подавно. Я это потому осмелился просить у тебя, в надежде, что в Москве за бесценно можно купить порядочную шпагу, и потому это тебе не составит большого счета. Я при случае сам постараюсь услужить тебе по силе возможности.

У нас в Чембаре учреждена при Городническом правлении по предписанию пензенского гражданского губернатора и кавалера Панчулидзева временная комиссия продовольствия о снабжении казенных поселян хлебом, нуждающихся в оном, но только заимообразно. то-есть: каждый при взносе податей за первую половину сего года должен внести четвертую

часть за хлеб. Впрочем, о сем подробнее можешь знать из изданных Министерством внутренних дел правил.

О Дьячковых скажу тебе следующее: вздумали они сочинить небылицу, что будто бы я буду играть домашним театром комедию князя Шаховского: Не любо — не слушай, а лгать не мешай, и по ей роль графа я будто бы хотел представлять, а проч. семейство Великопольских, Поспеловых и Анфельцовых, и о сем везде болтают длинными своими языками, которые бы давным-давно надо бы обрезать... Вот каковы гг. Дьячковы, ай-да молодцы, ребята; пословица русская говорит: от безделья и то рукоделья <...>

В заключение сего поздравляю тебя с Новым годом и желаю, чтобы ты определился к должности и был бы спокоен, и прошу, чтобы ты с Ляминцовым писал ко мне и папеньке больше и уведомил бы подробнее о себе. Итак, прощай! друг мой, желаю тебе всего лучшего. Остаюсь брат твой

Константин Белинский

Р. С. Поклонись от меня Павлу Яковлевичу <Петрову>, да пожалуйста же. На первой странице надпись рукою Белинского: Получено 14 дня Генваря.

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает о своей поездке к Л. С. Владыкиной и чембарские новости.

Упоминаются: Анфельдовы, Г. Н. Белинский, Брычевы, Л. С. Владыкина, Кутьнов, А. П. Кутьнова (Мосолова) и Синенковы.

¹ Письмо Белинского к брату от 15 декабря 1833 г. до нас не дошло.

² Мордовский словарь, составлявшийся К. Г. Белинским и высланный при письме от 20 января 1834 г.

³ Поездка Белинского в Петербург в 1834 г. не состоялась (см. ниже письмо Белинского № 88).

87. М. И. БЕЛИНСКАЯ — БЕЛИНСКОМУ

<Чембар, 7—15 января 1834 г.>

Милый мой Виссарион Григорьевич. Поздравляю тебя с новым годом, с новым счастьем, дай бог, чтобы ты устроил себя к должности и был бы счастлив, то-то я бы порадовалась <...> Меня совершенно успокоил Николай Львович <Григорьев> насчет тебя, я и поплакала и порадовалась <...> Маменька, бедная, нездорова кашлем четвертый месяц, поговори пожалуйста, мой друг, с каким-нибудь лекарем об ее болезни, у ей кашель не сухой, с мокротой, но мокрота худо отделяется и в горле хрипит; я слыхала, для очищения мокроты хорошо принимать золотую серу; попроси рецентик и купи в аптеке и пришли с Ляминцовым, удружи бабушке-то, сделай милость, мой голубчик, она не забудет твоей добродетели и, верно, вознаградит; или не порошков ли выписать от кашлю, еще раз тебе повторяю, выполни мою просьбу. Ты знаешь, что в Чембаре нет лекаря для нее. Еще тебя прошу, мой друг, потрудись сходить в серебряные лавки и справиться или прицениться об образе в серебряной ризе, мерою в пять вершка, а шириною в четыре вершка, или длиною в четыре с половиною, а ширины в три вершка. Отбери последнюю цену и уведомь меня непременно, прошу тебя, приказываю и повелеваю так, как мать, выполнить мои просьбы. Ну, пожалуйста же, узнай и напиши. Прощай, мой друг, желаю тебе быть здоровым, благополучным и получить, чего ты желаешь. Остаюсь мать твоя

Марья Белинская

В опускаемой части письма М. И. Белинская сообщает Белинскому об отправлении ему посылки; жалуется на поведение сына Никанора.

Упоминаются: А. Г., Г. Н., К. Г. и Н. Г. Белинские, А. Данилова, Ляминцев, А. Никифорова и И. Федоров.

88. БЕЛИНСКИЙ — К. Г. БЕЛИНСКОМУ

Москва, 1834 Января 19 дня¹

Любезный брат, Константин Григорьевич, пишу к тебе, чтобы отвязаться от докучных просьб Ляминцева; а право не хотелось бы. Просьбы маминькиной касательно бабушки при всем моем желании теперь исполнить не могу: нет ни копейки денег; а имею в предмете. Если бы Ляминцев поехал в понедельник или вторник, как и говорил он прежде, то я непременно прислал бы с ним 24 порошка, которых прекрасное действие над кашлем я несколько раз испытал над самим собою, и рецепт коих уже прописан Авениром Ивановичем. За небольшим дело стало: нет денег. И потому оставляю себе это приятное удовольствие услужить бабушке до приезда Раисы Николаевны. Я думаю, что она приедет с чембарскими извозчиками; с ними-то я пришлю письмо пообстоятельнее, равно как и лекарство, которое непременно достану. А теперь прошу не погневаться: чем богат, тем и рад. Белье получил. Как жаль, что оно шито не по тебе, а поэтому и ужасно изуродовано, ибо много не в пору; ноги по колена, а верхняя часть до шеи! Впрочем благодарю и за это; ценю усердие, а не исполнение. Бога ради Мордовский Словарь: как тебе не стыдно! Пожалуста, поскорее! Благодарю тебя за письма. О Никаноре, бога ради, не пиши ничего: мне и без него тошно... Сам ты не выходи из Чембара до времени: через месяц, много-много через два участь моя решится; я надеюсь остаться в Москве. Как скоро устроюсь мало-мальски, тогда катая ко мне с мерзавцом Никанором: мне не трудно будет определить тебя в Москве. В Петербург не еду. Прощай!

Твой брат В. Белинский

Надпись о получении: Получено 1834 года, февраля 17 дня, в субботу.¹ Это письмо является ответом на письма брата от 4 января 1834 г. и матери начала января 1834 г., №№ 86 и 87.

89. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1834 года, января 20 дня

Любезнейший брат

Виссарион Григорьевич!

Посылая тебе с сотню мордовских слов, прошу у тебя в том извинения, что я до сих пор не мог исполнить твою просьбу и что я и теперь посылаю тебе толь мало оных, причину сему я объясню тебе следующим: 8 января я собрался ехать в Донцино, в которое и приехал и остановился в доме оспенника¹ Ивана Нефедова, который по-русски говорит плохо, а читать и писать и подавно не знает; а потому он, сказывая мне мордовские слова, много ошибался в произнесении, по чему самому хотя и написал было сотни 4 с лишком слов, но в прошедший четверг приезжал на базар и приходил к нам известный тебе Карсаевский Никита, который учился у меня писать, которому я, показав означенные слова, просил его по прочтении поправить ошибки, коих он хотя несколько и исправил, но всех не мог по той причине, что его дожидался отец на базаре. Вот мое оправдание самое справедливое, и ежели я хотя в одном слове солгал, то не будь я твой брат. Довольно ли этого? Мне и самому много огорчительно то, что я до сих пор не могу исполнить твоей просьбы со всею аккуратностию, как ты мне писал. Я непременно постараюсь исполнить в скором времени.

Посылаю тебе копию с указа Пензенского губернского правления, коим дано знать о награждении меня чином коллежского регистратора <...>

Маменька, упавши в сених на бок, отчего оный болит, и она лежит в кабинете; она посылает тебе две манишки, чаю немного да гуся, которого на здоровье с своими друзьями-благодетелями и скушай. Пожалуйста,

пиши с Ляминцовым к нам о себе подробнее, а особливо о службе в Москве, то-есть: в ней ли ты будешь служить или в Белоруссии и надеяться ли мне, что я буду служить в Москве и жить с тобою... Пожалуйста, уведоми подробнее: право, твое молчание слишком неприятно для нас. Засвидетельствуй мое искреннее почтение Алексею и Дмитрию Петровичам и поцелуй милого Петеньку. За сим, пожелав тебе доброго здоровья, остаюсь с истинным братским расположением

твой брат К. Белинский

В опускаемой части письма К. Г. Белинский подробно описывает обстоятельства, при которых он узнал о получении им чина коллежского регистратора; сообщает об издании указа о пособия канцелярским чиновникам по случаю неурожая.

Упоминаются: Г. Н. и М. И. Белинские, К. Великопольский и П. Д. Юрьев.

¹ «Оспенниками», по свидетельству Д. П. Иванова, «назывались мальчики, присылавшиеся попеременно от казенных крестьян и помещиков для обучения оспопрививанию» («Письма», III, 400).

90. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар.⟩ 22 января ⟨1834 г.⟩, утро, 9-й час

Лишь только 21 числа я лег спать и толь было заснул, как сказали, что горит Казначейство; поспешно вставши, оделся и побежал опрометью в Земский суд, в коем нашел все благополучным, а в Уездном суде (но не в Казначействе) от топившейся в присутствии печи загорелись близлежащие дела и сундук с оными и деньгами, отчего весь оный суд наполнился дымом, и ежели бы скоро не подошел сторож того суда, то бы не миновать половину городу сгореть. Начали бить в набат, народ бежал толпами, городничий пришел, и начали досками выбивать рамы для выхода дыма,

СЦЕНА ИЗ СУДЕБНОГО БЫТА

Литография 1850-х гг., изд. А. П. Руднева, Москва

Исторический музей, Москва

который затруднял дыхание. К счастью, скоро затушили, но деньги сгорели, коих было 300 р. ас., из коих нашли только 26 коп., ищут их и искали, но не знаю, найдут ли. Городничий сказал расходчику Покровскому, что заплатит свои. Вот несчастье-то! Весь Уездный суд должен будет отвечать за неосторожность, а секретарь за то, что не завел дежурных и дневальных, из коих последний должен бы ночевать в суде.

Маменька пеняет тебе за то, что ты обещался писать на праздник и не писал, а она и я каждую почту ждем писем. Это худо!..

Впрочем, маменька все-таки свидетельствует тебе почтение, равно как и домашние наши, кроме папеньки и мерзавца Никанорки, который только буянит и тебя уже не боится, а папенька занимается делами Бахуса: попивает сивушку, ворчит, бродит и не дает по ночам маменьке покоя, который ей столь при болезни нужен. Вот тебе домашние наши дела. Скоро ли я избавлюсь к а з е н н о г о к о ш т а? Ах! Кто бы знал, как много иногда переносу я, а особливо от щенка Никанорки, который меня и нахлебником-то величает, и трутнем, и кос..., и, и всего не вспомнишь. Каково это! Друг мой, ради самого бога, прошу тебя, определяйся скорее куда-нибудь, только утешь маменьку и порадуй меня... Докудова мне еще жить у отца и сносить обиды... Кланяйся всем, кто меня знает и помнит за что-нибудь, а друзьям нашим особенное мое почтение. Прощай. Пиши ко мне... с Ляминцовым как можно больше <...>

Твой К. Б е л и н с к и й

В опускаемой части письма К. Г. Белинский просит сообщить о получении посылки.

91. БЕЛИНСКИЙ — М. И. БЕЛИНСКОЙ

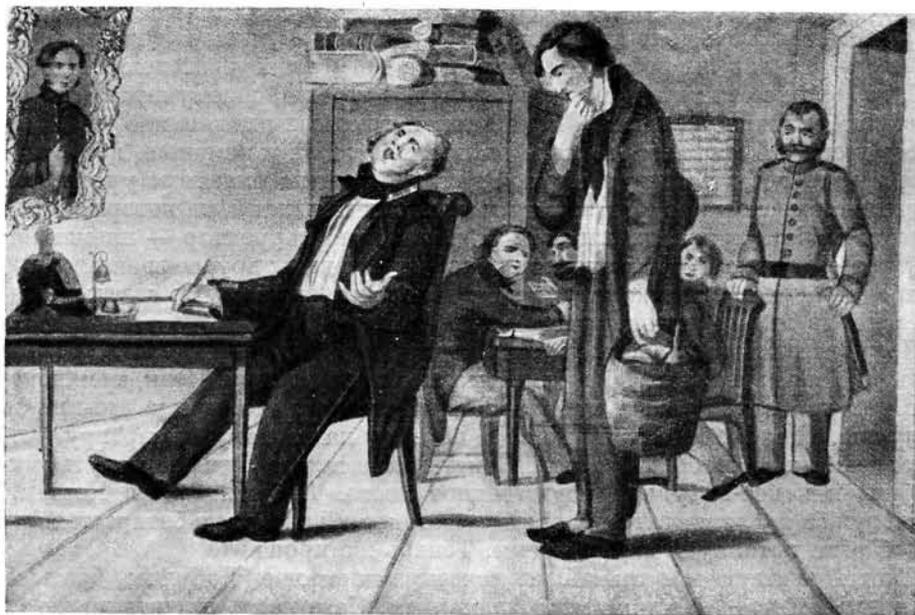
Москва, 1834 года, мая 25 дня

Любезная Маминька!

Скажите, бога ради, что у Вас там делается? Живы ли Вы, здоровы ли? Слишком три месяца я не получаю от Вас ни строчки; уж не случилось <ли> с Вами какого-нибудь большого несчастья, о котором Вы боитесь меня уведомить? Что делает Константин? Не стыдно ли ему не писать ко мне хотя раз в три недели? Бога ради, успокойте меня поскорее: я не на шутку начал беспокоиться; у меня и своего горя довольно, а Вы своим молчанием еще больше усугубляете его. Я не писал к Вам так долго потому, что все от Вас ожидал письма; наконец, терпенья моего не стало.

О себе скажу Вам, что я получил, наконец, мои бумаги от подлеца Карташевского; они были у него затеряны; наконец, он нашел их и приехал к Надеждину на Фоминой неделе. За мое терпение предлагал мне чрез родственника своего <С. Т.> Аксакова место лучшее того, какое я просил прежде; но сами посудите, можно ли служить под таким любезным начальником? К тому же я не расстанусь с Москвою ни за все блага в мире.

Потом скажу Вам, что я живу на своей собственной квартире и занимаю прекрасную отдельную комнатку, за которую вместе со столом и чаем плачу сорок рублей ассигнациями. Я имею две кондиции: приготавливаю из словесности к поступлению в Университет двух молодых людей¹. С первой кондиции получаю 40 р. ас., в месяц, а со второй по 3 р. ассигн. за урок и даю два урока в неделю. Эти-то кондиции и дали мне возможность нанять квартиру. Живу я теперь на Тверской улице, почти против дома генерал-губернатора, в мезонине, который составляет собою третий этаж огромного дома Варьгина. Полученные мною за перевод недавно около 200 рублей дали мне средства обзавестись необходимою мебелью, как-то: кроватью, столом, постелем, ширмами, стульями и проч., кое-каким бельем, платком, необходимыми книгами и прочими вещами. Однако, несмотря на то, все-таки сию без денег, несмотря на крайнюю расчетливость, уме-

СЦЕНА ИЗ СУДЕБНОГО БЫТА

Литография 1850-х гг., изд. А. П. Руднева, Москва
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

ренность и экономию, и терплю недостаток во многих вещах. Теперь подумываю, как бы еще достать месяца на полтора работки ста на три; тогда бы совсем поправился и зажил бы паном. Я вне себя от восхищения, что нанял квартиру, где тишина и уединение дают мне совершенную возможность заниматься науками. Вы не можете представить, чего мне стоило обременять собою А〈лексея〉 Петровича, который, как Вам известно, и сам живет с нуждою пополам и кое-как сводит концы с концами. Притом же теснота и многолюдство совершенно лишали меня средств заниматься. Теперь я начинаю дышать посвободнее, начинаю отдыхать от тяжелой ноши горестей и бесперерывных бед, под тяжестью которых чуть было не утратил совершенно и душевного и телесного здоровья.

Вы, может быть, спросите: а что ты не определишься к месту? В Москве нельзя занять учительского места, а куда-нибудь, не только в уезд, но даже и в губернский город, я ни за что не поеду; скорей умру. Теперь же дожидаясь вакансии на место одного корректора в Университетской типографии, который едет в Петербург определяться по гражданской части. Я было чуть не попал в корректоры, да пока ждал бумаг от Карташевского, места заняли перед самою пасхою². Если бы я получил мои бумаги на 2-й или 3-й неделе поста, то был бы теперь при месте. Должность корректора состоит в том, чтобы выправлять корректуру печатаемых в Университетской типографии книг; жалованья — 700, квартира, дрова, да сверх того, так как за каждый выправленный лист полагается корректору 30 коп., то в конце года иные, которые поприлежнее занимаются своею должностью, получают рублей по 300, по 400, по 500 и более в виде награждения; а чины — чинами. Всех корректоров 7; есть действительные студенты, двое кандидатов, из коих один племянник ректора Университета Болдырева. Я с ним нахожусь в приятельских отношениях, и он-то доставил мне работу, за которую я получил слишком 200 руб. Когда я определюсь на это место, то кроме верных 1200 руб. (полагая сюда квартиру, дрова, свечи и плату за поправку) я могу продолжать мои кондиции, занять другие и

сверх того заниматься переводами, ибо свободного времени от должности — пропасть. Теперь вы поймете, отчего я не могу ехать учителем в какой-нибудь город, хотя теперь могу это сделать в неделю, почему я так дорожу Москвою. У меня теперь две кондиции, и то самые плохонькие, но я надеюсь в скором времени добиться других побольше и получше, ибо в Москве трудно достать одну первую. Здесь так хорошо платят за уроки, что кандидаты московские отказываются от таких кондиций, за которые предлагают по 5 р. ассигн. за час. <В. С.> Межевич (корректор — племянник ректора) получает с своих уроков рублей по 40 в день; другие знакомые мне кандидаты тоже. Я не кандидат и не действительный студент, так не побрезгую не только пятью рублями, но 4-мя.

Получение места зависит от Надеждина, он обещает мне его. Он очень ласкает меня, и я надеюсь на него, как на каменную гору. Итак, маминька, вот Вам на первой раз; в следующий надеюсь написать еще что-нибудь получше. Как скоро получу место и перейду на казенную квартиру, тотчас возьму к себе обоих братьев. Константина можно будет впахнуть как-нибудь в какое-нибудь присутственное место. Я бы желал в Почтамт: там служба трудная, зато хорошее жалованье и наградные беспрестанные; но об этом потолкуем в свое время. Теперь же прощайте.

Свидетельствую мое нижайшее почтение папиньке, Бабушке, братьям, сестре, всем родным, домашним и знакомым. Бога ради, пишите поскорее. Погода в Москве гадкая: дождь беспрестанный, солнца видим мало и холод, словно как в октябре. Уведомьте, какова у Вас, каковы хлеба и пр. Остаюсь искренно любящий Вас сын Ваш

Виссарион Б е л и н с к и й

Письма попрежнему адресуйте на имя Алексея Петровича прямо в Сенат или на квартиру его.

¹ Одним из этих молодых людей был, вероятно, К. Д. Кавелин.

² О попытках Белинского получить место корректора см. ниже в его письме от 17 августа 1834 г., № 101. Ср. в настоящем томе публикацию «Эпизод из биографии Белинского».

92. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1834 года, июня 3 дня

Любезный брат и друг
Виссарион Григорьевич!

Письмо твое к маменьке от 25 мая я получил с почты 2 июня, которое в тот же час прочел ей и Федосье Степановне, которая находится теперь у нас. — Мы очень обрадовались тому, что ты, благодаря бога, здоров, хотя и не определился еще к должности, но живешь на своей квартире и имеешь хорошие кондиции, которые доставляют тебе свой кусок хлеба... Чрез подлеца Карташевского ты лишен должности корректора, которая, по моему мнению, выгодна, и потому старайся, как говорят, всеми силами к оной определиться и перетащить меня в родимую Москву, которая меня всем занимает... Я об этом только и прошу бога. Ты пишешь, что ты ожидал письма от нас и начал даже беспокоиться, не случилось ли у нас какого-либо несчастья, о котором мы боялись тебя уведомить. На это тебе скажу, что, в свою очередь, мы ожидали от тебя письма, коим бы ты нас уведомил о своем поступлении к должности; но, к несчастью, ожидания наше осталось тщетным, хотя я с самого великого поста первой недели ходил в почтовую контору справляться о письме; но ныне, к неожиданному моему благополучию, получил от тебя письмо к маменьке, но ко мне ничего не пишешь <...> Прошу тебя, друг мой, постараться как больше

для тебя, маменьки и меня хлопотать о месте должности, без которой плохо жить, хотя ты и имеешь две кондиции, но они не могут быть так прочны, как служба царю.

Для чего ты, уведомляя нас, что ты перешел на квартиру, не пишешь, когда ты сошел от Алексея Петровича, и того, за какой именно перевод статьи или книги получил 200 рублей и кто такой твоей квартиры хозяин. — Вообще ты в письмах своих не обстоятелен, как ты мне писал о моих письмах <...>

Папенька читал сам письмо и рад, что ты достаешь деньги и живешь сам собою, равно и тому, что ты намерен, по устройении себя к месту, перетащить меня в Москву, и велел написать о нем, что он тебя помнит, как сына, попрежнему.

Нельзя ли будет переслать мне твои переводы, хотя перечень их. — Ах, друг мой! Как мне хочется тебя видеть и жить с тобою, только бог один знает. — Я читаю теперь журнал Христианское Чтение, взятый мною у протопопа Студенского.

Бабушка тебе кланяется и желает определиться к месту. Домашние наши тоже свидетельствуют свое почтение и очень желают видеть. Пожалуйста, пиши обо всем подробнее, а особливо о себе, чем много мне удружишь... За сим, пожелав тебе скорейшего определения к должности, драгоценного здоровья и душевного спокойствия, остаюсь навсегда твоим преданнейшим братом

Константин Белинский

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает о получении им правительственного пособия по случаю неурожая; жалуется на трудное материальное положение; передает чебарские новости.

Упоминаются: А. Г. и М. И. Белинские, М. Е. Вишневский, Н. Б. Дихеус, Егор, Д. Е. Иванова, А. А. Мещеринова, А. А. Панчулидзе, Н. Е. Синенков и Д. П. Тужилина (Федорова).

93. Ф. С. ИВАНОВА — БЕЛИНСКОМУ

<Чембар. 4 июня 1834 г.>

Любезный друг

Виссарион Григорьевич.

И я очень радуюсь, что ты понемножку себя устраиваешь в своих делах, и повторяю тетушкины слова, что надейся на бога, а не на людей и себя. Если что будешь начинать к своему благу, то положи в мыслях своих, господи, помози мне, и он тебе поможет. Константин наш правда, что благочестив, который дал мне слово соблюдать седьмую заповедь до женитьбы, а ты квартиру имеешь в магазине, там красоток много, от которых старайся как можно удаляться.

Я живу в Чембаре три недели, с тоски пропала, дожидаясь окончания своего дела с Норовым, и не знаю, когда кончится, все натяжки и плутни присутствующих держат меня. Желая тебе всех благ от бога.

Остаюсь любящая тебя сестра твоя

Федосья Иванова

4 июня
1834 года

94. М. И. БЕЛИНСКАЯ — БЕЛИНСКОМУ

<Чембар, 5 июня 1834 г.>

Милый мой друг Виссарион Григорьевич. Мы получили твое письмо 2 июня, которым ты меня несколько успокоил, но еще не совсем. Тогда я совершенно успокоюся, когда определишься к должности, но я благода-

рила бога и за то, что тебе бог послал кондиции, через которые ты можешь содержать себя; но, милый мой, не сердись, что я тебе посоветую, дорогонько ты занимаешь квартиру — 40 рублей; ты бы нанял рублей в 25, а чай можно держать свои, тебе в месяц не более надобно четверти, а много полфунта, да сахару фунта 2; на наше семейство выходит цветочного чаю фунт в полтора месяца, но у нас редкий день нет чужого человека. Деньги, мой друг, надобно беречь, сохрани бог, по какому-нибудь случаю кондиции кончатся, тогда-то припасенные денжонки и годятся; ты знаешь старинную пословицу: береги денежку на черный день. Еще ты говоришь, что надеешься на Надеждина, как на каменную гору. Не надейся ни на князя, ни на барина, ни на сына человеческого, в них же нет спасения, а надейся на спасителя нашего господя и божию мать и на угодников его. Оттого ты о сю пору не можешь и места получить, что не просишь бога; советую тебе молиться создателю и просить его, он тебе помощник и покровитель во всех твоих делах. Конечно, и добрые люди надобны, но главная-то надежда на бога. Мой Константин христианин истинный, жизнь ведет девственную, не просыпает ни одной воскресной и праздничной заутрени; не просиживает обедни, не пьет вина, экономя, расчетистый, бережливый, тихий, в кротости духа переносит гонения меньшего своего брата и говорит, если бог мне приведет определиться в Москве, то схожу пешком к Сергию Радонежскому чудотворцу возблагодарить угодника божия за определение. Он не надеется на провидение и на природу, а надеется на бога; я на него люблю и восхищаюсь и благодарю бога за ниспослание добродетели моему рождению. Живет между сварливым и буйным родителем и не сбивается с пути добродетели; как отец ругаться <...>, то он сейчас уходит, не может слышать никакой мерзости; меня уговаривает, чтобы я не говорила ничего и отходила прочь.

Ты, мой милый, спрашиваешь, не случилось ли у нас в доме чего-нибудь необыкновенного. Нет, ничего не случилось, все по-старому; отец пьет с месяц умеренно, после этого опять заьет запоем; тут-то мучение наше, хоть все со двора беги <...> А от Никанорки совершенно нет никому житья, всех бьет и ругает <...>

Теперь я тебе о себе скажу. Я с самой осени чувствовала себя нездоровой разными женскими болезнями, но перемогалась. Перед рождеством, за две недели, упала в нужном месте и ушибла бок правый, чувствовала небольшую боль ден с пять; наконец, боль прошла; с рождества стало меня отбивать от скоромной пищи, а с крещенья я себя стала более чувствовать нездоровой, вскоре после этого простудилась сильно, бок мой поднялся снова болеть, и захворала настоящим манером, наконец, слегла, лежала 3 недели и в продолжение болезни разные открывались болезни, и весь великий пост была больна; к страстной неделе стало мне получше, бог мне привел поговеть, а в светлое христово воскресенье приобщиться; дня с четыре походила, да опять слегла с четверга святой недели, лежала полторы недели и была отчаянно больна; маменька плакала день и ночь обо мне, но сама имеет характер отцова — в глазах моих не плакала, а прочие видели ее плачущую, зато так похудела, что ни одно платье не годится, все перешивает, и половины ее не стало. Наконец, собрались барыни навещать меня и стали уговаривать и просить Григория Никифоровича, чтобы он меня начал лечить, с этих-то пор и началось лечение, и мне вскоре стало лучше. Но ты не можешь представить, как я была слаба, как желта, как похудела, меня никто не может узнать, теперь немножко стала поправляться.

Федосья Степановна у нас в Чембаре и в нашем доме уже двадцатый день, хлопочет о земле да с пьяным дядюшкой возится, разнимает бунты, вчерась Дуньку чуть не убил, а он ее начинает поругивать. Прощай,

мой друг, господь тебя да благословит, остаюсь многолюбящая мать твоя

Марья Белинская

1834 года, июня 5 числа

Приписка К. Г. Белинского на полях: От маменьки засвидетельствуй почтение Раисе Николаевне и Александре Николаевне, а от меня Авениру Ивановичу.

В опускаемой части письма М. И. Белинская жалуется на поведение мужа и сына Никанора.

Упоминаются: А. Г., Г. Н. и Н. Г. Белинские и А. Никифорова.

водою

89

Таковъ обыкновенно была печальный конецъ пѣтъ обвиненныхъ, которые не принадлежали къ привилегированному классу; а число первыхъ было гораздо значительнѣе числа послѣднихъ! Если бы мужественная Клодинда была благородною и могущею принцессою, то чудо совершилось бы, и ея невинность была бы провозглашена съ торжествомъ; но, часто говоряшь, человѣческіе законы всѣхъ вѣковъ похожи на работу паука: мѣлкіе мухи въ нее попадаются, а большія свободно ~~пролетаютъ~~ пролетаютъ нее...

съ Франц. В. Б.

V.

А В Т О П И С И

ОТЪ ЧИСТЕСТИННАГО ПРОСВЕЩЕННАГО.

حکایت از زندان بدشاه روس قازان ۱۲۸۸

Die Söhne vom Schloffe, Muhammad Nizamiddin dem Oestlicher nachgebildet, von Franz von Erdmann dem Redinger

2) Получено при слѣдующей запискѣ: Я хотѣлъ было, какъ слылъ Гамедъ Бекешемъ, въ el ingenioso Don Quirote de la Mancha, сказать перу моему: „любезное перо мое, я тебя оставлю и приковылаю къ твою цѣпью, чтобы какой нибудь бумагомаратель, взявъ тебя въ руки, не покручалъ по ней славы...“ Но повелѣние княги, по часамъ восточной словесности, въ Кавказѣ, и управленіе молчаливо объ оной

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА ВЕРСТКИ СТАТЬИ «ИСПЫТАНИЕ КИПАЩЕЙ ВОДОЙ», В ПЕРЕВОДЕ БЕЛИНСКОГО («ТЕЛЕСКОП» № 21, 1834 г.)

Библиотека при Московском университете им. М. В. Ломоносова

94а. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар. 6—10 июня 1834 г.⟩

Маменька, за недосугом, препоручила мне написать тебе, любезный брат, нельзя ли будет, когда будешь иметь денег ста два или три, прислать маменьке 50 рублей, которые нужны ей для отпущения Авдотьи на волю,

ибо папенька гонит ее каждый день и мучает, как преступницу какую, отчего она плачет и просит маменьку или кому продать ее, или чтоб откупиться самой ей на волю, и потому оные деньги и нужны, как Авдотья более ста рублей не в состоянии заплатить, а маменьке на сто рублей купить другой девки нельзя, а папенька и гроша не даст, потому что Авдотья записана на имя маменьки.

Итак, любезный брат! Сжался над несчастной Авдотьей и постарайся присылкою денег 50 р. ас. сделать ее счастливою, а маменьку спокойною, чем очень много одолжишь маменьку.

Брат твой К. Б е л и н с к и й

Р. С. Маменька боится, чтобы Авдотья не сбежала от нас или не решилась на что-нибудь ужасное для себя. Папенька с утра до ночи пьян: ругается, кричит и дерется. Как беги из дому, да и только. Не знаю, когда меня бог вынесет из Чембара!

Кварцов с женою едет служить в Вятку, кто в Пензу, а я все в Чембаре у родимого батюшки, как будто мне и ходу нет никуда, да что я такой за несчастный родился.

Никанор наш нимало не исправляется в нравственности, которая очень худа, тоща и нездорова.— А лекарства где? Умный наставник!

Сестру, бедную, очень жалко: от папеньки житья нет — ко всякому вздору, как репейник, придирается, а она плачет...

Маменька хотела было послать тебе пару копченых окороков, да Ляминцов не взялся доставить. Письмо на имя Раисы Николаевны прошу доставить скорее; оно от сестры и с 2 рублями.

95. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1834 года, июня 29 дня

Любезный брат и друг

Виссарион Григорьевич!

В последнюю поездку Ляминцова в Москву я послал тебе с ним письмо, равно как маменька, так сестра и Феодосия Степановна, но на оное я не получил от тебя ответа, что такую с твоей стороны невнимательность я не знаю чему и применить; ждавши возврата Ляминцова в Чембар, льстил себя пустою надеждою, что получу от тебя огромное письмо, удовлетворяющее моим замечаниям насчет твоего к маменьке письма от 25 мая, но все осталось тщетным, и я — си жу у моря, да жду погоды.

Теперь оставляю мое на тебя неудовольствие за твое молчание, а прошу тебя как родного мне брата именем священного союза родства постараться приисканием мне в Москве должности в каком-нибудь присутственном месте, только бы получать рублей 20 в месяц жалованья и перетащить меня поскорее туда, ибо я не чаю, как и вырваться из дома родителей по причине худого житья в оном и самой несносной службы в Земском суде. Ты писал маменьке, что коль скоро ты определишься к должности и перейдешь на казенную квартиру, тотчас возьмешь к себе меня с мерзавцем Никаноркой и определишь в Москве в какое-нибудь присутственное место; на это я тебе скажу, что как ты уже другой год все ищешь себе места и по сию пору не можешь определиться, то меня и сокрушает то, что я должен буду еще год влачить мою несносную службу в Земском суде и терпеть большую нужду в нужных вещах по причине неимения денег, то я и вздумал ускорить мою поездку в Москву следующим образом: так как ты писал, что тебе хочется определить меня в Почтамт по причине хорошего в оном жалованья, то ты постарайся разведать в Почтамте от служа-

щих: сколько положено у них по штату человек, полон ли оный, сколько получают они жалованья в месяц, можно ли будет меня переместить, ежели и штат весь <...>

Ежели же, любезный братец, не удастся в Почтамт, то можешь в другом месте попросить по вышесказанным строкам. Мне очень бы хотелось в Удельную контору, там служба нетрудная, хорошее жалованье и благодарная.

Пожалуйста, постарайся, друг мой! Долго ли еще мне жить чужим умом, пора уже своим начинать; хотя и трудно покажется мне сперва, но пословица русская не даром говорит, что не испытавши горького, не увидишь и сладкого. Нет уж, любезный брат, писать попусту одно и то же два года полно, а надобно за дело приниматься, то-есть хлопотать как тебе, так и мне о скорой моей поездке в Москву; как я только подумаю, что мне придется остаться на зиму в Чембаре, то сам не свой бываю, потому что в суде служащие низкие люди, которые не умеют ценить и понимать достоинства человека, отличного от них благородством чувствований, поступками и имеющего обо многом понятие и рассудок разумного существа и отличать дурное от хорошего, вредное от полезного, к тому ж не с кем будет в свободное время поговорить о хорошем, нет книг, а к оному ж и самое года время наводит уныние и домашние неудовольствия с виновником дней моих; все сие слишком будет тяготить душу и трогать чувствительное сердце.

Нет, любезный брат, как хочешь, а хлопочи о мне: терпенья моего не стало слышать от папеньки ругательства и нападки на меня.— Ах! как несносно быть обязанным кому-нибудь за последний кусок хлеба! Я спокойнее буду в Москве, когда буду иметь свой, хотя бедный, кусок, нежели жить в доме отца и слышать его попреки и ругательства...

Имевши у себя хотя ломоть хлеба лишней, я буду тем доволен, что его достал своими трудами, и потому он вкуснее покажется блюда жареной баранины или гуся, которые я ем иногда дома.

Умоляю тебя именем любви нашей, небесной добродетели и тем, что есть для тебя священного в сем мире: тотчас по получении письма сего заняться тем, о чем я в оном писал и просил тебя, и поскорее отвечать мне с тем, чтоб я готовил уже и посылал бы прошение туда, где найдешь мне место или через почту или чрез тебя с объяснением моим, что я тебе доверяю подать оное <...>

Повторяю тебе, что как ты не хочешь ехать в какой-нибудь уездный город учителем и скорее умрешь, нежели расстанешься с Москвою, так и я говорю, что ни за что в свете не соглашусь служить в Пензе.

В заключение умоляю тебя, исполни мою просьбу и отвечай скорее. С нетерпением буду ожидать через две недели по получении тобою сего письма от тебя удовлетворяющего моей просьбе письма <...>

Папенька намерен подавать прошение о перемещении его из Чембара в Московский военный госпиталь по причине притеснений Яворского и губернатора и для Никанора, тебя, сестры и меня. Маменька тебе кланяется.

За сим, пожелав тебе скорейшего определения к должности и драгоценного здоровья, остаюсь твой истинно любящий тебя брат

К. Б е л и н с к и й

В опускаемой части письма К. Г. Белинский просит хлопотать о его переводе на службу в Московский почтамт; сообщает о возможности переехать в Казань; излагает свои нужды; жалуется на дурное обращение с ним отца; посылает привет родным.

Упоминаются: Г. Н. Белинский, Л. С. Владыкина, А. П., Д. Е., Д. П. и П. П. Ивановы, А. И. Красовский и Н. Е. Синенков.

96. БЕЛИНСКИЙ — М. И. БЕЛИНСКОЙ

<Москва, 10—15 июля 1834 г.>

Любезная Маминька!

Очень радуюсь, что болезнь Ваша прошла. Бога ради, берегите себя: Ваше здоровье и жизнь принадлежат не Вам, а Вашим детям. Берегите себя и физически и нравственно, т. е. старайтесь отдалять от себя все случаи, могущие Вас расстроить. Очень рад, что мое письмо несколько утешило Вас. Надеюсь, что теперь Вы будете получать от меня письма лучшего содержания, так как до сего времени получали одно хуже другого; небосклон...*

...терплю и горя; но сношу его с твердостью, не огорчаюсь неудачами и все надеюсь — для Вас. Без Вас я действовал бы иначе; но я помню, что я не один в мире. Касательно квартиры скажу Вам, что по нынешнему времени она совсем не так дорога, как кажется Вам. Я мог бы найти даже рублей в 25, но в таком случае я не имел бы особенной комнаты и принужден был бы жить с товарищами. На это я никак не соглашусь; мне хочется отдохнуть душою: я устал, очень устал. К тому же мне надобно заниматься, учиться, ибо от этого зависит будущее счастье всей моей жизни. Да и кроме того, наука есть мое счастье, которого я не найду ни в чинах, ни в крестах, а этих детских игрушек я добиваться не намерен. Чтобы заниматься ученьем, нужно иметь спокойный дух, простор и тишину. Если бы я стал держать свой стол, то это вышло бы вдвое дороже. У меня иногда случается в кармане и сотня, а иногда нет ни полушки; отдавши же хозяевам за месяц деньги, я спокоен: ем и пью готовое и хорошее, а там хоть волк траву не ешь. Одно уже то, что у меня никогда не бывает постного стола, для меня выгода неоцененная, ибо от постной пищи мое здоровье страдает жестоко. Живя у Алексея Петровича, я каждый пост был истинным мучеником и много утратил драгоценного здоровья; также не мало и денег на трактиры, в коих ни разу не был с самого переезда на квартиру (22 мая). Я, слава богу, не страдаю никакими болезнями, но организм мой так ослаблен, что может расстраиваться не только от постной пищи, но и от всякой скоромной, которая дурно приготовлена. Согласитесь, что здоровье и спокойствие духа дороже денег. Насчет Авдотьи, по моему мнению, Вы можете распорядиться сами: ведь она записана на Ваше имя. Бога ради, постарайтесь отпустить ее на волю, иначе на Вашей душе будет тяжкий грех. Можно ли сосать кровь из живого человека? Это прилично одним в а м п и р а м. Скажите папеньке, что месяца через три или четыре я уплачу ему за Авдотью не только 50, пожалуй и 100 рублей и, если хочет, пришлю ему вексель во 100 рублям. Теперь у меня у самого денег рублей 60, и те завтра же роздам в уплату долгов. Зимой на Р. Х. побываю у Вас непременно. Мог бы и ныне, да боюсь упустить место, которое недели через три опростается для меня. Если я получу его пока еще Дмитрий Петрович будет у Вас, то сию же минуту уведомя, и тогда постарайтесь отправить ко мне Никанора. Вы пишете, что Бабушка скрывала от Вас свои слезы. <Вот> истинно благородно и великодушно. После это<го> я за честь <пос>тавляю называться ее внуком. Не люблю — б а б с т в а. За сим остаюсь любящий и почтающий Вас сын Ваш

В. Б е л и н с к и й

Надпись о получении: Получено июля 20 дня 1834 года, в четверг.

* В подлиннике вырезан кусок, содержащий шесть строк.

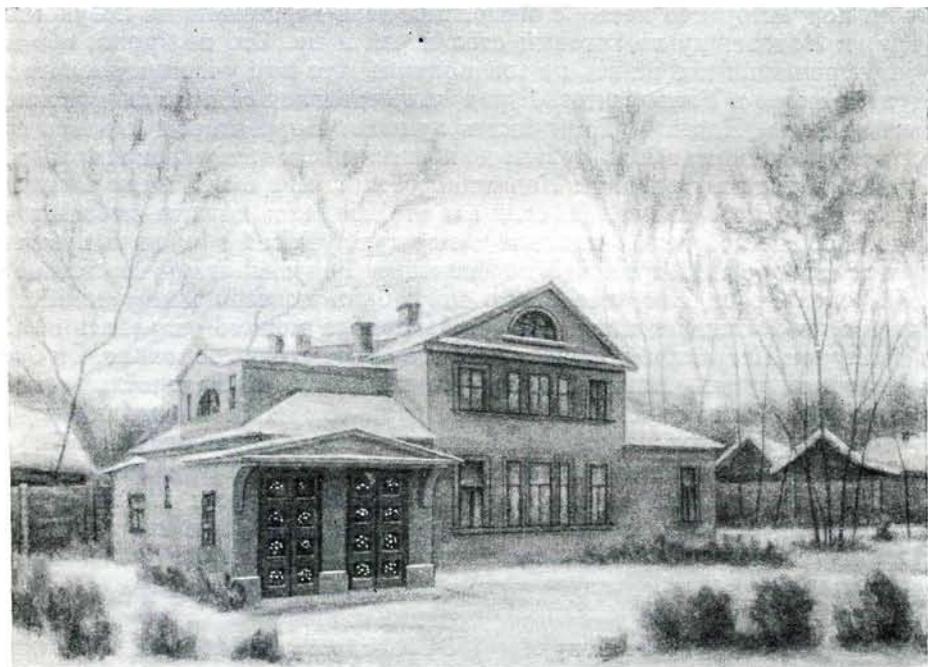
97. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Керенск, 20 июля <1834 г.>¹

Любезный друг

Виссарион Григорьевич!

На первый раз мой поклон тебе и больше ничего, ибо не успел еще съездить в Чембар и выполнить ни одного из твоих поручений. Из Чембара жди от меня письма подробного и удовлетворительного. Измученный в Москве и в дороге, я весь вдался в гастрономию. Третий день живу в Керенске и ни шагу не сделал за ворота. В Чембар поеду не раньше, как получу

ДОМ М. С. ЩЕПКИНА В БОЛЬШОМ КАРЕТНОМ ПЕРЕУЛКЕ (ТЕПЕРЬ № 16) В МОСКВЕ. ЗДЕСЬ В 1830-х гг. БЫВАЛИ БЕЛИНСКИЙ, ПУШКИН, ГОГОЛЬ И МНОГИЕ ДРУГИЕ ПИСАТЕЛИ

Реконструкция Б. С. Земенкова. Акварель, 1948 г.

Собрание художника, Москва

письмо и просимое мною сукно от брата Алексея, а прежде мне нет возможности ехать, разве по какому-нибудь экстраординарному случаю. О дальнейших поручениях твоих прошу писать прямо ко мне, и будь уверен, что все в точности будут исполнены. Домашние наши все здоровы и тебе кланяются. Ради бога, хлопочи об Пете. Папенька хочет, в свою очередь, писать письмо к тебе насчет его определения. От меня скажи Пете, что домашние жалеют, что он не приехал, но радуются его определению и следующей же почтой мы пришлем ему денег 5 р. ас. на его мелочные расходы, а может быть и более на экипировку. Приемка писем скоро кончится, я спешу на почту, и вот от чего трагический беспорядок в моих письмах. Прощай, будет больше время и больше обстоятельств для письма, тогда удовлетворю твоему любопытству.

Д. И в а н о в

¹ По окончании университета Д. П. Иванов уехал к семье в Керенск, куда по службе был переведен его отец — П. П. Иванов.

98. БЕЛИНСКИЙ — К. Г. БЕЛИНСКОМУ

Москва, 1834 года. Августа 3 дня¹

Любезный брат!

Я послал с Дмитрием Петровичем целую кипу писем к Вам: к Папиньке, Маминьке, Бабушке, тебе, — и с досадою узнал из его письма, что он еще в Керенске и что, следовательно, Ваши письма у него². А Маминька между тем, может быть, думает, что я забыл свое семейство. Это досадно. С Ляминцовым я потому ничего не писал, что он не зашел ко мне перед своим отъездом, хотя и обещался. Пишу тебе наскоро эти строки: боюсь опоздать на почту. Хлопот бездна: в понедельник (9 числа), может быть, подаю просьбу на корректорское место, а нынешний день переезжаю на новую квартиру, к Надеждину на готовый стол и чай и пр. Это не дурно, ибо мои г<...> урочишки кончились по той причине, что мои ученики должны поступать скоро в Университет. Я рад, что отделался от них: хлопот много, выгоды мало. Надеюсь скоро иметь лучшие. Корректором надеюсь пробыть не долго, может быть, только до нового года, к этому времени в Москве откроется третья гимназия: Надеждин обещал мне в ней место младшего учителя русского языка. О, если бы это сбылось: царства небесного надо. Вообще мои дела с каждым днем идут лучше: будущность представляется мне в самой приятной перспективе. Радуюсь этому не столько за себя, сколько за Вас, ибо скоро могу быть полезен моему семейству. Эта мысль восхищает меня. Теперь Никанора можете отправить ко мне с Дмитрием Петровичем, если только это будет угодно папиньке. Он будет в хороших руках. Алексей Петрович хлопочет, чтобы прослышать <?> где-нибудь об местечке тебе, которое дало <бы> тебе на первый случай рублишков 350 в год жалованья. Если такое место обрящем, то я тебя уведомлю и ты тоже можешь в таком случае приехать с Дмитрием Петровичем. До меня все доходит слухи, что Маминька нездорова: это меня очень беспокоит; если она совершенно выздоровеет, то уведомь тотчас же. Кланяйся от меня бабушке. За сим прощай! Твой брат

В. Б е л и н с к и й

Надпись о получении: Получено 1834 года, августа 10 дня в пятницу вечером с почтою.

¹ В подлиннике стоит дата «6 августа», но в действительности письмо написано 3 августа. В следующем своем письме (см. № 101) Белинский спрашивал брата: «Получил ли ты мое письмо от 3-го (кажется, я выставил в торопях 6) августа?»

² Ни одно из этих писем до нас не дошло.

99. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1834 года, августа 11 дня

Любезный брат и друг¹

Виссарион Григорьевич!

Письма твои от 8 июля мы получили 26 числа того месяца¹ при письме Дмитрия Петровича от 24 июля, кроме одного только письма к папеньке, которое он, по просьбе твоей, хочет доставить ему лично сам, когда приедет к нам в Чембар, в который мы его ждем каждый день и по сию пору, к досаде нашей, не можем дожидаться.

За уведомление меня письмом своим о твоих занятиях, знакомствах и надеждах на скорое определение себя к должности я благодарю тебя и прошу, чтоб ты и впредь не оставлял меня подобными письмами.

Письмо твое от 6 августа я имел удовольствие получить 10 числа оногo месяца, на которое и уведомляю тебя, что маменька начинает, благодаря милосердного бога, понемногу в здоровье поправляться, и ежели бы не папенька, который часто ее ругает пьяный и пугает разными вещами, то она и очень была бы лучше в своем здоровье.

Ты уведомляешь меня, что Алексей Петрович хлопочет о местечке для меня, которое бы доставило мне на первый случай 350 р. ас. Я с сим же к тебе письмом посылаю ему небольшое письмецо о сем и прошу еще тебя, чтоб ты постарался вместе с ним о скором сыскании мне для службы в Москве места и тотчас бы писал подробно об оном, как мне посылать прошение на перемещение меня в оное. Мне очень хочется ехать вместе с Дмитрием Петровичем, и потому прошу еще тебя, как можно постараться к тому времени сыскать место мне и писать об оном с первою же почтою, чтоб я мог заранее послать прошение и уже, с божьей помощью, готовиться к отъезду в Москву, то-есть: шить, переправлять и починять одежду, доставать денег поездкою за оными к Лукерье Савельевне, на которую у меня в рассуждении оных только и надежда; на дорогу даст немного и папенька, но на одежду и не жди.

В рассуждении поездки Никанора, как папенька будет трезв, то прочту ему письмо твое ко мне и вместе с ним буду просить его о отправлении в Москву с Дмитрием Петровичем и чтоб он дал денег маменьке для покушки для Никанора холстины на рубашки и проч.

Скажу тебе о Никаноре, что он ныне живет со всеми домашними дружно, а особливо со мною: отбою не дает, скоро ли, да скоро ли, говорит он, мы поедем в Москву; из сего ты видишь, что сам он уже старается о поездке в Москву, а не так, как прежде и слышать, бывало, не хотел; он ходит в училище. Сделай милость, друг мой, постарайся о нас, чтоб нам приехать в Москву вместе с Дмитрием Петровичем, с которым нам удобнее и веселее будет ехать, а к тому ж и меньше хлопот о лошадях <...>

Уведоми меня, по какой причине ты не надеешься долго прослужить корректором?

У нас в Чембаре дождя нет с месяц, отчего трава посохла, овощ вянет и угрожает ему падением от истощения соков; хотя ныне и пасмурно и бродят тучки, но дождя все нет как нет. Мука ржаная пуд 1 р. 50 коп., овес мера 40 коп., огурцы прежде были и 30 коп. мера, но ныне 80 и 90 коп.

Оканчивая письмо сие, я прошу тебя еще убедительно, чтоб ты постарался о месте для меня и писал бы тотчас ко мне со всеми о нем подробностями, чтоб я посылал тебе прошение о перемещении меня, ибо мне хочется ехать с Дмитрием Петровичем и Никанором, который без меня и ехать не хочет. Маменька и сестра, Никанор и домашние тебе кланяются. За сим прощай.

Твой брат

Константин Белинский

Р. С. Маменька и поныне все нездорова, хотя и ходит, но очень худа и слаба; папенька делает часто ей неудовольствия, испуги, отчего она и не может выздороветь: все охает и нередко от боли кричит <...>

Повторяю еще о себе, что я готов даже идти пешком в Москву и сам искать себе места. Поверь, любезный брат, ежели бы хорошо было служить в Чембаре и жить в доме родителей, я бы не стал так спешить выходом из оногo. Только один милосердный бог знает бурю, происходящую в моем сердце, и состояние души моей.

Под текстом рукой В. Г. Белинского: Василий Осипович.

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает чембарские новости. Упоминаются: Кварцовы, Колпашиниковы, Надеждин, Н. Е. Синенков и И. П. Тукальский.

¹ См. прим. к предыдущему письму.

100. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1834 года, августа 17 дня

Милостивый государь
и любезный братец
Виссарион Григорьевич.

По прочтении письма Вашего к брату от 6 августа, на которое в рассуждении моей поездки в Москву с Дмитрием Петровичем скажу Вам, что папенька сперва было рассердился и сказал, что отдаст меня к учителю Удинцову, а после в Пензенскую гимназию, но я и брат начали говорить, что будет гораздо лучше жить в Москве и, приготовившись у Вас в науках, поступить в гимназию, на что он после и начал понемногу соглашаться на нашу просьбу; а когда приехала Федосья Степановна с Дмитрием Петровичем, то и совсем уже согласился и сказал, что надобно меня отправить, и потому, уведомя о сем Вас, прошу покорно о взятии меня к себе в Москву на свое содержание, чем и заменить собою второго родителя, которого уверить, что Вы не потребуете на содержание меня ни копейки денег, иначе он и не согласится отправить меня с Дмитрием Петровичем.

Засим, пожелав Вам драгоценного здоровья и скорого определения к должности, имею честь быть Ваш покорнейший слуга и брат

Никанор Белинский

P. S. Прошу Вас поклониться от меня любезному Петеньке.

101. БЕЛИНСКИЙ — К. Г. БЕЛИНСКОМУ

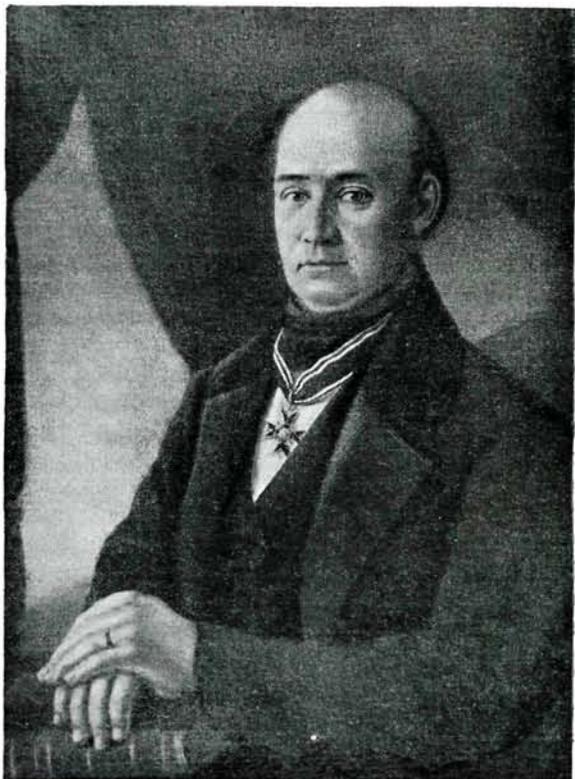
Москва, 1834. Августа 17 дня

Брат Константи! Что Вы все замолкли? Я опять начинаю праздновать труса: что Маминька? Я слышал, что она опять больна? А от Вас ни слуху, ни духу, словно все перемерли. Кажется холеры нет нигде, а 40 коп. никого не разорят. По пустому я не люблю сердиться, писать писем тоже; но наконец становится боязно. Ты всегда так делаешь со мною. Я, право, как будто за три тысячи верст от Вас. Пора бы мне и перестать начинать мои письма такими скучными вступлениями; право, мне это надоедает.

Получил ли ты мое письмо от 3-го (кажется, я выставил в торопях 6) августа? Я перебрался к Надеждину и живу у него уже две недели. Жить мне очень недурно; у меня особенная комната, а так как он сам никогда дома не обедает, то для меня одного готовили постом скромный стол; поутру всегда чай с белым хлебом, что тем более для меня приятно, что я уже месяца с два совсем бросил ужин, найди его для себя крайне вредным. Итак, я совершенно обеспечен со стороны содержания. 9-го числа нынешнего месяца (в четверток) подал я просьбу о поступлении в службу на корректорское место. Ректор ее принял, и по всему видно, что дело недели через три-четыре кончится в мою пользу, и я буду пользоваться казенною квартирою, 1000 рублями жалованья (о чинах не хлопочу: это в моих глазах сущий вздор, деньги лучше). Вот видишь ли, и на моей улице настанет праздник; терпел, терпел, да и вытерпел. Теперь Надеждин уехал (14-го числа) ревизовать Тульскую и Рязанскую губернии и поручил мне журнал и дом, где я теперь полный хозяин: держу расход, то-есть выдаю кухарке деньги на стол и прочее, пользуюсь его библиотекою и живу припеваючи. Если только папинька согласится, то непременно шлите ко мне Никанора. О тебе еще надобно подумать. Скажи папиньке, нельзя ли ему попросить Невешкинско¹, чтобы он похлопотал о доставлении тебе ме-

стишка в Московском почтамте, где служба трудновата и хлопотна, зато не мудрена и выгодна (разумею хорошее жалованье и частые награды деньгами). Ему это можно сделать, ибо у него в здешнем почтамте есть знакомые.

Надеждин, тотчас по возвращении из своего вояжа, переедет в дом Сухово-Кобылина², а если к тому времени я не получу казенной квартиры, то и я с ним. Этот дом известен в Москве своею образованностию, и мне очень бы хотелось пожить там немножко, чтобы приглядеться на beau-monde. Теперь я, по рекомендации Надеждина, готовлю к университету из истории князя Волконского; у него отца нету, а мать предобрая старушка и очень ласкает меня. Я дал уж ему 5 уроков, может быть и еще десяток придется. О цене и сам не знаю, знаю только, что 5 за урок будет самую низкою ценою. Если не удастся мне попасть к новому году учителем в гимназию, то буду держать экзамены на частного учителя, по новому положению, а через год или два на кандидата, ибо частный учитель имеет право через год по получении учительского аттестата держать экзамен на какую угодно степень, не ходя на университетские лекции. Я могу подготовиться сидя дома в халате. Мне не трудно будет успеть в обоих экзаменах, ибо я приобретаю между университетскими некоторую известность. Ныне иду к адъютанту Морошкину³ по делам Телескопа и, разумеется, познакомлюсь с ним. Никанора ко мне непременно доставьте с Дмитрием Петровичем; если я буду жить и у Сухово-Кобылина, то и это не помеха, я помещу его с Петею у Алексея Петровича, которому буду платить хотя по 10 р. ас. в месяц, если же перейду на казенную квартиру, то и говорить нечего: тогда возьму к себе и Петю, если Петр Петрович захочет. Месяца через два или через три надеюсь совершенно поправить мои денежные обстоятельства, разумеется, не жалованьем, которого

Ф. Л. МОРОШКИН

Портрет маслом неизвестного художника, 1840-е гг.

Музей при Московском университете им. М. В. Ломоносова

на это очень не достаточно, а кое-чем другим, о чем узнаешь в свое время. Бога самого ради пиши ко мне, успокой меня; если же дела плохи, то, делать нечего, не скрывай: мне не учиться терпеть и страдать; я так долго находился в этой школе, что... Прощай! Остаюсь искренно любящий тебя

брат твой В. Б.

Надпись о получении: Получено 25 Августа в Субботу.

¹ Андрей Яковлевич Невешкинскй — родственник Белинских и Ивановых, сын дьякона села Невешкина вблизи Чембара; по выходе из семинарии служил почтальоном в Москве. С 1820-х годов — помощник пензенского губернского почтмейстера.

² Н. И. Надеждин был домашним учителем старшей дочери В. А. и М. И. Сухово-Кобылиных — Елизаветы Васильевны (1815—1892) — впоследствии известной писательницы гр. Салиас де Турнемир. По возвращении из служебной поездки в конце сентября или начале октября 1834 г. Надеждин поселился в доме Сухово-Кобылиных, однако переехал ли вместе с ним и Белинский — неизвестно. Можно лишь предполагать, что нет. О трагических перипетиях романа Надеждина с Е. В. Сухово-Кобылиной, свидетелем которых был Белинский, оказавший, по словам С. Т. Аксакова, «большую преданность» Надеждину, см. в книге Н. К. Козмина «Н. И. Надеждин», СПб., 1912, стр. 457—506; ср. Л. П. Гроссман, «Преступление Сухово-Кобылина», Л., 1928 (гл. «Роман Надеждина»).

³ Федор Лукич Моршкин (1804—1857) — адъюнкт по кафедре права, а впоследствии профессор Московского университета, один из ближайших сотрудников «Телескопа».

102. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1834 года, августа 17 дня

Любезный брат и друг
Виссарион Григорьевич!

С Михаилом Николаевичем Кугушевым я послал тебе и Алексею Петровичу письма, содержание коих относится до моей службы в Москве, и с ним же еще пишу тебе и прошу как можно постарайся о скорейшем приискании мне места, чтобы я мог вместе с Дмитрием Петровичем ехать к тебе; и потому прошу тебя, коль скоро найдешь место или определишься сам, то тотчас и пиши ко мне со всеми подробностями, а я поеду скоро к Ивану Осиповичу и Лукерье Савельевне, у коих и буду просить деньжонок, и готовиться к путешествию в Москву. Никанора папенька, после убедительных просьб маменьки и меня, решил отправить к тебе, и потому не худо бы было написать к нему письмо о Никаноре и просить, чтоб он его приготовил надлежащим образом в рассуждений одежды.

Положение мое становится час от часу хуже и, как пишет Дмитрий, папенька подозревает меня в жалобе на него о притеснениях Авдотьи, и эти сказанные тобою слова: м с т и т ь р а б е не выходят у него из памяти, что самое его и сердит <...>

В заключение письма повторяю и прошу тебя, как можно постарайся о мне, чтоб ехать с Дмитрием, который хорошо сам увидел и узнал мое бедное положение. Повторяю, что старание твое о мне и определение меня в Москве будет доказательством твоим о любви братской ко мне и священной дружбы. Сестра и Вера Петровна тебе кланяются. Прощай!*

Брат твой
Константин Белинский

* Дай боже! чтоб до скорого свидания. — Прим. К. Г. Белинского.

Р. С. Алексею Петровичу моя чувствительная благодарность за его о мне попечение своим старанием о службе моей в Москве и почтение, а Петеньке посылаю поцелуй.

Маменька и все кланяются тебе домашние.

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает о некотором улучшении здоровья матери после продолжительной болезни и чембарские новости.

Упоминаются: М. И. Белинская, М. С. Меридианов и А. С. Свищевский.

103. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар 18^{VIII}/₁₇34

Любезный друг

Виссарион Григорьевич!

П и с ь м о твое доставлено по принадлежности ¹. Вот что могу сказать тебе на первый раз; отвечать же на твои бесконечные вопросы о его приеме, чтении и обо всем я буду из Керенска. Так должно быть по недостатку времени, места и обстоятельств. Сажу в углу залы, окруженный твоими и моими домашними, которые беспрестанно подходят ко мне и с любопытством заглядывают в письмо мое; Pater familii расхаживает тут же — сам посудит, можно ли мне с подробностью писать о таких вещах, которые должны быть для меня сокровенною тайною. После обеда я еду во Владыкино, и там сама скука заставит меня написать письмо более удовлетворительное, более достойное твоего нетерпеливого внимания. Итак, с следующей почтою я исполню мое обещание, а сии два письма пусть будут вздорными предисловиями к настоящему моему к тебе посланию.

Теперь я намерен поговорить с тобою о деле, не менее важном и, мне кажется, более для тебя занимательном потому, что с ним сопряжена участь двух братьев твоих — Константина и Никанора. Скажи, пожалуй (ста), каким образом мне исполнить их безотвязные просьбы, как я должен отвечать бабушке, которая беспрестанно напоминает мне о их поездке в Москву, и эта мысль, мне кажется, еще более расстраивает ее здоровье, и без того уже сильно истощенное. Я не знаю настоящей причины ее болезни, но думаю, что она должна относиться к роду обыкновенных женских болезней и может быть излечима только стараниями опытного и искусного акушера.

В Москву я отправлюсь не ранее сентября и то в последних числах, следовательно, тебе будет еще время написать ко мне о своих делах и о том, можно ли будет ехать со мною хотя Константину. Признаюсь, брат, его положение час от часу становится хуже и, я думаю, еще будет ужаснее, если мы помедлим его избавлением, ибо дедушка, сверх обыкновенных упреков в туеядстве, подозревает его в тайных с тобою сношениях, вособенной переписке, целию которой служат домашние обстоятельства и он сам как главное действующее лицо. Положение Константина тронуло меня за живое, и я с своей стороны убеждаю, прошу тебя постараться вместе об определении его где-нибудь в Москве; с моей стороны я уже обещался даже тайком его увезти, только, ради бога, не плошай ты и с следующей же почтою уведоми меня о твоём непреложном намерении в рассуждении его дела.

Затем прощай до следующей почты.

Пиши ко мне положительно обо всем и заранее уведомляй о своих поручениях, чтобы было время исполнить все твои требования и тебе не пенять на преданного тебе

Дмитрия Иванова

Дедушка хочет к тебе писать с Павлом Гавриловичем Давыдовым, который едет в Москву 20 августа ². Не знаю, какое будет содержание письма сего, только скажу тебе, что выражение письма твоего:— М с т и т ь р а б е сильно занимает его мысли, и мне кажется, что это одно сильно раздражило его, все прочее он называет п р а в д о ю, а это одно о б и д о ю.

¹ Письмо (от 8 июля 1834 г.), доставленное Д. П. Ивановым отцу Белинского, до нас не дошло.

² Павел Гаврилович Д а в ы д о в — отставной штабс-капитан, заседатель Чембарского уездного суда. См. о нем в настоящем томе в публикации А. В. Храброевицкого «Дело помещицы Давыдовой».

Поездка П. Г. Давыдова из Чембара в Москву состоялась несколько позднее, вероятно, в первых числах сентября 1834 г., поскольку именно от него Белинский узнал о смерти матери, скончавшейся 29 августа 1834 г.; ср. письмо Белинского к П. П. и Ф. С. Ивановым от 5 февраля 1835 г. («Письма», I, 60—61).

104. БЕЛИНСКИЙ — К. Г. БЕЛИНСКОМУ

Москва, 1834. Августа 31 дня

Любезный брат,
Константин Григорьевич!

Толковать много нечего: я вижу сам, что пора положить конец твоим страданиям. Ты мне брат, и брат достойный моей любви по своему доброму и благородному сердцу: хочу доказать тебе на деле, а не на словах, что люблю тебя. Приискивать должности тебе не могу, ибо в Москве на каждое место десять кандидатов, и если бы я и нашел тебе местешко, то тебя не стали бы дожидаться, места у нас надо ловить на лету. Вот у меня уже один раз перебили место; кажется, в другой-то буду посчастливее. Со дня на день ожидаю решения. Так сделай ты вот что: подай в отставку, возьми пачпорт и копию с послужного списка, да и катай с Дмитрием Петровичем в Белокаменную. Книги и всю одежду возьми с собой; мы все это распродадим, а вырученные деньги тебе пригодятся. В Москве всякую дрянь можно сбыть. Может быть Лукерья Савельевна и Папинька дадут тебе столько деньжонок, что, вместе с вырученными на твою провинциальную одежду, книги и другие вещишки, можно будет шить тебе столичную фракную и сертучную пару, что в Москве первое дело. Если купить на фрак черного сукна рублей по 15 или даже и по 12, то выйдет лихая пара, на сертук можно купить знатного сукна рублей по 8. У меня есть портной, мальчик Межевича, оканчивающий свое ученье, который шьет не хуже всякого модного портного, и за фракную пару, вместо 30 (это в Москве самая умеренная цена), возьмет с меня 15. Бери все, что ни даст или ни подарит тебе кто-нибудь из родственников: если это для тебя будет излишним, то можно сбыть на сходную цену. В отставку тебе выйди советую и я и Алексей Петрович; так как ты еще недавно получил офицерский чин, то для тебя это не большая потеря. А между тем перевод будет сопряжен с большими хлопотами и неудобствами. Об месте не отчаивайся: ты пробудешь без него много что месяца два-три. В Москве не трудно будет найти местешко с 300 р. ас. жалованья, у меня бездна знакомых, которые могут при случае помочь; А<лексей> Петрович еще более может это сделать по своим связям с красивным семенем. Бога ради, ничего не заказывай себе на дорогу, особенно из одежды; в Чембарском сертуке нельзя будет выйдти на улицу: сочтут за лакея. Опытность многому научила меня. Когда я приехал в Москву, то заплатил 14 р. ас. за сапоги, которые носил неделю, а когда ты приедешь, то куплю тебе за 6 р. ас. прекрасные, чисто сшитые сапоги, которые тебе станут, по крайней мере, на 4 месяца. У сапожника, поставляющего

№ 72.

**ВЪ БОЛЬШОМЪ ТЕАТРѢ
НЕ ВЪ СЧЕТЪ АБОНЕМЕНТА**

Во Вторникъ, 3 Ноября, ИМПЕРАТОРСКИМИ Россійскими
Актёрами представлена будетъ:

ГОРЕ ОТЪ УМА,

Комедія въ 4 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Грибоедова.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Павелъ Асочасъвичъ Фамусовъ, управляющій казен- ными мѣстами, - - - - -	Г. Щепкинъ.
Соня Павловна, дочь его, - - - - -	Г-жа Пашова.
Александръ, слуга ея, - - - - -	Г-жа Павлова.
Алексей Степановичъ Молчаливъ, Секретарь Фаму- сова, живущій у него въ домѣ, - - - - -	Г. Анскій.
Александръ Андрѣевичъ Чацкій, - - - - -	Восп. Салтыковъ 2-й.
Сергій Сергѣевичъ Соловубъ, Пономникъ, - - - - -	Г. Орловъ.
Наталья Андреевна, молодая дама, - - - - -	Г-жа Рыжкова.
Павелъ Михайловичъ, мужъ ея, - - - - -	Г. Саволовъ.
Антонъ Антоновичъ Загорскій, - - - - -	Г. В. Степановъ.
Решетинскій, - - - - -	Восп. Максимъ 2-й.
Хлестова, сводчица Фамусова, - - - - -	Г-жа Сабурова.
Грешинъ Христинъ, - - - - -	Г-жа Волосовская.
Грешинъ, ея мужъ, - - - - -	Г-жа Юркова.
Внукъ Тугоуховскій, - - - - -	Г. П. Степановъ.
Внучка, жена его, - - - - -	Г-жа Кошкина.
1. - - - - -	Восп. Смирнова.
2. - - - - -	Г-жа Златопольская 1-я.
3. - - - - -	Г-жа Гальперинъ.
4. - - - - -	Г-жа Степанова.
5. - - - - -	Г-жа Акимова 1-я.
6. - - - - -	Г-жа Гурьянъ.
Слуга Фамусова, - - - - -	Восп. Шубертъ.
Г. Н. - - - - -	Г. Яковлевъ 2-й.
Г. Д. - - - - -	Г. Никифоровъ.
Авекъ.	

Въ заключеніе спектакля день будетъ:

ДИВЕРТИСЕМЕНТЪ,

Въ комедіи будутъ пѣльши: Г-жа Гурьянъ, Седенова и Гольдбергъ по Русски; Г.
Д. Павловъ и Г-жа Нильши по Русски; Восп. Курбатова и Г-жа Акимова 2-я
по Базелю.

НАЧАЛО ВЪ 7 ЧАСОВЪ.

Билеты для сего спектакля можно получить въ день представленія съ 10 часовъ
утра въ Большомъ Театрѣ.

ВЪ БОЛЬШОМЪ ТЕАТРѢ

Во Четвергъ, 5 Ноября, въ абонементѣ: *Урокъ холостяку*, или *Послѣдняя
комедія* въ 1 дѣйствіи, въ стихахъ, *Фенелла*, балетъ въ 4 дѣйствіяхъ.

Въ непродолжительномъ времени представлена будетъ въ первый разъ *Вамбленинъ
Балетъ*, большая опера въ 2 дѣйствіяхъ, соч. Г. Скриба, переведенная съ Фран-
цузскаго; *Музыка соч. В. Обера*; Танцы и пантомима Г-жи Галланы. Декорации
Г. Бруна, машины устроены Г. Пино, костюмы по Парижскимъ рисункамъ.

При входѣ въ Театръ съ каменья корридоръ въ устроенной лѣвк для прожж
Театральныхъ тѣлъ, продается:

НЕ ВЛЮБИЛСЯ БЕЗЪ ПАМЯТИ, НЕ ЖЕНИСЬ БЕЗЪ РАСЧЕТА, Шутка-водевиль
въ 1 дѣйствіи, соч. Коми. Москва 1834 г. въ Т. Н. Степанова. Цѣна 3 руб.

МУЖЪ ВЪ КАМННѢ, А ЖЕНА ВЪ ГУСТЯХЪ, Александровскій водевиль въ 1 дѣй-
ствіи, соч. Коми. Москва 1834 г. въ Т. Н. Степанова. Цѣна 3 руб.

АФИША ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОМЕДИИ «ГОРЕ ОТ УМА» НА СЦЕНЕ МОСКОВСКОГО
БОЛЬШОГО ТЕАТРА 3 НОЯБРЯ 1836 г., С УЧАСТИЕМ М. С. ЩЕПКИНА

«...Лучший комический актер здесь Щепкин» (из письма Белинского к родителям)

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

сапоги на казенных студентов, ты можешь выбрать себе любую пару из 200 пар. То же и о других вещах, как то: картузе, шляпе, перчатках, жилете, галстукѣ, воротничках, носках (носки славные по 40 коп. пара) и других мелочах — все лучше и дешевле вашего. Толкучий рынок и город мне известны лучше, чем тебе наш огород. Бывало дивились, что я слишком дорого за все плачу, а теперь не надивятся, что слишком дешево. Не дал ли тебе Папинька, кроме денег, чего-нибудь из старого платья: смотри в оба и не разевай слишком широко рта. Помни, что тебе, может быть, придется прожить без места месяца три, а мои животы-то покуда еще не велики, да сверх того на моей шее будет Никанор. Я богат покуда одними надеждами. Денежки-то отдай на руки Дмитрию Петровичу, а дорогой-то нельзя ли будет пробавляться тем из съестного, что отпустит с тобою маменька. Дорожки каждою копейкою, и помни, что из копеек составляются рубли. Ехать не слишком торопись — и с терпением дожидайся Дмитрия Петровича, не ускоряя его отъезда ни минутою. Неделя или две не счет — еще успеешь. А вместо этого постарайся получить сообразиться, все обдумать и ничего не забыть. Никанора в дороге береги пуще своего глаза и помни, что ты дашь мне ответ за каждый волос головы его. На ночлегах клади его с собою, во время езды не давай ему дурачиться, чтоб он не попал под колесо, словом не отпускай его от себя ни на шаг, Алексей Петрович принимает в твоей судьбе такое живое участие, какого я, право, и не ожидал от него: видишь, что твоя доброта и честность не остаются без награды и тебя все любят за них все, кроме... твоего отца. Но ты не смотри на это и все-таки помни, что он твой отец: авось когда-нибудь и образумится. Больше писать нечего, да и некогда, прощай — до свидания.

Твой брат В. Б.

Д. П. Иванову:

Любезный друг,
Дмитрий Петрович!

Благодарю тебя тысячу раз за твою ко мне искреннюю любовь, которую ты доказываешь не словами, а делами, и молю судьбу, чтоб она позволила мне с своей стороны доказать тебе свою таким же образом. Не оставь Константина, хлопочи о снабжении его деньгами и всем нужным, и употреби все свое влияние, какое ты можешь иметь над Папинькою в рассуждении его. Я надеюсь на тебя, как на каменную гору. Извини, мой милый, что так мало пишу к тебе; ей богу, с ног до головы завален делами, разумеется, больше своими, чем Надеждина, которых не слишком много. Да, брат, надо подумать о будущем: ведь в моих руках будет участь людей милых мне.

Остаюсь в полной уверенности в твоём благоразумии и усердии ко мне. *Tes maitresses te font leurs compliments, et elles désirent te revoir avec impatience.*

Прости — до свидания — и пиши ко мне. Попов¹ уже приехал в Москву 27 Авг. ночью. Судьба столкнула меня немножко с Морозкиным, и я теперь нахожусь с ним в некоторых сношениях по Телескопу. Adieu.

В. Б.

Надпись о получении: 1834 года, сентября 8 дня в субботу поутру.

¹ Вероятно, Михаил Максимович Попов. См. о нем примечание к письму № 2.

105. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1834 года, сентября 6 дня

Любезный брат,
Виссарион Григорьевич!

В письме своем от 17 августа я уведомлял тебя о маменькиной болезни, что она, кроме тогда мучившего ее геморроя, не чувствовала никаких болезней, но после отъезда Федосьи Степановны в Владыкино ей стало хуже, и она уже легла на постель и лежала. 21 августа я поехал тихонько от папеньки, который собирался тогда в округу, в село Зубриловку за Иваном Осиповичем, с которым я приехал домой 25 числа, в субботу поутру, когда я получил от тебя письмо, которое и прочел маменьке. Иван Осипович по роду болезней давал ей лекарства, но они не имели никакого действия, потому что желудок маменькин их не принимал. По отъезде его в Зубриловку маменьке с каждым днем становилось хуже, а 28 числа ее соборовали маслом и причастили святым тайнам, после чего она нас благословила, равно и простилась с предстоящими и папенькою, которого даже и перекрестила. На другой день, то есть в среду, часу во втором, к общему всех нас бедствию, она спокойно и тихо переселилась из сего суетного в мир лучший, светлый и уму человека непостижимый. В пятницу было погребение тела ее земле¹. Уведомляя тебя о горестнейшем и неожиданном для нас несчастии, я прошу тебя именем всего священного в сем мире не предаваться отчаянию и беречь здоровье свое, которое нужно еще для тебя, твоей сестры, братьев и отца. Что делать! Видно, так угодно богу, на которого нам должно во всем надеяться и его просить, чтоб он помог перенести тебе сей горестнейший случай.

Теперь прошу тебя, нельзя ли тебе купить для сестры черного ситца на платье, которого здесь нигде не найдешь.

Я по уверению и совету Дмитрия Петровича нынешнего числа послал рапорт от Суда о присылке мне на 28 дней на проезд в Москву паспорта, надеясь на тебя, что ты нашел уже мне место и то, что теперь предстоит прекрасный случай к моему отъезду в Москву: Лукерья Савельевна отправляет в оную 12 мальчиков, с коими едет и Д<митрий> Петр<ович>, с коими я поеду к г. Владыкиной, у коей и буду просить денег². Прощай! Пиши к нам. Сам же не крушись. Твой брат

К. Белинский

¹ О смерти матери Белинский узнал еще до получения письма брата; это известие он получил от заседателя Чембарского уездного суда П. Г. Давыдова, приехавшего в Москву в начале сентября 1834 г. (см. прим. к письму № 103).

² Вероятно, 12 крепостных мальчиков, отправляемых для ученья в Москву. Возможно, что среди этих мальчиков находился и будущий художник К. А. Горбунов (1822—1893), крепостной Владыкиных, в судьбе которого близкое участие впоследствии принимал Белинский.

106. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Керенск, 18^{IX}/₁₁ 34

Любезный друг
Виссарион Григорьевич!

Исполняю свое обещание и пишу к тебе письмо, которое хотя и не вполне, но во многом должно удовлетворить любопытству. Помню, что ты просил меня уведомить о положении твоих домашних и приеме твоего письма, которое должно было, как мы думали, произвестись сильное и конечное влияние на дедушку. — Оставляя все это до времени, я постараюсь в письме

своим представить тебе краткий обзор происшествий, случившихся со мною в Чембаре, или, лучше сказать, мой краткий дневник.— Слушай!

Двенадцатого августа, в воскресенье, в 11 часов утра я, маменька и Верочка приехали в Чембар. На крыльце дома встретили нас Александра Григорьевна и Никанор, они обрадовались нам, как гостям давно ожидаемым. В передней нам представилась встреча совсем другая и более плачевная и горестная, нежели радостная: из кабинета вышла бабушка Мария Ивановна. Я думаю, тебе случалось видеть желтые, безжизненные лица несчастных страдальцев, которые, целый год не вставая с больничной постели, но вдруг почувствовав облегчение своего недуга и пользуясь позволением доктора, в прогулках машинально двигаются по коридору. Это портрет бабушки; признаюсь, я не узнал ее с первого раза и тогда только опомнился от удивления, когда она с воплем и рыданиями бросилась ко мне на шею; она плакала и целовала меня с чувством живейшего восторга, думая видеть тебя в своих руках, и после долго укоряла за твой неприезд, вероятно, предчувствуя вечную с тобой разлуку. Константин подоспел тут же к минуте нашего свидания, радость его была невыразима, и все домашние твои встречали меня как твоего представителя. Дедушки в это время не было, он спал, и я увидел его уже после обеда и довольно долго прогуливаясь с Константином по городу. С первого свидания нашего он почтил меня названием действительного статского советника и довольно ласково обошелся со мною. Теперь я перейду к сцене более занимательной и любопытной, именно к чтению письма твоего.

С чувством какого-то смутного ожидания я отдал тут же письмо твое. Чтение происходило в гостиной, которая на этот раз, и притом по приглашению самого дедушки, наполнена была всеми домашними, не исключая бабушки Дарьи Евсеевны. Жалею, что не имею теперь копии с письма твоего, чтобы в точности и с подробностью указать тебе те места в оном, где дедушка останавливался и делал свои замечания и рассуждения. Помню, что в первый раз он нашел какую-то этимологическую ошибку и тут подозвал меня: спрашивал моего мнения. Далее, перевертывая на другую страницу, он отдал письмо Верочке, говоря, что сам ничего не разберет. Она начала чтение с начала, он слушал хладнокровно: на лице его написано было одно только внимание, смешанное с каким-то презрением, и только при слове: мстить рабе, он прервал чтение и сказал: «Вот этого я что-то не понимаю, что это значит: мстить рабе? Тут я подразумеваю особенную тайную от меня переписку, особенные на меня наговоры». И, наконец, спокойно дослушав окончание письма, принялся разбирать выражение: мстить рабе. «Все в письме правда и хорошо,— сказал он,— но этим выражением Виссарион обижает меня: мстить рабе! я не полагаю, чтобы он низко обо мне думал: может ли человек мстить скоту? и за что мстить?» и т. д.

Наконец, начал говорить, что это произошло вследствие жалоб бабушки, и так как она по болезни не могла писать к тебе, то вся вина сложена на Константина, и после всего сказали, что будет писать особенное письмо к тебе, где хотел оправдаться против твоих обвинений.— Вот тебе краткое описание того, что происходило при чтении письма. Разумеется, тут вмешивалась и бабушка и моя маменька с своими замечаниями и наставлениями дедушке.

Пять дней мы пробыли в Чембаре, и в продолжение этого времени одинакие сцены представлялись глазам нашим, т. е. дедушка с раннего утра вышьет приемов пять простяку, прохаживаясь взад и вперед по комнатам, разговаривая с кем-нибудь из присутствующих и чаще всего со мною. Разговор его, всегда полный шутки и остроу, не терпела бабушка и отвечала

В. П. КЕЙШИНА
(РОЖДЕННАЯ ИВАНОВА)

Фотография, 1863 г.

Литературный музей, Москва

на него продолжительною бранью. После сего он уходил со двора или ложился отдыхать. После обеда, за которым он редко присутствовал, мы с Константином, маменька с Верочкою и Александрю Григорьевною расходились по гостям и поздно уже, возвратясь с гуляния, находили дедушку в большом похмелье. Он, рассказывают домашние, ходит после обеда в больницу и там на просторе потопляет свою скуку. — За ужином у него обыкновенно продолжались остроты над Константином, впрочем, невинные, жертвою которых бывал часто и я, но раздражительность Константина и брань бабушки делали из этого довольно шумные разговоры. Шутки и остроты дедушки и раздражительность бабушки и всех семейных всегда были побудительною причиною неудовольствий. Но при всей своей недеятельности и невнимательности к жизни дедушка никогда не отказывал в нужных пособиях больной бабушке.

В пятницу мы и еще Александра Григорьевна отправились во Владыкино, где, к счастью, застали всемогущую обладательницу одного в вожденном здравии и с трезвыми чувствами. Маменька, пробыв два дня, уехала отсюда в Пачелму¹, а мы остались во Владыкине и уже спустя неделю отправились в Чембар. На дороге встретились с нарочным приказным, который был послан за нами с известием и с запискою от маменьки, что бабушка отчаянна в своей болезни.

В продолжение недельного пребывания моего в Чембаре я был свидетелем событий самых горестнейших, церемоний самых плачевных, о которых время и место не позволяют мне распространяться. Все это узнаешь ты при свидании, когда будешь в силах слушать меня, а я в силах рассказывать.

В последнее время в Чембаре я часто беседовал с дедушкой, был почти неотлучно при нем и, признаюсь, во многом разгадал этого человека. Его беседы со мною отчасти можно назвать исповедью души его, и между

шутками и много для меня тайного разведал в его характере. На первый раз скажу тебе, что дедушка человек благороднейший в высшей степени, с чувствами высокими, рожденный с отличными способностями, но убитый мелочною жизнью в Чембаре, заброшенный в дикий бурьян, в круг людей, между которыми тщетно ты будешь искать следов истинного человечества. Я часто был свидетелем благороднейших поступков его, которые восхищали меня и в минуту рассеивали все мои против него предубеждения. — По приезде в Москву побольше поговорю с тобою о всех домашних обстоятельствах, а теперь потребую твоих ответов на два самые важные для меня вопроса:

Во 1-х, определен ли Петя в гимназию и какие препятствия к этому? Ради бога, уведомя меня об этом обстоятельстве, утешь меня, а всего более наших стариков, которые весьма сокрушаются об его неопределении.

Второй вопрос: почему ты не пишешь об участии бедного Константина; твоя молчаливость убивает его, он пристает ко мне с своими просьбами, и я, не зная твоих намерений, ничем не могу утешить его. При отъезде из Чембара я говорил дедушке, чтобы отпустил Никанора и его со мною в Москву, брал на себя все их путевые издержки. Но он согласился отпустить только Никанора и сказал, что будет готовить его к моему отъезду, а насчет Константина просил меня, чтобы я не советовал ему так скоро ехать в Москву, и что теперь он не имеет средств отправить их обоих, но после по справке согласен отпустить и его.

Мне кажется, к безденежности дедушки еще надобно присовокупить ту причину несогласия на отпуск Константина, потому что он боится соскучить свою одиночество, тогда должна была бы остаться с ним одна Александра Григорьевна. Да и ее наши старики думают взять к себе, если согласится дедушка, или, как он хочет, уедет в Москву. Теперь он не будет служить в Чембаре и, наверно, чрез полгода переедет жить в другое место.

Теперь прощай до свидания. Пиши ко мне, если можешь. Не приедешь ли ты в Чембар? Мне и всем нашим домашним часто чудится во сне твой приезд. Остаюсь любящий и уважающий тебя

Дмитрий Иванов

Домашние тебе кланяются.

¹ П а ч е л м а — большое село в Чембарском уезде, где Ивановы имели крепостных крестьян и где с 1828 г. священником был брат Григория Никифоровича Белинского — Андрей Никифорович.

107. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1834 года, октября 18 дня

Любезный брат и друг
Виссарион Григорьевич!

Письма твои от 31 августа и 28 сентября¹ мною получены, первое 8 сентября, а последнее 6 сего октября, из коих на первое скажу тебе, что ты оным очень много меня утешил в моем горестнейшем положении в рассуждении смерти неопценной нашей маменьки. Дмитрий, по неотступной моей просьбе насчет поездки в Москву, уверил меня, что он раздерет пополам сюртук и разделит со мною, а возьмет с собою; и по тому уверению я 6 числа сентября (как я писал уже тебе) просил земский суд о исходатайствовании мне на проезд в Москву пашпорта на 28 дней <...>

В рассуждении лошадей не знаю, что и сказать тебе: Лукерья Савельевна отправляет в Москву 10 человек мальчиков, до Спасска на своих, а там хотела нанять, с коими и меня с Дмитрием хотела отправить, но только все еще этого наверно знать нельзя; а Дмитрий говорил мне, чтоб я съездил к ней и попросил бы ее об этом. Марфа Андреевна едет в Москву со всем своим семейством жить для воспитания сына своего, но она, хотя я, бывши у нее, и заговаривал стороною про поездку мне с нею, ничего не сказала, а только приглашала меня, когда она будет жить в Москве, чтоб я ходил к ней. Не знаю, скоро ли ты определишься к должности, хотя бы к приезду нашему к тебе, о чем я прошу каждодневно милосердного бога <...>

Папенька очень сожалеет о смерти маменьки, и когда он читал твои письма, то не мог дочитать оных от появившихся на глазах слез; он прежде все пил вино и был недолго нездоров, а ныне сам старается отстать от пагубного сего питья. Лошадь вороную продал за 35 р. ас., а рессорные дрожки за 170 рублей. Надобно тебе сказать, что все это он продал для нас с Никанором, хотя на меня и копейки не употреблено; из сей суммы осталось только 105 р. ас., которые хранятся у сестры и которые, мне кажется, не уцелеют до нашей поездки, потому что папенька, как понадобится ему деньги, то берет из оных.

У нас в доме ныне стало все не так, как было при любезной маменьке, без коей у нас чего-то недостает, что меня часто приводит в сердечную грусть о воспоминании ее материнской со мною... беседы о моей службе.

Как бабушка у нас, так и мы у нее бываем часто: у нас теперь только и отрады, а особливо у бедной сестры, у коей живет со дня смерти маменьки А. В. Сташевская (сестра Е. В. Анфельц), да часто бывает А. В. Великопольская, истинно приятельница... Бабушка, Авдотья и все домашние тебе кланяются и желают неоцененного здоровья. Тысячу раз благодарю и целую тебя заочно за твою ко мне любовь и расположение, которое доказываешь на деле приглашением в Москву на службу. Алексею Петровичу моя чувствительная благодарность за принимаемое им во мне участие: я горжусь, имея такого родственника, каков он.

Прощай, но до скорого свидания. Твой брат

Константин Белинский

Приписка А. Г. Белинской:

Любезный братец Виссарион Григорьевич. Ты пишешь, чтоб папенька пригласил бабушку к нам жить, так это все невозможно, у нас ни одна крестьянка не согласится жить, не то что благородная женщина; а я хочу ехать в Керенск к нашим родным, которые очень зовут, я только дожидаюсь отъезда братьев в Москву, поживу сколько-нибудь у них, а там, милый братец, надеюсь на вас, что вы меня не бросите.

А. Б.

Приписка К. Г. Белинского на полях: Папенька теперь в Поиме, он хотел к тебе писать.

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает о хлопотах, связанных с увольнением его со службы; о сборах к отъезду; о материальной помощи, оказанной ему Владыкиными; о поминках по матери; жалуется на поведение брата Никанора.

Упоминаются: Г. Н., М. И. и Н. Г. Белинские, А. В. и Е. В. Великопольские, А. С., Л. С. и М. А. Владыкины, Гороховская, А. Данилова, Л. А., Л. Н. и Н. Н. Дьячковы, К. И. Емельянов, Д. П. и Е. П. Ивановы, Д. О. Каменский, А. Кугушева, М. С. Меридианов, Ниротморцев, И. А. Пономарев и П. Д. Юрьев.

¹ Письмо Белинского к брату от 28 сентября 1834 г., написанное под впечатлением смерти матери, до нас не дошло.

108. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1834 года, ноября 22 дня

Любезнейший брат и друг
Виссарион Григорьевич!

Письмом своим от 31 августа ты, по желанию моему, приглашал меня в Москву для службы и советовал для того подать в отставку и взять паспорт и копию с послужного списка, что я и сделал, но только последней не получил, найдя оную ненужною, а вместо оной, по совету секретаря Юрьева, взял от суда аттестат о моей службе, довольно хорошего мнения начальников, на трехрублевом листе и за подписом всех членов суда, а 5 ноября ездил к сестрице Лукерье Савельевне, которая, по обещанию своему, подарила мне 100 рублей ассигнациями. Кажется, все бы готово к поездке, но она остановилась за лошадьми, за неполучением Дмитрием Петровичем письма от Алексея Петровича, без которого он и ехать не хочет, хотя и готов к отъезду, и, в-третьих, затем, что у нас в Чембаре носится слух, что Алексей Петрович уехал из Москвы неизвестно куда, а некоторые говорят, что его вместе с студентами университета, сделавшими какую-то шалость, с которыми он тогда был, взяла полиция¹, каковое известие привезла О. П. Москвина, бывшая недавно в Москве, и писал к Москвину Д. Ф. Рапул, который служит в Москве квартальным, а Дмитрий Петрович письмом своим от 2 ноября между прочим пишет следующее: «Недавно я писал к Виссариону Григорьевичу, адресуя свое письмо на имя Надеждина, чтобы он уведомил меня о делах Алексея и где он находится, ибо приехавший в Керенск недавно из Москвы бывший исправник Кистерн говорил, что Алексей уехал в Рязань по казенному поручению». Этому верить нельзя потому, что из Сената поручений канцелярским чиновникам не бывает никаких, как говорил мне г. Юрьев. По этому-то самому папенька и не пускает меня теперь в Москву из опасения, что я без помощи Алексея Петровича не могу определиться к должности, а хочет, если разнесшийся о нем слух будет, к несчастью, справедлив, написать к Яворскому письмо, чтоб он попросил пензенского губернатора о даче мне в его канцелярии или где-нибудь должности, а ежели, напротив, к нашему счастью, несправедлив, то отправить в Москву, не отсылая еще в Пензу*. Папенька боится того, что я, не определившись к должности, принужден буду терпеть большую во всем нужду, или просить под окнами милостыню, что самое и меня заставляет опасаться потому более, что в Москве дороги квартиры и жизненные потребности, а к тому же ты еще и сам не у места, а живешь у профессора Надеждина на готовом содержании, а получая с кондиций деньги, на оные одеваешься; а ежели приеду я с Никанором, то не знаю, куда и взъехать остановиться; как ты писал мне, что место достанется не без хлопот и неудовольствий, но я все-таки получу его; но прожить месяца три, четыре без места, это жалко. По новому положению о гражданских чинах, ежели в отставке или в отпуску время проведенное не свыше четырех месяцев, из срока выслуги к получению чина не исключается; а ежели придется прожить без места 4 месяца, то я потеряю год службы, а если меньше, то ничего.

Мне, признаться, очень хочется жить с тобою в Москве, но опасение о неполучении должности устрашает меня.

Итак, любезнейший брат! Объяснив тебе папенькино и мое опасение о неполучении должности, я именем любви нашей прошу тебя покорно уве-

* В которую мне не хочется ехать. — Прим. К. Г. Белинского.

домить как можно скорее и справедливее, точно ли пропал Алексей Петрович, как говорила О. П. Москвина и как пишет г. Рацул, каким образом, когда, куда, отчего и зачем? Ежели это все (от чего, боже сохрани!) справедливо, то надеешься ли ты, что я без помощи Алексея Петровича могу определиться в продолжение четырех месяцев, но не больше, и в состоянии ли ты будешь до поступления моего на службу содержать меня, и не буду ли я тебе собою в тягость; хотя у меня и 140 рублей на серебро, но эти деньги должно мне будет употребить на шитие приличной и необходимой по Москве одежды, которая у меня и по Чембару плоха и мала; обо всем этом ты должен написать к папеньке и ко мне как можно скорее, и ежели ты справедливым находишь опасения наши, то уведоми меня, где мне служить: в Чембаре ли, в Пензе ли. Как с нового года будут штаты, тогда и в Чембаре можно будет с расчетом одному жить, получая по 150 р. ас. в год жалованья.

Пелагея Савельевна скоростижно умерла от апоплексического удара.

Бабушка, сестра и все домашние тебе кланяются. Повторяю: обдумай хорошенько о мне в последний раз и пиши скорее как можно, чтоб не было за мною остановки в отъезде. У меня все готово, у Никанора тоже.

За сим прощай! Любезнейший друг! До свидания или нет — известно богу и тебе².

Твой брат

К. Белинский

¹ Противоречивые слухи об Алексее Петровиче Иванове, взволновавшие К. Г. Белинского, не были лишены основания: А. П. Иванов в это время «попался под арест», о чем несколько времени спустя Белинский сообщал в письме к П. П. и Ф. С. Ивановым от 5 февраля 1835 г. («Письма», I, 60—61).

² К. Г. Белинский отправился в Москву и пробыл там с января по 18 июля 1835 г. Не устроившись в Москве, возвратился в Чембар. 13 сентября 1835 г. К. Г. Белинский был определен в число канцелярских служащих Чембарского уездного суда. Умер, находясь в отставке, 16 января 1863 г. См. сб. «В. Г. Белинский. 1848—1948», Пенза, 1948, стр. 146—147.

109. Г. Н. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

⟨Чембар, 21 января 1835 г.⟩

Виссарион Григорьевич.

Предоставляю при сем тебе последнего моего сына, а тебе меньшого брата, по требованию твоему взять на свое коего содержание, не оставь его; я ныне нездоров, когда время подкрепит ослабшие мои силы, тебя не забуду.

И к тебе написал сию записку с дрожащею рукою, происшедшей в правлении в Елисейские поля, ты не подумай, чтоб сия смертность происходила от возбуждающих средств¹.

Остаюсь твой доброжелательный отец

Григорий Белинский

21 января 1835 года

Р. S. Попроси Алексея Петровича о неоставлении Константина.

¹ Это письмо, посланное Г. Н. Белинским при отправлении к Белинскому его брата — Никанора, было, вероятно, одним из последних писем отца; Г. Н. Белинский скончался в ночь с 3 на 4 июля 1835 г., не пережив и годом своей жены. См. сб. «В. Г. Белинский. 1848—1948», Пенза, 1948, стр. 159.

110. Е. П. ИВАНОВА — БЕЛИНСКОМУ

Керенск, 1835 года, января 25

Я опять собралась написать вам коротенькое, маленькое письмецо, любезный Виссарион Григорьевич. Что делать! Не могу писать письма, как только в миниатюре — в миниатюре во всех отношениях. Не прогневайтесь на меня за это. Чем богата — тем и рада. Но, Впрочем, по-моему, лучше писать маленькие письма, нежели не писать никаких. Вот, например, я вот в миниатюре, да пишу вам изредка, а вы и вовсе никогда. Я бы весьма была довольна и тем, чтобы писали ко мне в таком же количестве, как я вам пишу, а вы, *monsieur le savant**, так загнувались против нас, провинциалов, что даже нас малейшим вниманием не удостоиваете.

Вы желаете иметь мою французскую библию; посылаю вам, пользуйтесь ею сколько вам угодно, и когда она вам будет не нужна, то прошу мне ее возвратить. Я много дорожу этой книгой, как по ее достоинству, так и потому больше, что она мне подарена Иваном Осиповичем в знак памяти.

Что вы не побываете в наших местах, уж как бы хотелось повидаться с вами! Неужели вам нет возможности приехать сюда? Какой бы отрадой был проезд ваш для Александры Григорьевны и Дарьи Евсеевны! <...>

Приписка П. П. Иванова (отца):

При сем и я, милостивый государь Виссарион Григорьевич, свидетельствую усерднейшее мое почтение и благодарю покорнейше за неоставление Пети. Прошу вас особенно продолжать ему ваши наставления и уведомить, почему он остался не помещенным в гимназию <...>

В опускаемой части приписки П. П. Иванов запрашивает о мерах, принятых для определения в гимназию его сына Петра.

111. Е. П. ИВАНОВА — БЕЛИНСКОМУ

Керенск, апреля 25 <1834—1835 г.>

Милостивый государь
Виссарион Григорьевич!

Я чрезвычайно сожалею, что переписка моя с вами так давно прекратилась. Совершенно обвиняю себя в этом и от всей души прошу вас извинить меня и не лишать того дружественного расположения, которым я прежде пользовалась и которое для меня всегда неоцененно. Я полагаю, что вы совсем меня забыли или имеете какое-нибудь особенное на меня неудовольствие, потому что вы на письмах своих ни с кем и нигде обо мне не вспоминаете; пожалуйста, объясните мне причину этого, а то меня очень огорчает такое забвение ваше.

Я не в состоянии выразить, как мы все вам благодарны за ваше старание об Петеньке, а особливо папенька не знает, <как> оценить ваше одолжение. За обязанность сочла бы я отплатить вам сколько-нибудь, заняться французским языком с Никанорочкой, но он такой стал лютый зверь, что к нему страшно приступить; как жаль, что мальчик с такими дарованиями испорчен так, что едва ли его можно будет исправить. Но простите меня, что я вам напоминаю о таком предмете, который, может быть, вас много огорчает <...>

В заключение моего письма еще прошу вас простить за мое молчание, не мстить мне; пожалуйста, Виссарион Григорьевич, не откажите мне в удовольствии получать приятные для меня ваши письма, вы этим совершенно обяжете искренно почитающую и уважающую вас

Катерину Иванову

* Господин ученый (фр.).

В опускаемой части письма Е. П. Иванова сообщает подробности о своей жизни.

Упоминаются: В. П. и Ф. С. Ивановы.

112. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1835 года. Августа 1 дня.

Любезный брат,
Виссарион Григорьевич!

Наконец, к радости сестры, бабушки и всех домашних приехал я в Чембар 26 числа июля, в пятницу, часу в 4-м утра, пробыв в дороге восемь дней¹ <...> Вечером того дня получили твои письма, кои я и прочел, кому следует² <...> Спроси Алексея Петровича, чтобы он сказал тебе, можно ли будет прямо от тебя послать в Пензу прошение в Консисторию о выдаче свидетельства <о рождении и крещении Никанора Белинского>, и ежели можно, то и пошли, а ежели почему-либо невозможно, то пришли ко мне рублей 25 денег, чтобы мне выхлопотать, без коих с нашим братом, подьячим, и не сладишь <...> Данные тобою деньги, 25 ассигнациями, мною отданы сестре, но только не все, а четыре талера, ибо я в Рязани разменял бывшую ассигнацию, потому что не достало денег на дорогу, а потому и прошу тебя, именем сестры, прислать ей сколько будет можно денег, без коих ей плохо, ибо все купить надобно, а нас пять человек теперь (бабушку с Анною не включаю в число сие потому, что она особенно имеет стол). Я же прошу тебя, или напоминаю, чтобы ты прислал мне обещанный экземпляр книги: Стихотворений Кольцова и о «Телескопе» с «Молвою» (мод картинок) <...> Бабушка, сестра и все домашние тебе кланяются. Алексею Петровичу, Дмитрию, Никанорочке, Петеньке кланяюсь и всех вас заочно целую.

БЫВШИЙ «РЕКТОРСКИЙ ДОМИК» ВО ДВОРЕ СТАРОГО ЗДАНИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ЗДЕСЬ В 1836 г. ЖИЛ (У Н. И. НАДЕЖДИНА) БЕЛИНСКИЙ

Комната Белинского находилась во 2-м этаже

Фотография А. А. Сергеева, 1950 г.

Елизавете И. Шрейдер и Елеоноре Яковлевне тоже кланяюсь, равно и всем знакомым. Затем прощай, мой любезный. Помни и пиши ко мне <...>

Бабушка благодарит тебя за письмо. Сестру папинька благословил.

В опускаемой части письма К. Г. сообщает о своем поступлении на службу; о хлопотах по назначению пенсии сестре и брату Никанору; подробности о смерти Г. Н. Белинского.

Упомянуты: Анна, А. Г., Г. Н. и Н. Г. Белинские, Н. Д. Брычев, Д. В. Гаврилов, Дмитриев, А. П., Д. Е., Е. П. и Ф. С. Ивановы, К. П. Исаев и П. Д. Юрьев.

¹ См. примеч. 2 к письму № 108.

² Эти письма Белинского неизвестны.

113. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1835 года, августа 20 дня

Любезный брат

Виссарион Григорьевич!

2 числа августа я послал к тебе письмо, адресованное мною на имя Алексея Петровича, с передачею тебе, которое, я думаю, уже тобою и получено <...> 24, 25 и 26 № «Молвы» я получил 17 числа, чему был очень рад и за что тысячу раз благодарю тебя, мой любезный, — в рассуждении простого тобою мальчика скажу, что отец онога на отправление его согласен, равно и тот, но остановилось дело в том, что не с кем его отправить в Москву¹ <...> Бабушка, сестра и все домашние кланяются тебе и ждут на будущую весну в Чембар, как и я <...>

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает о своем житье-бытье; о хлопотах, связанных с назначением пенсии сестре; просит о высылке доверенности и «деньжонок» («право, нужны»). Посылает поклон А. П., Д. П. и П. П. Ивановым, брату Никанору, Черкасовым, Владыкиным, П. Я. Петрову, А. М. Сахарову. Приветы родственникам повторяются в каждом письме К. Г. Белинского и в дальнейшем нами не оговариваются.

Упомянуты: А. Г. и Н. Г. Белинские, Владыкины, Д. В. Гаврилов, О. П. Говржецкий, А. П., В. П., Д. Е., Д. П., Е. П. и П. П. Ивановы, Д. К. и К. А. Исаевы, Кобце, Кугушев, А. Н. Лопатин, А. А. Панчулидзе, П. Я. Петров, А. М. Сахаров и Черкасовы.

¹ О крепостном мальчике Иване Федорове, выписанном Белинским в Москву, см. упоминания в «Письмах», I, 76, 82, 101; II, 21, 52, 55 и в №№ 114, 122 и 151 настоящей публикации.

114. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1835 года, сентября 26 дня

С особенным удовольствием берусь за перо и спешу уведомить тебя, любезный брат, что я, благодаря милосердного бога, определен, наконец, в Чембарский земский суд <...> Письмо твое от 29 августа я получил 6 сего сентября¹, на которое и скажу тебе, что я получил «Молвы» 12 №№, а «Телескопа» 6 №№ и 10 листов «Живописного обозрения», за присылку коего приношу тебе, брат, чувствительную мою благодарность; ты оным доставил мне тысячу удовольствий, тем более, что я получил его неожиданно. Ты доказал мне, что меня любишь и стараешься доставить приятное и полезное чтение, присылая «Телескоп» с «Молвою» и «Живописное обозрение». В Чембаре книг хороших достать негде, а особливо таких; здесь не заботятся о образовании ума и сердца, а о желудке имеют лишь печение. Ты пишешь, что по временам будешь присылать и другие мне книги, очень

рад и благодарю тебя, мой друг, за такое твое о моей пользе старание; я во всю мою жизнь не в состоянии тебя отблагодарить за то, что ты для меня делал и делаешь; по крайней мере я чувствовать буду в сердце и молить за тебя милосердного бога, который ко мне столько милостив, что я узнал теперь <...>

В Чембаре останавливались недавно проезжие из Москвы², тебе хорошо знакомые, как говорили они Ионовым, у коих останавливались они в доме, что ты к ним часто ходишь и поминаешь все о сестре и что будто бы ты получишь скоро 7000 тысяч <!> Напиши, пожалуйста, кто они такие, а я скажу, что они родня помещику Пензенского уезда Золотареву, у коего наш Н. Г. Спицын взял жену себе.

Напиши еще, пожалуйста, присылать ли тебе того мальчика, о коем ты писал прежде, ибо отец одного то и дело докучает мне насчет сего, потому что он его отдает в услужение по разным местам <...> Нельзя ли тебе прислать согласие на бумаге, что мы дом сестре отдаем, для переделания крепости на ее имя, без чего и продать ей нельзя будет, ибо дом по закону принадлежит сыну или сыновьям.— Доволен, очень доволен тобою, любезный брат, за твою ко мне любовь и попечение о мне; ибо ты один только любишь меня и печешься о моей пользе, как о своей собственной: я счастлив тобою!.. <...>

Бабушка и все домашние тебе кланяются <...> Сестра просит, нельзя ли будет с попутчиком прислать ей замши для башмаков.

Приписка А. Г. Белинской: И я, милый братец, уведомляю тебя о себе <...> Прошу тебя, не откажи прислать доверенность <...>

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает подробности о своем поступлении на службу; передает семейные новости и поручения братьям Ивановым. А. Г. Белинская сообщает о своем намерении продать старый дом и купить новый.

Упоминаются: А. Г. и Н. Г. Белинские, А. В. Великопольская, Л. С. и М. А. Владыкины, В. Данилов, Н. А. Дьячков, Дьячковы, Золотарев, А. П., Д. Е., Д. П., П. П. и Э. Я. Ивановы, Ионовы, Е. П. Лопатина (Иванова), Н. Пулин, А. М. Сахаров, Цвернер, Черкасовы и Яков Андреевич.

¹ Это письмо Белинское неизвестно.

² Кто были эти проезжавшие через Чембар знакомые Белинского, не установлено. Судя по тому, что К. Г. Белинский, говоря о них, употребил местоимение «онъ», — речь идет о женщинах.

115. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1835 года, 17 октября

Любезный брат!

В последнем письме моем от 26 сентября уведомлял я тебя, что я по милости бога определен, наконец, в земский суд и о прочем <...> 7 № «Телескопа» и 14 листов «Живописного обозрения» и 35, 36, 37, 38 №№ «Молвы» получил, за что и благодарю <...> Домашние все тебе кланяются. Пожалуйста, пиши подробнее обо всем <...> До будущего свидания* <...>

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает о переезде семьи в новый дом и передает чембарские новости.

Упоминаются: А. Г. и Н. Г. Белинские, Васильев, Л. С. Владыкина, И. М. Декартов, А. П., Д. Е., Д. П. и П. П. Ивановы и Козицын.

* В июне 1836 года. Понимаешь? — Прим. К. Г. Белинского.

116. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1835 года, ноября 28 дня. № 7-й

Любезный брат!

Не знаю, чему и приписать твое молчание; обвинять тебя или нет — не могу и придумать. Три письма послал к тебе и ни на одно из них не получал от тебя ответа <...> Что такая за немилость ко мне? Скажи, бога ради; кажется мы с тобою живем ладно. Точно, ты теперь занят изданием «Телескопа» и другими делами, я это знаю; но все-таки можно уделить два-два минуты на то, чтобы написать ко мне... хоть несколько строк и уведомить о себе, своих делах, надеждах, о брате Никанорочке, его успехах в учении и поведении, также и приятеле его Петиньке и друзьях моих Алексее и Дмитрие Петровичах; ведь они мне родные. «Телескоп» с «Молвою» и «Живописное обозрение» получаю я своевременно, как ты и писал мне о сем. «Телескопа» получено мною четыре №№, «Молвы» до 44 №, «Живописного обозрения» всего 18 листов. О последнем скажу тебе, что я читаю оное с жадностью и великим удовольствием, равным образом и «Телескоп», в коем мне нравится статья твоя: «О русской повести и повестях г. Гоголя». Ты, может быть, подумаешь, прочтя сии строки, что я потому хвалю, что она писана тобою, как моим братом [почему так и хвалю я]. На это скажу тебе, что твоими сочинениями не я один восхищаюсь, а многие из московских литераторов и читающих, как г. Башилов, в письме своем к Надеждину хвалил твои «Литературные мечтания», что тебе известно, и даже сам читал то письмо <...>

В свободное <...> от должности время читаю «Телескоп» с «Молвою» и «Живописное обозрение» <...> Из полученного мною 23 ноября 44 № «Молвы» узнал я о вышедших в свет Стихотворениях А. Кольцова, почему и прошу тебя, брат, как ты мне и обещал, прислать оные чрез газетную экспедицию Московского почтамта <...>

Умоляю и прошу тебя писать ко мне скорее и подробнее обо всем <...>

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает о своих успехах по службе, о смерти нескольких земляков. Просит выслать 25 рублей для получения консисторского свидетельства о рождении брата Ниванора («Скажу тебе, ежели хочешь, чтоб Никанор был в университете, то присылай деньги, хоть займи, а то после хуже будет...»).

Упоминаются: Андреев, Анна, Антюшин, Н. Г. Белинский, А. и Н. А. Васильевы, Владыкины, Д. В. Гаврилов, Гриероссова, П. Г. Давыдов, И. М. Декартов, Дмитриев, А. Я., П. Я. и Я. Е. Доросфеевы, Егоров, В. Жилинский, А. П., Д. П. и П. П. Ивановы, А. Я. Невешкинский, Я. Теплов и Черкасовы.

117. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1836 года, июня 12 дня. № 12

Любезный брат,

Виссарион Григорьевич!

Приятнейшею почел обязанности уведомить тебя, что сестре Александре, вследствие просьбы ее, выдано из Чембарского уездного казначейства 630 р. ас. единовременного пособия <...> Благодарю тебя, любезный брат, тысячу раз за получаемый мною «Телескоп» с «Молвою» сего года, коим доставляешь мне очень много приятного чтения; в числе прочих статей есть в оном и твои, из коих понравилась мне очень: «Отчет г. Надеждину за прошлое полугодие (1835) русской литературы». В рассуждении дома нашего, скажу тебе, что на поправку его надобно употребить рублей 300,

и тогда он будет довольно покоен зимою <...> Ежели бы приехал ты, любезный брат, *тогда бы устроил все сам!!! как знаешь в доме нашем!!!* а теперь у нас никакого, как говорится, толку нет — все разногласица; меня ж сестра не слушает и не хочет ни в чем со мною посоветоваться, *хотя и могу ей всегда дать во всем хороший совет, ибо, благодаря бога, имею рассудок разумного существа!!! и кое-что получив от чтения книг, скорее ее могу видеть добро и худо!!!* Что ж делать! Не хотят, то бог с ними! **В о л ь н о м у** воля, а **спасенному** рай, как говорится.

Не получая от тебя столь долгое время письма в ответ на мое о согласии или несогласии приехать к нам, в Чембар, я не знаю, что об этом и подумать, но только знаю, что сердиться тебе на меня не за что и даже грех, ибо я чувствую себя, что совесть моя ни в чем и ни за что не упрекает мне. Обиды никакой тебе не сделал, да и за что, спрашиваю, буду на тебя сердиться? тогда как я люблю тебя по-братски и очень хорошо умею

ОСНОВАНИЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ,

для первоначального обученія,
составленные

Виссаріоноиъ Бѣлинскииъ.

М. 1837 г. (8) въ т. Н. Спеп. цѣна 4 р. 20 к., за пересылку прилагается за 1 ф. — для желающихъ взять сей Грамматики не мене ста экз., дѣлается 50 руб. УСТУПКИ. пересылка же оной осмается на щель покупщика.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ВЫХОДЕ В СВЕТ И ПОСТУПЛЕНИИ В ПРОДАЖУ КНИГИ БЕЛИНСКОГО «ОСНОВАНИЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ»

Объявление было помещено в «Прибавлениях» к газете «Московские ведомости» № 46 от 9 июня 1837 г.

ценить то, что ты для меня делал и делаешь; повторяю: *я еще не совсем по форме провинциал, а сколько-нибудь похожу на образованного человека*; следовательно, умею понимать и ценить все, как человек с чувствами и понятиями!!! Но довольно! Что твердить одно и то же тому, кто все это знает¹.

Сделай милость, брат, приезжай к нам скорее: все тебя ждут с нетерпением, а ты и писать к нам не хочешь <...> Нет! видно ты не любишь и забыл нас. По крайней мере скажи, за что и на кого больше.

Бабушка, слава богу, здорова, она тебе и Никанорочке кланяется, равно и все домашние. Анна Васильевна Великопольская тоже кланяется тебе <...>

В опускаемой части письма подробности о пенсии и единовременном пособии, выданном сестре; о ремонте дома; чембарские новости.

Упомянуты: А. Г. и Н. Г. Белинские, М. А. Владыкина, А. П., Д. Е., Д. П. и П. П. Ивановы, Козицын, М. Н. Кузьмин, С. И. Рейтаров, Е. Ф. Черкасова и П. И. Югов.

¹ Строки, выделенные нами курсивом, подчеркнуты в рукописи Белинским. Ему же принадлежат иронические восклицательные знаки.

118. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, Июля 3 дня, 1836 года. № 13

Любезный брат,
Виссарион Григорьевич!

Начинаю письмо мое уведомлением, что ездивши я недавно в Пензу для получения на 28 дней отпуска на проезд к тебе в Москву с сестрою, получил из консистории столь нужное о рождении и крещении Никанорочки свидетельство <...> «Телескопа» на 1836 год я получил 8 №, прошлого года 16 №, «Молву» всю, а «Ж<ивописного> обозрения» 44 листа. За все благодарю тысячу раз тебя, любезный брат. В Чембаре в свободное от должности время одна для меня отрада — книги, любезные книги, и потому мне нужно — хлеба, чтоб не умереть физически, а книг, чтоб нравственно не умереть. Присылай их, прошу тебя, чаще. Прощай <...>

В опускаемой части письма просьба к А. П. Иванову ходатайствовать перед П. Д. Юрьевым о назначении К. Г. Белинского столоначальником и чембарские новости.

Упоминаются: А. Г. и Н. Г. Белинские, Великопольские, Е. В. Декартова, А. П., Д. Е., Д. П. и П. П. Ивановы, М. Н. Кузьмин и П. Д. Юрьев.

119. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 11 сентября 1836 года. № 14-й.

Любезный брат,
Виссарион Григорьевич!

Вздумал я жениться и уже нашел себе по сердцу невесту, Александру Капитоновну Исаеву <...> Объяснив тебе о сем, я прошу теперь твоего, брат, совета, что мне делать: жениться или нет; на первое, я думаю, ты скорее будешь согласен <...> Пиши, пожалуйста, с первою же по получении письма сего почтою, что и как ты о сем думаешь, ибо я люблю тебя и не хочу без твоего согла<си>я жениться, хотя мне 18 сентября и стукнет 24 года, а я сирота!.. Книги от тебя получил, за что и благодарю от души <...> «Телескопа» 1836 года получил 11 №№, а 1835 — 20 №№ <...>

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает о своих служебных делах и о пребывании Николая I в Чембаре.

Упоминаются: А. Г. и Н. Г. Белинские, Великопольские, А. П., Д. Е., Д. П. и П. П. Ивановы, А. К., Д. К. и К. А. Исаевы, Николай I, Черкасовы и П. Д. Юрьев.

120. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар. Октября 1 дня 1836 года. № 15.

Любезный брат,
Виссарион Григорьевич!

Письмом моим от 11 сентября я уведомлял тебя, что я сватаю себе у Капитона Андреевича Исаева дочь <...> Как теперь, по милости и соизволению бога, я имею невесту, а сестра жениха, то и прошу тебя именем священного союза родства и любви не оставить нас своим драгоценным для нас присутствием при церемонии наших свадеб. Ах! друг мой! Как редко это бывает, чтобы сестра с братом в одно почти время имели у себя жениха и невесту <...> Брат! Сделай милость, приезжай к нам и замени собою нам отца в сей важный час торжества наших обетов пред престолом спасителя — быть добрыми, мне мужем, а сестре женою <...>

Приписка А. Г. Белинской:

И я, милый братец, уведомляю тебя о помолвке моей, не знаю, будешь ты этому доволен; милый братец, приезжай к нам, если можно, ты нас очень утетишь, теперича буду беспокоить мою просьбою, купи мне часы подарить жениха, деньги я пришлю как возьму с Пономарева, сделай одолжение, исполни мою просьбу, деньги пришлю.

А. Б.

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает подробности о своем сватовстве; описывает семью невесты; извещает о помолвке сестры с М. Н. Кузьминым.

Упоминаются: Е. В. Анфельц, А. Г. и Н. Г. Белинские, Гороховские, А. П., Д. П. и Ф. С. Ивановы, А. К., В. К. и Д. К. Исаевы, В. А. Керский, М. Н. Кузьмин, Н. И. Перлатов, С. И. Рейтаров и И. И. Югов.

121. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 9 октября 1836 года

Любезный брат,
Виссарион Григорьевич!

Как помешанный хожу взад и вперед по комнатам с выступившими на глазах слезами, думая о том, что родная бабушка и крестная мать отказала в крайней моей нужде, снабжением денег для отдачи портному <...> Ежели ты мне брат не по одному звуку слова, а любишь меня за что-нибудь, то ради самого милосердного бога приезжай ко мне на свадьбу — я буду ждать тебя с нетерпением, как моего утешителя. Родные невесты моей тоже очень желают видеть тебя у нас в сей торжественный для меня...* час моей женитьбы <...>

Приезд твой ко мне будет для меня большою радостью <...> Теперь, ежели ты мне брат, то приезжай ко мне, а в противном случае я забуду сам тебя. Довольно! Прощай, душа моя! Желая тебе благополучного пути до Чембара <...>

В опускаемой части письма К. Г. Белинский жалуется на бабушку и сестру («О люди, люди, кто постигнет вас! О времена! о нравы!» и т. п.).

Упоминаются: А. Г. и Н. Г. Белинские, А. П., Д. Е., Д. П. и П. П. Ивановы.

122. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва, 1837 года, июня 18-го

Любезный Виссарион!

За болезнь Николая, я принял на себя обязанность отправить к тебе книги. Посылаю тебе Грамматику Греча и Востокова и два экземпляра твоей Грамматики. Извини, что не мог выслать их с первою почтою, по получении письма твоего; мы едва могли отыскать книги, а Логикку Кизеветтера совершенно не нашли ни на немецком, ни на русском языке. На русском есть у Николая; но та, как говорит он, принадлежит ему и нужна для него самого; на немецком я просил чрез детей у <М. А.> Бакунина; но он сказал, что будет писать скоро свою и ему нужна тоже. Приискивая книги, я пропустил почту и рад душевно, что хоть теперь могу отчасти исполнить твое желанье.

Продажа твоей Грамматики идет чрезвычайно медленно, несмотря на то, что об ней объявлено от Глазунова и Полевого в одном из номеров газет прошедшей недели; экземпляра три я продал на своих уроках.

* Многоточие в подлиннике.

К Глазунову и Полевому отнесено по 25 экз (эмпляров) давно уже, а денег за них не получали ни копейки, сам Глазунов уехал в Петербург, и относиться не к кому. <К. С.> Аксаков приходил к Николаю и говорил, что он напишет свое объявление о продаже и напечатает его; между тем сказывал, что Степанов просит денег за напечатание. Со всех сторон нужны уплаты, а дохода от продажи получено только 12 р. ас. и то с моих уроков; в дом решительно не приходит никто, и в 3 недели у Глазунова продано только 3 экземпляра; мы с братом тоже обедняли деньгами, лето лишает меня уроков — и теперь нет никакой возможности подвинуть дело вперед <...> Дети живут в твоём кабинете и ходят туда через кухню. Занимаются они прилежно и много успевают — Никанор в немецком, а Петя в французском языке; часто ходят к Станкевичу, к меньшему брату, который еще остался в Москве для минеральных вод¹, также к <М. А.> Бакунину, который обещался учить их логике, истории и наставлять в занятиях языками; в свободное время я занимаюсь с Никанором русской грамматикой. — Когда будут деньги у меня и от твоей Грамматики, я постараюсь заняться их экипированием, достану лексиконов и книг, нужных для занятий. Вот тебе все подробности, какие только мог я припомнить для тебя второпях.

Пиши к нам о твоём здоровье, как оно? Помогают ли тебе воды и как живешь ты? Напиши, не нужно ли что предпринять для Грамматики, для детей. О квартире, содержании не беспокойся: мы устроим так, чтобы источник денежный для расходов не пресекался; в случае нужды, я и брат поможем своими деньгами, и все твои просьбы, желания, распоряжения в точности будут исполнены. Я это говорю с уверенностью, с надеждою, происходящею от любви и уважения к тебе, которые сохраняются в глубине пустоты моей и сохраняются вечно, при всех возможных переменах в наших с тобою отношениях, — при всех представлениях твоих об нас. Кланяюсь и желаю здоровья всем вам. — Лечись прилежнее и не налагай худой славы на Кавказ; не беспокойся ни о чем и употребляй все средства для того, чтобы твоё здоровье было совершенным перерождением, чтобы мы увидели в тебе человека, нового во всех отношениях, увидели юного, прекрасного; чтобы при встрече не ты должен был назвать меня своим племянником, но я тебя правнуком. — Нет на Кавказе Белинского, кроме Виссариона, а в Москве Дмитрия, как усердного слуги его, кроме Иванова.

Мой поклон Ваничке, скажи, чтобы он писал к отцу. Береги его, пожалуйста. Пришли хоть кусочек снежку с Эльбруса, чтобы прохладить уста, запекшиеся от жара и пыли! Ты оживаешь, мы умираем постепенно в нашем проклятом климате.

Пиши на имя брата в Сенат, если будешь писать к нам, и пришли свой адрес, о котором, я не знаю почему, ты забыл написать.

Книг из Петербурга я не получал, часто достать негде, хочу при первых деньгах хоть втридорога купить у Эльцнера. Заниматься решительно не по чему: особенно книг нет таких, каких мне нужно.

Бакунин сказывал, что Н. А. Полевой будет писать в «Библиотеке для чтения» об твоей Грамматике.

Бакунин обещал помогать в деньгах для твоей квартиры; достал для детей учителя латинского языка, и они скоро будут ходить к нему учиться, даже хотел Петю сводить к Лангеру учиться на фортепьянах².

В опускаемой части письма Д. П. Иванов сообщает о своих домашних делах.

Упомянуты: Дарья Титовна, Н. П. Иванов и А. И. Красовский.

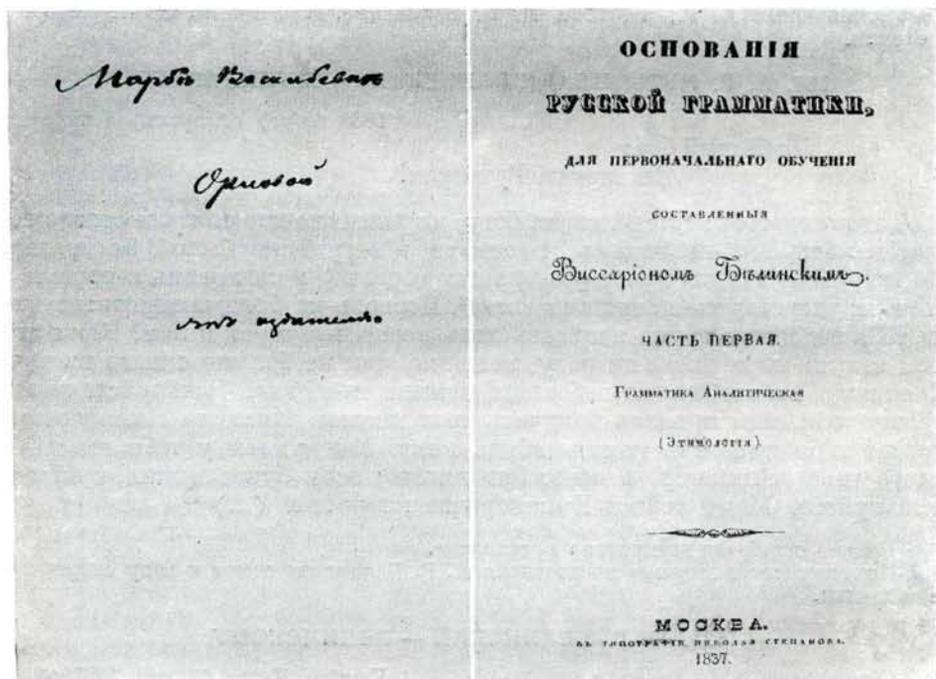
¹ «Меньший брат» Н. В. Станкевича — Александр Владимирович Станкевич (1821 — 1912), о котором см. в «Лит. наследстве», т. 56, стр. 104—106 и 282—290. В письме от 21 июня 1837 г. Белинский писал брату Никанору и П. П. Иванову: «К Станкевичу можно ходить чаще, раза два или три в неделю. Постарайтесь с ним сблизиться, это знакомство будет вам полезно, потому что он умный и образованный малый; вы дети в сравнении с ним» («Письма», I, 77).

² Ответное письмо Белинского — от 3 июля 1837 г. — см. «Письма», I, 81—82.

123. А. Г. КУЗЬМИНА (БЕЛИНСКАЯ) — БЕЛИНСКОМУ

1837 году, декабря 16 чи(сла)

Любезный брат Виссарион Григорич, по письму Петра Петровича я узнала, что ты возвратился с Кавказа, теперь надежда наша кончилась когда-нибудь тебя увидеть, так как ты писал, что заедешь к нам в августе или в сентябре, мы считали все дни и часы, чтобы тебя увидеть, но не знаю, по какому случаю ты этого не исполнил, даже не хотел уведомить о приезде своем <...> Петр Петрович пишет, чтоб прислать тебе грамоту или копию грамоты выхлопотать очень нетрудно и недолго, но на это надо деньги, и грамоту надо взять для всех, тебе, мне и Никанору, а как говорят, что это будет стоить рублей 50, потому я себе не беру грамоты,

ЭКЗЕМПЛЯР КНИГИ БЕЛИНСКОГО «ОСНОВАНИЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ КРИТИКА М. В. ОРЛОВОЙ (ЕГО БУДУЩЕЙ ЖЕНЕ) Музей при Московском университете им. М. В. Ломоносова

что не имею денег. С братом я помирилась и крестила у них сына. Акулина просится на волю, пришли, брат, пожалуйста, что нужно с твоей стороны. Спроси у Петра Петровича, как это сделать <...>

Приписка М. Н. Кузьмина:

Любезный брат,
Виссарион Григорьевич!

Рекомендую Вам себя, как ближайшего Вам родственника, и прошу Вас не лишите меня Вашего расположения и Вашей любви. Лично видеть и познакомиться с Вами надежда моя, с возвращением Вашим из Кавказа прямо в Москву, не исполнилась <...>

Брат Ваш
Михаил Кузьмин

Приписка К. Г. Белинского:

Любезный брат! После продолжительной ссоры с сестрою, а от того прошедшей и с тобою, я наконец по доброте своего сердца забываю все неудовольствия и ссоры, но хоть и не причисляю лично к себе, считая себя правым; ибо я неспособен и ненавижу вообще всяких неудовольствий <!>, а особливо с родными по сердцу. Ты еще и не поздравил меня с женитьбою, а у меня уже родился сын Михаил 8 ноября, поздравления с рождением его я жду теперь от тебя, надеясь, что ты вспомнишь своего брата, которой на тебя никогда не имел причины бранить <!>, а напротив часто, очень часто вспоминаю о тебе... и это-то воспоминание отгоняет от меня в часы грусти земную грусть души <...>

В опускаемой части письма — сообщение о серьезной болезни бабушки — Дарьи Евзеевны Ивановой; семейные новости.

Упомянуты: А. Г., К. Г. и Н. Г. Белинские, Владыкины, П. П. Иванов и Щеглины.

124. А. Г. КУЗЬМИНА (БЕЛИНСКАЯ) — БЕЛИНСКОМУ

1838 го<да> <февраля> 4 чи<сла>¹

Любезный брат

Виссарион Григорич!

Уведомляю тебя, что мы, слава богу, здоровы, но нас опять постигло несчастье: бабушка скончалась 31 генваря, а погребение было 2 фе<враля>. Но, впрочем, это несчастье уже не так горестно в сравнении с первым и вторым: уже старуха пожила на свете². Позволь-ка, брат, попенять: неужели тебе недостает время написать хоть несколько строк к нам? Как я вышла замуж, ты не писал ни разу, кажется, или не больше одного письма. Как видно, мы о тебе помним больше, нежели ты об нас. Пожалуйста пиши, прошу тебя, нам приятно получать твои письма. Михаила Никифорович просит тебя прислать каких-нибудь книг. Мы думаем, у тебя их очень много даже и лишних, а он любит читать; если будет оказия, пришли, пожалуйста. Миша тебе и Никанорочке кланяется <...>

¹ Письмо ошибочно датировано «4 генваря».

² Под «первым и вторым» несчастьями А. Г. Белинская имеет в виду смерть матери и отца.

125. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар. Июня 13 дня, 1838 года¹

Любезный брат,

Виссарион Григорьевич!

В письме своем, мною полученном сего же числа, ты пишешь насчет присылки тебе копии с формулярного о службе покойного батюшки согласия цесаревича Константина Павловича на крещение тебя и копии с грамоты о дворянстве, выданной мне; на что скажу тебе о первой, что оную можно получить скоро, а второй, что она уже еще в 1838<!> году отдана мною сестрице Федосье Степановне для пересылки тебе в Москву, а о последней, что оную тоже можно скоро исхлопотать, ежели поехать самому в Пензу, и с деньгами, но как я ныне да и никогда почти в руках не имею, а без них, проклятых, ничего сделать нельзя <...> Ежели желаешь скоро получить означенные копии, то немедленно присылай денег. Я со своей стороны готов для тебя хлопотать. Очень рад, что ты нашел себе должность, с чем и поздравляю тебя; желаю получить желаемый тобою успех².

Благодарю тебя, друг мой, за присылку мне книжки «М<осковского> наблюдателя». Уведомь меня, буду ли я получать и следующие оною книжки. Сын мой, а твой племянник заочно целует тебя... Да! Ах! извини, брат, за грамматику благодарю тебя: я получил оной 3 экземпляра <...>

В опускаемой части письма К. Г. Белинский перечисляет расходы, связанные с получением документов.

¹ Это письмо является ответом на опубликованное в отрывке («Письма», I, 188) письмо Белинского и несколько уточняет его датировку.

² Белинский сообщил брату о своем поступлении в качестве учителя в Константиновский межевой институт.

126. А. Г. КУЗЬМИНА (БЕЛИНСКАЯ) — БЕЛИНСКОМУ

1838 года, ноября 1 число

Любезный брат

Виссарион Григорич!

Я виновата, что так долго не писала к тебе — с нами был довольно неприятный случай по службе моего мужа <...> Прошу, брат, уведоми меня насчет грамоты — получили или нет — я подавала, но мне сказали, чтобы я представила все документы покойного отца и свидетельства о рождении. Проси, пожалуйста, на всех — тебе все равно одни хлопоты и издержки <...>

В опускаемой части письма А. Г. Кузьмина сообщает подробности о служебных неприятностях своего мужа и семейные новости.

Упоминаются: Н. Г. Белинский, А. и В. Даниловы, А. Н. Красовская, М. Н. Кузьмин, А. Никифорова, С. И. Рейтаров и Ухменцев.

127. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 1838 года, ноября 15 дня

Любезный брат,

Виссарион Григорьевич!

Покойная наша мать, умирая, завещала нам отпустить на волю Авдотью, которая была записана и по сказкам 8 ревизии за нею; следовательно, нам, как оставшимся после ее наследникам, должно было исполнить волю той, которой мы обязаны жизнью <...> Сестра же наша <...>, решившись отпустить ее на волю, просит с нее 100 рублей, которые деньги она хоть дать ей и согласна, но для нее эти деньги стоят дорого, и она каждый рубль должна оплакать. Я, как тоже наследник и имея право в получении следующей от оных денег четвертой части, начал ей о том говорить, а она сперва было и соглашалась, а напоследок изъявила несогласие и хотела писать к тебе, как к старшему брату. Узнав о том, я тоже вздумал писать к тебе, в предупреждение ее письма, зная ее несправедливость в жалобах на меня, что уже было в 1836 году во время моей женитьбы. Она тебе то насажала на меня, чего я и во сне не говорил, тем самым расстроила меня с тобою и с родными, хоть я и не был перед ними виноват <...> Брат! Если ты по-прежнему любишь меня, то прошу тебя, немедленно отвечай на письмо мое и научи, что мне делать в рассуждении Авдотьи, которая за претерпенные ею горести и заслуги стоит чтоб отпустить на волю, не брав с нее ни копейки, которые для нее дороже всего¹. Сделай милость, уведошь меня, что твоя грамота. Дмитрий Капитонович <Исаев>, бывши с губернатором в Чембаре, говорил мне, что он постарается помочь в скорейшем получении грамоты.

«Наблюдателя» я получил 8 книжек, за что вторично от души тебя благодарю — им доставляешь мне тысячу удовольствий <...>

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает семейные новости.

Упоминаются: А. Г., А. К. и Н. Г. Белинские, А. и В. Даниловы и А. П., Д. П. и П. П. Ивановы.

¹ См. выше письма №№ 94-а и 96.

128. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

<1838 г.?)

Любезный брат,
Виссарион Григорьевич!

Посылаем тебе копию с формулярного списка о службе покойного батюшки и копию с выданной мне грамоты о дворянстве и согласие великого князя Константина Павловича; формы же просьбы о выдаче из собрания грамоты не посылаю, ибо затерял; о ней ты можешь справиться в Двор<янском> собрании. О дальнейшем действии о выдаче тебе... грамоты я буду стараться чрез посредство Исаевых <...>

В опускаемой части письма К. Г. Белинский, ссылаясь на свою занятость, обещает писать позднее более обстоятельно.

129. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 16 июня 1839 года

Любезный брат,
Виссарион Григорьевич!

Доставитель сего письма, брат жены моей, Дмитрий Капитонович, с коим я от души желаю тебе познакомиться не как с чужим, но уже близким тебе по мне¹. Благодарю тебя за доставляемый тобою «Наблюдатель» — им доставляешь мне тысячи удовольствий. «Пятидесятилетнего дядюшку» я прочел и восхищаюсь им не потому, что он писан тобою, как близким мне по сердцу, но по хорошему взгляду на жизнь провинциала. Прекрасная драма! <...>

В опускаемой части письма К. Г. Белинский извещает о своих служебных успехах. Просит сообщить о свидании с Исаевым.

Упоминаются: А. К. Белинская и Д. К. Исаев.

¹ В письме к брату Константину от 9 апреля 1840 г. Белинский отзывается о Д. К. Исаеве как о «славном человеке», «бодрой и здоровой душе» («Письма», II, 99).

130. А. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва 23 декабря 1839.

Любезный друг Виссарион!

Все мы нижайше кланяемся тебе и желаем доброго здоровья и всякого благополучия. Лучше этого начала я никак не мог придумать, хотя и желал, чтобы не оскорбить твой изнеженный слух. Наша искренность к тебе может выра<жа>ться только такими словами <...> Прошу тебя, любезный друг, написать ко мне поскорее, в каком расположении ко мне Дмитрий Капитонович <Исаев>. Если же подозрения мои несправедливы, то попроси его от себя похлопотать разведать о решении известного ему дела, о котором мы получили слишком неблагоприятные известия <...> Уверь его в нашей способности быть ему благодарными. — Как жаль, что мы с тобою не могли встретиться в Питере. Сделай одолжение, напиши к нам о твоём житье-бытье и надеждишках. Мы часто вспоминаем об тебе, и эти воспоминания трогают сердце. — Нам скучно без тебя. Прощай! Будь здоров и пиши к нам <...>

Аг<аша> тебе кланяется и целует <...>¹

В опускаемой части письма подробно излагается поручение А. П. Иванова и дается петербургский адрес Д. К. Исаева.

Упоминаются: Д. К. Исаев и Сарьяни.

¹ Отклик Белинского на это письмо — см. «Письма», II, 21.

131. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва. 1840 г. Генваря 1-го.

Угадывая причину твоего продолжительного молчания, любезный Виссарион, я понял, наконец, что ты ожидаешь сперва от нас писем, вопреки обыкновению отъезжающих — уведомлять прежде самим о своем приезде¹. Я давно предупредил бы тебя письмом моим, но Никанор неверно списал адрес твоей квартиры, и я до сих пор не знал, как писать к тебе. — День твоего отъезда, кроме грустного, тяжелого впечатления от разлуки с тобою, был ознаменован для меня еще домашнею бедою: в этот день я спохватился моих денег 50 р. ас., украденных накануне девчонкою, которую величали у нас барышнею Акулины. Крайняя нужда в деньгах для моих имений принудила меня ехать через несколько дней на свидание с Ксенофонтом Полевым, который сам давно желал видетъся со мною. Он очень

МОСКВА. УЛИЧНАЯ СЦЕНА ВО ВРЕМЯ ДОЖДЯ

Акварель П. А. Федотова, 1837 г.

Третьяковская галлерея, Москва

радушно принял меня и, к счастью, рассчитывая томы Деяний Петра В(еликого), сам предложил мне деньги за 10-й том оконченной корректуры, без всяких просьб и намеков с моей стороны. Узнав от меня о твоём отъезде в Петербург, он жалел, что не простился с тобою, и говорил, что не понимает причины, почему ты разошелся с ним и оставил посещать его. — Споры за литературные мнения с моим братом (так выразился он) не должны были мешать моему знакомству с Белинским; я не литератор, и это до меня не касается; я всегда любил и уважал Виссариона Григорьевича, всегда считал его благородным человеком. В разговоре о твоих будущих журнальных трудах он выразил несколько сомнений насчет денежных средств Краевского и, следовательно, о невозможности получить тебе скорых выгод от участия в его журнале. При расставании он приглашал меня на средние вечера свои, но я до праздника не был у него, думая, что буду лишним, страдательным лицом на этих вечерах. Дня три назад тому я был в другой раз у Полевого, по поручению Ржевского, насчет продажи Истории средних веков Лео. Когда разговор коснулся до тебя, то

он довольно сухо отозвался о том, что будто ты недобросовестно поступил с Степановым, взяв у него вперед денег 1000 р. асс., и уехал, не заработав и не возвратив этой суммы. Я опровергнул эту клевету ясными доводами — и он поверил мне. — Степанов, повидимому, везде так отзывается о тебе <...>

Оканчивая письмо мое, прошу тебя уделить для нас несколько минут, написать нам о твоих делах, успехах в Петербурге, если веришь, что мы принимаем в них живейшее участие. Леонора тебе кланяется, за внучку я сам <...> Старушка Дарья Титовна просила также написать к тебе ее поклон². Она изредка навещает нас и сокрушается от сомнений насчет твоего здоровья, когда мы скажем, что не получали еще от тебя ни строчки. Поздравляя тебя с новым годом и с новою жизнью, я думаю, что в Петербурге ты много переменишься, там люди живут в совершенном примирении с действительностью, совершенно занятые настоящим днем, без соболезнований о прошедшем и без веры в будущее. Прощай! В сладкой надежде получить от тебя хоть несколько строчек остаюсь с чувством всегдашней неизменной любви и уважения к тебе

Дмитрий И в а н о в

В опускаемой части письма Д. П. Иванов подробно описывает свои семейные и служебные дела.

Упоминаются: Н. Г. Белинский, А. П., В. П., Н. П., П. П., Ф. С. и Э. Я. Ивановы, И. Ф. Краузе, Павлов и Шарлотта.

¹ 21 февраля 1840 г., получив публикуемое письмо, Белинский сообщал Иванову: «Еще задолго до получения твоего письма ко мне от 1-го января я писал к тебе, любезный Дмитрий, и в этом письме на коленях просил у тебя прощения за мое молчание. Но ты переменил квартиру, не уведомив меня об этом, как это делают все порядочные люди, и потому мое письмо не дошло до тебя» («Письма», II, 51).

² Дарья Титовна — старушка, ведшая хозяйство Белинского; он ей сильно задолжал перед отъездом из Москвы. См. многочисленные упоминания о ней в «Письмах» в настоящей публикации. См. о ней также в наст. томе в сообщении Н. Розенблума «Материалы о Белинском в архиве „Русской старины“».

132. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Москва 1 января 1840.

Любезный брат
Виссарий!

Вот уже почти три месяца, как ты уехал из Москвы, но я с Дмитрием Петровичем не получил от тебя ни одного письма и поэтому не решался писать к тебе. После твоего отъезда я начал ходить ко всем тем, с кем ты меня познакомил: был у Грановского, он меня очень хорошо принял и теперь руководствует в изучении латинского языка, дает свои книги на этом языке и вообще советует, что мне делать и как заниматься. К Аксакову я хожу довольно часто: он взялся поправлять мой русский перевод Вильгельма Мейстера. Он велел тебе сказать, что он познакомился с Лажечниковым и что тот ему очень понравился. Александра Яковлевна Петрова тебе кланяется и хочет знать, как ты поживаешь в Петербурге и каково идут твои дела. К Бакуниным я хожу очень часто, и они помогают мне в моих занятиях; я нашел в них умных и добрых молодых людей. Остаюсь любящий тебя брат твой

Н и к а н о р

Р. С. Грановский тебе кланяется. Если твои обстоятельства позволяют тебе уделить что-нибудь от твоих расходов, то пришли мне сколько можно, потому что я обносился, а сверх того надобны некоторые книги.

Приписка Д. П. Иванова:

Уведомь меня, что стоит в петербургских немецких лавках полное собрание сочинений Гете, не дешевле ли московского. Здесь продают 75 р. асс-

133. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва. Февраля 15-го дня 1840

В большой радости были мы, любезный Виссарион, получив письмо твое¹. Воображая всю многосложность твоих занятий, по приезде в Петербург, мы не надеялись от тебя ранних известий — и потому-то я особенно должен благодарить тебя за присылку письма <...> Никанор занимается и очень прилежно, судя по тому, что я редко вижу его без книги <...> К русскому языку и математике он чувствует, кажется, ожесточенную ненависть <...> Я бы желал, чтобы ты написал к нему письмо, сначала без выговоров, но просто потребовал бы у него отчета в успехах против каждой науки, какая только нужна для поступления в Университет <...> Много бы желал я писать к тебе, но добрый попутчик дожидается, и я тороплюсь отправить письмо. Посылаю тебе образец. Медленность в отправлении его произошла оттого, что я не знал, отправлен ли он, или нет, думая, что Ваня просил об этом Боткина. Еще посылаю тебе письмо <А.В.> Кольцова, которое при переезде на квартиру было затеряно мною и теперь отыскалось <...>

Еще я вспомнил одну просьбу к тебе, любезный Виссарион. У тебя в Петербурге, с письмом от брата Алексея, был некто Николай Зотович Зотов. Недосуги помешали тебе побеседовать с ним. — Он живописец, не по мастерству, а по любви к искусству. Думая сделать для себя живопись и средством для внешней жизни, он упал в своих делах и не приобрел никакой выгоды от продажи своих произведений. Теперь ему хочется определиться к какому-нибудь купцу в качестве приказчика или конторщика. Алексей просил написать к тебе, с тем, что <б> убедить тебя прислать нам рекомендательное письмо об нем к Василию Петровичу Боткину и просить его помочь в определении Ник<олая> Зот<овича> к месту. Пожалуйста, не откажи нам в этом и пришли письмо к Боткину при первой возможности. Ник<олай> Зотович человек честный, любит труд и работу и оправдает вполне доверенность хозяина, у которого будет жить. — Исполнением просьбы много обяжешь нас, в особенности Алексея, который любит этого живописца без памяти².

Ты негодовал на меня за искажение адреса твоего. — Уверю тебя, что я писал его всегда со слов письма твоего, как ты велел сам; притом ты никогда не уведомлял нас об твоей настоящей квартире, и я писал в контору «Отеч. зап.» только для передачи тебе. Алексей мог в этом ошибиться второпях, мог написать адрес по памяти, и притом же он не имеет от тебя писем. — Прошу тебя, во избежание будущих недоразумений, подробнее и обстоятельнее уведомить меня, как мы должны писать к тебе. — В Москве вышла брошюрка: «Деревенский телеграф днем и ночью», некоего помещика Чихачева, который имеет сына в Дворянском институте, а потому и посвятил книжечку воспитанникам Дв<орянского> института. Я держал корректуру по просьбе автора, но он до того торопил меня с нею на 6-й неделе поста, что книга вышла кое-как. Будешь разбирать, не брани <...>

Дарья Титовна живет теперь на даче и нередко посещает нас. Хорошо бы было, если бы ты поспешил послать ей деньжонок: она их не просит, но у нее нет ни копейки, и она говорит, что масленицу будет без блинов, если ты не пришлешь ей. Никанору тоже сколько-нибудь <...>³

В опускаемой части письма Д. П. Иванов подробно сообщает о своих домашних и службных делах, о бедственном своем материальном положении, о порядках в Дворянском и Мжевом институтах. Из последнего его намерен уволить новый директор, и Д. П. просит Белинского через его «знатных знакомых» оказать влияние на директора Мжевого корпуса — Пейкера. Подробно характеризует занятия и поведение Н. Г. Белинского.

Упоминаются: К. С. и С. Т. Аксаковы, М. Е. Архидиаконский, Бакунины, Н. Г. Белинский, И. В. Белов, Т. Н. Грановский, А. П., З. Д. и П. П. Ивановы, М. Н. Катков,

А. Н. Красовская, И. Ф. Краузе, Кусаков, В. И. Ланге, А. Мосолов, И. У. Пейкер, Петровы, В. К. Ржевский, П. Д. Савельев, А. М. Сахаров, Щетинин и П. Д. Юрьев.

¹ Речь идет о письме Белинского к Д. П. Иванову от 30 декабря 1839 г. («Письма», II, 20—22).

² В письме от 17 июня 1840 г. Белинский сообщил Иванову, что не может ничего сделать для Н. З. Зотова, так как В. П. Боткин в дела подобного рода не вмешивается («Письма», II, 140).

³ Ответное письмо Белинского от 26 февраля 1840 г. см. «Письма», II, 73—74.

134. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва. 1840 года, марта 3-го

Обвинения твои очень справедливы, любезный Виссарий¹. Но я не столько виноват перед тобою в том, что не уведомил о перемене квартиры, как в том, что не известил тебя о получении первого твоего письма. — Неприятности по Межевому институту, о которых я писал к тебе, недостаток денег и кое-какие хлопоты домашние не позволяли мне и думать о письме. Ты сам переменял квартиру и живешь теперь в доме Лукина, а не Голландской церкви, и я, не зная об этом, послал к тебе, по старому адресу, очень нужное письмо, запечатав в нем и крестик Петровых. Все это было отправлено с попутчиком, Андреем Степановичем Крамалеем, бывшим моим учеником в Межевом институте. Крамалей поехал в Петербург на службу и дал честное слово доставить тебе посылку тотчас по приезде. Крайне прискорбно будет для меня, если он не исполнил своего обещания; в таком случае прошу тебя обратиться к отцу его, правителю Канцелярии Петербургского обер-полицеймейстера, в доме его найдешь моего сомнительного попутчика. Наверное предполагаю, что это письмо попадет к тебе, я не буду повторять его содержания.

Поручения твои исполнены в точности. Большой Ширяев тут же выслал мне в лавку деньги, как только принесли ему письмо от Краевского, и я отдал их всем, по твоему назначению: Боткину 700 р. ас., Нащокину 200, Дарье Титовне 50 и Вологжанинову 300 р. ас. С этим последним кредитором твоим я разделялся с крайнею неприятностью. Получив деньги и не имея возможности и желания ехать к Вологжанинову, я послал к нему на другой день Никанора с тем, чтобы просить его приехать ко мне в Дворянский институт или на квартиру для получения денег. Ивана Ива<нови>ча не было дома, и поручение мое передано было его сестре. Вдруг слышу я от Петеньки, что Вол<огжанино>в, встретив его у Кусакова, начал упрекать меня в том, что я давно получил от тебя деньги и не хочу отдать их ему, что я ссорю тебя с ним, и потом от людей слышу, что он приезжал на другой день ко мне точно с такими же выговорами, называя мои поступки с ним бессовестными, глупыми проделками, что я промотал твои деньги и потому не отдаю их. Не понимая такого странного ожесточения против меня человека, которому я не сделал ни добра, ни зла, к которому послал известие о получении денег с искренним желанием отдать их как можно скорее, я душевно оскорбился этими выходками. Было ли это местию за то, что я прервал мои отношения с ним, мое знакомство, которое основывалось на связях моих с покойным Николаем, или он сошел с ума при мысли о деньгах — я, право, не понимаю, и что всего страннее, он отперся от своих слов, когда на третий день получал от меня деньги. Расписку твою высылаю и вместе с тем передаю тебе претензии Вологжанинова на проценты, об которых он спросил с первого слова: присланы ли они или нет. Он полагает с тебя 30 рублей за просрочку и просил меня написать к тебе об этих деньгах; но я, с своей стороны, не советовал бы тебе высылать их. То же советует и В. П. Боткин. Будет с него и того, что он за 300 р. ас. долга получил 400 р. ас. процентов, как я узнал от Вани и Никанора,

которых ты посылавал к нему с деньгами. Я думаю, самый безжалостный ростовщик содрогнется, услышав о таком вознаграждении.— А с бедняка Кусакова он дерет за 200 р. ас.— 800 р. ас., терзает его беспрестанными напоминаниями, придет к нему, угрозит взысканием и принудит его переписать вексель, обратив проценты в капитал, и таким образом умножает ежемесячно и долговую сумму и процент. Может быть, ты сам обвинишь меня в том, что я не послал к нему денег; но посуди: мог ли я довериться Никанору или Ване, и еще более: мог ли я поверить Вологжанинову в том, что он пришлет мне твою расписку! Из твоих мелких долгов я не знаю никаких, кроме долгов портному, банщику и булочнику, все это составляет сумму в 25 р. ас.; а об других ты потрудись уведомить меня.

Сочинения графини Толстой переданы Нащокиным Константину С(ергеевичу) Аксакову, следовательно, ты от него должен получить их². Нащокин на твои извинения о просрочке отзывался обыкновенно, что деньги эти не стоят твоих беспокойств и извинений, и благодарит тебя за присылку. Чрезвычайный беспорядок письма моего в почерке и содержании удостоверяет тебя, что я писал его летучим пером, второпях, отправляясь к должности. Если бы не известия об исполнении твоего поручения, я отложил бы его до другого времени. Итак, снисходительно прости меня в этом.

Предположения мои насчет Никанора сбылись. Он действительно откладывал свои занятия по нелепейшему общему обыкновению русского человека. Теперь он начал ходить и к Павлу Дмитриевичу, теперь он реже стал ходить со двора и, вероятно, теперь будет просиживать целые ночи, убивать себя за работою оттого, что до экзамена остается три месяца. Об нем я писал к тебе в письме с Крамалеем, и теперь вторично прошу тебя, прежде всех упреков, потребовать от него отчет во всех предметах, какие нужны только для поступления в Университет, с тем, чтобы ты мог видеть причину тех опущений, которые он сделал в других науках, занимаясь одною историею. Не оставь своего обещания — прислать ему к пасхе того платья, о котором ты писал <...> Постарайся как можно <скорее> отыскать Крамалея в Канцелярии обер-полицеймейстера у отца его. Оканчивая письмо мое, скажу тебе усердный поклон от Леоноры, Зинаиды, всех моих домашних, от Дарьи Титовны, которая много благодарит тебя за присылку денег <...> Павел Дмитриевич тоже свидетельствует тебе свое почтение.— Прощай, неоцененный Виссарион, бог да сохранит тебя в жизни для твоей высокой цели и на радость истинно любящих тебя, из них в числе первых

твой Дмитрий И в а н о в

В опускаемой части письма Д. П. Иванов перечисляет меры, которые он предполагает принять для дальнейшего воспитания Никанора, а также сообщает о своих служебных делах.

Упоминаются: Н. Г. Белинский, Крамалей, И. В. Ланге, И. У. Пейкер и И. Федоров.

¹ Это письмо является ответом на письмо Белинского от 21 февраля 1840 г. («Письма», II, 54—56).

² Речь идет о «Сочинениях» гр. С. Ф. Толстой. Книжка была издана в небольшом количестве экземпляров и в продажу не поступила. Белинский собирался написать о ней статью, однако этого намерения он не осуществил.

135. А. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва, 2 апреля 1840.

Любезный друг Виссарион!

Если ты имел мужество исполнить просьбу и поручение мое по записке от 30 марта, то, бога ради, имей терпение выполнить еще поручение, менее трудное. Это делишко состоит в том только, что тебе надобно придти часу в 12-м в Канцелярию Лонгинова, попросить дежурного, чтобы он

попросил к тебе того чиновника или члена, который принимает прошения, и подать этому члену запечатанный пакет. Этот пакет распечатается при тебе, и когда чиновник просмотрит бумаги, то ты можешь и уйти <...> Знаю, что ты для нас готов делать все возможное, но так же твердо знаю, что подобные поручения для тебя новы. Это в последний раз. Если тебе некогда будет подать пакет вскоре по получении этой депеши, то попроси исполнить просьбишку нашу кого-либо из твоих знакомых, только поскорее, и чтобы пакет был подан непременно, а на другой день напиши к нам о подаче пакета. Не сердись за посылку на извозчика и письмо. Легко может быть, что у тебя в этот час нет лишнего полтинника и чрез то затруднишься исполнением. Кланяемся тебе и целуем <...>

В опускаемой части письма — подробный адрес канцелярии. На обороте полуоторванного л. 2—рукою Белинского цифровые выкладки и записи: «Carolus Magnus, Carl, 1800, B. Баку. B.».

136. А. Г. КУЗЬМИНА (БЕЛИНСКАЯ) — БЕЛИНСКОМУ

<1840 год, мая 18 числа>

Любезный брат

Виссарион Григорич.

Я недавно узнала от Петра Петровича, что ты в Петербурге, и очень рада, что имею случай к тебе писать, уведомить о себе <...> Прошу тебя, брат, уведоми нас хоть одним письмом, давно ли ты уехал из Москвы и на долго ли и зачем, да не нашел ли ты в Петербурге или Кронштадте кого из родных, пожалуйста, обо всем напиши, я от тебя и Никанора не получаю писем почти два года, право не знаю почему, исколотал ли себе свидетельство о рождении и грамоту на дворянство? Знакомые наши все спрашивают, получаю ли от тебя письма и где ты, ответ мой всем, что ничего не знаю, ведь, право, это досадно, как будто бы забыл, что я есть на свете <...>¹

В опускаемой части письма — подробности о семейной жизни А. Г. Кузьминой. Упоминаются: Е. А. Дьячкова и М. Н. Кузьмин.

¹ Отклик на получение этого письма — «Письма», II, 140.

137. П. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

18 мая 1840 года. С(ело) Пачелма

Любезный друг

Виссарион Григорьевич!

По окончании владимирских дел доверителей моих Владыкиных возвратился в Пачелму перед сырною неделю. К удовольствию старухи, твоей любимицы, привез в целости портрет вап, которому она столько обрадовалась, как лично с вами увиделась, и носилась, как курица с яйцом, не знала, где поставить, наконец согласилась утвердить мое назначение противу ее места, где сидит за домашними поделками и обедает¹. Мы всегда готовы писать к вам, но не знаем как адресовать. По получении сего напишите к нам обо всем вашем житье-бытье, что для нас будет утешением <...>

Приписка Ф. С. Ивановой:

Любезной друг Виссарион Григорьевич! Нечаянный случай обрадовал меня писать к тебе. Хорошая знакомая нам и приятельница Верочки из Петербургского повивального института акушерка Настасья Николаевна Симичева, жившая близко к нам в имении графа Вильегорского, которая теперь отъезжает в Петербург на службу по должности своей. Я желала, чтоб ты познакомился с ней, она девушка хорошая, и мы ее очень любим,

которая тебе расскажет все наше житье и бытие. Лично я недавно была в Чембаре, Константин Григорьевич читал мне письмо твое к нему, в котором ты пишешь, что гоняешься в житье твоём, как охотник за зайцами, но я желаю, чтоб ты имел постоянную жизнь, определился б где поближе к нам на службу, разумеется ближе нельзя как в Москве. За любовь твою и память об нас благодарю тебя: сердце сердцу весть подает. Я всех моих родных люблю, а тебя больше всех и помню о тебе в всякий день. Константин Григорьевич с сестрой своей живет ныне в дружбе. Наконец, старик наш возвращением своим из Владимира нас много обрадовал. Он пишет к тебе правду, что я много обрадовалась твоему портрету, но лучше б желала б при жизни моей еще видеть тебя. При нынешних обстоятельствах наших, не доживя века, кажется, умрешь <...> Скажи от меня почтение Дмитрию Капитоновичу, пиши к нам, как ты живешь и чем занимаешься и как тебе кажется Петербург <...> Я забыла сказать тебе, что старик наш сердится очень на Митиньку за женитьбу и не прощает его, да и он дурно сделал, что не сказавши нам женился. Напиши к старику, чтоб он простил его.

Приписка В. П. Ивановой:

Свидетельствую вам, любезнейший Виссарион Григорьевич, мое искреннее родственное расположение и уверяю вас, что помню и люблю вас попрежнему и помню так же и ваши ласки ко мне. Если желаете узнать об нас что-нибудь, то повидайтесь с моей приятельницей Настасьей Николаевной <...> Я надеюсь, что вы пожалеете о моей жалкой, безотрадной жизни в Пачелме; главное мое единственное желание жить в Москве, но не думаю, чтоб оно когда-нибудь сбылось, так, верно, и будем терпеть горе до конца <...> Прощайте, желаю вам здоровья и счастья, если его можно найти здесь. Не забывайте всей душой вам преданную

В<еру> И<ванову>

В опускаемой части приписки Ф. С. Иванова сообщает о неурожае в Пачелме; В. П. Иванова — подробности об А. Н. Симичевой.

Упомянуты: А. П., Д. П., Н. П. и П. П. Ивановы, Д. К. Исаев, А. Н. Симичева и И. О. Штерн.

¹ Портрет, о котором здесь идет речь, неизвестен. См. о нем в настоящем томе в статье Н. Эфрос: «Горбунов — портретист Белинского».

138. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Москва, мая 29 дня, 1840 г.

Любезный брат
Виссарион!

Много я виноват перед тобою в том, что во зло употребил твое доброе ко мне расположение и снисхождение. Ты дал мне целый год для приготовления к университету, а я провел его большею частию в непростительном и гадком бездействии. Причиною этого [я почитаю], как ты писал и в чем я убежден, мой отвратительный порок, который делает из человека хуже нежели животное [но рождает наклонность к неумеренности в пище, продолжительность сна]. Так, вместо того, чтобы сидеть дома и заниматься, я беспрестанно шлялся или по улицам, или сидел у знакомых, которым часто надоедал явно, занятие многими предметами откладывал со дня на день и в тех предметах, которыми и занимался, не оказывал больших успехов, потому что голова моя была сильно расстроена. К несчастью, по получении твоего письма я не исполнил все твои полезные советы, и вследствие этого хотя занимался и больше, но все не так, как надобно. Теперь остается только два месяца до экзамена, и я употреблю все усилия приготовиться получше. Меня ужасает одна мысль, что я должен буду вступить в воен-

ную службу или приказные¹ <...> Все твои знакомые, к которым я хожу, кланяются тебе. Прощай, остаюсь любящий и почитающий тебя брат твой

Никанор Б е л и н с к и й

<...> Р. С. Анна Максимовна Петрова и Марья Яковлевна благодарят тебя за твою прекрасную статью о воспитании; я им ее читал.

В опускаемой части письма Н. Г. Белинский сообщает о своем переезде на дачу и получении письма и посылки от сестры.

Упоминаются: А. Г. и К. Г. Белинские и Э. Я. Иванова.

¹ Отклик Белинского на это письмо — «Письма», II, 139 («Письмо Никанора меня порадовало: оно грустно и искренно. Есть надежда, что он очнется. Тогда кончится и мое к нему равнодушие...»).

139. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва. 1840 года, мая 30-го

Ты сердит на меня, любезный Виссарион, за мое продолжительное молчание и, вероятно, по этому самому не пишешь ко мне. Но если вспомнишь, что теперь настало время экзаменов, смотров, этой обыкновенной, ежегодной учительской тревоги, то снисходительно простишь вине моей <...> Между тем, я имел крайнюю нужду писать к тебе. Занятия Никанора, его нужды, бедственное положение Дарьи Титовны, тщетно ожидающей от тебя помощи, мои собственные обстоятельства требовали скорого и подробного описания. Никанор, убежденный дельною, умною речью письма твоего, сгоряча принялся за дело; но от недостатка внутреннего убеждения, внутренней самодеятельности напал было опять на прежнюю дорогу. Поводом к этому была весна, благорастворенность воздуха, вследствие этого прогулка 4 раза в день, так неосмотрительно, так безрассудно дозволенная тобою, вместо визитов по знакомым. — Никанор по твоему наставлению, как больной по рецепту медика, строго принялся ходить утром, перед обедом, после обеда и вечером, прогулки продолжались всегда более часа; промежутки между ними посвящались занятиям, но какие это были занятия? — просто жалкие попытки показаться занимающимся, самообман <...> Вот тебе подробный отчет о положении Никанора, резкий тон письма моего должен убедить тебя в моей искренности и в моем

Э. Я. ИВАНОВА

Фотография 1 860-х гг.

Собрание М. С. Куликовской, Москва

участи к нему и вместе с тем возбудить твое участие, в котором, скажу по правде, ты холодно отказываешь ему, не входя в его нужды, прежде всякого предварительного со стороны нашей объяснения.— Я все делаю для него, что только могу и что по моим силам; я никогда не обратился бы к тебе ни с каким требованием, если бы имел малейшую возможность предупредить его нужды; но непомерная, неслыханная дороговизна в Москве всех предметов, необходимых к содержанию, похищает все мои доходы, так что я отказываю и себе иногда в необходимом для того, чтобы удовлетворить повседневным нуждам. Теперь как ты хочешь, а я торжественно налагаю на тебя оброк в пользу Никанора; ты должен ежемесячно присылать ему 15 или, по крайней мере, 10 р. ас. на его мелочные нужды; не исполнишь, мы отдадим тебя под суд, и тогда прощай твоя литературная слава!

Теперь вторая жалоба на тебя. Ты забыл Дарью Титовну, обещавшись к лету заплатить долг ее. Твой проступок здесь состоит [более] не в том больше, что ты не шлешь ей денег, а в том, как можно обещать, не надеясь выполнить своего обещания, не имея к этому средств. Она с этой надеждой живет теперь на даче и бедствует. Твои 50 р. ас. разлетелись у ней в один день на уплату долгов, сделанных, может быть, для тебя. Ей хочется, получив от тебя деньги, жить на квартире с Павлом Дм<итриевичем> Савельевым, держать нахлебников, одним словом, употребить деньги так, чтобы они стали ей на целую жизнь и между тем нимало не истратились.— Ухватившись за эту мысль, она терпит все в жертву ей, с нетерпением ожидая от тебя избавления. Я немного поддерживаю ее в нуждах, дозволяя брать в лавочке на мой счет необходимые для нее товары... На беду недавно посетило ее несчастье: Николай Миронович вдруг опасно занемог, нужна была скорейшая помощь, доктор, лекарство, чтобы спасти жизнь его. Дарья Тит<овна> в слезах, в испуге прибегает ко мне; ей нужны были деньги, а у меня не было ни гроша; к счастью нянька моя убедила мать свою дать взаймы Д<арье> Т<итовне> 15 р. ас. с клятвенным обещанием возратить эти деньги через месяц. Это обещание сделано было в надежде скорого получения от тебя денег, но вот уже три месяца прошло в тщетных ожиданиях. Ради бога, Виссарион, не оставь старухи и помоги ей деньгами, сколько можешь.— Лучше бы ты отказал мошеннику Вологжанинову в его долге и поспешил спасти женщину, которая так много делала добра тебе.— Вологжанинов, несмотря на уплату твоего долга с тройным вознаграждением процентами, бессовестно отнесется ко мне и просит написать о присылке 30 р. ас. за просрочку. Я отказался писать к тебе об этом и просил его избавить меня от этого посредничества; теперь, вероятно, ты получишь от него письмо с требованием 30 рублей и неблагоприятно поступишь, если исполнишь это требование; неужели ему мало 600 р. ас. за долг в 200 или в 300 рублей, а ты, кажется, по моему расчету, переплатил ему 600 р. ас., если не больше. Если ты не можешь вдруг отдать всех денег Дарье Титовне, то присылай ей понемногу, хотя 25 р. ас. в месяц; это будет легче и для тебя и поддержит ее; впрочем, гораздо бы лучше было зараз удовлетворить ее и дать ей возможность поправить свое состоянье <...>¹

В опускаемой части письма Д. П. Иванов сообщает о своих служебных и домашних хлопотах; подробно описывает поведение и нужды Никанора; рассказывает о новых порядках в Межевом институте, о бедственном положении стариков-родителей. Подробности о них советует узнать у акушерки, доставившей Белинскому это письмо (очевидно, А. Н. Симичевой).

Упоминаются: С. Т. Аксаков, А. Г. и Н. Г. Белинские, Дарья Титовна, А. П., Н. П., П. П. и Ф. С. Ивановы, кн. П. Д. Козловский, И. В. Ланге, А. Н. Мамонтов, И. У. Пейкер, Сметский и И. Федоров.

¹ Ответное письмо Белинского от 17 июня 1840 г. — «Письма», II, 138—140.

140. А. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

⟨Москва,⟩ 29 июня 1840

Любезный друг Виссарион!

С этою верною оказиею вздумал написать к тебе несколько строк и сказать, что мы благодаря бога здоровы. Вчерашний день был я у Мити в Шелепихе. Они все здоровы и тебе кланяются. Никанор и Петя подали просьбы о допущении к экзамену и между страхом и надеждою готовятся. Очень было бы не худо, если бы ты попросил за них хотя одного из знакомых тебе профессоров. Беда будет, если ребята наши останутся непринятыми.

Я до сих пор не знаю, подал ли Дмитрий Капитонович в Комиссию прошений пакет, который ты передал ему. Бога ради, постарайся увидеться с ним поскорее и спроси, исполнил ли он это поручение; если исполнил, то когда, т. е. которого числа и месяца? Посрамите вы свои и мою головы, если не сделали такого пустяжного дела! Об ответе Дмитрия Капитоновича не оставь написать к Мите ⟨...⟩

Аг⟨аша⟩ тебя целует и нижайше кланяется ⟨...⟩

В опускаемой части письма А. П. Иванов представляет Белинскому свою московскую знакомую, Василису Ермолаевну, доставившую это письмо, и просит рекомендовать В. П. Боткину Н. З. Зотова.

141. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Москва, июля 17 дня, 1840 год

Любезный брат
Виссарион!

Письмо твое несказанно обрадовало и ободрило меня¹. Я ждал от тебя упреки и даже отступление от меня. Ты был прежде так снисходителен и добр ко мне, что, несмотря на все проступки против тебя, ты постоянно старался об моем исправлении и на этот раз ты вникнул в мое жалкое положение и простил меня ⟨...⟩ Прощение в университет подано, но вступить в него в нынешний год нет никакой возможности, между тем университет я считаю своею непременною целью, без которой я не жду для себя ничего. Поэтому прошу и умоляю тебя дать мне средства вступить через год если не в Московский, то, по крайней мере, в Петербургский университет ⟨...⟩

Р. С. Аксаков тебе кланяется, а Анна Максимовна пишет особенно. Извини меня за ошибки в правописании.

В опускаемой части письма Н. Г. Белинский жалуется на отчаянное состояние своего гардероба и сообщает о мерах, принятых им для излечения от болезни.

Упоминается М. А. Языков.

¹ Это письмо Белинского неизвестно.

142. К. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Чембар, 13 августа 1840 года

Любезный брат,
Виссарион Григорьевич!

11 сего августа дошел до нас слух, что будто помер брат мой Дмитрий Капитонович ⟨...⟩ Посему, любезный брат, по получении сего письма, немедленно напиши ко мне письмо о Дмитрие Капитоновиче — жив ли он или нет ⟨...⟩ Сделай милость, напиши мне обстоятельное письмо о нем, очень тебя просит и батюшка Капитон Андреевич. Если всемогущий творец сохранил драгоценные дни нашего Дмитрия Капитоновича, то кланяйся ему и скажи, чтобы он хоть в твоём письме написал строки четыре и тем уверил бы нас в его существовании, столь для нас драгоценном ⟨...⟩

Р. С. Ради бога, поскорее уведоми нас как о себе, так и о Дмитрие Капитоновиче ¹ ⟨...⟩

В опускаемой части письма К. Г. Белинский сообщает подробности о себе и своей семье.

Упоминаются: П. П. и Ф. С. Ивановы, Д. К. и К. А. Исаевы и Цвернер.

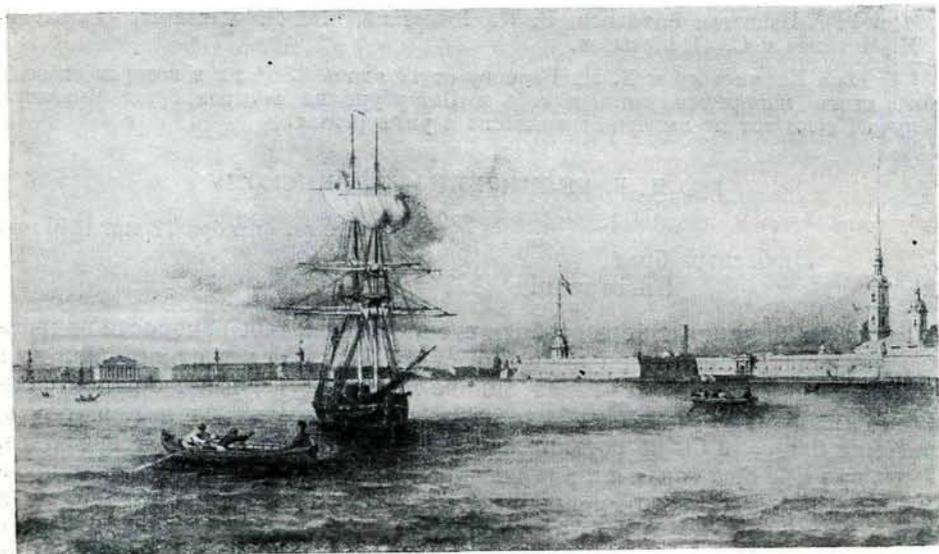
¹ Известие о смерти Д. К. Исаева оказалось ложным: он умер лишь полтора года спустя — в марте 1842 г. См. ниже письмо № 151, а также отклики на его смерть в письмах Белинского («Письма», II, 312, 319).

143. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва. Октября 3-го, 1840 г.

Много воды утекло, много переменилось с тех пор, как я отправил последнее письмо мое к тебе, любезный Виссарион <...> Никанор опять не поступил <в университет> <...> Экзамены нынешнего года были легки, Никанор не был хорошо приготовлен <...>, но все-таки попытка его могла удасться, если б он не отчаивался и имел терпение довести ее до конца <...>

Следуя твоим советам, я утешил его, показал твое письмо¹ — и он успокоился и теперь начал свои занятия снова; ходит куда-то учиться латинскому и математике и сидит дома за немецким языком. Предполагая, что мое вступательство и распоряжения в его занятиях будут для него тягостны, что даже он и обнаружил, я обязанности почел уведомить тебя об этом и просить, чтобы ты в этом отношении не требовал уже от меня известий, а прямо от него <...> Что ни делай, а он не поступит в Университет, а если и вступит, то не кончит курса. Прими мои слова за чистое пророчество и при случае вспомни об них <...> Резкий тон письма моего об нуждах Никанора несколько огорчил тебя и навел на тебя сомнение в искренности моих упреков. — Ты подумал, что я начинаю тяготиться им, хлопочу о своих выгодах, не понял простой заботливости, которую я исполнял вследствие данного тебе слова писать тебе обо всех его нуждах. Я не имел средств удовлетворить их, а потому и написал к тебе, а в последнем письме сильно напомнил тебе для того, что ты забыл мою просьбу. Я просил у тебя денег на одежду и белье для Никанора, а не за квартиру, следовательно, не нужно тебе предполагать никакой расплаты со мною. Если ты не веришь, что я могу из одной любви и уважения моего к тебе делать ничтожные послуги для Никанора, то предположи во мне хотя инстинтуальное, оживотненное чувство благодарности. Животное ласкается к тому, кто его ласкает и любит, а ты довольно поласкал меня, довольно оказал любви и снисхождения ко мне, стараясь об определении меня в Университет, доставив мне урок у Горчаковых, два выгодных места по службе и советом и делом касаясь моей нравственной жизни, моего образования. Выводом этого и у тебя будет целая служба для меня, и мне-то надобно кричать: К о г д а - т о я р а с п л а ч у с ь с т о б о ю! Все это я высказываю теперь по твоему вызову считаться с тобою, ты начал прежде счет, я только подражаю тебе. Чувство благодарности, истинное, глубокое, должно таиться в душе, вместе с другими высокими помыслами, оно может высказываться только на деле, а не на словах и фразах — и ты бы никогда не услышал от меня этих фраз, если бы сам не вызвал меня. — Кроме всего этого, о Никаноре счеты у нас ясны: Петя жил у тебя почти три года, хотя и добровольно; итак, не ставь мне в большую заслугу пребывание у меня Никанора и не беспокойся о вознаграждении меня, особливо денежном. Между нами в этом отношении должно быть таким образом: есть у тебя средства помочь мне в моих нуждах, помогай; если я владею ими, то требуй от меня. — Натуральное твое положение выгоднее моего: ты один, моя же семья состоит теперь из 10 человек; следовательно, жестоко было бы требовать, ожидать от меня пожертвований, от моих постоянных доходов, на экипировку Никанора;

ПЕТЕРБУРГ. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ

Литография И. Перро. 1840-е гг.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

я вполне уверен, что как бы ни были малы твои доходы, но 15, 20 р. ас. в месяц, пожертвованные на одежду Никанору, должны составить для тебя ничтожную сумму, а для него этих денег будет слишком довольно. Доказательством этому служит то, что на твои 50 р. ас. с прибавкою от Боткина 25 р. ас. мы сшили для Никанора новую сюртучную пару; купили новый галстух, фуражку, перчатки, рубаху, так что он, кроме белья, почти ни в чем не должен иметь теперь крайней нужды. Я для того распространился обо всем этом, чтобы навсегда установить наши отношения по части Никанора и не говорить об них более ни слова, во всяком случае, останется он у меня или уедет в Петербург, по твоему п<риказу?>*. Теперь обращаюсь к другому, не менее важному делу. Я снова хочу убеждать, молить тебя помочь бедной Дарье Титовне. Чрез одни мои руки она задолжала с лишком 60 р. ас., и если ты не выручишь ее скорою присылкою денег, то я должен буду, как поручитель, разориться для уплаты ее долгов. С Вологжаниновым я не хочу иметь никакого дела, не советую и тебе этого; лучше попросить В. П. Боткина помочь и занять для Д<арьи> Т<итовны> где-нибудь. Ради бога постарайся об ней — согласишь ли, она лишена лучшего своего удовольствия — пить чай, для которого она готова сидеть без куска хлеба <...>

Приписка:

У меня есть просьба к тебе: я составляю маленький каталожек книг для чтения воспитанников Двор<янского> инст<итута>, в моих классах. Ради бога, помоги и если можно следующей почтою уведоми и поименуй те книги, которые я могу назначить для чтения 1-го, 2 и 3 класса для мальчиков от 10 до 16-летнего возраста; тебе доводилось много перечитать детских книг, и ты верно знаешь все хорошие из них. Книжки с английского, кажется, лучше всех.

В опускаемой части письма — подробная характеристика Н. Г. Белинского и отчет о его поведении; служебные и семейные новости Д. П. Иванова.

Упоминаются: Н. Г. Белинский, Горчаковы, Дарья Титовна, А. П., Л. Д., Н. П.,

* Письмо повреждено.

П. П. и Ф. С. Ивановы, Рахманов, В. К. Ржевский, П. Д. Савельев, Сметский, А. И. Чивилев и С. П. Шевырев.

¹ Письмо Белинского к Д. П. Иванову от 17 июня 1840 г., в котором он сообщил о своем намерении взять к себе в Петербург на полгода брата Никанора, в случае, если тот не выдержит экзамена в университет.

144. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Москва, октября 12 дня 1840 года

Любезный брат
Виссарион!

И несколько виноват перед тобою, что не отвечал тебе вскорости на письмо¹. Что делать: проклятая лень; все собирался писать и откладывал день за день, а притом, как ты угадал, мне не хотелось уведомить о непоступлении в университет. Экзамены были очень снисходительны, и я, может быть, поступил бы, если бы не оставил их при самом начале. Боялся срезаться. Но ты дал мне еще год, и я постараюсь, сколько возможно, положить прочные начала в необходимых предметах. Теперь я продолжаю заниматься с Аксаковым переводами из «Вильгельма Мейстера» и хожу к нему для этого раз в неделю. Недавно стал заниматься с Павлом Бакуниным по латыни два раза в неделю и с ним же займусь математикой. Благодарю тебя, что ты познакомил меня с ним. Славный молодой человек, как много я ему обязан. Другие предметы, как-то: священную историю, физику, историю, логику и риторику я еще не начинал, но вскоре начну. Впрочем, только бы узнать получше главные предметы, а другие можно и после. На деньги, присланные тобою, и те, которые дал мне Боткин, я теперь почти экипировался, и, кроме шинели, сапогов и калош, у меня все есть. Белья тоже нет; я писал об этом к сестре, авось не пришлет ли. Петровы кланяются тебе и благодарят за письмо. Они теперь все в Москве и ожидают Павла Яковлевича. Ты писал к ним, чтобы они уведомили тебя, скоро ли он воротится, они просили меня написать к тебе, чтобы ты справлялся о прибывших в Петербург на последних пароходах из Любека, и просит также уведомить их письмом, как скоро ты встретишь Павла Яковлевича. У Грановского я не был с страстной недели, собираюсь вскоре сходить к нему. Однажды я встретился с Артемовым²; он спрашивал о тебе и просил кланяться <...>

Приписка Н. П. Иванова:

Виссарион Григорьевич! при сем я вам изъявляю свое душевное расположение и желаю вам всех истинных благ, какие только могут быть для человека в свете.

Николай И в а н о в

¹ Письмо Белинского от 4 октября 1840 г. («Письма», II, 167—168).

² Петр Иванович А р т е м о в. См. о нем в настоящем томе, в публикации «Белинский и „Листок“».

145. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Москва, 4 января, 1841 года

Любезный брат
Виссарион!

Извини меня, что так долго не писал к тебе; все собирался, откладывал день за день, часто не было денег для отправления, а когда были, то издерживал их на другие нужды <...> С некоторого времени во мне пробудилась охота к греческому языку, и я очень жалею, что не занимался им прежде, поэтому я колеблюсь насчет приготовления. Не вступить ли в словесное

отделение? Прошу твоего совета. Если ты одобришь это, то пришли греческий лексикон Пассова на немецком языке и греческую грамматику Бутмана.

Нужду я имею в сапогах, калошах, белье всякого рода и в небольших деньгах для закупки некоторых нужных мелочей, как-то: бумаги, перьев, чернил и проч. Пред рождеством приехал в Москву Павел Яковлевич Петров и недели через две едет в Петербург, где надеется увидиться с тобой. Семейство его почти все разъезжается. Надежда Яковлевна уехала в Тамбовскую губернию, Марья Яковлевна тоже скоро отправляется в Тверскую, дома остается одна Александра Яковлевна. Они все тебе кланяются. После отправления этого письма я с Алексеем Васильевичем¹ отправляюсь к ним, они желали его видеть. Василий Петрович² подарил мне довольно хорошую шинель <...>

В опускаемой части письма Н. Г. Белинский подробно сообщает о состоянии своего здоровья и занятиях.

¹ Поэт Алексей Васильевич Кольцов.

² Василий Петрович Боткин.

146. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва. 1841 года, апреля 22

Ты угадал причину моего молчания, любезный Виссарион! ¹ Положившись на обещание первого письма твоего, я ожидал исполнения его, нуждаясь в средствах для Никанора и огорчаясь положением Дарьи Титовны <...> Деньги семьсот рублей под расписку на письме Краевского получены мною 18 апреля и розданы по принадлежности. Из них Дарье Титовне, за исключением прежних 50 р. ас. и полученных от В. П. Боткина 25 р. ас., пришлось 305 р. ас., а с покупкою чаю и сахару 325 р. ас. Не сумею описать тебе радости ее и благодарности: ты просто воскресил ее! Ивану Петровичу отдано 200 р. ас., в получении прилагаю его записку. Остальные 145 р. ас. пойдут на Никанора <...> Последнее <твое> письмо произвело на Никанора более впечатления, нежели первое, и это служит лучшим доказательством того, что резкость тона действует на него сильнее продолжительных и кротких увещаний <...> До получения твоих денег у него никогда не переводились свои. Он постоянно занимал их, выпрашивал, как я после узнал, у всех своих знакомых: Анны Максимовны, Боткина, Бакунина, Кольцова, Аксакова, Ивана Яковлевича, Алексея, Павла Дмитриевича <...> Были у него счастливые минуты сознания и исправления: он прилежно занимался делом, особливо когда получал твои письма, но это продолжалось недолго: он скоро находит на прежнюю статью. В занятиях его много времени отнимало во 1-х изучение английского языка, предпринятое им, не знаю по чьему совету — Бакуниных ли или Аксакова, от которого он получал английские книги; и во 2-х ему мешало чтение журналов, особенно «Отечественных записок», которые он читает сряду по трое суток одну книгу от доски до доски. Первое занятие он бросил по совету Кетчера, а чтение журналов и до сих пор продолжается точно таким же образом <...> Он начал прилежнее заниматься, а письмо твое еще более утвердило его в этой решимости <...> С твоей стороны кое в чем прошу помочь мне: напиши ко всем знакомым, чтобы реже принимали его, не давали вовсе денег, книг, бесполезных для его занятий, и помогали мне, действуя на Никанора советами и убеждениями. Далее, исправь и пришли, как можно скорее, все книги по Никаноровой росписи, чтоб не было остановки ни в чем <...> Из всех предметов остается только математика и физика, с которыми я не знаю, как мы сладим. Никанор решительно не жалуется и чувствует к ним отвращение и поэтому не способен понимать. Павла Дмитриевича я не

репущь просить об этом. Он занят уроками и, кроме того, не может успеть в такое короткое время. Тебе самому следовало бы попросить его особенным письмом, чтобы он познакомил Никанора хоть с арифметикою <...>

Я обрадовался твоему намерению побывать у нас летом. Исполни его непременно: твой приезд будет для нас большим праздником. Кроме того, без тебя нельзя будет устроить поступление в Университет. Необходимо надобно будет просить помощи у Грановского и других профессоров, без этого, я наперед скажу, что Никанор не поступит. Итак, в конце июля ты должен быть в Москве непременно. Все писанное о Никаноре составляет сотую долю его подвигов, но, предавая их забвению, как дело прошлое, и помирившись с ним в последнем письме, ты не должен огорчаться этими известиями. Этой подробности ты сам требуешь, а правдоподобность и верность каждой буквы письма моего подтвердят тебе все мои домашние <...>

Скажи мое искреннее, усердное почтение Владимиру Константиновичу Ржевскому. Благодарю его за лестный отзыв обо мне <...> Князю Павлу Дмитриевичу Козловскому тоже мое усердное почтение, если помнит меня ² <...> Не жди от меня писем: буду возиться с экзаменами и нуждою; а там, бог даст, буду чаще уведомлять тебя обо всем. Итак, будь здоров и счастлив <...>

Расписку Дарьи Титовны по громадности ее оставляю у себя, иначе надобно посылать страховое письмо, итти самому на почту, а теперь, ей-ей, не время. Пришлю после или сам возьмешь по приезде.

В опускаемой части письма Д. П. Иванов сообщает подробности о своих служебных занятиях, домашних делах, о покупках, произведенных им для Н. Г. Белинского, о болезни последнего и его поведении.

Упоминаются: Бакунины, Н. Г. Белинский, Григорьевна, Дарья Титовна, А. П., В. П., Н. П., П. П. и Э. Я. Ивановы, Н. Х. Кетчер, П. Д. Козловский, Е. Ф. Корц, А. Г. Кузьмина (Белинская), Е. П. Лопатина (Иванова), А. Пако, Погорельский, В. К. Ржевский, П. Д. Савельев и А. И. Чивилев.

¹ Это письмо является ответом на письмо Белинского от 11 апреля 1841 г. («Письма», II, 239—242).

² В своем письме Белинский сообщал, что у него гостит кн. П. Д. Козловский.

147. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Москва, 23 апреля 1841 года

Любезный брат Виссарион!

Сердечно благодарю тебя за письмо¹. Оно доказывает, что ты никогда не перестаешь обо мне думать и заботиться даже и тогда, когда я забываю исполнять самые легкие обязанности в отношении тебя. Верь, что это происходило не от неблагодарности, не от несознания того, чем я тебе обязан, но от моего расстроенного состояния. Я оттого редко писал к тебе, что, право, не хотелось говорить ни о самом себе, ни о своих делах. Ты справедливо заключил о моем молчании, потому что по получении твоего последнего письма я решился предоставить все на произвол судьбы и ничем не напоминать тебе о себе. Я понимаю все твое негодование против меня и дивлюсь твоему редкому терпению. Теперь мое нравственное и физическое здоровье восстанавливается с каждым днем, и я чувствую в себе довольно силы трудиться с успехом. С моей стороны будет первую обязанностью оправдаться перед тобою своею будущею жизнью. В университете я надеюсь поступить, а если как-нибудь не посчастливится, то делать нечего, по крайней мере это будет последний год, и я не буду делать обременять тебя. Меня сильно тяготит настоящее положение, но я решился его кончить <...> Анна Максимовна Петрова кланяется тебе и просит повидаться

с Павлом Яковлевичем и написать после ей или в моем письме, в каком положении ты его застанешь, потому что он был недавно сильно болен, и она не знает, что с ним делается. Вот адрес его квартиры: у Большого театра, в доме Немкова, на квартире у Федора Ивановича Пенкина, в 3-м этаже. Семейство ее теперь все в разъезде, и она живет одна. П. Н. Кудрявцев тебе кланяется, я бываю у него довольно часто.

Благодарю тебя за присылку денег на белье и прочие нужды, в последнее время у меня не доставало очень многого. Прощай, остаюсь любящий и уважающий тебя брат твой

Никанор Белинский

Р. С. Ты велел написать реестр книгам, нужным для приготовления. Вот он: Церковная история Филарета, Церковная история Иннокентия, Всеобщая история Кайданова, последнее издание, Курс чистой математики Беллявена, Физика Щеглова, Livii Opera и География Арсеньева.

В опускаемой части письма Н. Г. Белинский сообщает подробности о своей болезни. На обороте л. 2 рукою Белинского цифровые выкладки (карандашом) и слово «Минос» (чернилами). Неустановленным почерком: «1841 года, Н. Куко...»

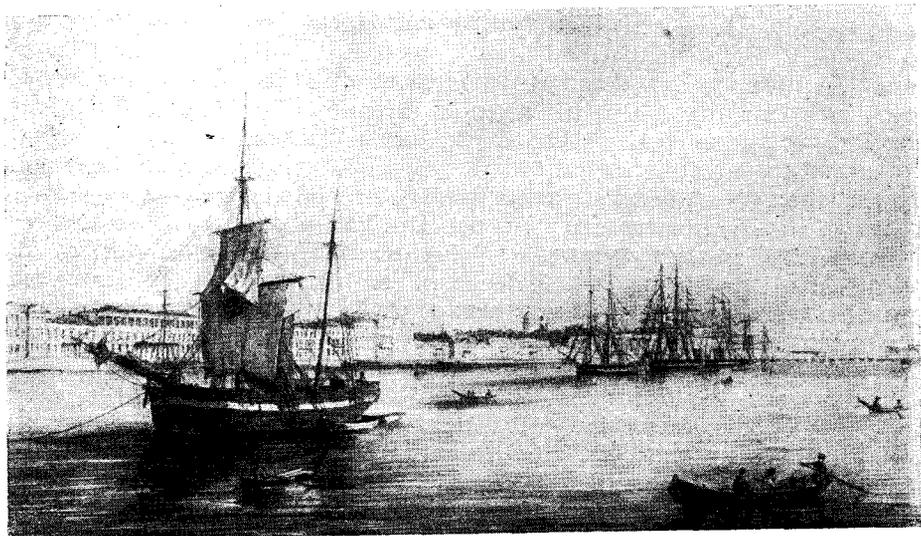
Упоминаются: Д. П. Иванов и Н. Х. Кетчер.

¹ Письмо Белинского к брату Никанору, которое было приложено к письму, адресованному Д. П. Иванову, не сохранилось.

148. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва. Августа 18 дня 1841 г.

Мне как будто суждено писать к тебе всегда зловецкие письма, любезный Виссарион! Опять неудача по Университету — Никанор опять не принят. — Начало экзамена было очень хорошо: он получил хорошие баллы из латинского и закона божия; дурной успех в математике не мог бы задержать, но сочинение, поданное Шевыреву, погубило Никанора, несмотря на удовлетворительные ответы его из теории словесности. — Помочь ему не было никакой возможности: двери аудитории были охраняемы стражей

ПЕТЕРБУРГ. ДВОРЦОВАЯ НАБЕРЕЖНАЯ

Литография И. Перро, 1840-е гг.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

в то время, когда задано было сочинение; вход для посторонних был запрещен, и я не мог узнать даже темы заданного сочинения — не только передать Никанору своей работы. Кроме того, судя по жесткости вопросов Шевырева, я предполагаю наверно, что он хотел взять зло свое на тебе, — просто этот рыцарь чести, как ты называл его, не мог подавить [в себе] чувства вражды к тебе. Иначе к чему отнести эти намеки, эти речи на язык статей твоих в разговоре с Никанором во время экзамена — в деле, совершенно чуждом посторонних отношений. Как хочешь думай, но твои литературные отношения к некоторым лицам Университета могут вредить Никанору¹. — При самой подаче прошения встретилось препятствие: Каченовский потребовал от Никанора полицейского удостоверения в том, что свидетелство о рождении и крещении действительно принадлежит ему. Наш квартальный отказался от этого удостоверения, и я принужден был дать его от себя с полицейским свидетельством подписи руки моей. Я не слышал, чтобы это когда-нибудь водилось, — и разве приписать это строгости и аккуратности, с какою исправляет Каченовский свою должность. Эти обстоятельства навели меня на мысль предложить тебе другие распоряжения касательно Никанора. Пусть он приготовляется в Москве к четвертому экзамену, но держит его в Петербурге, а после уже студентом [может] переходит в Университет московский. Хотя это будет много-сложно и трудно, но что ж делать, если иначе нельзя усторонить всех препятствий. — Твои отношения к Плетневу могут много помочь ему. — Сверх того, Грановский говорил Никанору, что четвертого экзамена нельзя держать в одном Университете. Эту мысль <...> высказал мне и Никанор, желая еще попытать счастья и обещаясь сурьезнее готовиться к Университету. Я согласился с его мыслию и с этою целию пишу к тебе, желая знать твое мнение. — Может быть, исполнение этого плана будет обременительно для тебя при твоих нуждах, при твоём теперешнем житье, о котором рассказывал мне князь П. Д. Козловский, но большую часть трудностей я беру на себя и решусь на всякое пожертвование в угоду тебе.

Не скрою от тебя того, что, при умножении моей семьи, мне становится тесненько и тяжелее во внешней жизни.

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни,—

лишь бы это добро было действительно. Меня не огорчают грубые выходки Никанора против меня и Леоноры Яковлевны; но прискорбно то, что мои послуги не приносят ему ничего доброго, он ничего не подвинулся вперед. Его нерасположение ко мне очень естественно: ты поставил меня невольно в неприятные отношения к нему. Он смотрит на меня, как на доносчика, который за удовольствие считает ссорить его с братом <...> Получая письмо твое, он делался лучше, но не более как на неделю, а после того опять принимался за прежнее; следовательно, это был ребяческий страх при виде розги; впечатление страха миновалось, и обычное пошло своим чередом. Вот почему вслед за примирением возникают снова неудовольствия. — Мне кажется, не убеждения, не угрозы, не ласки должны переработать эту кривую, уродливую натуру, а просто жизнь <...> Поверь, что, познакомившись со внешнею жизнью, с ее бедами и лишениями, от которых у нас так часто болела голова, болит и теперь, он воскреснет для жизни внутренней, тогда пробудится в нем и любовь, и вера, и счастье в самом себе. Тогда он даст цену и тебе и мне, полюбит нас в своих воспоминаниях; а до тех пор всегда будет обитать в нем вражда ко всему окружающему, потому что без примирения с самим собою невозможно никакое примирение. Вот почему я прошу тебя успокоиться, не отравлять этим своей жизни.

и предоставить все времени, не допуская его вдаваться только в крайности <...> Ты помнишь мои детские капризы, мои неудовольствия на Алексея — и где они теперь? — с слезами благодарности вспоминаю и смотрю на него, как своего воспитателя, на человека, так много для меня жертвовавшего. — Итак, решай поскорее, что делать нам с этим годом <...> С удовольствием сообщая тебе, что он <Никанор> вел себя во время экзаменов и даже с получения денежного письма твоего благоразумно и умеренно, и я в своем письме описывал тебе прошлые его подвиги и в одном обстоятельстве оклеветал его, именно в подозрении, что он ходит по трактирам <...> Между тем, вышло, что он бывал в трактире Бубнова с А. В. Кольцовым, к которому приходил, вероятно, во время обедов <...> Буду ждать письма твоего и разрешения наших недоразумений, а до тех пор прощай¹. Молю бога да сохранит тебя от всех бед и напастей ко благу и удовольствию любящих тебя, в числе которых и твой

Д. И в а н о в

В опускаемой части письма — подробная характеристика Н. Г. Белинского. Упоминаются: В. П. Иванова, Е. Н. Малинина и П. Д. Савельев.

¹ Ответное письмо Белинского от 25 августа 1841 г. — «Письма», II, 259—261.

149. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Москва, сентября 4 дня 1841 года

Не знаю, как и благодарить тебя за твое обо мне попечение, любезный брат!¹ С опасением и беспокойством ожидал я твоего ответа на письмо Дмитрия Петровича, а сам ничего не мог написать. И почти сверх чаяния исполнится то, о чем я едва смел думать. Теперь я не буду страшиться за свою будущность, и для меня могут настать счастливые дни. Хотя я очень жалею, что мне не удалось быть в Московском университете, но что делать! поступлю в Петербургский, и это очень много значит <...> Твое наставление касательно занятий очень хорошо, потому что русская грамматика, латинский, немецкий, французский языки и математика требуют времени более, нежели история, география и физика, и притом хорошее знание языков нужно и без университета, сверх того меньше будет предметов, удобнее и успешнее можно заниматься. Что касается до употребления времени, то я горьким опытом убедился, что надеяться на него ничего нет хуже, а должно работать каждый час, и с этим только можно успеть. Вследствие этого до января оно будет употреблено на дело. Только прошу тебя прислать несколько книг, а именно: латинскую грамматику Белюстина, Тита Ливия на латинском, Историю Филарета, Историю Иннокентия и математику Беллявена.

В отношении к Дмитрию Петровичу и Леоноре Яковлевне моим искренним желанием будет более всего стараться быть с ними в хороших отношениях и не быть им в тягость. Надеюсь, что теперь ты не получишь обо мне худых вестей и не будешь принужден писать писем, похожих на некоторые из прежних. Анна Максимовна, Александра Яковлевна, Марья Яковлевна тебе кланяются; живут они кое-как, беспрестанно хворают и ждут определения Павла Яковлевича. Прощай, остаюсь любящий и уважающий тебя брат твой

Никанор Б е л и н с к и й

В опускаемой части письма — рассуждения о целесообразности переезда Н. Г. Белинского в Петербург.

¹ Это письмо является откликом на письмо Белинского к Д. П. Иванову от 25 августа 1841 г. («Письма», II, 259—261).

150. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва. 1842 года, января 20

Рекомендую тебе, любезный Виссарион, Александра Никаноровича Щетинина — супруга Надежды Николаевны, бывшей Владыкиной. Он желает поместить своих племянников в какое-нибудь военно-учебное заведение в Петербурге и предварительно приготовить их. Зная, что в числе твоих знакомых есть люди, служащие в корпусах и военных школах, я убедительно прошу тебя не оставить Александра Никаноровича своими советами, и, если можно, рекомендациею к лицам, от которых это будет зависеть <...> Вырвав этих мальчиков из рук пьяной матери, подлых мамушек и дядек, удалив от сообщества дикарей-братьев, погрязших в самом грубом, скотском разврате, Александр Никанорович увез их в Петербург с тем, чтобы очеловечить их, спасти от явной гибели, дать им воспитание, жизнь, и в этой-то благородной цели я прошу тебя помочь ему делом и советами.

Не зная ничего о обстоятельствах твоего выезда и приезда в Петербург, особливо о счастливом окончании дел Никанора Григорьевича, я прошу хоть его написать нам обо всем этом и вместе с тем прислать подробный адрес твоей квартиры, чтобы в случае можно было вернее адресовать свои письма <...>¹

В опускаемой части письма Д. П. Иванов дает характеристику обоим мальчикам Владыкиным; просит выслать ему портрет Лермонтова.

Упоминаются: Н. Г. Белинский, Владыкины и А. Н. Щетинин.

¹ Ответ Белинского на это письмо — «Письма», II, 288.

151. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва. Июня 8 дня 1842 года

Я невольно виноват пред тобою, любезный Виссарион, в медленной присылке свидетельства. Три раза я послал Ваню к Антонову, но он, бог знает почему, не отдавал свидетельства, обещаясь сам принести его; сам я два раза не заставлял его в канцелярии и только вчера Николай Зотович (живописец), убежденный моими просьбами, рано утром отправился к Антонову, взял и принес ко мне свидетельство, — вместе с моим удостоверением, которое я писал для Каченовского. Намерение твое — определить Никанора Григорьевича в военную службу кажется мне так странным и удивительным, что я до сих пор с трудом верю твоему известию. Право, если бы мои обстоятельства хоть на волос были получше, я убедительно просил бы тебя прислать ко мне Никанора Григорьевича с тем, чтобы спасти его от явной гибели <...> Мы все с прискорбием услышали от тебя эту весть и желали бы употребить все силы и средства, чтобы отклонить тебя и Никанора Григорьевича от этого крайне необдуманного намерения <...> Ради бога, прошу тебя поговорить со мною об этом аккуратнее: жизнь молодого человека, одаренного от природы хорошими способностями, умом, человека с добрым сердцем, благородными правилами много значит!.. Надобно устроить его не так, как придется, а так, как будет возможно лучше и надежнее, чтобы не было поздних оглядок и на него и на себя за него. Бог да поможет тебе к лучшему¹ <...> Прощай! <...> Кончу дела, еще буду писать к тебе о том же, если ты удостоишь меня своим ответом и поверишь искренности моих убеждений <...> У меня гостит батюшка, и он хочет писать к тебе. Навсегда твой

Дмитрий И в а н о в

УЛИЧНЫЕ ЗАРИСОВКИ: «БЛАГОРОДНЫЙ НИЩИЙ» И ВОДОНОС

Рисунок В. Ф. Тимма, 1840-е гг.

Собрание Н. В. Власова, Москва

Наверное ты уже знаешь, что Дмитрий Капитонович Исаев умер в Чембаре, в марте месяце, вскоре по приезде, — чахоткою.

В опускаемой части письма Д. П. Иванов подробно излагает свое мнение об отсутствии у Н. Г. Белинского данных для военной службы; советует определить его в Лазаревский институт восточных языков или на должность учителя.

Упоминаются: Н. Г. Белинский, М. Н. Кузьмин и П. Д. Савельев.

¹ В письме к Д. П. Иванову от 6—7 ноября 1842 г. Белинский подробно изложил причины, побудившие его отдать Никанора на военную службу.

152. П. П. ИВАНОВ (ОТЕЦ) — В. Г. и Н. Г. БЕЛИНСКИМ

⟨Москва. Лето 1842 г.⟩¹

Любезные друзья

Виссарион Григорьевич

и Никанор Григорьевич!

Вот и я в третий раз посещаю Москву, крайне жалею, что не мог никого из вас застать. Старуха моя при отъезде моем 29 мая прошлого года приказывала напомнить вам, что вы ее одну только оставшуюся в чембарской маятности забыли и ни разу в утешение ее не напишете, да и я писал к вам, но вы не удостоили вашим ответом, вы не мстительны на прежние мои к вам, по нынешнему сказать, невежливости? Сие происходило от душевного расположения. Напишите, когда будет досуг, к нам, что придумаете ⟨...⟩

Приписка П. П. Иванова (сына):

С удовольствием пользуюсь случаем свидетельствовать вам, любезный Виссарион Григорьевич, мое глубочайшее почтение и пожелать вам успеха во всех ваших намерениях, кроме намерения определить в военную службу Никанора Григорьевича ⟨...⟩

В опускаемой части письма П. П. Иванова (отца) — известия о К. Г. Белинском; просьба выслать книжки духовно-нравственного содержания.

Упоминаются: К. Г. и Н. Г. Белинские и Ф. С. Иванова.

¹ Приблизительная датировка определяется содержанием письма.

153. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва 1842 г. Ноября 13¹

Как досадно, любезный Виссарион, что ты не получил письма моего, посланного с одним московским чиновником. Никанор был у нас сентября 9 числа <...> Он обещал из Ставрополя писать к тебе и к нам; говорил, что в этом городе он должен получить от тебя деньги и уже один продолжать путь свой до Тифлиса. С 9 сентября прошло уже более двух месяцев, но от него мы не получили никакого известия. Не остался ли он в Ставрополе ожидать твоих денег, но в таком случае он мог бы написать и тебе или ко мне об этом <...> Итак, участь его решена. Поразмыслив хорошенько, я увидел, что нельзя было поступить с ним иначе. Дать ему другое направление, надобно было ждать от него приготовлений, а это бесконечная песня. Военная служба, с непрерывными невзгодами, тревогами, лишениями, будет для него самою лучшею школою в жизни. В этом убедился я из рассказов брата Николая. Ошибка твоя в этом деле, самая непростительная, состоит в том, что ты определил его в такую даль, а более всего на свой счет. Определившись на казенный, он более успокоил бы тебя, доехал до Тифлиса скорее, надежнее и благополучнее, на почтовых, с казенными прогонами и на суточном содержании, а деньги, данные тобою, пригодились бы на обмундировку, на разные издержки частные, которые смягчили бы для него суровость нового положения, сохранили здоровье. — А теперь бог знает, как это кончится, молчание его не предвещает ничего доброго! Впрочем, может быть этого невозможно было сделать, и я не думаю, чтобы ты упустил из виду это обстоятельство без всякой видимой причины. В письме своем ты упоминаешь о каком-то свидетельстве в бедности для Никанора; уж не для того ли оно было нужно тебе? Как получишь письмо от Никанора, потрудись и меня уведомить об этом и пришли его адрес; я обещал послать ему деньжонок. Все поручения твои касательно Депутатского собрания и всех бумаг, необходимых для тебя, я передал батюшке; он еще здесь в Москве и сам будет писать к тебе в моем письме. Что будет зависеть собственно от, меня, то, будь уверен, исполнится: для тебя рад душевно в огонь и в воду! <...> Ты обещаешься приехать к нам на праздник; приезжай, ради бога; так много ты обрадуешь нас этим. Старики горят нетерпением видеть тебя. — Прощай! будь здоров, благополучен и счастлив. Об малейшем успехе по делу бумаг твоих я буду писать беспрестанно. Не забывай, хоть изредка, совершенно преданного тебе

Дмитрия И в а н о в а

Приписка П. П. Иванова (отца):

Любезный друг и брат — Виссарион Григорьевич! Вот и я в третий раз в Москве. С 25 марта живу добро, и хозяин не пускает, хотя несколько раз собирался. Но два года из дому, не знаю, что сделано покойным Исаевым по вашим к нему и брату Константину поручениям, теперь путь настал, и я вскоре отправлюсь в Чембар, когда бог донесет, и за первое примусь за ваше дело и буду писать к вам, для чего оставил у себя и адрес к вам, я вам сперва обещал этим услужить, но причиною отлучки мои по делам гг. Владыкиных, во Владимирскую губернию, а теперь от них свободен.

Книги от Никанора Григорьевича я исправно получил и отправил с оказиею к старухе, теперь она их грызет без пощады и благодарит вас за них — я не успел прежде, в намерении исполнить сие по приезде домой

обще с старухой, но и от нее еще не получил известия. Вы купили дорегих, у вас в библейском обществе продаются дешево, потому и в Москве они по 15 коп. медью, то если случится вперед, не оставьте присылкою, они небольшие, да очень хороши, не называйте их хламом — знаете Священное писание, что Г. С. П. С. С. Д. <?>, беда, коль скоро догадастесь, куда мне деваться, но я уеду домой и от вас далеко, ничто сделаете, но в утешение старухи напишите хотя одно письмецо². Она старая ваша любовница и вас всегда не забывает в молитвах, правду сказать, что у нас только и родни, что вы одни. Письмо ваше к ней много принесет удовольствия.

Мы теперь с нетерпением ожидаем обещанной присылки ящика с картинами, за которыми я, как вы заметить могли, большой волокита, не упустил бы взять, если найду по себе, домой. Кириуша владыкинской³, я полагаю, имеет препропасть излишних. Если когда к вам придет, скажите ему о присылке из духовных, а всего бы лучше свои работы, я в Чембаре хлопотал о усовершенствовании ему отпускной, прощайте, любезный друг, желаю вам от души доброго здоровья и всякого благополучия <...>

Р. С. Алексей читал ваше письмо и ждет с нетерпением обещанной картины, приписать к вам не мог потому, что Дмитрий продолжал к вам письмо, но поручил также приписать к вам почтением. Посылку вашу поручить можно верному кондуктору, которые отправляются в Москву — записавши его имя, адрес или записку ему дать, вам известна квартира Дмитрия в Драчевском переулке в доме купца Кондратя Смирнова, а мы дадим расписку в получении.

В опускаемой части письма Д. П. Иванов подробно описывает пребывание в Москве Н. Г. Белинского, отправлявшегося на Кавказ, и свои служебные и семейные дела. Опускаются короткие дружеские приписки Н. П. и П. П. (сына) Ивановых.

Упоминаются: Н. Г. Белинский, А. П., Н. П., П. П., Ф. С. и Э. Я. Ивановы, Е. П. Лопатина (Иванова), Петровы и В. К. Ржевский.

¹ Это письмо является ответом на письмо Белинского от 6 — 7 ноября 1842 г. («Письма», II, 312—315).

² Отправляя для Ф. С. Ивановой, по ее просьбе, какую-то книгу духовного содержания, купленную им по дешевке, Белинский выразил свое презрение к книгам подобного рода, назвав их «хламом» («Письма», II, 314). Этим вызвана ответная реплика П. П. Иванова.

³ Имеется в виду художник Кирилл Антонович Горбунов.

154. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Тифлис, ноября 16 дня 1842 г.

Наконец, после долгой и невероятно трудной для меня дороги я приехал, любезный брат, в Тифлис. То, что я вытерпел в продолжение своего путешествия, можно понять из того, что к концу его я пришел почти в отчаяние, не зная, когда оно кончится <...> По приезде в Тифлис я прежде всего отправился в главный штаб узнать о письме с деньгами, которые ты обещался мне выслать две недели после моего отъезда из Петербурга, но, к прискорбию и отчаянию своему, узнал, что письма не было; поэтому, чтобы расплатиться с извозчиком, я должен был заложить свои вещи за 50 рублей и то едва умолил одного человека найти мне того, кто бы дал эти деньги. Теперь я нахожусь в самом крайнем положении <...> Любезный брат, молю тебя всем, чем только может молить человек, употреби все возможные усилия для достания денег, если их у тебя нет, и выслать мне с первою почтою рублей 70 или 80, иначе все мои вещи должны достаться тому, кто дал мне 50 рублей, если я их не заплачу через месяц в силу расписки, которую ему дал <...> Опять повторяю свою просьбу, выведи меня из мучительного положения и не доведи до совершенного отчаяния. Кланяйся от меня А. В. Кольцову и К. С. Милановскому¹, также А. В. Кульчицкому и Марфе Максимовне² <...>

В опускаемой части письма Н. Г. Белинский подробно излагает свои злоключения в пути и в Тифлисе. «Теперь только стал я узнавать, что такое жизнь, и кровавыми слезами должен оплакивать невозвратно ушедшее время», — восклицает он в отдельной приписке.

¹ Константин Соломонович Милановский й. См. о нем в «Лит. наследстве», т. 56, стр. 216 и 244 и «Письмах», II, 316; III, 111.

² Марфа Максимовна — вероятно квартирная хозяйка Белинского. См. упоминание о ней в «Письмах», II, 290.

155. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Тифлис, Генваря 12 дня 1843 года

От души благодарю тебя, любезный брат, за память и попечение обо мне. Деньги, присланные тобою, помогли мне как нельзя больше, я теперь выкупил свои вещи и снова с бельем, с книгами и необходимыми вещами, так нужными в общежитии <...> Очень поразило меня твое известие о смерти Кольцова, этого я не ожидал. В Воронеже я его не видал, по приезде туда тотчас отправился в его дом и услышал, что он накануне уехал, следовательно, я не застал его одним днем. Где он умер, у тебя ли в Петербурге? или в Москве? или в другом месте и какую болезнь? <...> Не обременяя тебя и не докучая тебе, я прошу тебя прислать мне, если будет возможность, французский словарь и два или три сочинения на французском; не назначаю какие, полагаясь на твой выбор и возможность достать их. Мне не хочется забывать этого языка, а времени достанет и <на> большие занятия, была бы охота и возможность. Также не худо иметь и французскую грамматику.

Еще прошу тебя написать брату Константину насчет послужного списка, я писал к нему два письма из Петербурга и просил его убедительно, но он не только не хотел выхлопотать списка, но даже и написать что-нибудь об этом, а у меня требуют его. Марфе Максимовне свидетельствую мое почтение и благодарю ее за память обо мне. Константину Соломоновичу <Милановскому> также кланяюсь. Адрес пиши: в г. Гори юнкеру Грузинского гренадерского полка <...>

В опускаемой части письма Н. Г. Белинский описывает свое пребывание в Тифлисе и тяготы военной службы.

Упоминается Огневский.

156. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

г. Гори. Мая 1 дня 1843 года

Любезный брат Виссарион, семь месяцев прошло с тех пор когда мы расстались, и вот уже пять месяцев, как я живу в Грузии, но во все это время написал тебе два письма, в которых не писал ничего, кроме своих худых обстоятельств и жалоб на скуку. Это можно извинить, зная, в каком я был положении <...> Прошу тебя, брат, не забывай меня хотя редкими письмами и по возможности присылай книги, которые при здешней жизни составляют единственное развлечение.

При первой возможности буду писать к Дмитрию Петровичу и к сестре. Кланяйся от меня Марфе Максимовне, если еще живешь на прежней квартире, также <К. А.> Горбунову, <К. С.> Милановскому и <В. И.> Кречетову¹ <...>

В опускаемой части письма Н. Г. Белинский сообщает о своем болезненном состоянии; дает описание г. Гори и полковой жизни.

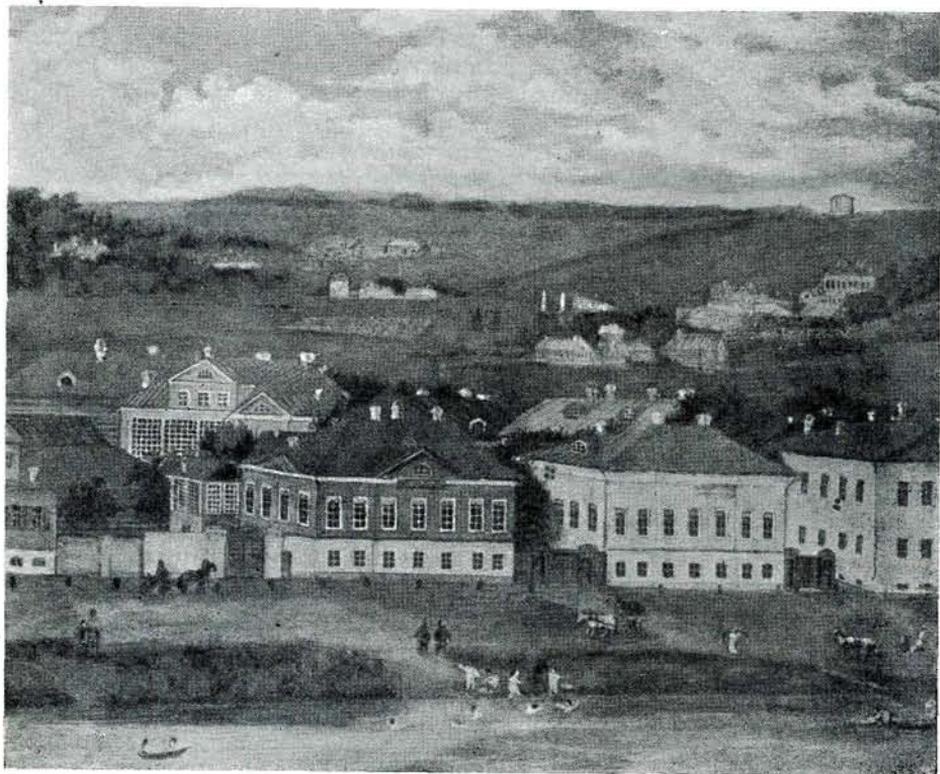
Упоминается К. Г. Белинский.

¹ Василий Иванович Кречетов — учитель русской словесности. См. частые упоминания о нем в «Литературных воспоминаниях» И. И. Панаева. См. также «Письма», II, 291, 360, 369.

157. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

г. Гори. Июля 9 дня 1843 года

Письмо твое от 1 июня, любезный брат Виссарион, я получил 6 июля¹. Не получая ответа на мои письма шесть месяцев, я не знал, чем это объяснить. Прибытие каждой почты обманывало мою надежду получить письмо. Я думал, что ты или умер, или совершенно забыл обо мне. Но это письмо самым приятным образом рассеяло мой страх и опасения. Из него я увидел всю твою доброту и заботливость обо мне. Не могу выразить тебе чувств признательности, но слова ничего не значат, и я почту себя вполне

ПЕНЗА

Акварель неизвестного художника, 1840-е гг.

Исторический музей, Москва

счастливым, когда буду в состоянии показать тебе делом то, что я чувствую теперь. Благословен будет тот день, в который могу сделаться чем-нибудь полезным для тебя. Одна мысль, что я имею такого брата, должна облегчать мои горести, лишения и бедность. Ты жалеешь, что я попал на Кавказ. Это справедливо, что здесь мне нельзя ждать ничего для себя хорошего, но ошибка в расчете принесла большую пользу, потому что определение в службу в здешней стороне и жизнь в Грузии научили той истине, что никогда не должно надеяться на будущее, если это будущее ни на чем не основано. Я думал по своему малодушию и неведению найти здесь рай, а между тем нашел ад. Жестокый опыт и страдания в короткое время многому научают человека. Во всяком случае эту ошибку можно исправить. Существует положение, что родственники имеют право просить началь-

ство о переводе своих родных из одного корпуса в другой. Поэтому проси Инспекторский департамент о переводе меня в полк, который находится в корпусе, расположенном или в Петербургской и смежных с ней губерниях или в Московской, где будет удобнее и выгоднее. Предоставляю это на твое благоусмотрение и твою волю. Послужу там и как-нибудь дотяну до офицерского чина. Месяц тому я подавал перевод на линию, в Новагинский полк и недавно получил отказ <...>

Больно мне было слышать о подлости и неблагодарности человека, которому ты оказывал расположение и делал добро². Желая тебе провести время в Москве как можно веселее между друзьями и знакомыми. Неделю тому как я послал тебе письмо, и оно будет лежать до твоего приезда в конторе «Отечественных записок».

Мой сердечный поклон Василию Петровичу, Дмитрию Петровичу, Алексею Петровичу, Петру младшему, Леоноре Яковлевне, Кетчеру. Желая тебе быть здоро<вы>м, счастливым и веселым, остаюсь любящий тебя брат и друг

Никанор Белинский

Надеюсь, что ответ твой не замедлит, тем более, что обстоятельства этого требуют, если я проживу еще полгода в Грузии, то здоровье мое не вынесет.

Благодарю тебя за деньги, были мне дороже 200 рублей.

В опускаемой части письма Н. Г. Белинский сообщает о своей болезни и пребывании в лазарете.

¹ Это письмо Белинского к брату Никанору не сохранилось, так же как и другие адресованные ему письма. Из ответа Н. Г. Белинского можно получить некоторое представление о характере пропавшего письма.

² Повидимому, имеется в виду К. С. Милановский (см. выше примеч. к письму № 154), которого Белинский «выгнал из своей квартиры со скандалом», заподозрив в нем агента III Отделения (см. К. Д. Кавелин. Воспоминания о В. Г. Белинском. «Белинский в воспоминаниях современников». М., 1948, стр. 87).

158. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

г. Гори. Сентября 25 дня 1843 года

Благодарю тебя, любезный брат, за письмо, оно пробудило во мне много чувств к тебе, заглушенных дурным направлением и самонадеянием¹. Но благодаря теперешней жизни, которая каждую минуту заставляет заглядывать в себя и настоящими глазами смотреть на других и на все окружающее, во мне мало осталось прежнего, дурного, заставившего испытать эту жизнь. Познание это обошлось мне дорого, зато послужит прочным основанием моего будущего существования. Я тебя просил перевести меня в Россию, ты советуешь подождать до весны, потому что у тебя будут тогда деньги. На это я скажу тебе, что если останусь здесь еще полгода, то не знаю, где буду до тех пор, может быть, в месте, в тысячу раз худшем этого по климату, и в обстоятельствах, несравненно худших <...> Поэтому прошу тебя, постарайся перевести меня в скорейшем времени. Я с радостью пойду без всего необходимого, зная, что ухожу из Грузии. С каждой почтой буду ждать от тебя известия о переводе и утешать себя тем, что, наконец, придет день, в который я вздохну свободно <...> С генваря у меня не было, что называется, копейки денег; присланные тобою 100 рублей я употребил на выкуп вещей, заложенных по приезде в Тифлис. Мне много помог один товарищ, с которым я сошелся очень хорошо, и если бы не он, не знаю, что бы я стал делать <...>

Прибегаю с просьбою к тебе, помоги мне присылкою 15 или 20 р., они теперь будут для меня дороги.

Это письмо я отправил, продав рубашку, совершенно не лишнюю. Прошу, исполни мою просьбу. Засвидетельствуй мое почтение Марфе Максимовне <...>

В опускаемой части письма Н. Г. Белинский сообщает о своем болезненном состоянии и материальных нуждах.

¹ См. примеч. 1 к предыдущему письму.

159. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва. 1843 г. Октября 8 дня¹

Вместе с этим письмом к тебе, любезный Виссарион, отправляю третье письмо к батюшке. Деньги посланы мною 14 августа, и в письме своем от 6 сентября батюшка пишет, что получил деньги и доверенность и при первой возможности примется за твое дело. На два письма мои, посланные после этого известия, я не получал ни строчки из Чембара. Теперь написал к нему письмо, самое настойчивое и убедительное, в котором прошу так же как и в письме, посланном за две недели, написать ко мне, за чем остановилось дело, если оно не пошло в ход, и чтобы он тут же, как Депутатское собрание сделает определение об отсылке документов твоих в герольдию, тут же взял бы копию с этого определения, которую велено везде принимать, как доказательство дворянского происхождения, и которая имеет равную силу с грамотою.— Я просил его поступить таким образом в случае, если получение дворянской грамоты будет затруднительно. Для тебя же все равно — представить тот или другой документ, т. е. копию с определения или грамоту: при определении на службу они имеют равную силу. Получив эту копию, ты мог бы спокойнее дожидаться грамоты. Также писал к нему о свидетельстве о смерти дедушки, как в первом, так и в теперешнем письме. В доказательство того, что ни одно слово твоих писем, относящееся к грамоте, не было оставлено мною, я скажу, что письма твои от слова до слова были помешаемы в моих письмах к батюшке. Следовательно, и по моим убеждениям и по тону твоих писем он может догадаться, что в грамоте настоит чрезвычайная пужда <...> Поверь мне, что в деле твоего дворянства я принимаю деятельное участие, неослабно наблюдаю за действиями в Чембаре и по первому твоему слову передаю т<уда>* всякие твои желанья. Первое полученное мною письмо от батюшки тут же перешлю к тебе в подлиннике. Жена и дети тебе кланяются, потом и сестра Катерина, от которой с месяц назад получил письмо из Сибири <...>

В опускаемой части письма Д. П. Иванов излагает причины, вызвавшие задержку его ответа Белинскому, и свои семейные новости.

Упоминаются: П. П. и Э. Я. Ивановы.

¹ Это письмо является ответом на письмо Белинского от 1 октября 1843 г. («Письма», III, 25).

160. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Город Гори. Декабря 4 дня 1843 года

Письмо твое от 29 октября, любезный Виссарион, я получил 28 ноября¹. В нем, как и во всех твоих письмах, я увидел ту же доброту, ту же готовность облегчить мою участь всеми зависящими от тебя средствами. Я с тоскою и нетерпением ждал от тебя ответа насчет моего перевода в Россию.

* Письмо повреждено.

Мне необходимо нужно уехать из этого края, вредного по климату, скучного, дикого. Если б я определился в один из полков, стоящих на линии, то судьба моя была бы другая. Но что сделано, того не воротить <...> Переведи меня куда будет лучше по твоему усмотрению <...> Известие о твоей женитьбе крайне меня изумило, не могу объяснить этого события в твоей жизни. Напиши мне, на ком ты женишься или уже женился? <...>

Благодарю тебя за помощь, присланные тобою деньги помогли мне выйти из чрезвычайно затруднительного положения; но необходимость заставила вторично просить тебя о помощи. Ради бога, пришли еще рублей 25, они мне при настоящем положении необходимы, и я не стал бы тебя обременять, если бы не крайность заставляла прибегнуть к этому. Если можешь прислать сколько-нибудь, то не замедли отправлением. Не откажи в помощи. Когда будешь писать, то уведоми меня, что делают и как живут Дмитрий, Алексей и Петр Петровичи и в университете ли последний. Засвидетельствуй мое почтение всем им, также Марфе Максимовне и тем, кто принимает во мне участие. Прощай, желаю тебе быть здоровым и счастливым, остаюсь искренно любящий тебя брат твой

Никанор Белинский

В опускаемой части письма Н. Г. Белинский выражает желание перевестись из Грузии в Россию и жалуется на брата Константина, не высылающего ему необходимых документов.

¹ См. примеч. 1 к письму № 157.

² Белинский женился на М. В. Орловой 12 ноября 1843 г.

161. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва. 1843 года, декабря 20-го

Наконец я получил, любезный Виссарион, письмо от батюшки с подробными известиями о твоей грамоте. Вот точные слова этого письма:

«Теперь извольте выслушать отчет в деле Виссариона Григорьевича о грамоте. Поверенный его Николинъка отправлялся в Пензу подавать прошение, где пробыл недели почти две. По затруднению тому, что В<иссарион> Г<ригорьевич> не имеет настоящего свидетельства о крещении, по нахождении на службе его родителя, придумали поправить несколько дело: отобрать от брата Константина Г<ригорьевича>, что он ему родной брат, рожденный от одних родителей (смех да и только, а делать нечего). Почему Николинъка, обратясь из Пензы, входил с прошением в Чембарское городническое правление об отобрании показания от Конст<антина> Григор<ьевича>, которое взято и с него получена засвидетельствованная копия, и с этим Николинъка отправился в Пензу, чтобы из всех представленных документов составить выписку с законами, а по ней определение на выдачу грамоты, и чтобы дать скорее возможность В<иссариону> Г<ригорьевичу> к определению на службу, получить с протокола копию, для отсылки к нему. — Виссарион Григорьевич скажет: поberi вас лукавый с вашими крючками, а грамоты нет! Погоди покуда: скоро сказка сказывается и прочее. К новому году собираются депутаты, и тогда пишется грамота. Секретарь собрания, вместо умершего Торорина, Григорий Семенович Волков просил написать к Висс<ариону> Гр<игорьевичу>, чтобы он попросил письмом губернского предводителя Федора Ивановича Никифорова, который его знает, об удовлетворении его в грамоте. А как секретарь собрания г. Волков имеет дар сочинять в прозе и стихах и желает, чтобы его творения помещались в «Отечественных записках» в редакции г. Краевского, у которого сотрудником В<иссарион> Г<ригорьевич> и что «Отечественные записки» будут продолжаться и в будущем

Прочтите Вильямсаут 1844, 1845, 1846

Почему тебе негоден братъ твой и почему
Кавалерская полковница пошла? въ которомъ
и приняла ты Тургеневъ тогда? ты сама говоришь
Переводъ въ. отъ твоихъ соображений, и почему
сказать по принятии сребра? потому что
тысяч купюры не выдана, доказано
зачемъ, о переводъ меня въ Кавалерский
полкъ, и почему не такъ она приняла
меня сюда? Тургеневъ твой, это въ духе
переводъ твой сребра и почему сгорел
бурлеск невинный? Моей вѣдь была
страшная вѣдь о томъ, и почему и почему
Державинъ туркостанъ забываетъ и почему
молда, который выдана въ Кавалер-
ский полкъ, и почему и почему и почему
мужеская вѣдь о томъ и почему и почему
въ духе выдана твоихъ вѣдь и
бурлеск невинный и почему и почему и почему
вышелъ отъ. Моей кажется это такъ,

не дождетъ его еще скоро, собою и почему
и почему. Вильямсаутъ твой и почему
рассказъ невинный и почему и почему
Вильямсаутъ и почему и почему и почему
Вильямсаутъ и почему и почему и почему
Тургеневъ, Вильямсаутъ твой, и почему
отъ, на предпринятое и почему
и почему и почему. Вильямсаутъ
отъ меня Державинъ, Алексеевъ,
Петру, Петровскому, Маргарите
Кавалерскому и почему и почему
знаешь. Вильямсаутъ и почему
Вильямсаутъ твой братъ твой
и почему, въ вѣдь твоихъ вѣдь
твоей и почему? Вильямсаутъ твой
и почему.

АВТОГРАФ ПИСЬМА КЪ БЕЛИНСКОМУ ЕГО БРАТА НИКОЛАЯ ОТЪ 2 АПРЕЛЯ 1844 Г.

Страницы первая и последняя

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

1844 году, что припечатано в 128 № «Московских ведомостей», то и просил (Волков) Николиньку написать об этом к В<иссариону> Г<ригорьевичу>. — Николинька уже сказал, что послал письмо с тем, чтобы В<иссарион> Г<ригорьевич> написал к Волкову дозволение посылать к нему сочинения, для помещения в «Отечественных записках». Это может не понравиться Виссариону Григорьевичу, но делать нечего: м а л о д у ш н ы х у т е ш а й т е! а наше дело необходимое — лишь бы получить грамоту и подешевле в расходах по объясненному затруднению. Напиши к В<иссариону> Г<ригорьевичу> об всем этом и что получишь в ответ также уведошь»¹.

Вот все известие, выписанное из письма батюшки с математическою точностью. Дело, кажется, состоит в том, что Дворянское собрание, приняв прошение от брата Николая и рассматривая документы твои, нашло неудовлетворительным свидетельство о крещении. Батюшка согласил секретаря заменить этот документ показанием от Константина Г<ригорьевича>, что ты действительно родной брат его. Получив это показание, Дворянское собрание, вероятно, составит уже определение, или протокол о выдаче тебе грамоты. Копия с этого определения имеет равную силу с грамотой; ее потому я прежде просил взять и с тем, чтобы не заставить тебя долго дожидаться, но батюшка справедливо рассудил подождать нового года, когда соберутся в Пензу депутаты уездных городов. Грамота непременно должна быть подписана всеми уездными депутатами, а это обстоятельство может случиться не прежде, как все они приедут в Пензу. Немного времени остается до нового года, следовательно, можно подождать. Между тем не худо было бы тебе принять совет секретаря Волкова и написать письмо к губернскому предводителю дворянства и вместе с тем и к самому Волкову. Дело будет стоить нескольких взмахов пера, а оно ускорит выдачу грамоты. Разочаровывать Волкова в его безумных авторских претензиях и поправить тем глупую ошибку брата Николая предоставляю в полную волю твою.

Батюшка пишет, еще об одном подьячем Дворянского собрания, который много помогает ему в деле твоей грамоты. Это какой-то Михаил Александрович Кузнецов. Быв на службе в Нижне-Ломовском уездном суде, он получил чин коллежского регистратора. С него вычли, как следует, за чин и патент деньги, но патента не прислали. Батюшка пишет, нельзя ли Висс<ариону> Григорьевичу похлопотать через кого-нибудь в 1-м Департаменте Сената или в Герольдии о высылке этому Кузнецову патента. В чин он произведен указом Сената июня 21 дня 1840 года. Я отказал уже батюшке в этой просьбе, представляя ему в справедливые резоны твои недосуги и невозможность хлопотать об этом деле, и теперь пишу только потому, чтобы известить тебя (<...> Носятся слухи о скором приезде твоём в Москву. Уведошь, правда ли это? Домашние мои все усердно кланяются тебе. — При новом известии о грамоте, буду опять писать к тебе, а до тех пор прощай.

Прими изъявление искренней любви и уважения, с каковыми есть всегда твой

Дмитрий И в а н о в

В опускаемой части письма — сообщение о домашних делах Ивановых. Упоминается Ю. Д. Иванова.

¹ В ответном письме к Д. П. Иванову от 12 апреля 1844 г. Белинский писал: «Писать к дворянскому предводителю Никифорову — да как и по какому праву стану я писать к человеку, которого совсем не знаю? И о чем буду я просить его? (<...> Потом, обещать Волкову помещение его сочинения в „Отечественных записках“ было бы с моей стороны явным надувательством, тем более, что это помещение от меня несколько не зависит» («Письма», III, 81).

162. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Город Гори, февраля 12 дня 1844 года

Письмо твое¹, любезный брат, в котором ты высказал свое мнение о моем переводе в Россию, доказало мне ту истину, что никогда не должно намерения своего обнаруживать без подробного изъяснения всех обстоятельств дела, которое мы предпринимаем. В прежнем письме я выразился очень неудовлетворительно о выгодах служить в России, а ты вывел из этого неблагоприятное мнение о моих предположениях, отчетливо обдуманых, и называешь их ребяческими фантазиями. Нет, любезный брат, фантазии своей я не даю воли тешиться несбыточным и несуществующим, а скорее представляю предмет с трудной и худшей стороны, нежели каков он в самом деле <...>

От души благодарю тебя за деньги, они поспели в самое критическое время, когда надо приготовиться к дороге. Я вполне верю, что ты не оставишь меня своим пособием и на будущее время, потому что знаю твою доброту и сострадательность. Ты пишешь, чтоб я не думал, что ты не хочешь помогать мне. Нет, я не мог этого думать, видя твою готовность исполнять мои просьбы. Из Тифлиса напишу тотчас, если мне удастся выпроситься в другой полк вместо Новагинского. Если ты захочешь вскорости написать мне ответ на это письмо, то пиши в Тифлис на имя поручика Аполлона Васильевича Лыкова с передачею мне, но уже как юнкеру Новагинского полка <...>

Марфе Максимовне мое нижайшее почтение и благодарность за память обо мне.

Прощай, остаюсь любящий тебя признательный брат твой

Никанор Белинский

В опускаемой части письма Н. Г. Белинский подробно описывает тяготы солдатской жизни в Грузии, перечисляя преимущества службы в России. Сообщает, что подал прошение о переводе его в действующий полк. Опускается также приписка Н. Г. Белинского, адресованная М. В. Белинской.

¹ См. прим. 1 к письму № 157.

163. А. Г. КУЗЬМИНА (БЕЛИНСКАЯ) — БЕЛИНСКОМУ

1844 года марта 13 число

Любезный брат

Виссарион Григорич!

Кажется, пора нам вспомнить друг друга. С самого моего замужества переписка наша прекратилась совершенно, только не знаю почему ты уехал в Петербург и не уведомил, где ты и что. Брат, как больно иметь близких к сердцу и не знать о них ничего. Ты сам писал сколько раз нам, чтобы мы жили дружной, а теперь первый забыл, что у тебя есть сестра, не хочешь написать хоть несколько строк. Ну, брат, а теперь как хочешь, а отвечай непременно на это письмо. Я желаю знать о тебе, в каком ты положении находился, да скажи, брат, что наш бедный Никанор, где он служит и как, — я ничего о нем не знаю <...> О грамоте твоей Н(иколай) П(етрович) и не думает. Я удивляюсь, брат, почему ты не хотел написать нам. Мы живем в Пензе, могли скорей и схлопотать. С деньгами можно все сделать, ведь ты прислал 150 рублей Николаю Петровичу. В Пензе ему надо непременно быть, а он ни разу не был. Это доказывает, что заботится о твоей просьбе. Ведь чужие нужды выходят из головы скорей, чем свои. С тех пор как ты прислал деньги, он начал хлопотать себе должность.

Брат, теперь я с моей просьбой. Если ты имеешь возможность, то пришли мне 100 рублей денег <...>

В ожидании скорого ответа остаюсь преданная тебе сестра твоя

А. Кузьмина

Муж мой тебе свидетельствует почтение.

В опускаемой части — подробности семейной жизни А. Г. Кузьминой, сообщение о долгах, в которые она якобы вошла еще до замужества, усиленная просьба выслать 100 рублей.

164. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — БЕЛИНСКОМУ

Крепость Владыкавказ, 1844 года. Апреля 2

Пишу тебе, любезный брат, из штаба Новагинского пехотного полка, в который я пришел из Грузии три дня тому назад. Перевод в этот полк совершился, можно сказать, по прихоти судьбы, потому что, прося корпусного командира докладною запискою о переводе меня в действующий полк, я не думал, чтоб он назначил меня сюда <...> Намереваясь идти в этот поход, я не только не имею копейки денег, но даже самой необходимой одежды, как-то: сапог, шинели, архалуха и других вещей, необходимых для сохранения здоровья. В этой крайности я опять решаюсь обратиться к тебе с просьбою о присылке мне денег рублей 50. Крайне совестно мне так часто обременять тебя, и я бы в другом случае никак не решился на это и лучше согласился бы перенести всевозможную нужду и бедность, нежели докучать своими просьбами. Денег, присланных тобою в последний раз, давно нет <...> Рассуди о моем положении, и ты увидишь, как необходима теперь мне даже самая мал(ая)* помощь. Нашему полку предписано <идт>и* с одним из главных отрядов из Владыкавказа в южный Дагестан, где, как предполагают, будут главные действия этой войны. А Дагестан отсюда верст 600. А пройти этот путь по горам и чрез горные потоки нельзя, не имея по крайней мере 3 пар сапог и в случае холода, который здесь до сих пор постоянен. Может быть, это будет последняя жертва с твоей стороны для меня. Не знаю, возвращусь ли я из похода или нет. И если ты уважишь мою просьбу, то прошу сделать это в наискорейшем времени.

Я буду ждать твоего письма во Владыкавказе и лягу для этого в лазарет. Вот мой адрес: в крепость Владыкавказ, в штаб Новагинского пехотного полка <...> Если ты будешь так снисходителен, что исполнишь мою просьбу, то вместе с этим я прошу тебя уведомить меня насчет послужного списка отца, будет ли он, наконец, выслан или я не дождусь его еще через год или больше.

Засвидетельствуй мое искреннее почтение любезной Марии Васильевне и передай ей мою родственную любовь и расположение. Прощай, благослови меня, вместо отца, на предпринятое мною дело и пожелай успеха. Кланяйся от меня Дмитрию, Алексею, Петру Петровичам, Марфе Максимовне и всем, кто меня знает.

Остаюсь любящий и уважающий тебя брат твой и друг в желании тебе всех благ и счастья ¹.

Никанор Белинский

В опускаемой части письма Н. Г. Белинский сообщает подробности о предстоящем походе против Шамиля и свои опасения насчет того, сможет ли он выдержать тяготы похода.

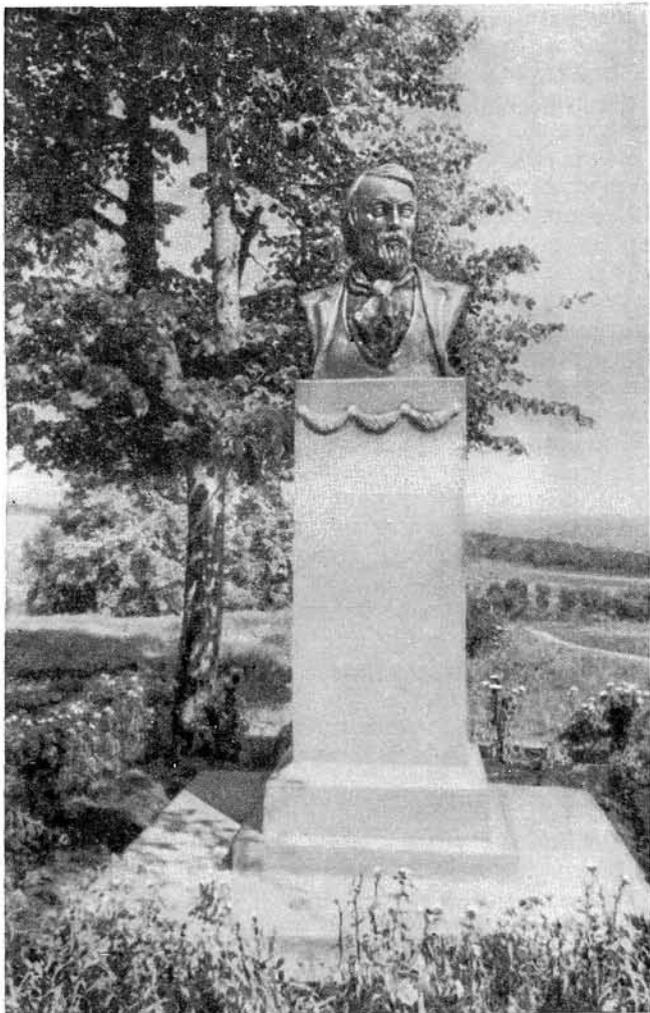
¹ Дальнейшая судьба Н. Г. Белинского неизвестна. Возможно, он погиб во время этого похода.

* Письмо повреждено.

165. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

〈Москва, 26 декабря 1844 г.〉

Извини, любезный Виссарион, что я, не зная адреса твоей квартиры, пишу в тебе через редакцию, вопреки твоему запрещению.— Я недавно познакомился с одним дельным молодым человеком. Это Михаил Иванович

БЕЛИНСКИЙ

Бюст работы Е. Ф. Кочуашвили, установленный в Пензенском городском парке культуры и отдыха им. Белинского
7 июня 1948 г.

Фотография Н. Н. Павлова (Пенза)

Жихарев. Деятельные занятия литературою и желание самому действовать на ее поприще понудили его написать статейку, которую, по его просьбе, я решился препроводить к тебе. Статье дано заглавие *Отрывка из романа потсму*, чтобы иметь право на помещение ее в отделе словесности, а не науки, хотя, по своему содержанию, она относится к последнему. Убедительно прошу тебя почтить эту статью своим вниманием и, если есть возможность, похлопотать об ее помещении в «Отечественных записках».

Мне кажется, она противоречит характеру вашего журнала, но, может быть, с немногими изменениями ее легко поместить в нем. Журнал может приобрести этим дельного сотрудника, хотя и не нуждается в этом, но главное: помещением ты премного обяжешь меня. Жихарев просил не выставлять его имени под статью и напечатать несколько экземпляров отдельно, собственно для него. Вот его условия. — Вместе с этою статьею он предлагает редактору несколько известных тебе лекций Вильмена о Руссо, которые давно переведены Жихаревым и тоже жаждут печати. Во всяком случае: да или нет, и прошу тебя, как можно скорее, уведомить меня об этом, хотя в нескольких строках <...>

В поездке в Петербург сестра, вероятно, не отстанет от мужа, следовательно, ты увидишься с нею. Может быть, и я присоединюсь к ним, взявши отпуск на 28 дней.

В последнем письме своем батюшка просил написать к тебе о грамоте. С Кирилою Антоновичем Горбуновым он отправил к тебе письмо об этом деле и теперь просит тебя о немедленном ответе: что ты успел сделать в герольдии? Деньги, присланные тобою, отданы на расходы секретарю Дворянского собрания и должны быть употреблены на грамоту, как скоро дело возвратится из герольдии. Неужели у тебя нет знакомых, которые могли бы, не тревожа тебя, справиться в герольдии: за чем остановилось дело и нет ли средств подвинуть его вперед, ускорить возвращение бумаг в Пензу. Если ты сам охладел к своему дворянству, то вспомни, что оно дорого для Никанора Григорьевича. Кстати, не оставь написать: где он теперь? Как служит? Хорошо ли ему на Кавказе? Чембарские наши интересуются знать об этом, а между тем не имеют к этому никаких средств. Переслали ли к нему бумаги, в которых он так нуждался и о которых я сильно хлопотал, побуждая к этому батюшку и моих чембарских знакомых? <...>

Оканчивая письмо мое, убедительно прошу тебя не оставить меня ответом на мою просьбу о Жихареве. Если статья не может быть помещена, то не трудись возвращать ее, а просто уведоми меня. Кланяюсь тебе от имени жены и детей.

Будь здоров, прими уверения в совершенной преданности к тебе <...>¹

26 декабря 1844 года. Москва

Адрес мой: В 3 Мещанской, в доме купца Волчанинова, второй дом на левой стороне от Садовой. Напиши и свой адрес.

В опускаемой части письма Д. П. Иванов сообщает о предстоящем приезде в Москву из Сибири своей сестры Екатерины и ее мужа — А. Н. Лопатина, якобы ставшего миллионером.

Упоминаются: М. И. Жихарев, А. П., Н. П., П. П. и Ф. С. Ивановы, А. Н. и Е. П. Лопатины и Смирновы.

¹ Ответ Белинского на это письмо неизвестен.

166. П. П. ИВАНОВ (ОТЕЦ) — БЕЛИНСКОМУ

С<ело> Пачелма 18 февраля 1846 года

Любезный друг и брат,
Виссарион Григорьевич!

С тех пор как Никола был в Петербурге, мы не имеем о тебе никакого сведения, жив ли, здоров ли, право ничего не знаем. Какой скупой на письма, заехал в столицу, нас, стариков, и знать не хочешь — да, правда, некогда, надо браниться с литераторами, и у меня есть некоторые книжки,

читаешь сочинения иных, кажется — чего тут найти, а прочтешь твои возражения, увидишь правду. Что с тобою, неугодным, делать, думаешь иногда как бы побранить, но куда с тобою состязаться! Письма твои у нас все хранятся, читают посетители, да и ну хохотать, право, пишу без лести, которой ты не любишь; оставя эту бессмыслицу мою, побеседуем о дельном.

Вы, — ох, ошибся, — ты не любишь этого, на что документом письма твои, я полагаю. Дознал, где герольдия, и, как Николай говорил, обещали поправить дело, но едва ли это последует <...> Я желал получить от приходского священника Андрея свидетельство о написании тебя по духовным росписям, но он отказался тем, что таковое выдано Константину Григорьевичу, но этот чудак с тестем затеряли и по всем моим домогательствам найти не могли, почему до отъезда Николая 16 декабря с зятем в Красноярск послано от имени его как твоего поверенного в собрание пензенское прошение с тем, чтоб оно чрез консисторию сделало справку о написании тебя по духовным чембарской Николаевской церкви росписям с 1816 по 1829 год, т. е. вы в последнем выехали в Москву, и представило в герольдию. Теперь я ожидаю из Пензы уведомления, когда вновь представить в герольдию, но, может быть, не скоро получу, и собрание пошлет в герольдию, но за всем тем не мешает тебе навещиваться о получении дела, но предварительно и попросить того из столоначальников, у которого это дело по губерниям или в одном столе и не присоветует ли издать просьбу герольдии, чтоб она приказала собранию немедленно исполнить по прошению поверенного Иванова и представить на рассмотрение, имея и уши слышати да слышат <...>

В опускаемой части письма П. П. Иванов цитирует указ от 11 июля 1845 г. о порядке внесения в родословные книги дворян, родившихся до издания указа от 31 января 1831 г.; сообщает подробности о своих домашних; передает привет М. В. Белинской; просит купить ему два экземпляра книги «Сердце человеческое есть или храм божий, или жилище сатаны».

167. Д. П. ИВАНОВ — БЕЛИНСКОМУ

Москва 1848 года, февраля 12

Мне крайне совестно перед тобою, любезный Виссарион, что нездоровье и особенные недосуги лишали меня удовольствия отвечать на дорогое письмо твое <...> Слухи о счастливом возвращении твоём из-за границы и, наконец, письмо твое, подтвердившее их, несказанно обрадовали нас с братом Алексеем. Мы собирались еще прежде писать к тебе и умолять о переезде в Москву, но не знали твоего адреса. Я глубоко убежден в том, что лето, проведенное тобою в Пачелме, благотельно подействует на твоё здоровье, а потому желал бы выплакать у тебя согласие на поездку в наши края. — Ты не знаешь, что значит подышать несколько месяцев воздухом той страны, в которой мы выросли, подчиниться тем привычкам, под влиянием которых мы сложились. Года два с половиною назад тому я прожил в наших местах полтора месяца и воротился с силами, которых и до сих пор еще достаёт на изнурительную учительскую работу.

Отправляясь в Чембар, я немногим был лучше тебя; бывало я задыхался на лестнице о десяти ступенях, а пройти полверсты для меня было тяжким подвигом. Иногда находили на меня минуты такой апатии, таких пагубных предчувствий от крайнего упадка сил, что я не рассчитывал и на неделю своей жизни. Приехав в Пачелму, я принялся работать заступом на огородах, купаться, бегать по рощам; проводил целые дни на охоте, сопутствуя братьям и таская на себе тяжелые грузы охотничьих снарядов их; часто спал, в продолжение целой ночи, на росной траве, на берегу реки, погружаясь по пояс в болото — и между <тем> никакого изнурения, никакой.

простуды не чувствовал я: чудовищный аппетит и богатырский сон — вот что приобреталось этими, повидимому, безрассудными средствами восстановить здоровье. Если бы ты решился на поездку в Чембар нынешним летом, мы убедили бы и брата Алексея сопутствовать нам; а он страшно упал в здоровье с тех пор, как сломал руку: изнурительный кашель и тяжелое дыхание его предвещают недоброе <...>

Если ты не решишься ехать на лето в Чембар, то приезжай хоть в Москву с самого начала весны. Я думаю жить нынешним летом в Сокольниках и приготовил бы для тебя квартиру. Воздух этой сосновой рощи благодетелен для нас, москвитян, и для многих лето в Сокольниках оправдалось счастливыми последствиями. — В средствах для жизни умоляю тебя расположиться на меня: я готов идти в поденщики для тебя, если у меня не достанет четырехсот рублей моего месячного жалования.

Предоставляя сестре Вере Петровне все подробности рассказов обо мне, я ограничусь только тем, что продолжаю нести три казенные службы, которые вместе с частными домами обязывают меня давать ежедневно по 6 и 7 уроков <...>

Прости беспорядку письма моего: пишу его второпях и с чувством сильной потребности написать больше, но поневоле отлагая это удовольствие до другого письма, прошу тебя принять наш искренний поклон и от жены и детей и передать его Марье Васильевне; Олиньку твою, херувимчика, как отзывается об ней сестра Вера, прошу горячо поцеловать за меня. Со слезами молит бога о твоём здоровье всею душою твоею

Дмитрий Иванов

Брат Алексей целует тебя, желая здоровья.

Галахов сказывал мне, что получил письмо от тебя. Он живет в 4-й Мещанской, в доме Боголюбова. Моя квартира тоже в 3-й Мещанской, в доме Волчанинова ¹.

В опускаемой части письма — сведения о состоянии здоровья А. П. Иванова и описание служебных занятий и домашних дел самого Дмитрия Петровича.

Упоминаются: Агафья, О. В. Белинская, А. Д., А. П., В. П., Л. Д., О. Д. и Э. Я. Ивановы.

¹ Ответ Белинского на это письмо неизвестен.

168. А. Г. КУЗЬМИНА (БЕЛИНСКАЯ) — БЕЛИНСКОМУ

<Без даты>

Брат Виссарион Григорич, ты ужасный торопыга, хочешь так скоро сделать, это невозможно, не говорю о деньгах: мы как-нибудь сколотимся, поверим тебе и в долг, да главное — раньше нельзя месяца прислать к тебе — надо ехать в Пензу непременно. Миша будет писать с будущей почтой, а теперь его нет дома.

А. К.

Приписка К. Г. Белинского:

Р. С. Скажу тебе еще, что я получаю жалованья только 30 рублей в месяц. Доходов никаких нет, а расход большой.